

ВИКТОР КАЛИНКИН

**Ничего лишнего
- только проза**

Повести и рассказы

16+

Виктор Калинин

Ничего лишнего – только проза

Повести и рассказы

Нашей маме, рано ушедшей... Знавшей и любившей литературу.
На страшной войне с 22 июня 41-го. Зенитчице, защищавшей
небо Одессы, Севастополя и Кавказа. Подарившей жизнь своим
сыновьям в чукотском посёлке Урелики.

kalinkin_v@mail.ru (kalinkina.n@gmail.com)

Тверь 2019

УДК 821.161.1-1
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
К 17

Калинкин В.А.
К 17 **Ничего лишнего – только проза.** – Тверь: Издатель
А.Н.Кондратьев, 2019. – 335 с.

ISBN 978-5-907005-41-9

Все права защищены. Эта книга или любая её часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения Автора, исключая использование цитат из книги или иного способа, предусмотренного Законом.

- ❖ Виктор Калинкин, автор из Твери, пишет традиционно русскую, качественную, живую прозу. Читайте – скучать не придется.

Зам Главного редактора журнала «Новый Свет»
Михаил Спивак, Торонто, Канада

- ❖ Пригласив автора на страницы своего журнала, мы не ошиблись: его повести и рассказы не прошли незамеченными как в России, так и у нас в Чехии. Читать их интересно и познавательно, слог ровный, истинно русский, содержание вызывает чувства патриотизма, гуманизма, бережного отношения к чести и достоинству. Увы, такие авторы сегодня не в тренде, но то – не их вина.

Издатель журнала «Пражский Парнас» (2005-2017 гг.)
Сергей Левицкий, Прага, Чехия

УДК 821.161.1-1
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907005-41-9

© Калинкин В.А., 2019

На обложке – крылатый муравей, о нём – на стр. 235

АННОТАЦИЯ

Сборник состоит из четырёх тематических частей: о любви, о прошлом, о весёлом и грустном, о нашей памяти. Они как станции, на любой Читатель может сделать остановку.

Повести

«**Окончен бал**». Мелодрама. Отслуживший срочную солдат-минёр знакомится с бывшим десантником, который предлагает ехать за счастьем вместе. Проходит время, герой влюбляется. Однако стечение обстоятельств в очередной раз показывает хрупкость нашего бытия.

«**Огни Питера**». Мелодрама. О поздней любви, не сулящей ничего хорошего. Герои знакомятся в больнице. Она – врач-методист, он – пациент. Через два месяца он едет в командировку. Герои случайно встречаются и вскоре теряют друг друга. Категория (16+).

«**Ты пропой, кукушка, мне**». Военная драма. В августе 41-го из Подмосковья на Северо-Западный Фронт отправляется вновь сформированный полк. На рассвете – первый бой. Молодой солдат получает ранение. Когда приходит в себя, на позиции он один. Герой в одиночку лесами и болотами догоняет своих. В пути его сопровождают как драматические, так и по-своему трогательные события.

«**Так было надо**». Конец 40-х. Юношу по состоянию здоровья призывают не в армию, а в школу фабрично-заводского обучения. Окончив школу, он получает направление на Очаковский строительный комбинат. Должность – бригадир. Контингент – бывшие немецкие военнопленные.

«**Шелест знамён**». Военно-историческая повесть. За несколько дней до Бородинского сражения 39-й Томский пехотный полк прибывает на поле и разбивает лагерь. Полк принимает пополнение. Ивану, молодому солдату, назначают дядьку, который за короткое время должен передать ему самое важное. В сражении они рядом. Их батальон – у центральной высоты сначала в резерве, затем в 1-й линии. Иван проходит тяжёлое испытание с честью.

«**Сладка ли месть**». Историческая драма. Повествование переносит читателя в средневековую Русь, в последний год правления князя Игоря Старого, сына Рюрика, и в следующий за ним первый год правления княгини Ольги, регентши князя Святослава. В это время Ольга совершает известные четыре мести. Последующее за ними раскаяние побуждает её к принятию христианства.

«**Красная планета**». Художественное повествование о стране, о предках и о себе в период с 1945 по 1997 годы. «*Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...*» Автор использует воспоминания свидетелей и участников, а также архивные материалы.

Рассказы

«Герой прошедшего времени, или Мечтать не вредно». Главный Герой – учитель в школе, бывший участник некой ответственной миссии. В предновогодние дни тайно жертвует выделенную его семье квартиру той семье, в которой, как он считает, воспитывается его сын. Поступок играет роль своеобразного очищения и меняет отношение Героя к жизни.

«Вопросы выживания». Формально в благополучной, а по факту в неполной семье между матерью и сыном-подростком установилось полное взаимопонимание и доверие. У семьи есть друг, бывший одноклассник беспечного супруга. Герой влюблён в героиню, она в него. Оба догадываются, но не смеют признаться.

«Мальчик хочет в Тамбов». На вокзале происходит короткая встреча Героя с Героиней. Вскоре оба меняют места жительства. У Героя сохранилась её старая визитка, и он пытается возобновить знакомство, не предполагая, что живут они теперь в одном городе.

«Скорый на Бухарест». Начало 90-х. Одинокий пожилой человек, чтобы пережить трудные времена, решает последовать примеру героя новеллы О'Генри «Фараон и хорал», но по-своему.

«Холостой маршрут». Об одном дне на охоте без единого выстрела, о тверской природе, о незабываемых встречах.

Другие рассказы, очерки и эссе объединяют темы русской природы, гуманизма и патриотизма, есть с элементами иронии и юмора.

Об авторе

Калинкин Виктор Алексеевич родился в 1950 году. В 1972 окончил Рязанский Радиотехнический институт. С 1974-го по 1999-й проходил службу в Вооружённых Силах, полковник, кандидат наук.

Первый рассказ написал в 2011 году. Все произведения опубликованы в журналах и альманахах в России, Белоруссии и Узбекистане, в Чехии, Германии и Канаде, всего – более 80 изданий. Написал несколько пьес и киносценариев, один киносценарий принят в производство.

Номинант литературных премий. Награждён 15 дипломами Международных и Всероссийских конкурсов, в том числе шесть о присвоении звания «Лауреат» и три о присвоении звания «Дипломант».

Сборник повестей и рассказов «Ничего лишнего – только проза», изданный малым тиражом на средства автора частным издательством, несмотря на скромные выходные данные, получил звание «Дипломант» Германского Международного конкурса «Лучшая книга 2020 года».

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. ЛЮБОВЬ? ОНА – РЯДОМ.....	7
ГЕРОЙ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ, ИЛИ МЕЧТАТЬ НЕ ВРЕДНО	7
ВОПРОСЫ ВЫЖИВАНИЯ	11
МАЛЬЧИК ХОЧЕТ В ТАМБОВ	16
«ОНИ ВМЕСТЕ, ШЕФ, – МЫ ВОЗВРАЩАЕМСЯ»	31
ОГНИ ПИТЕРА	33
Пролог	33
1. День первый.....	36
2. День второй	41
3. День третий.....	42
4. День четвёртый	46
Эпилог	49
ОКОНЧЕН БАЛ.....	51
1. ШУРАВИ.....	51
2. МЕНТ.....	55
3. КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС.....	60
4. БЫТЬ РЯДОМ.....	66
5. ПОГАСЛИ СВЕЧИ	72
ЧАСТЬ II. ЗАГЛЯНУТЬ В ПРОШЛОЕ	79
СЛАДКА ЛИ МЕСТЬ.....	79
Пролог	79
1. Осенние хлопоты.....	82
2. Жить, чтобы мстить	89
3. Мстить, чтобы жить	94
Эпилог	108
ШЕЛЕСТ ЗНАМЁН.....	111
1. Поле	111
2. Противостояние.....	127
ТЫ ПРОПОЙ, КУКУШКА, МНЕ	143
1. На высоте	143
2. Ты пропой, кукушка, мне	156
ТАК БЫЛО НАДО	173
1. Огни в степи.....	173
2. На улице Рабочей.....	175
3. Очаково	179
4. Надежда.....	183
5. Яблони в цвету	190

ЧАСТЬ III. ГДЕ-ТО ПЕЧАЛЬ, А ГДЕ-ТО УЛЫБКА.....	192
МЫШКА	192
СКОРЫЙ НА БУХАРЕСТ	192
ЗВЁЗДОЧКА УПАЛА	197
ПОДАРОК НЕБЕС	198
ОЧЕРЕДНЫЕ МЫСЛИ.....	199
ГАСТАРБАЙТЕРЫ	201
МЕХАНИКИ.....	203
ВСЁ В ШОКОЛАДЕ	203
ПОСЛЕ СВАДЬБЫ	203
ЭТО ТОЛЬКО ЦВЕТОЧКИ.....	204
СВЕРЧОК.....	204
ЗЕРКАЛО ДЛЯ ДУШИ.....	215
ЧАСТЬ IV. ЗДЕСЬ ПАМЯТИ ПРИЮТ	224
ХОЛОСТОЙ МАРШРУТ.....	224
ЧТО МОЖЕТ ВЕТЕР	234
КРАСНАЯ ПЛАНЕТА	235
1. ПОБЕДИТЕЛИ.....	235
2. ПЕРВЫЕ ШАГИ	239
3. ГОРОДСКАЯ РОЩА	242
4. ПАЦАНЫ	251
5. ПОЛОВСКОЕ	254
6. ОПАСНЫЙ ВОЗРАСТ	259
7. НАШЕ НЕБО – ТЕБЕ.....	264
8. СВОЯ ИГРА	286
9. ДОЛИНА ВЕТРОВ	299
10. ЛАТВИЯ – ТУДА И ОБРАТНО	313
11. ПОЧЕМУ ВСЁ НЕ ТАК.....	316
ЭПИЛОГ.....	319
СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ.....	322
СУРОВЫЕ РАССКАЗЫ	324
ТЫ МОЖЕШЬ БЫТЬ ИМ	326
ФИОЛЕТОВЫЙ ДУРМАН.....	330
СТАРИНА УХОДЯЩАЯ.....	332
ТО, ЧТО ПОЯВИЛОСЬ ЧУТЬ ПОЗЖЕ	337
ДИПЛОМ	337
БАБОЧКА.....	338
ПРИЧУДЫ НАВИГАТОРА	340

ЧАСТЬ I. ЛЮБОВЬ? ОНА – РЯДОМ

Герой прошедшего времени, или Мечтать не вредно

Пригнувшись и широко размахивая руками – так могут конькобежцы – Анатолий на одном дыхании преодолел лестничный пролёт между двумя этажами, на предпоследней ступеньке остановился, выпрямился, шумно вдохнул изрядную порцию воздуха и... выдохнул. Над ним возвышалась завуч их школы, закрывая собой переход к учительской. Свои, кто помоложе, окрестили её Совой за сходство с персонажем из мультика про Винни-Пуха. Сова на проявленную им подростковую шалость ласково улыбнулась и объявила:

– Анатолий Константинович, завтра Вас ждут в Администрации. Вот видите, о нас не забывают, помнят, что скоро и Новый Год, и Рождество. Всё! Молчу-молчу. Пусть это будет сюрпризом. Зайдите к Леночке, она скажет, во сколько прибыть и в какой кабинет, потом – ко мне, посмотрим расписание и согласуем подмену...

Повалил густой снег, и в свете уличных фонарей сказочно закружились, сближаясь и тут же разбегаясь, миллионы снежинок. Некоторые, почуяв в этом особую прелесть, объединялись в вихрь и улетали назад, ввысь, в темноту, желая вновь испытать удовольствие: повторить в ярком сиянии те несколько головокружительных па, о которых мечтали, перешёптываясь, когда парили в чёрном холодном небе.

Двери школы распахнулись, и первой появилась фигура в красной куртке и спортивных штанах. Придерживая тяжёлую дверь, физрук с поклоном пропустил группу своих коллег наружу под козырёк и на припорошенные пушистым снегом ступеньки. Оказав услужение, отпустил дверь, обогнал всех и встретил внизу перед решёткой ворот,

продолжая торопливо излагать начатое им в глухих коридорах затихающей школы – что-то из нескончаемой череды весёлых эпизодов:

– Да-а! Совсем забыл! В «Авангарде» – ретроспектива шедевра итальянского сюрреализма «Дамы и господа». Кла-а-асс! Там мужик один, Гаспарини, прощаясь, повернулся, а из-под пиджака – ха-ха-ха! – подтяжки свисают! Юрий Николаевич, сходите с Анной Павловной, поностальгируйте.

– Мы, Сёмчик, каждое утро, встречаясь с вами, только этим и занимаемся.

– Ха-ха-ха! А где вы находите укромный уголок?..

Выйдя на улицу, компания разделилась на три части. Средняя – а её составила одинокая парочка – перешла проезжую часть и направилась к остановке. Взяв кавалера под руку, молодая женщина решила продолжить прерванный присутствием посторонних разговор:

– Сколько раз говорила и ещё раз повторю: отец Павлика – Валентин. Хватит, хватит! Забудь!.. Приходите-ка 31-го с Ольгой к нам. Вы – люди свободные, посидим, поболтаем, проводим Старый, встретим Новый. А? Что скажешь?

– Нина! Ты посчитай!..

– Толя, ты опять за своё! Прекрати!

– У вас в те дни просто физически... Люблю... и Павлика очень!..

– А вот и мой автобус, – перебила Нина и, подключив нежность, добавила, сметая снежинки с его воротника: – Ладно, до завтра. Валентин давно ждёт меня: мы договорились после работы заскочить на Ёлочный Базар, чтоб поменьше было потом суеты: постоит красавица на балконе. Ольге – привет. Завтра с тобой Валентин свяжется.

***

– Здравствуйте. Разрешите? Кочетков... двадцать пятая школа.

– Здравствуйте, проходите, присаживайтесь... минуточку... Для Вас, Анатолий... Константинович, приятная весть: Вам как участнику город выделяет квартиру. Забота государства... а может, – долг: сначала – Вы, потом мы, т.е. оно, а в итоге – баланс... впрочем, не всегда. Вы меня не слушаете? Анатолий Константинович!

Анатолий открыл глаза и ответил неожиданно вопросом:

– А в общей очереди кто первым?

Завотделом вскинула брови, протянула руку к открытому сейфу и достала толстый журнал, развернула на одной странице, затем по алфавитному указателю – на другой:

– Сусоколов Валентин Алексеевич, хирург из 2-й городской. Женат, сыну шесть лет. А что такое?

– Мы с ним давние друзья. Хотел бы поменяться местами. Могу подождать полгода в общежитии, у нас детишек нет, а его семья, чёрт знает сколько, по частным мотается... Павлику скоро в школу...

– Анатолий Константинович! Вы в таком случае должны будете написать заявление и перейти в другую очередь. Заметьте, Вы не станете автоматически первым на следующую квартиру. У нас есть и другие очереди. Например, ветераны, инвалиды, военные пенсионеры, да мало ли... понимаете. Скандалов и претензий – хлопот не оберёшься! Я Вам по секрету скажу: времена настали... не то слово! В одночасье всё может рухнуть, и останетесь у разбитого корыта.

Анатолий почувствовал ком в горле, замотал головой, поднял раскрытую ладонь и тут же плотно прижал её к столу, показав этим жестом, что в своём решении он непреклонен.

***

Считанные часы до Нового Года! Лучший повод вспомнить детство: ёлка, серпантин, хлопушки, подарки, запах мандаринов, грецкие орехи, мамины губы и её щёки с мороза, санки, рукавички на резиночке... А главное, все любят друг друга и ходят в гости.

У порога Ольгу и Анатолия встретил Валентин. На нём фартук, галстук, рукава засучены, чубчик сбился:

– С наступающим! Проходите, раздевайтесь. Толя, сумку... Тяжёленькая! А пошто в снегу-то? Не разбил?

Нина вышла из кухни:

– Ребята! С наступающим! Мы так рады, думали, не дождёмся, наконец-то! Оленька, тапочки позади тебя, пойдём мужикам праздник строить, не покладая рук. Такая у нас с тобой стезя или поприще. Валя, ты больше не нужен, побудь с Толиком. Можете позволить себе по пятьдесят. Да, Толя! Павлик тебя весь вечер ждёт, поиграй с ним в шахматы...

Наконец, стол накрыт, и в очередной квартире вступил в права ещё один – здесь воспользуемся лексиконом программистов – запущен ещё один экземпляр домашнего новогоднего приложения...

А н а т о л и й (Валентину). У-у-у! Замечательный коньяк, скажу тебе.

Н и н а (любовно глядя на Валентина). Это руки у Валечки замечательные.

А н а т о л и й (ловит взгляд Нины и встаёт из-за стола). Потанцуем?

Н и н а (посмотрев на Ольгу). С удовольствием! (Танцуют. На правом плече Анатолия – рука Нины, она прижалась к ней щекой. Анатолий спрятал лицо в копне душистых волос. Томный взгляд Нины скользит по стенам, по потолку.)

В а л е н т и н (*встаёт и галантно подаёт Ольге руку*). Незаметно присоединимся?

О л ь г а. Обязательно. Одних их оставлять ни-ни...

В а л е н т и н (*выходят с Ольгой на «пяточок»*). Молодёжь, нуте-ка, немножечко в сторону! (*Танцуют все.*)

Полумрак, кружатся пары... неожиданно Нина выпалила:

– Мы же Старый не проводили! – чуть присев и повернувшись, ловко освободилась из жарких рук и крикнула звонко: – Ребята! Марш все за стол!

– Друзья! – завладев вниманием, Валентин взял паузу и проводил Ольгу до места, подошёл к своему и объявил: – Прежде, чем вспомнить о Старом, хочу поделиться радостью... Нет-нет, Ниночка, вот сейчас ты и узнаешь... Ох, дух захватывает, – перевёл дыхание. – Рассказываю... Три дня назад меня вызвали в администрацию и вручили... ордер на квартиру!

– И ты молчал! – женский визг, голоса смешались: – О-о-о!.. Мы так рады за вас!

Скоро притихли и наполнили бокалы перед важным и обязательным тостом. Но вновь задержка: теперь обратила на себя внимание Ольга:

– Думала не здесь, на Рождество, но что скрывать... У нас с Толиком будет маленький!

– И ты молчала!.. Мы так за вас рады!.. А ты ничего, молодец, герой! – и, как в прошлый раз, голоса смешались, общий гомон...

Наконец, Валентин произнёс тост во славу Старого Года, и настроение всей компании в один миг взлетело куда-то высоко-о-высоко. Затем – по второй, за ней – танцы, фанты, прихватили Павлика и всей гурьбой выскочили на улицу, затем – по третьей...

Телевизору скучать надоело, и он заунывно заскрипел из своего угла: «Дороги-ие россия-яне!..» Те засуетились: под перезвон курантов пробка ударила в потолок, в бокалах вспучилась пена, а с первым боем бокалы зазвенели, посыпались пожелания, немного помолчали, вслушиваясь в непривычный гимн новой России, чем стала «Патриотическая песня» Глинки...

Через час Кочетковы засобирались. Такси вызывать не стали: решили, сначала пешком, а там видно будет...

Они медленно шли в хрустящей морозной тишине. Анатолий после долгих размышлений, сопровождаемых тихими вздохами с протяжными «да-а-а» на конце, сформулировал окончательный вывод и, прижав локоть жены к своей груди, объявил:

– А ведь мы теперь – настоящая семья.

– Да... Пять лет ждала... Через три месяца отнесёшь справку, чтобы маленького учли в составе семьи.

– Послушай, а стоит ли нам за город держаться? Может, переберёмся в село? Таких специалистов там с руками оторвут, вдобавок – подъёмные, жильё, земля, льготы. Выберем, где будут лес и речка. И везде за просто так – луга, воздух, гроза, и всё можно потрогать! Утром будут петь петухи, услышишь колокольчики – то пастух со стадом прошёл, сбегает на речку, а там розовый туман... Как представлю, какие глаза у сельских ребятшек... А знаешь, как живут на селе? Там надо со всеми здороваться. И с тобой все будет. А ты слышала их песни по вечерам? Там наш народ, наши корни.

– Ну-у-у, тебя опять понесло, философ. Давай о серьёзном поговорим завтра. В принципе, я согласна. А сейчас можешь помечтать: мечтать не вредно, дорогой, а я тихонько слушаю...

Валентин собирал со стола и ставил на поднос посуду. Пришлёпывал тапочками в такт ритмичной мелодии и думал о чём-то, наморщив лоб. Когда в очередной раз мимо, напевая и поигрывая бёдрами, проплыла Нина, решил поделиться:

– Не везёт Толику... Нет-нет. Долгожданный малыш – это счастье. Я о другом: когда был в администрации, завотделом мне намекнула, что мы, похоже, последние из могикан. Строительство не финансируется, замораживается... В общем, скоро будет так: «деньги решают всё». А халява останется в прошедшем времени. Надо признать, что это где-то жестоко и несправедливо. – Повернул подбородок к левому плечу и постучал по столу. – Тьфу-тьфу-тьфу. Пусть нашим повезёт... Счастья вам, ребята...

Вопросы выживания

Настя, медсестра в городской больнице, вернулась со смены вовремя, позавтракала с Никитой, собрала и отправила его в школу. Такое начало дня прибавляло настроения, но расслабляться не время. Первое – посетить терапевта. Положила в сумочку медицинскую карточку. А по пути снять деньги и заплатить за квартиру. Набросала на листке, что надо и можно сделать до обеда. Прикинула – остаётся час. Быстро переделалась и занялась уборкой.

В отделении сбербанка заняла очередь и направилась к банкомату. Прошуршав насыщенным шелестом, тот выдал пять новых купюр по тысяче. Настя опустила стопку в сумочку и быстро отошла: ей всегда мерещилась откровенная глупость – те, кто рядом, пришли специально, чтобы проследить за ней.

Объявили и высветили шифр её очереди и номер операционного окна. Настя подошла, достала квитанции, деньги, отсчитала сумму. Посмотрела под ноги, перестушила, заглянула в сумочку, ещё раз отсчитала. Денег хватало, но в остатке не доставало тысячи. Оплатила расходы, отошла, присела. Открыла сумочку, осмотрела, ощупала последнюю тысячу. Досадно стало: «Ну, рохля, сама виновата!» Вздохнула и пошла к выходу. Проходя мимо банкомата, осмотрела панель, пол – чисто.

Перед кабинетом участкового – кучка пенсионеров. Дождалась очереди и вошла в кабинет. Участковый приветливо улыбнулся и протянул руку за карточкой. Положил на стол, полистал, нашёл свою запись, углубился. Раскрыл на последней странице, там лежала тысяча. Не поднимая глаз, свернул, убрал в нагрудный карман и начал писать заключение, перебирая бумажки с результатами анализов. Расписался, поставил печать, вернул карточку, заключение и пожелал удачи – приём окончен.

Настя на дрожащих ногах встала, поблагодарила и вышла на свет. Собственная оплошность напрочь лишила её равновесия. Лёгкость, с какой участковый присвоил деньги, была поразительной. Когда сама, заискивая и улыбаясь – лицемерие, причём самое отвратительное – претензии только к себе. А они? Они же – люди и, следуя моде, считают себя православными. Неужели не понимают?

***

Евгений поставил компьютер «на сон» и потерял виски. Зрение падает, поза статическая, от напряжения, как говорят разработчики, мозги закипают. Пора заняться фитнесом. Придуманным фитнесом Евгений занимался, уходя на перекур. Он набрасывал куртку, выходил в коридор, спускался по лестнице на первый этаж и выходил на улицу. В хорошую погоду за десять минут можно дойти до светофора и вернуться, в плохую – покружить под большим козырьком и, минуя лифт, подняться на свой этаж.

Вернулся в отдел, там его ждала секретарша.

– Евгений Александрович, мы готовим вечер. Не могли бы Вы зайчика принести, а я его приготовлю.

– Однако, припозднились вы с заказом: остался один выходной, а зайчик не каждый день встречается. И в него попасть ещё надо. Ладно, постараюсь.

Звонил телефон. Выслушал и направился к лифту. Внизу ждал, накинув капюшон и засунув руки в карманы, друг детства Дима. Разговор начал с ерунды, затем перешёл к тому, что привело его и что давно не было секретом:

– Жэка, ты же знаешь, у моей сегодня день рождения, а я пролетаю: гонорар ещё вчера обещали. Не одолжишь пару-тройку? Через неделю верну!

Евгений положил ему на ладонь деньги, извинился, хлопнул по плечу и, показав, как торопится, вприпрыжку проскочил в двери, обернулся и помахал рукой. У лифта дал установку забыть об эпизоде, в кабине, разглядывая потолок, спокойно выдохнул.

***

Настя вошла в прихожую.

– Никита! Ты дома? Почему не встречаешь? Почему свет в коридоре? Кто приходил? Как успехи? Уроки сделал? Обедал?

– Обедал, обедал. Мам, ты в дом-то войди. Пятерка – по физике, по математике – четыре... Делаю... Мишка за уроками заходил: его в среду выписывают.

Немного погодя Настя, уютная, домашняя, подкралась к Никите, обняла за плечи, подула в макушку.

– А почему Валентина Ивановна поставила красным двойку в треугольнике?

– То греческая буква «альфа». Угол обозначает. Я пропустил, но Валентина оценку не снизила.

– Она нам не подружка, значит, – Валентина Ивановна.

Настя потрепала сына по кудрявой голове, чмокнула в висок и вышла. Вернулась со свёртком, пока разворачивала, объяснила:

– У нас дедушка выписался, он тебе книжку оставил.

Никита осмотрел:

– По программе читал что-то. Скучноватый стиль.

– Он говорил, тебе будет полезно почитать про людей сильных духом: «Белый Клык», «Любовь к жизни». Никита, ты меня ругать не будешь? Я тысячу потеряла. Но ты не думай, летом, как и договаривались, в компьютерный лагерь поедешь. Я же обещала. И ты обещал хорошо учиться.

– Мам, не переживай. На каникулах, если примут, поработаю курьером. А санитаром в июне возьмёшь к себе?

– С ума сошёл! Замывать больных, по палатам «утки» да «судна» разносить.

– А кто одиноким поможет? Они, мам, тоже по-человечески и жить, и умереть хотят.

– Оставим, не детский разговор. Смотрю, взрослеешь быстро.

– И ты не мешай, а то наделаю ошибок.

В полутёмной квартире – тишина. Прикрыв уши, Никита читал под светом настольной лампы про сильных людей. В эти минуты он,

возможно, полз по тундре, обдирая на камнях ягель, а может, бился в кровь на мексиканском ринге. Настя, приготовив ужин, смотрела телевизор.

Позвонили. Настя пошла открывать. Из прихожей послышалось сначала «Ой!», а следом – «Хэпи бё-оф дэй ту ю-ю! С днем рождения, Настенька! Можно?» Догадавшись, кто это, в прихожую влетел Никита:

– Привет, дядя Женья! О-о-о! Тортик!

– А вы, что же это, господа, забыли, что у мамы сегодня день рождения? За это наказывать надо нещадно и с пристрастием. – Ухоженный, стройный мужчина, не на много старше Насти, прошёл в комнату и огляделся. – Сидите в потёмках?! В этот вечер должно быть много света!

– Хризантемы чудесные! Простоят до восьмого. Да, Женечка, представь себе, забыли. Мы такие. Дай щёчку... У-у, колючий!

– Всего-то за день. Впредь буду знать, мадам, что к вам на приём только через визажиста.

– Дядь Женья, мне очень стыдно. А мама о себе не думает. Наша пчёлка то в поле, то в улье, и так с утра до утра.

– Что это? А-ах! Нет, нет. Же-е-е-енька! – Настя замерла перед зеркалом. – Спасибо! Мне так неудобно. – Вновь ожила: – Ребята! Оставляю вас на минуточку, стол накрою и позову, хорошо?

– Настенька, мне только чаю. Ужинать буду дома.

Настя из кухни, позванивая посудой:

– Послушай, так нельзя! Мужчины, мойте руки, и милости просим к столу!

– Диму давно не видел?

– Н-недели две. Всё такой же. Денег хочет много, а работать лень. Наш национальный герой: всё б ему «по щучьему велению». Идеи бредовые вынашивает. «Какой же ты разгильдяй, Димка, – мысленно укорил друга Евгений. – Такая девочка славная! И хозяйка, и миленькая, а душа-а...» – И перевёл внимание на Никиту:

– Что читаешь? Спорт не бросил?

– Хожу! Нравится! Сегодня – «Любовь к жизни» Джека Лондона. Вопросы выживания.

– Правильно, зачем перед компьютером тупеть и дистрофию развивать. А ты знаешь, наблюдая, чем питаются наши братья меньшие, выжить можно, не посещая супермаркета. Я не о грибах и не о ягодах. Возьмём глухаря, он, например, любит корешки папоротника...

– А я корешки есть не стану, дождусь глухаря и спасу вас от голода.

– Ну, ты, брат, силён! – улыбнулся Евгений. – Кстати, скоро двадцать третье, готовимся к корпоративу, и одна юная коллега спрашивает: «А

можно Вам заказать зайца?» Отвечаю, заказ-то приму, но это редкая удача у одинокого странника.

– А фотографию, дядь Жень, дала?

Евгений захлопал ресницами:

– Свою? Н-не по-онял. Какую? Зачем?

– Ну как же. Она Вас киллером нанимает. Положено показать фото жертвы.

Одинокий Странник рассмеялся и нежно взглянул на Настю, да так, что та опустила глаза, а Евгений покраснел.

– Остёр твой Никита. Нестандартно мыслит, не догоняю. – Повернулся к Никите: – А ты определился, кем по жизни стать хочешь?

– В детстве – путешественником.

– Как Конюхов? А детство – это когда?

– Вчера. Только не в одиночку. И не на ледоколе, и не на арктической станции. Своими ногами землю мерить. Правда, это не модно, и денег не заработаешь. О семье надо думать.

– Да, парень, всё по-взрослому, – согласился Евгений, наблюдая, как исчезает на доньшке сахар, и светлеет от лимона крепкий чай. – А давай так: мы с тобой по субботам будем путешественниками, а в остальные дни отдавать себя любимой работе и семье. У меня получается. – На этих словах загнулся, но Настя сделала вид, что неправда осталась незамеченной. – Как исполнится восемнадцать, ружьё подарю. Лежит в деревне одностволка «тулочка» 16-го калибра. Советская, штучный экземпляр, лёгенькая, приёмистая, бой резкий. Считаю, с этого дня тебя ждёт. Побродим вместе. – Заметил настороженный взгляд Насти и подобрал романтическое определение для кровавого, с точки зрения женщин, промысла. – А главным будет у нас полное и вдохновенное соединение с природой.

– Соединение вас ожидает в перспективе. Реально же Никита мечтает о компьютере. В классе у всех, кроме нас. Для начала хорошо бы летом в специальный лагерь попасть. Никита изучил бы компьютер и отдохнул. Женечка, у тебя в городе море друзей: кто при власти, кто при компьютерных делах. Может, помогут? А вдруг!

– Не забуду. Сделаю всё, что могу. Ладно, буду собираться: Катерина заждалась, наверное. Настенька, Никита, спасибо! Всё замечательно. Через пару недель навещу. Получится – раньше. Никита, береги чувство юмора и не превращай в сарказм. В словаре посмотришь, а я уже оделся, и покидаю вас. «Душа моя сегодня не на месте, рыдает раскалёнными слезами». Ну, что ты смеёшься, Настенька? Это – наш шансон. А вот это сможешь угадать? «Слёзы, подступая, льются через край». Сдаёшься? Утёсов: «У меня есть тайна». Ты должна её знать...

***

– Мам, а дядя Женья, когда ты не видишь, так на тебя смотрит... А вы давно знакомы?

– Он был свидетелем на нашей свадьбе. С твоим отцом учились вместе. Прошёл месяц, решил, что и ему пора. Не всё ладится в его семье. Жаль, весёлым бывает теперь редко.

Подперев щеку кулачком, Настя задумалась, скоро встала, поправила кресло и прошла на кухню наводить уют. У окна, перебирая шторы, вполголоса подвела итог: «Старая истина: что имеем, не храним. И когда ж ты, наконец, поймёшь, Катерина?»

Мальчик хочет в Тамбов

В провинциальном городке на границе оседлости бывшей Российской империи, в конференц-зале воинской части проводилось партийное собрание – в Главном Штабе хотят знать, как на местах проходит назначенная верхами перестройка. Председателем выбрали замполита. Его внешность никак не вязалась с образом комиссара, привитым с детства: этот был краснолиц, тяжёл, немногословен, косноязычен, а в голове его – одни штампы. Замполит, утвердив повестку дня и регламент, предоставил слово докладчику. Докладчик вышел к трибуне, отпил из стакана половину, разложил перед собой бумаги и на полчаса усыпил треть присутствующих. «Сидишь и безудержно тупеешь», – подумал Журавлёв и доверился испытанной мудрости: «И это пройдёт».

Дремавшие поймали фразу «Доклад окончен» и перенесли центры тяжести на противоположные подлокотники. Председатель долил из графина в стакан, докладчик быстро накрыл его ладонью – так поступает искушённый пользователь при добавлении воды к спирту – пролетел сдержанный смех, докладчик отёрнул руку и покраснел. Председатель вскинул брови – не понял, обвёл зал взглядом исподлобья, как бы через амбразуру, и предложил задавать вопросы. Подождав минуту, позволил сконфуженному докладчику занять место в президиуме и объявил очередную фазу собрания: обсуждение доклада. Пионеры-застрельщики были определены загодя – выступление шло им в зачёт как партийное поручение. «В другой обстановке с кем не поговоришь – человек, как человек. Впрочем, и я такой же», – заключил Журавлёв.

Когда список закончился, председатель собрания громко обратился к задним рядам:

– Что может рассказать нам передовой отдел? Как на острие перестраивается наука? – «На шиле», послышалось в глубине, зал хохотнул, председатель споткнулся, снова просканировал через

амбразуру. – Как авангард совершенствует штабную культуру? Поделитесь с нами, Александр Иванович!

У отдела есть начальник, но выпустить его на трибуну – себе дороже. Он искусен в риторике и всегда готов сменить любую тему на разговор ни о чём. Подполковник Снегирёв, его правая рука, встал и направился к трибуне. Проходя между рядами, он налево и направо разводил опущенные руки и пожимал плечами – сказать-то ему нечего. Журавлёв с недавних пор возглавлял подразделение, подчинённое отделу, тому, что на острие, а ранее прослужил в своём три года, и ему хорошо были известны деловые качества Снегирёва, достойно и без суеты исполняющего свои обязанности. «Интересно, как он выкрутится?» – подумал Журавлёв.

Снегирёв с ходу «взял быка за рога» и поделился, как он по-новому работает с бумагами. Раньше, мол, исписал лицевую сторону, лист – в корзину. Теперь он перестроился и использует обратную сторону: на ней тоже пишет. Журавлёв, дождавшись окончания выступления, поднял руку. Председатель заметил и одобрительно кивнул. Журавлёв встал, Снегирёв изобразил за трибуной «я весь – внимание», вытер платком лоб и губы.

– Я больше по части поиска резервов, перманентного совершенствования, так сказать. Слушал и вспомнил о наследии: о проверенных методах передачи информации. – Журавлёв сделал паузу. Снегирёв напрягся. – У меня предложение: а не попробовать ли вам, Александр Иванович, писать между строк. Замечу: шириной можно управлять. В итоге, открывается направление, способное сделать перестройку в отделе более эффективной... У меня всё.

Недовольный председатель махнул рукой, разрешая обоим сесть. Разочарованный Журавлёв сел: «В кои веки пошутил, и не оценили».

Тогда они были ещё вместе. Детей они не имели, и тему эту давно закрыли. Жили на частной квартире в жёлтом двухэтажном домике с печным отоплением, построенном немцами в конце сороковых. Каждую осень он заказывал, привозил, пилил и колол дрова. Зимой, уезжая в командировку, набивал поленьями маленькую прихожую. Он приносил ровно столько парашютных сумок с дровами, на сколько дней покидал её: берёг.

Ему нравилось заходить в сарай зимним вечером. Его завораживал таинственный мир, от пола до земли сотворённый его руками. Он открывал дверь, и его встречали, перешёптываясь – так казалось ему – мерцающие искорки на торцах покрытых инеем осиновых поленьев. Искорки могли быть отражением лунного света, света уличных фонарей или света из окон квартир тех, кто забыл или никогда не знал, как плохо не иметь своего жилья. Он любил поленья – к каждому прикасались его

руки, а сегодня они понесут их тепло в его дом. Похожие чувства вызывали ягоды, собранные им на болоте или в лесу – к каждой тоже прикасались его пальцы. Зимними вечерами она любила пить чай с вареньем. Чувствовала ли она их прикосновение?.. У неё красивые губы...

На экстренном собрании им, как юнкерам у Булгакова, объявили, что партии больше нет, и что все вольны поступить с партийными билетами так, как кому захочется. На следующий день в курилке офицеры обсуждали текущие дела. Кто-то вспомнил вчерашнее:

– Гуляли с сыном по валу, порвал и сжѐг, закопал и крестик поставил...

Возникла пауза. Журавлёв вспомнил слоган, за которым стояло гордое определение партии:

– Да... потеряли мы «ум, честь и совесть...» – Офицеры оживились, и скорбное событие кануло в прошлое. Журавлёв посмотрел на товарищей. – Угостите сигаретой, пожалуйста. Два года воздерживался.

Начальник КЭЧ привстал, щёлкнул ногтем по доньшку пачки – на полдлины выскочила сигарета – и, шутливо склонившись, протянул вместе с зажигалкой:

– Курите! И не бросайте, пока это долбанное время не закончится.

Журавлёв затянулся, почувствовал головокружение, призадумался: «Что сказал наш бывший на последней конференции? Сказал, что будет всегда верен идеалам социализма? Болтун и демагог. Да... Вот и дождалось: дали вольную волю. Рынок – во все материальные сферы, Церковь – во все духовные, а Иван-дурак – на печь, т.е. на диван: всё б ему по шучьему велению да по его хотению, и гори оно всё огнём».

По выходным на ступенях драмтеатра выступал местный скрипичный ансамбль. Тогда они были ещё вместе. Под закатным небом вновь открывали для себя Паганини, Свиридова. Впервые обнять её не получилось, разговор не клеился.

На встречу со зрителем приехал столичный артист. Покривлялся, показал утюг, попугая, рассказал анекдот: «Муж уехал в командировку. И началась в квартире чертовщина: жена заметила, как только под окнами пройдёт трамвай, в шкафу что-то громко падает, причём шкаф должен быть закрыт. Происходило это и ночью, и днём. Жена извелась, позвала соседа, рассказала – сосед полез в шкаф. Неожиданно из командировки вернулся муж. В это время под окнами проехал трамвай, в шкафу – грохот. Муж открывает... «Вася? Что ты здесь делаешь?» – «Коля! Не поверишь – жду трамвая!» Публика смеялась, она лишь улынулась.

Прошёл парад суверенитетов. Тогда они тоже были вместе, но больше молчали. Он уехал защищать диссертацию. Оформили

командировку: у него накопились вопросы по договорам, и командование не упустило случай отправить курьера с детективным заданием, которое полагалось выполнить на платформе в метро.

После защиты он спустился на этаж к ответственному исполнителю проекта от головной организации. Войдя в кабинет, ответил на пару дежурных вопросов и начал по степени важности задавать свои. Собеседник перебил:

– Вы бы лучше подумали, куда возвращаться будете. Может, некуда? Может, всех вас уже расформировали и депортировали?.. А мы предлагаем в нашем филиале возглавить новое, перспективное подразделение. За МКАД, недалеко. Проект в Кадрах, вот-вот будет подписан. Что скажете?

– Михаил Дмитриевич, я не готов, надо подумать. Как вернусь, я вам позвоню. Не возражаете?

– Договорились. А сейчас не отвлекайтесь от главного... Как? Не знаете, что сегодня главное? Банкет, дружище!.. У нас спланировано с умом: все защиты – по пятницам, не то, что у соседей.

Дома его ждали пустая, холодная квартира и записка на кухонном столе. Её вещей не было, за исключением некоторых предметов посуды. Не было даже тапочек, впрочем, а как иначе? В квартире чисто: мусора, пыли он не заметил. Вскоре из другого города пришла повестка в суд. Он отправил заверенное согласие, в ответ получил выписку из решения суда по бракоразводному процессу.

***

Перед входом в Рижский вокзал притормозили двое, стряхнули снег с головных уборов, постучали обувью перед массивной дверью, вошли и направились к кассам. В зале тихо, пустынно, хотя времени набегало чуть более семи вечера. Один из вошедших был военный, капитан, роста среднего. Ничего необычного, кроме, пожалуй, того, что голову не по сезону украшала фуражка – столица! Второй – в штатском, немного постарше, немного пониже. И тоже есть, что не по сезону – туфли. В таких не стыдно выйти на сцену или давать интервью, закинув ногу за ногу – когда-то непростительный моветон, – но никак не вышагивать по зимним столичным тротуарам. Да! Капитан был без усов.

Они направились к кассе, у которой стояли мужчина – он с билетами отходил – и женщина. Штатский встал за женщиной и облокотился на стойку, капитан занял позицию между ними, но на пару шагов в стороне. Штатский посмотрел на профиль незнакомки, окинул взглядом. Она, приятная внешне, должно быть, умная, брала билет до Тамбова. Это то его и подвигло на тихое признание:

– Тамбов на карте генеральной кружкой обозначен не всегда...

Незнакомка подняла брови – услышала, бросила взгляд в его сторону, штатский, застигнутый врасплох, выпрямился, глаза их встретились, она улыбнулась.

– «Тамбовская казначейша», Вадим Николаевич?

– Да, Юрий Михайлович, она.

Незнакомка расплатилась, взяла билеты, проверила, отошла, положила в сумочку и направилась к выходу. Приятели проводили её взглядом, и она это знала! Вадим вздохнул, повернулся к кассиру, назвал поезд, пункт и дату, постучал костяшками пальцев по стойке, желваки заходили. Капитан махнул рукой:

– Не такая уж она и красавица...

– Вам, Юра, скажу, как родному: такая и не должна быть красавицей, она может стать другом.

– Ладно! Бери билеты, я сейчас... – Капитан, разбрасывая полы шинели, побежал на улицу.

Вадим взял билеты, вышел на середину, постоял и направился к выходу. На ступенях его ждал сияющий Юра, щёлкнул зажигалкой, выпустил дым в сторону:

– Выскочил, смотрю, нигде не видно. Светофор переключился на красный. Думаю, пока дождусь зелёный, она, если на той стороне, будет уже в метро. Остаётся одно: а не пошла ли она на троллейбусную остановку? Заворачиваю за угол – стоит! Меня сразу узнала, рассмеялась – догадалась, за кем пришли в столь поздний час. Говорю, мадам, будьте добры, ваш адрес на память для моего друга, сам он не может – парализован. Опять смеётся: «Я ещё там заметила». – Юра опустил руку в карман. – Вот у тебя нюх! Прелесть девчонка! – Достал визитку, протянул приятелю. – Хотел себе оставить, ну, так уж и быть, держи! Ловить тебе нечего, товарищ майор. Она – помощник гендиректора по связям с общественностью. Как говорится: «Если смерти, то мгновенной, если раны – небольшой». Тебе повезло – ты убит... А живёт она не в Тамбове, живёт рядом, в Марьиной Роще, и этот факт у твоего ближайшего окружения вызывает беспокойство: как бы ты рану не получил в самое сердце... Очнись, сколько можно страдать? Ну, уехала к маме – забудь...

За время монолога Журавлёв не сделал ни одного движения, даже той «частью тела», как в рекламах стали именовать ресницы. Услышав последние слова, вспомнил анекдот с трамваем, погримасничал, подумал: «Хорошо, если б к маме», – и показал направо:

– Давай пешком до Комсомольской? Вечер чудесный. Думаю, за сорок минут дойдём.

***

Командировки у Журавлёва следовали, как правило, не чаще одной в месяц, но, когда в планы вмешивался Главный Штаб, бывали и две, и три. На этот раз путь его лежал через столицу в глубинку, на оборонное предприятие. На Казанском вокзале Вадим вытащил из дорожной сумки небольшой кожаный дипломат, сумку сдал в камеру хранения и направился к линейке телефонов-автоматов. Вошёл в свободную кабину, достал визитку и набрал первый номер – тишина. Набрал второй, трубку подняла женщина:

- Приёмная. Здравствуйте. Я вас слушаю.
- Здравствуйте. Пригласите, пожалуйста, Лидию Владимировну.
- Кто спрашивает?
- Товарищ её знакомого. Проездом, звоню с вокзала.
- Очень жаль, но она у нас больше не работает.
- У меня для неё посылка. Как мне её найти? Помогите, пожалуйста.
- Простите, мы не можем дать адрес постороннему человеку. Принесите на проходную, мы передадим.
- Хорошо, через час буду у вас.

На проходной вахтёр объяснил, что позвонить можно здесь же со служебного телефона на последние четыре цифры городского номера. Вадим позвонил и приготовил пакет. Через три минуты появилась женщина, передала вахтёру какие-то бумаги, пока с ним говорила, оглядела вестибюль, прошла вертушку и направилась к Вадиму.

- Это у вас передача для Лидии Владимировны?
- Нет, у меня посылка.
- Ох, как я неаккуратно! Давайте считать, что этим я её заговорила.
- Она будет перед вами в долгу... Лидия Владимировна, надеюсь, не в Тамбове?
- Нет, она – в Подмосковье. Никак не запомню, а потому всегда путаю: скажу в Звенигороде, а она в Зеленограде. Лидочка до конца недели должна за расчётом забежать.
- Спасибо! И ещё... Передайте, пожалуйста, что Вадим будет ждать ответа. – Журавлёв помялся. – До свидания!
- До свидания, молодой человек! – дама не поскупилась на комплимент, вложив в него лукавство, порождённое женской логикой. А разве, что не так? Возраст Журавлёва не так уж и далёк от возраста Христа, а кто его прошёл, тот знает: это – молодость!

***

Позади месяц привыкания к новому месту. В субботу Журавлёв наметил посетить столичный Главпочтамт. От общежития до станции километра два. Не спеша, за полчаса он их преодолел, взял билет и поднялся на платформу. В ожидании электрички немного потоптался в

районе остановки третьего вагона, разглядывая стремительный полёт снежно-белых облаков, походил взад-вперёд, ещё раз посмотрел на облака. Появилась «морда» электрички из Москвы. Когда первый вагон с включенным торможением проносился мимо, Вадим развернулся к электричке лицом, и взгляд его, не задерживаясь, заскользил по окнам и вдруг, будто споткнувшись, упал к ногам. В этот момент Журавлёв услышал, что за спиной к платформе подошла его электричка. В течении мыслей возникла пауза, он на автопилоте развернулся и вошёл в вагон. В тамбуре пауза исчезла, и пришла догадка, что из окна встречной электрички в глаза ему посмотрел явно кто-то знакомый. Вадим оглянулся – вагоны, продолжая торможение, увозили теперь уже невидимый взгляд. Он услышал свисток, сделал шаг к выходу, но двери закрылись, электричка вздрогнула и начала набирать скорость. Вадим прошёл в вагон, сел, прикрыл глаза. «А не была ли в том вагоне Лидия?.. Нет! Так можно диагноз заработать...»

***

Лидия сидела у окна. Она не спешила – тамбур рядом, ей никто не помешает подняться и выйти в проход, где у двери столпились самые нетерпеливые пассажиры. Приближалась её платформа, и вот, замедляясь, проплывают мимо бабушки, студенты... и среди них вдруг видит Лидия, стоит кто-то знакомый, но кто? Когда он оказался напротив, она поймала его взгляд, и тот взгляд проник в неё и, не просто так отразившись, соскользнул вниз. «Как!.. Не может быть!..» Лидия встала и направилась к выходу. Обернулась и успела заметить, что Вадим находится в той же позе. Увидела, как позади его остановилась электричка, как он развернулся и вошёл в вагон.

Лидия, оказавшись на платформе, машинально сделала несколько шагов в его сторону, но та электричка уже набирала скорость. Неожиданно возник нестерпимый звон в ушах. Она сжала пальцами виски, охватила лицо ладонями, ощутила жар. Кто-то теребил её за плечо, заглядывал в глаза, предлагал помощь. Лидия попросила проводить её до скамейки и оставить одну.

«Я совсем забыла о нём. Его зовут... Да-да... Вадим... Николаевич, военный, из Прибалтики... нет, служил там раньше, сейчас где-то в Подмосковье... Вспомнила – Журавлёв! Он письмо передавал. Дурёха – не найти теперь. А впрочем, в нём была только одна просьба: оставить на Главпочтамте для него письмо до востребования. Фу! Всё-всё, успокойся, всё образуется... А Вадим, он что, приезжал за письмом? Куда я уехала, и что у меня здесь родители, знала и могла сказать Татьяна Иосифовна. Надо немедленно написать ему».

На местном Главпочтамте Лидия написала письмо и здесь же опустила в почтовый ящик. Почувствовала облегчение и не только – на выходе её встретил солнечный день в ажурном золотистом стаканчике с ослепительными шарами из взбитых криков детворы. Ей до головокружения, до тошноты, захотелось мороженого с взбитыми сливками. Зашла в кафе, присела за столик, заказала, пока ждала, вспомнила какие-то мелочи из студенческой жизни, взгрустнула. Подали в хрустальной вазочке мороженое с шоколадной крошкой и чашку горячего кофе. Лидия себе улыбнулась и вновь погрузилась в воспоминания, и те понесли её всё дальше и дальше от юных лет, приближая к той мимолётной встрече на Рижском вокзале.

Лидию не мучили вопросы выбора будущей специальности. Кто-то из своих, кажется, то была мама, предложила выучиться на психотерапевта или социолога. Она убедила всех, что эти профессии будут востребованы. Прочитав критику теории Фрейда, Лидия выбрала специальность «Социология управления». На предпоследнем курсе познакомилась с будущим супругом. В противовес «малиновым пиджакам» он был галантен, предупредителен, интеллигентен и добр: ласковый молчун с красивыми глазами. Встречал и отвозил на своём Ауди, имел небольшой бизнес в Польше. В ресторане, если не доставало в рублях, расплачивался баксами. Дарил цветы, мог пригласить на вальс или на танго. Подружки ахали, парни стали серьёзными и отошли, сильно переживал отец. На Лидию нашло затмение: ей казалось, что это – любовь.

В сентябре венчались, сыграли свадьбу. За праздничным столом дядя супруга, взяв слово, гордо отчитался:

– Прошу внимания!.. Друзья!.. Могу вас порадовать и, особенно, наших молодых: в штат моей фирмы я ввёл должность: «помощник по связям с общественностью». Лидочка! Она для тебя! Мы с нетерпением ждём нового помощника!.. Предлагаю поднять бокалы за будущего генерального директора! Ура! Пардоньте! Горько!..

Когда после поцелуя молодые сели, Лидия выразила сомнения:

– Спасибо, но удобно ли под одной фамилией?

– Фамилии у нас разные: мы связаны по женской линии, – успокоил дядя.

Чудесный медовый месяц провели на море. Вернулись, и начались какие-то житейские сбои, вскоре добавились подозрения. Стараниями его лучших друзей и подруг открылось, что супруг разведён, у него есть ребёнок, любовницы... Окончательный разрыв произошёл через три года, после того, как она получила по щекам.

На этом фоне как мимолётное возвращение в трепетную юность запомнилась та встреча на Рижском вокзале, ближайшем от её последней

московской квартиры. Накануне стало плохо бабушке, и он хотел успеть повидаться с близкими. Лидия посчитала своим долгом проводить отца на родину, в Тамбов.

Весной последовали развод, увольнение по собственному желанию, возвращение к маме и папе, к младшему брату в их «сталинскую» двушку.

Осталась последняя ниточка, связывающая Лидию с прежней работой – бонусы за второй квартал. Назначили день, она приехала, получила, а с ними, к её удивлению, – пакет. Его передала секретарь Татьяна Иосифовна:

– Для вас, Лидочка, пакет от знакомого вашего знакомого. Был проездом в начале этой недели.

Татьяна Иосифовна заговорщицки подмигнула и пакет слегка встряхнула. Послышался шорох, какой издают конфеты в коробке. Присутствующие, сжав кулачки, театрально ахнули. Следующий шаг Лидии выбрать не пришлось:

– Может, присядем на дорожку?

– Так это мы запросто! – повеселела Татьяна Иосифовна.

Лидия разрешила скотч и вынула красную коробку конфет, следом выпал вчетверо сложенный лист. Татьяна Иосифовна, видя, что Лидия, не прочитав, убирает письмо в сумочку, добавила комментарий:

– Интересный мужчина. Уверена, что офицер, и звание не ниже майора. – Подняла указательный палец и, как Рубик-джан, закрепила идею: – Я так думаю!

– Не знаю, не помню. Дома прочту, – ответила Лидия, решив не поддаваться на провокацию.

В комнате для переговоров накрыли стол: на середину легла коробка с рижскими конфетами «Лайма», рядом – кофе, бутылка зелёного «Шартреза», по кругу – приборы. Пока рассаживались, Татьяна Иосифовна поделилась воспоминаниями:

– Если не ошибаюсь, в центре Риги стоит памятник: на высоком постаменте женщина держит над собой три звёздочки. Знакомый военный говорил, что это – памятник авиационному технику. Разумеется, – шутка, причём грустная, а всё потому, что карьеру авиационному технику, пожизненно старшему лейтенанту, делать трудно. А ваш, Лидочка, мне так видится, делает её с успехом.

– Ну, почему это он мой? Я его знать не знаю.

– Он просил передать вам, что Вадим, от кого он передаёт посылку, будет ждать ответа. Мне показалось, что он и есть Вадим, а вовсе не знакомый вашего знакомого. – Татьяна Иосифовна сделала паузу, обвела сидящих взглядом и вновь остановилась на Лидии, а та уже стала догадываться, от кого конфеты, и щёки её порозовели. Татьяна Иосифовна, довольная своей проницательностью, провозгласила:

– Наш первый тост, Лидочка, за ваше будущее! И лялечек побольше, побольше, не скупитесь...

В квартире родителей пришлось задержаться – для съёма частной нужна финансовая стабильность, а социолог в этом городе оказался никому не нужен. Незаметно подошли к концу два месяца, как она занята поиском работы. Потихоньку исчезают в ломбардах и комиссионках подарки и прочие безделушки. А что будет дальше?

Лидия посмотрела в меню, достала кошелёк, отсчитала сумму, встала, помахала официантке и показала, что кладёт деньги на стол. Официантка, занятая обслуживанием, кивнула. Лидия вышла из кафе.

***

Журавлёв поднялся из метро «Чистые пруды», пересёк бульвар и свернул на Мясницкую. Через пару минут был в здании Главпочтамта. Спросил у служащего, где получают корреспонденцию «до востребования», подошёл, занял очередь. В реальность его вернула девушка, обслуживающая клиентов:

– Здравствуйте. Что вы ожидаете?

– Здравствуйте. Письмо, – ответил Журавлёв и передал удостоверение личности. Девушка покопалась в одном ящичке, потом в другом, ничего не нашла и вернула удостоверение.

– К сожалению, на ваше имя писем нет...

Журавлёв вышел на улицу. Солнечный день приобрёл серые тона, а настроение – будничные оттенки. Вадим стал перебирать в памяти, чем можно занять себя в ближайшие часы. Вспомнил, в Ирининых палатах Новодевичьего монастыря открыта выставка русского оружия – неплохая альтернатива посещению кремлёвской Оружейной Палаты, в которую сегодня никак не попасть. А почему бы и нет, благо «Чистые пруды» и «Спортивная» находятся на одной ветке. Пока шёл к метро, прикинул: пакет он передал два месяца назад, неделю положим до передачи в руки, неделю – на путь её письма до Главпочтамта. Итого, у Лидии на раздумья были полтора месяца. Многовато будет... А есть ли у него основания надеяться? Но её взгляд! А визитка! Она, т.е. они-то и дали ему право. Так что, надежда остаётся, правда, призрачная...

В следующее воскресенье Вадим вновь отправился на Мясницкую. Увы, письма не было. Не было и через неделю, и через месяц. В его инициативном проекте, вялотекущем, нервном, приближался завершающий этап «Пора забыть». Для заключительного раздела им подготовлены ключевые слова: «опустошённость» – как результат и «время лечит» – как рекомендация. Такие мысли посещали Журавлёва всё чаще и чаще и, особенно, в периоды одиночества.

В тот день на рейсовом автобусе Журавлёв возвращался в управление с экспериментальной площадки, боялся опоздать на совещание, поглядывал на часы. Солнце перестало отстукивать морзянку сквозь сосновый бор, позади пригород, приближался центр. Миновал кинотеатр «Родина», старенький автобус остановился на красный сигнал светофора. От кинотеатра ближе к перекрёстку – киоск «Союзпечать», по бокам выстроились женщины с осенними цветами, предлагают их прохожим, некоторые останавливаются. К одной из дачниц подошла женщина, видно, знакомая, и они занялись составлением букета. Включился «зелёный», автобус дёрнулся, в коробке передач раздался жуткий скрежет, женщина обернулась. «Лидия! Мы что, в одном горюде?!» Автобус тронулся. Вадим поспешил к водителю:

– Пожалуйста, остановите!

– Здесь запрещено. – Водитель показал на знак. – Только на остановке.

Сто пятьдесят метров бегом, и, как назло, – ожидание у светофора. Журавлёв подошёл к киоску. Огляделся – Лидии нигде не видно. Направился к тому месту, где она выбирала цветы, две цветочницы его будто ждали:

– Выбирайте. Всё свежее.

– Пять минут назад у вас брала цветы молодая женщина, зовут Лидой. Мне показалось, вы её знаете. Помогите. Если найду, возьму всё.

– Зоя! – позвали третью: – У тебя Лида брала цветы?

– Я всё слышала. У меня, – жестом подозвала Вадима. – Мы с Лидой знакомы по песочнице: я с внуком, она с наследником нашего депутата. Знаете, таких нынче много, у кого пальцы веером. Как говорится: из грязи – в князи. Ох, не повезло вам: не выдержала Лида быть в услужении и взяла расчет. Вот и с нами распрощалась. Я ей и говорю...

– Простите. В каком дворе ваша песочница?

– А вон в том. Видите, за памятником – арка. В неё пройдёте, слева будет детская площадка. Сходите, поспрашивайте.

Вадим посмотрел на часы, выхватил ромашку из тётки Зоино ведёрка, положил ей в ладонь купюру за всё ведро, та только успела рот открыть, а он уже был на проезжей части, обернулся: – Спасибо, тётя Зоя. – Махнул жёлтому такси, ещё раз обернулся. – Дело неотложное, скоро вернусь. – Вадим сел в авто и поспешил в управление.

Через два часа Вадим стоял перед дверью депутата, позвонил, открыла дама в образе тридцатилетней женщины, в руке – ТВ пульт.

– Товарищ подполковник?.. Добрый вечер, заходите. – Дама отошла в сторону. – Чем могу? – Кокетливо улыбнулась.

– Добрый вечер. Надеюсь, что с вашим участием он станет ещё добрее. – Журавлёв вспомнил, что улыбаться надо чаще и, как гласит народная мудрость, люди к нему потянутся, тоже улыбнулся, но сдержано. – Меня бабушки к вам направили. Ищу адрес Лидии Владимировны. Помогите, пожалуйста.

– Да-да, конечно... Но она у нас больше не работает, и адреса её нет, и телефона ни домашнего, ни сотового... Дело в том, что мы построились и вот-вот покинем этот «гадюшник», а Лида не захотела... ну, как это... жить с нами, что ли.

Из дальней комнаты вышел муж в короткой футболке и оранжевых бермудах. Эти предметы соприкасались только на поясище, оставляя спереди солидному животу свободное пространство для маневра.

– Вы ко мне? – спросил депутат и метнул дротик в невидимую из прихожей мишень.

– Нет, Павел, ко мне, не отвлекайся, – успокоила дама. Муж прошлёпал к мишени.

– Она живёт в районе стадиона, – слышалось из глубины комнаты.

– Ну, и чем ты помог? Что, нашему гостю теперь надо идти на стадион, чтобы вдоволь побегать и попрыгать? Вдруг лбами столкнутся, да?.. У вас есть сотовый? – Вадим, поморщившись, показал, что нет. – Вот! Вы должны подарить Лиде сотовый, и про себя не забудьте, чтоб ей было с кем поболтать. – Дама постучала пультом по ладони, сосредоточилась. – Обычно она нам звонила с автомата. Был телефон у соседей, но я его час назад стёрла... Приходите-ка вы завтра где-то между десятью и четырнадцатью, а я обойду соседей, поспрашиваю. – Прикоснулась пальцами к виску Вадима, погладила и прошептала: – Думаю, мы снимем вашу головную боль. – Направила пульт на Вадима и нажала на кнопку. – Буду ждать продолжения нового сериала, скучать, смотреть в окно...

Когда закрывалась дверь, Вадим услышал голос мужа: «Люся, ты на Главпочтамт ходила?». Журавлёв впал в ступор... Разумеется, для него не было секретом, что Главпочтамт есть в каждом городе, и Лидия, в свою очередь, могла думать, что на проходной сотрудница сообщила Вадиму, куда она уехала.

Журавлёв в нетерпении топтался у стойки. Наконец, оператор доступен, минута, и в руках Вадима конверт, на штемпеле дата полуторамесячной давности. Вскрыл, достал лист, развернул. Он был не в состоянии читать: он видел только адрес и номер телефона соседей. Вадим направился к автомату, позвонил, услышал:

– Алё-о!

– Пригласите, пожалуйста, Лидию Владимировну из пятнадцатой.

– Минуточку.

У Вадима перехватило дыхание. Трубка легла, хлопнула дверь, прошло время, вернулся шум, следом прорвался строгий мужской голос:

– Быстров. Какие проблемы?

– Здравствуйте. Вас беспокоит Журавлёв Вадим. Могу я поговорить с вашей дочерью?

– Можете... но не сейчас. Лида скоро вернётся, а подождать её лучше у нас. Чтобы вы не плутали, давайте встретимся у входа в Пионерский парк. Подойдёт?

– Да! Буду через двадцать минут.

В вечерний час пик движение большинства граждан подчинено известным правилам, поэтому Журавлёв легко выделил из всей массы Быстрова, подошёл и представился:

– Здравствуйте. Я вам звонил, меня зовут Вадим.

– Здравствуйте. А я – Владимир Васильевич, отец Лиды. – Обменялись рукопожатием. – Служите в Ратниках?

– Да. Перевёлся три месяца назад.

– Смотрю, вы молоды, а звание имеете приличное.

– Назначение и присвоение были в одном приказе, а сколько переходил за всю службу – пустяк. Если позволите, добавлю в двух словах... Зимой мы с Лидией случайно встретились, она оставила телефон. Я свободен, обременений и обязательств перед третьими лицами не имею. Думаю, всё вместе дало мне...

– Не оправдывайтесь, – перебил Быстров. – Вы, Вадим, и она – взрослые люди. – Быстров замолчал. Эта мысль затронула то, что до сих пор не даёт покоя многим из его поколения, и он, глядя в сторону, признался: – Мы с матерью детей своих воспитывали правильно, по совести. Вот она – беда-то наша... И их тоже... – В это мгновение им овладели смешанные чувства, он взмахнул рукой, отбросив грустное, и указал направление. – Нам сюда. Пойдёмте не спеша.

– Неудобно как-то: Лидия меня не приглашала.

– Ну, адрес она ж дала. Значит, никаких вопросов.

Шли минут семь. Поднялись на пятый этаж. Быстров открыл дверь, пропустил Журавлёва.

– Проходите. Матери нет, она на даче. Летом часто остаётся, бывает, на неделю. – Мужчины прошли в комнату. Быстров покрутил головой. – И Лиды, смотрю, ещё не было. А младший наш работает и учится, он будет поздно. В меня пошёл: сначала Родине отслужил.

Вадим заметил на полке фото в рамке, его заинтересовал знакомый силуэт, подошёл:

– Можно? – Поднёс ближе. – Это же вы? Необычная фотография.

На фото – вековые липы, аллеи, площадки, в центре композицию венчает памятник Воину-освободителю. Нет сомнений, фото сделано в Берлине, в Трептов-парке. Пространство от ступеней постамента к зрителю заполнено группами советских солдат и офицеров. Все солдаты в касках, с автоматами, офицеры в полевой форме, с пистолетами в кобурах. На первом плане стоят, обнявшись, ефрейтор Быстров с товарищем.

Владимир Васильевич предложил Вадиму присесть, сам устроился напротив.

– Раньше я это фото не выставлял, даже в семейном альбоме оно не лежало. Это мы в 53-м. Недобитые фашисты восстали, пришлось усмирять. Историю одну расскажу. Но сначала давайте по рюмочке коньяка за знакомство. Нет возражений?

Вадим кивнул и показал пальцем – одну! Владимир Васильевич встал и занялся подготовкой, продолжая рассказ:

– Подняли нас по тревоге, выдали боевые. Такое бывало, например, в день-икс, так у нас обозначали день рождения их фюрера. А здесь другое вышло! Построили нас и объявили, что фашистские недобитки достали из схронов стрелковое оружие, фаустпатроны, и что есть уже безвозвратные потери. Выдали, значит, боевые, и помчались мы, танки и пехота на бэтэрах, из Форст-Цинны – там стоял наш штаб – на Берлин. Дошли мы до одного городка в Саксонии. Аккуратные домики, черепица, ратуша, кирха. Колонна встала. Оказывается, на ратуше флаг той Германии вывесили. Напролом рискованно, командиры решили посоветоваться. В это время наш ротный бинокль опустил, ну, я и попросил посмотреть, он дал. Навёл, гляжу, в одном доме, из окна под крышей немка высовывается, зевая. До городка метров триста, а шуму от нас, будь здоров. Увидела колонну и потянулась за ставнями, чтоб закрыть, ещё больше высунулась, да так, что груди из сорочки выпали. В общем, закрыла ставни, а я бинокль вернул. – Быстров усмехнулся. – Тем временем прибыл снайперский экипаж. Как жახнет болванкой, и с первого выстрела флаг снёс... Ну! За знакомство!

Владимир Васильевич, беспокоясь, кабы не возникло тягостное молчание, монолог решил не прерывать и с ходу продолжил:

– Женился я поздно. Как получилось? Рассказываю. Дождался дембеля, и подались мы с другом-сослуживцем в геологоразведку. Такая работа по мне, несколько лет ходил. И надо ж такому случиться, сорвался со скалы. Вывозили на вертолёте, несколько лет лечился, операция за операцией, а как вылечился, поступил в институт по той же специальности. Закончил, встретил девушку-красавицу, и стала она мне женой, а Лиде и нашим двум сыновьям – матерью. Так и живём... Ну, ещё по одной? – Вадим показал, что не стоит. Быстров пожал плечами. –

Согласен, но тогда надо по последней: последнюю мы не обозначили, а так нельзя. Выходит, сами виноваты, нам и исправлять, верно?

Обменялись взглядами и поддержали древнюю традицию. Быстров почесал нос, встал, убрал графин, рюмки, вернулся за стол.

– Всё чисто, не придерёшься. Ну, чай, кофе – это мы уже вместе с Лидой. – Посмотрел на Журавлёва. – А что вы нам расскажете, милостивый граф?

Щёлкнул замок на входной двери, дверь открылась и закрылась – кто-то вошёл... Вадим встал.

– Пап, привет! Сумку возьми, – послышалось из прихожей.

Вадим впервые услышал голос Лидии, и каждая клеточка в нём задрожала. Владимир Васильевич заметил состояние Вадима, покачал головой и, нахмурившись, направился в прихожую. Скоро шуршание и короткие, вполголоса реплики стихли. В комнату вошла Лидия, за ней – Быстров. Лидия, увидев гостя, застыла. Вадим вышел из-за стола и представился:

– Здравствуйте. Вадим.

– Очень приятно. – Побледнела, губы дрогнули. – Лида.

– Э-э, как у вас всё запущено-то! – вырвалось у Быстрова, он попытался сгладить, но на ум пришло только одно старое непреложное правило: – Значит так, ребята: надо за знакомство! – Отнёс сумку на кухню, вернулся.

Глаза у Лидии стали оживать, к ней возвращалась способность понимать происходящее.

– Папа, ты же знаешь, я не... Ну, ладно... – Лидия села в кресло, выгнулась, поморщилась и на выдохе расслабилась. – Я-то подумала, вы с дядей Эдуардом в нарды играете...

Сидели недолго. Лидия пригубила, пришла в себя, отвечала на шутки, добавила свою. Быстров, в отличие от других, не уклонялся от прямых взглядов, напротив, он их ловил, и он один безуспешно пытался найти общую тему для разговора.

– Папа, прости, но мне так хочется выйти на свежий воздух: набегалась, устала, надо успокоиться. Вадим, составьте компанию, пожалуйста.

– Хорошо. – Вадим встал.

– Куда ж это вы, на ночь глядя, – удивился Быстров. – А впрочем, ты права. Сам бы погулял, да не с кем.

– Мы – ненадолго и недалеко: на стадион, моё любимое место. – Выбор в пользу прогулки принёс ей облегчение, и в интонации появились нотки ожидания приятного: – Там по вечерам освещение включено, музыка играет, милиция заглядывает, не бывает ни алкашей, ни бродяг.

Ворота на стадион были открыты, они вошли и оказались в ином мире, где торжествуют свет, музыка и положительные эмоции, клубный интерес и многое другое, от чего кружит голову адреналин и хочется жить. Они, не касаясь друг друга, шли медленным шагом вдоль беговой дорожки, слушали мелодии, поглядывали по сторонам, под ноги и на поле, на верхние ряды и на звёзды, только не на того, кто рядом, а когда круг замкнули, поднялись на трибуну и сели. Стихла очередная мелодия, её сменили тропические ритмы, к ним добавились незамысловатые слова, а самыми первыми были: *«Мальчик хочет в Тамбов...»* «Мистика», – подумал Журавлёв и украдкой посмотрел на Лидию. Та, прикрыв глаза и опершись подбородком на кулачки, покачивала головой в такт.

«...На тебя посмотрел он украдкой, / И слезинка блеснула огнем.

От улыбки его стало жарко, / Вам так весело стало вдвоем.

*Руку он протянул и промолвил «Пойдём». / Море тихо пропело
«Смелей!*

*Длится ваш беззаботный, случайный роман / Уже целых
семнадцать недель...»*

Вадим нарушил молчание:

– Смогу ли объяснить... Попробую... В моём воображении между реальной Лидой и её образом возникла стена. Это – проделки времени... Хотелось бы ту преграду разрушить и вас соединить.

Лидия кивнула. Вадим осторожно взял её за запястье, она замерла, но руку отдала. Он прикоснулся тыльной стороной её ладони к своей щеке, ощутил приятную прохладу, услышал:

– Ты горишь... Что случилось?

Вадим показал взглядом вверх, где рождались горячие ритмы ламбады, и там, на границе света и ночи – так им виделось, а на самом деле, из динамика на фонарном столбе – ей ответили звёзды: *«Мальчик хочет в Тамбов, ты знаешь...»*

«Они вместе, шеф, – мы возвращаемся»

Автобус вильнул кормой и притормозил у загородной остановки. Задняя площадка загудела: «Дайте выйти! У-у, бар-раны!» Парень во флотском реглане ступил с подножки на снег и отошёл в сторону. Вывалилась ватага, выдёргивая одежду из челюстей салона, и, не медля, внутрь втиснулись новые пассажиры с ёлочками, сумками, детишками. Парень попробовал вжаться, но двери не закрывались... раз-другой, и водитель не вытерпел: «Выйди, сынок: за нами – сто двенадцатый пустой».

Он остался и, нахохлившись, стал измерять остановку приставными шагами, потом цепочкой, постучал ботинками, посмотрел на тёмный горизонт, притихший перед полночным фейерверком, обернулся: на наледи «запорожец» занесло так, что тот сполз задом в кювет и заглох. Вышел дедок, постоял тупо, огляделся, заметил парня и улыбнулся:

– Сынок! В такую ночь – святое ж дело, а!?

– Лег-ко!

Попыхтев, иномарку выкатили. Дед повозился, завести не смог, ещё раз улыбнулся:

– Толкни-ка на счастье!

Парень упёрся, ещё раз, под ладонями задрожало, «запорожец» икнул и задрезжал по шоссе, а за ним последний автобус из-за спины обдал дымом, включил форсаж и увёз надежду.

Ему-то что осталось – любовь да вера? Двенадцать километров – два часа. Ладно, к полуночи, к бою курантов он будет дома. Перешёл на левую обочину, поднял капюшон и зашагал. Через полчаса оглянулся, вдали мигнул огонек. Минуту спустя поравнялось такси.

– Садись, сынок!

– Спасибо! – поблагодарил, устраиваясь сзади. – С наступающим!

Снял шапку, расправил шарф, и вдруг его ослепил взгляд справа из зеркала:

– Макси-им! Ты!?!.. – и с болью: – Где ж ты был всё это время, где пропал?

– Ве-ерочка, приве-ет... На флоте три года... то ты не отвечала, то мы по полгода в автономке, потом по контракту... А мои, потрепало их, живут теперь в посёлке. Вернулся вот, а кругом... А ты сама-то как?

– Макс, я в этих краях впервые: подруга позвала «на ёлочку»... А говорят, чудес не бывает. Бывает!.. Решено: едем ко мне!.. Брось! У меня всё-всё есть! Дяденька, миленький, разворачивайте!

Достала телефон:

– Лариса, не получится... Нет, нет и нет. После... Переживёт, не впервой... Целую! Пока-пока! С наступающим!.. – и нежно Максиму: – До двенадцати вагон времени. И пёрышки почистишь, и отдохнёшь, и расскажешь про автономку-разлучницу.

***

– До свидания, дяденька! С Новым Годом!

– Завидую вам! Чего уж там: будьте счастливы! – всё, что могу.

Максим опешил: «Оба водителя, они что, близнецы? Мистика! А самый первый? Жаль, лица не видел», – и отъезжающему такси улыбнулся вслед: вернулась надежда.

ОГНИ ПИТЕРА

(Мелодрама)

Пролог

Все, кого завтра-послезавтра выпишут из приютившей нас «пятизвездочной» клиники, собираются на заключительное занятие в свободную смотровую. Кристина, врач-методист, невысокая стройная брюнетка, одета в белый брючный костюмчик медперсонала, терпеливо ожидает, пока все займут места на диванчиках. В течение последних пяти дней именно она терпеливо учила нас ходить, эта молодая женщина с умным взглядом карих глаз, вежливая, выдержанная. Поднимала, выгоняла в коридор, выслушивая упреки, а вслед за ними шутки и анекдоты.

Кристина, сидя боком ко мне на больничной койке, болтает ножкой в стильных белых спортивных тапочках. Чуть покачивается бедро в плотно облегающих брюках. Линия стрижки, оставляя шейку открытой от затылка, по косой линии опускает волосы немного ниже лица. Кажется, у Кристины чуть вздёрнутый носик. От веселого соседа по палате, предвкушающего расставание с образом молодого «калеки», знаю, что «Кристинка» разведена и что у нее двое детишек...

Кристина, рассказав обо всём, с чем может столкнуться каждый из нас после выписки, завершая сеанс, предлагает записать на обороте своих методичек номера телефонов лечащих врачей. Похожая запись у меня есть, а потому жду окончания процедуры, но как только больные, выходя, засуетились, спохватился – дополнительный номер не станет лишним. Подхожу и, назвав фамилию врача, передаю свою брошюру. Кристина записывает сиреневым маркером номер телефона ординаторской и добавляет ниже свой на тот случай, если вдруг возникнут вопросы и к ней.

Маршрут из Питера домой на заднем сидении авто оказался не столь утомительным. За окном Ленинградка шумит моторами, рваным ветром и слякотью асфальта. Тихая музыка в салоне, можно дремать или, не спеша, выгружать из памяти и листать картинки... Вспомнил, как перехватил задумчивый взгляд Кристины. Как она тут же присела рядом и стала показывать правильный шаг, поддерживая и направляя мою ногу своими руками:

– Михаил, Вы для чего делали операцию? Ну, смелее, сгибайте... Вперед... Нужно наступать и давать небольшую нагрузку. А теперь так... Видите, получается... И я за Вас рада.

Интересная, привлекательная молодая женщина...

Первые два месяца – дома. Чем занять себя, искать не пришлось. Так вышло, что в прошлом году, отдавая дань предкам, что помнил, сохранил в текстах. И пришла ко мне тяжелая болезнь – переживание событий из прошлого, которые десятилетиями были сжаты в памяти в крошечный архив, и вот он оказался распакованным.

В этом виде творчества видел себя человеком случайным, но победило тщеславие, и «из-под пера» вышли несколько рассказов и повестей. Пришли добрые отзывы, и, естественно, возникла потребность в читателях, но скоро узнал, что обратная связь часто оставляет горький осадок. За всё это время на сиреневые номера телефонов обратил внимание только раз. Телефон был мобильным, и я, подумав день-другой, отправил СМС со ссылкой на сайт, где были выложены мои записи.

В конце декабря вышел на работу. Пока был на больничном, у заказчика к моей части проекта накопился целый пакет предложений. После зимних каникул приступил к подготовке командировки в Питер.

Через неделю сажусь в «Сапсан». В Питере на вокзале захожу в метро, встаю на эскалатор, спускаюсь, взгляд вяло переключается с перил на рекламные щиты, табло, встречный поток пассажиров. Вдруг издалика по каким-то признакам выделяю женское лицо. Маловероятно здесь встретить знакомого, а потому не возникло никакого напряжения, вновь «ушёл в себя, меня там ждали», взгляд же, забыв, оставил прикрепленным к незнакомке. Но эта женщина тоже смотрит в мою сторону, и выражение её лица не кажется праздным! Первой узнала она, через мгновение по её вспыхнувшим глазам и ожившей мимике – я. Выпрямился, показываю жестами, что как только спущусь, то поднимусь наверх, и успеваю заметить согласие в её улыбке и глазах. Обленившиеся мысли проснулись и завозились, потягиваясь, заканючили: «Что ты затеваешь? Тебе это надо? Давай в гостиницу отдыхать!»

Кристина ожидает у эскалатора, прислонившись к стене. Полупальто, пояс, красивый шарф, кепи, тонкой кожи ботфорты и сумочка. Цвета – чёрный, серый различных оттенков, бордовый, белый. С проявлением галантности я опоздал, и первые слова были её:

– Здравствуйте, Михаил! Я – Кристина.

Мне осталось произнести ответное приветствие, добавить, мол, помню и на автомате сделать комплемент. Кристина приветливо улыбается. Меня это настораживает, т.к. не являюсь мужчиной, избалованным скорым проявлением женского внимания. Замечаю лёгкую нервозность: плечиком шевельнёт, на ножке переступит, рукой до лица

дотронется, под ноги или в сторону посмотрит. Вновь опережая меня, заговорила быстро:

– По ссылке я прочитала почти всё. Представьте, сегодня не осталось в моём окружении знакомого, которого я знала бы лучше, чем вас... Кроме детей своих, конечно же!.. Классно так получилось: смотрю, навстречу спускается близкий, простите, знакомый мне человек... Я так завидую тому, что вы жили в то время. Вы все – совершенно другие люди!.. Извините, может, я некстати?

Здорово – попала в самое яблочко! От сказанного по голове побежали горячие колики. За день пройти маршрутами того времени могу не раз, они и есть часть того самого распакованного архива. Как только справился с коротким шоком, вижу – Кристина, крайне приблизившись, вот уже несколько секунд заглядывает в мои глаза и, замерев, ожидает ответ на свой вопрос. Точка, на которой остановился её взор, находится глубоко внутри меня, а там, согласитесь, можно встретить только серое вещество и ничего более... Замечаю, что начинаю стремительно входить в состояние юношеской стеснительности, что Кристина чертовски привлекательна, и не только я так думаю. Вспомнил вопрос, извинился, посмотрел на часы и объявил, что у меня остаётся около часа на выкуп брони в гостинице. Поднимаю голову и вновь попадаю в плен её темных глаз...

– Успеешь? Простите, успеваешь? Черт, простите!... Успеваете?

– Кристина, успеваю. Давайте на «ты», хорошо?

– Согласна!

С ней явно что-то происходит. Предлагаю связаться завтра после шестнадцати, и предупреждаю, что в этот момент могу быть за пределами Питера и где именно:

– У меня здесь никого, значит, после работы будет уйма времени. Погуляем, поболтаем. Познакомишь поближе с Питером. А я расскажу про наше время.

Зачем я это сделал?

Оставив вещи в номере, возвращаюсь в «Перекрёсток», покупаю всё, что завтра может оказаться не лишним, если не завтра, то до отъезда. Возвращаюсь заснеженным парком. Есть время для раздумий... Ведь что-то же произошло. Моделирую разные ситуации, доводя каждую до состояния носителя некоей беды, столкнувшись с которой, Кристина нуждается в помощи. Могу предположить, что ей необходимо общение и появление нечужого ей человека – выход, пусть на время... Что-то я накрутил слишком. Ну, ладно, в любом случае мне завтра следует быть внимательным, а главное – не обидеть.

1. День первый

Мой первый рабочий день на предприятии подошел к концу. Вышел на улицу. Мороз слабенький, на воротник ложатся снежинки, дышится легко. Вдруг под курткой слышу звонок, а с ним приходит понимание того, что мобильный весь день пролежал в её кармане в гардеробе! Подношу к глазам, замечаю время 16:10 и имя звонившего. Полетели торопливые извинения, но скоро понял, что спешить не надо, что встретимся на Васильевском Острове через полтора часа.

Кружится невесомый снег. На переходе замечаю Кристину. Подходит, пританцовывая:

– Привет! – и, круто развернувшись, подхватывает меня под руку, и вот мы, не спеша, двинулись по Среднему проспекту, про себя отметил, в сторону кафе «Алиса».

– Я говорила, что у меня вопросов куча. А вот тебе, догадываюсь, не терпится самому задать, да? – и Кристина нетерпеливо теребит меня за локоть.

Повернулся к ней, смог только улыбнуться, но чуть позже собрался и ответил:

– Конечно, задам... Впереди «Алиса», зайдем?

Кристина мило показала разочарование:

– А я размечталась, что это будет от меня первый объект знакомства с городом.

Большую часть пути молчим, поглядывая друг на друга, а когда проходили мимо освещенной витрины, Кристина неожиданно развернула нас к ней лицом:

– Это зеркало. Мы – неплохая пара. Так могут думать мальчишки и девчонки, дяди и тети, которых мы встречаем. Другое им просто в голову не придёт. Знаю, сколько тебе, но выглядишь ты намного моложе. Да, представь себе, не смейся. Смотри-смотри, нет, не на меня... А я за прошедший год постарела на целых пять лет. Весна и лето, осень – одни нервотрепки. Спасибо маме, иначе детишек упустила бы. У меня их двое: Дашеньке – четырнадцать, Даниле – двенадцать... Ах, зна-аешь?... Ага, «морячок» сказал. Это тот, что в тельняшке, любитель старых анекдотов? Ладно, проехали... Отвернись, на меня не надо смотреть, туда смотри, не отвлекайся. Видишь – там мы, совсем молодые, разница всего десять лет!

Мы рассмеялись. Неожиданно Кристина положила руки мне на плечи и быстро поцеловала, медленно отвела голову назад, по-детски пожаловалась:

– Колются. А теперь ты... А так лучше, не колются, а еще разик...

Объяснение неожиданному поступку нашлось без промедления. Слышал, что женщины, попав в безвыходное положение, действуют, не задумываясь, на подсознании. Такое поведение для них – как борьба за выживание. Не это ли происходит с Кристиной?

– Кристина, пожалуйста, давай не станем делать это у каждой витрины.

– Нет, будем: я тороплюсь. – Она отшатнулась, взгляд на мгновение стал холодным, но тут же прежним, ласковым. – Не обращай внимания, сорвалось.

Мы продолжили путь. Чувствую, что Кристина ушла в свой мир: то посмотрит под ноги, затем – по сторонам и свободным пальчиком начинает выводить невидимые дужки в пространстве перед собой. И, кажется, напевает!? Эти поиски: под ногами и вокруг, следуют один за другим. Похоже на сотворение музыки.

Вдруг Кристина, дернув за рукав, развернула меня к себе лицом и медленно подула в глаза, капризно спросила:

– Ну, что с тобой? – И, не ожидая ответа, пока на переходе не погас «зеленый», потянула на ту сторону перекрёстка в кафе под маркизой.

Дальний столик в первом зале у окна оказался свободен. Кристина присела, я собрался идти делать заказ:

– Не против: бризоли с белым соусом? К нему подойдет бокал пива, или возьмем красного, по глоточку минеральной и кофе?

Кристина с прямой спинкой и ладошками между коленок бодро уточнила:

– Или! – Оглядела зал, подчиняя движение головы и бровей ритму какой-то своей внутренней мелодии, и добавила: – И ты, оказывается, бываешь здесь...

Вернулся, сел напротив. Пока готовятся бризоли, музыкальные колонки предложили нам ещё раз пережить с героем историю с вопросом: «Ты помнишь чартер на Ганновер?» и, конечно же, её грустный финал: «...как заноза в горле, на шее цёпочка твоя». Ловлю встречный взгляд, не отпускаю и замечаю, как розовеют её щеки. Пропадаю: нравится мне она! Кристина красиво встряхнула головой, не разорвав ни на мгновение тонкой нити, связывающей нас, ласково улыбнулась:

– Уже восемнадцать, можешь закурить.

– Знаю, но не могу представить себе кабаком это уютно место. И ты – рядом.

– Спасибо! Вижу, тебе трудно со мной. Почему? Хотелось, чтоб скоро прошло, – сказала ласково и провела пальцем по моей руке. Признался, что робею. На это Кристина ответила строго: – Смотри сюда, у меня нет клыков ни с этой стороны, смотри, ни с этой, значит, я не вампир. Других угроз я не могу нести.

– Кристина, ты очень мила! За тебя, за встречу!

– Нет, за нас и за знако-о-омство!.. Михаил, повторю и больше не буду: ты для меня открытая книга, конечно, если ты не лукавил в своих записях. Мне известно наперёд, что подумаешь, скажешь, как поведёшь. Со стороны ты угрюм, у тебя свой мир, допускаешь в него не всех. Я же давно знакома с тобой! А ты не знал? Мы вместе в солдатском клубе смотрели «Летят журавли». Это я пряталась за скамеечкой в кустах сирени с прирученным соловьем, когда ты миловался со Светкой. Так же, как ты, я испытывала боль за детдомовских детишек и ветеранов... «Морячок», наверное, сказал тебе, что я разведена?

– Да. И ещё то, что ты, «Кристинка», дала ему свой номер телефона. Ещё какою-то чушь, но мне тогда было всё равно, а потому всего не помню. Мы с третьим шутили в его палате, и Андрей стал подыгрывать, было весело, он мог что-нибудь наболтать... ну, не помню.

– Тебе я тоже телефон оставила... Нет, не разведена. Супруг мой – бандит, давно в бегах. Продал всё, что смог, бросил нас, воспользовался моей фамилией, скрывается за границей. Осталась нам только квартира недалеко от Лиговского. Связи с ним и помощи практически нет. И родных нет, только их могилы и кровь, друзей теряю, всё время – детям.

– Что здесь значит – кровь?

– Один дед погиб на Синявинских высотах, ходим к нему на Братскую могилу. Другой воевал на Карельском перешейке, вернулся, похоронен в пригороде. Много родных на Пискарёвском....

– А вот и бризоли! Спасибо!

– Ах, как роскошно! Спасибо, девочки... Михаил, знаю, что мужчины любят, когда их балуют, но я тебе ни крошки не оставляю, не рассчитывай.

– Буду только рад!

– Ты много пишешь о прыжках с парашютом. Не жалеешь, что бросил?

– Жалел, но так надо было, не мой путь. Снятся все реже и реже, да. Уверен, что и сегодня показал бы неплохой результат. То была не экзотика, то была работа и счастливая юность! Благодарен Союзу, что имел возможность заниматься этим видом спорта, что был не раз делегирован на разные соревнования, и успех был, но травмы и прочее. Пришлось прекратить. Кристина, твоя квартира далеко от Обводного канала?

– Нет, рядом, а что?

– Выходит, мы – соседи. Рванём ко мне в гости!

– Рванём, но прежде – кофе...

Поднимаемся из метро и, обнявшись и пряча лица от снега, идём навстречу ветру. Сворачиваем, идём парком.

– Тебе нравится Питер? А какое было первое впечатление?

– Я не сказал бы, что «Ах!». Буднично, суета на Невском. От посещения музеев до сих пор затхлый осадок, особенно от Морского. Импрессионисты и английский портрет – блеск! Например, полотно конца 18-го, начала 19-го, где свежий ветер треплет женские волосы, будто ворвалось из другой эпохи. Повезло увидеть коллекцию Прадо: руки и глаза Слепого Органиста, Караваджо и его Давид – необычно, сильно. А Ростральные колонны – облупившейся коридор коммуналки, скрученный в трубочку, зачем-то наверху антенны, прожекторы, а носы кораблей, как приложение рук Церетели.

– Ты не всё видел.

– Вспомнил: в Петергофе ахнул. Мы подходили Верхним парком к правому крылу дворца. Середина октября, раннее утро, низкое солнце светило нам в спину. Представь, золото на куполах буквально бушевало, слепило нам глаза. Летом в сезон в этот час эффекта не будет никакого. Чтоб увидеть, как мы, надо вставать в четыре утра, но какой турист оторвёт голову от подушки.

– Хорошо летом...

Через пятнадцать минут открываем дверь в номер. Помог снять верхнюю одежду, смеясь, освободились от сапожек. Проходим в комнату.

– Думаю, ты быстро освоишься, а мне на домашние хлопоты будет достаточно пяти минут.

– Освоюсь. Здесь, как теперь говорят, – дружественный интерфейс.

Открываю окно, включаю бра, телевизор, прогоняю каналы до первого бестолкового. Выключаю верхний свет, приношу фрукты, шоколад, орешки, наливаю вино. Появляется Кристина, а за ней, выглядывая и прячась, тонкий интимный аромат. На Кристине белая блузка, жилетка, клетчатая юбочка.

– Мне удобно без тапочек. Как дома. Присяду здесь, можно?

– Ну что ты, конечно, можно! Дай свои ножки. Это шерстяные носки, чистые, беленькие, тебе будет уютно.

– Спасибо, сядешь рядом?

– Сяду, а сейчас, нет, извини, хочется видеть тебя – у нас осталось немного времени поговорить. На, возьми плед, а я окно закрою.

– Глупенький, будет и поговорить. Меня отсюда теперь никто не выгонит...

Кристина сидит на диване, подобрав под себя ноги. Присел на ковер перед ней, кладу руку на бедро, она ловит и перекладывает на плечо, ближе к шее. Я приподнимаюсь и присаживаюсь рядом, обнимаю ее. Сознание еще цепляется за реальность и подсказывает, что я на пороге нового, в котором буду желать принадлежать ей, и чтобы она принадлежала мне, и что за этим порогом во все времена искусно

пряталась тревога. Но мир стал иным: он – её бездонные глаза. Кристина медленно опускает ресницы и отклоняет голову в сторону и назад, и я целую живые губы. Закружилась голова, на сердце сладко, оно млеет, тает – сказка... Рядом женщина, которая мне доверилась, которая желает близости со мной. *Она дарит мне чувство благодарности к ней и ощущение моего собственного достоинства, гордости...*

– Миша! Мы уже... Мы могли бы... Подожди, я скажу...

– Знаю, ты скажешь, что мы уже взрослые люди и так далее. Дай еще две минуты, позволь продлить. Мне будто двадцать лет, когда ещё...

Встаю, беру кресло и разворачиваю к телевизору:

– Пересядь, пожалуйста. Я на пять минут оставлю тебя...

Кристина ныряет под одеяло. И закрутилось! Через минуту одеяло и подушка оказываются на полу – с ними нам тесно. Всё внимание – Кристине, но себе оставляю слишком много, а это мешает – скован, постоянно оцениваю свои действия и её реакцию. Постепенно игры выравниваются, чувствую, что у меня получается, что доставляю приятное. А вот меня и затрясло! Кристина тоже задыхается, горит. О-о-о! С этой секунды – мы вместе, мы одно целое. Не умолкая, несую всякую чушь о чуде, о счастье, о небесах... Вижу, как раскачиваются за окном огни вечернего Питера. Передо мной Кристина сжимает в зубах край пододеяльника, бегло, короткими циклами, смотрит перед собой, закрывает глаза, смотрит, закрывает, сопит, задыхаясь... Целую и покусываю колени... По Кристине пошла дрожь, судороги, она готова вырваться, стон... Радуюсь, как ребёнок – пять с плюсом, теперь я свободен! Огни Питера взлетели и перевернулись раз... второй... третий... Упал... Через полминуты полез искать ушко, целую в губы, отклик восхитительный, целую глазки, а в них и на висках – слёзы...

– Как ты говорил, уходя от Светки: «сдуваюсь», апатия?

– Нет, – «гасну»...

– Я буду собираться. Что у тебя завтра?

– Утром – бассейн, вечером – стулья.

– Какие стулья? А... вспомнила – Мечников, а в твоих фантазиях – я.

– Как смешно.

– Отвернись, я оденусь.

– Не могу, но и ты не уходи... Любуюсь тобой – ты нежная и удивительная...

– Пожалуйста, застегни... Не надо, поздно уже... Расслабься, кого ждем!? Одевайся, идём, покажу, где мы живём...

Вышли на ветер. На набережной канала Кристина обернулась и показала, чтоб запомнил, откуда мы вышли, затем – вперед на дома, «куда

идём мы с Пятачком», и на вышку с красными огнями как главный ориентир, торчащий за теми домами.

Немного погода прошли под аркой в питерский дворик.

– Я – на четвертый. Видишь, окно справа, как войду, помашу. Ну, до завтра. Звони, как определишься.

Чуть приподнявшись на носочках, повернулась, взвизгнул снежок, дошла до двери и сразу же – назад. Вздохнула, прикрыла глаза и поцеловала точно так, как у витрины на Среднем. Спустя две минуты, прижавшись к стеклу, помахала в темноту.

2. День второй

Завершился второй день работы на предприятии. Договорились: поднимусь из метро «Гостиный Двор» и пойду правой стороной по направлению к Адмиралтейству, а Кристина – навстречу. Предупредила, что будет в светлом сером пальто елочкой.

А вот и она. Увидела и, угрожая столкнуть с пути, остановилась в десяти сантиметрах, а её живые тёмные глаза – в глаза, от чего внутри стало по-настоящему тепло. Она, точно – озорной бесёнок.

Идем к началу Невского, заходим в кафе. Берем баварские сосиски с кетчупом ей, с европейской горчицей – мне, а к ним – по бокалу немецкого светлого пива.

У Кристины было хорошее настроение, какое бывает до самой ослепительно белой зависти, и она это знает:

– У меня прекрасное настроение. А что небо хмурится, то оно сделать ничего плохого мне не сможет, хоть разразись гром, хоть буря!

Неуклюже пошутил, что зонт я забыл. Добавил, что завтра, после обеда – выходной, а послезавтра, в субботу – домой, увы!.. Боже! Видел бы кто эти глаза!

– Причем здесь зонт! Почему послезавтра? – поводила ногтём по гладкой поверхности стола, вздохнула: – Ах, да! Сегодня же четверг, а завтра последняя пятница.

Покрутила головой, пошевелила плечиками, прогнулась:

– Послушай, почему у тебя так мудро выстроено: крылатый муравей, разные миры, оглянуться успел, не успел? Красиво, конечно.

– Надо было бы предупредить, я бы подготовился... Когда бывал повод поднять бокал в память об ушедших родных, пытался рассказать что-нибудь из их жизни. Супруга нет-нет да подсажает, что меня уже никто не слушает. А позже предложила: запиши, а то уйдешь из жизни, и это за тобой вслед... Когда написал, вспомнил муравья на полу в метро, что не хотел быть свидетелем неизбежной катастрофы, отвернулся. Следом – о том, что мало знаем друг о друге, не храним память, теряем

связи между поколениями, а это может привести к потере чувства долга перед Родиной и предками...

– Молодец супруга, спасибо ей.

– Да, я это ей говорил, говорю, и ценю её...

За изголовьем в окне – знакомые разноцветные огни вечернего Питера, но всё, что я могу воспринимать, находится передо мной, от него восходит и обтекает меня горячая волна возбуждения... Прикасаюсь губами к ложбинке у бедра и тут же улавливаю рядом слабый аромат свежескошенной травы. Она крупно и сильно вздрагивает, а руки её начинают ворошить мои волосы, прикасаются к лицу, к губам, выпрашивая поцелуй для каждого пальчика. Сквозь жаркий хаос угадываю робкое приглашение, направляемое подушечками пальцев вниз... Не отрывая губ от бедра, передвигаюсь дальше, перехожу на его внутреннюю сторону и уже чувствую правой щекой упругий коврик, от которого исходит тот чудесный аромат. Бедро немного приподнимается и отводится во внешнюю сторону... Нет, не сейчас.

Встаю на колени, повернувшись к ней лицом. Её головка отведена назад и повернута в профиль, вижу горячее лицо, улыбку, зубки. Иногда вспыхивают глаза, которые, оставаясь за сенью ресниц, секунды смотрят на меня, на свои руки, затем блеск их тает, а пальчики продолжают творить чудо!..

Мои ладони на расстоянии принимают жар, сжигающий её тело. Оставляю правую руку на её груди, не отрывая взгляд от её лица, отвожу левую назад и опускаю на бугорок под упругим ковриком. То, что я нахожу под ним, сводит меня с ума, она чувствует это и отвечает по-своему. Удары моего сердца рвутся на волю и слышны нам обоим. Дышать больше нечем... Дрожь, рычание, судороги... Несколько раз огни Питера взлетели и перевернулись...

В старом дворике дождался, когда Кристина мне помашет в окно, ответил и нырнул под арку. Улыбаясь, дошел до того места, где следует поворачивать к гостинице. И вот здесь задумался всерьез: «А что меня или нас ждёт там, впереди? Ясно, я – носитель ярких рельефных чувств, но что они? Любовь? Долой: причин много. Мне хорошо, и боюсь потерять это хорошее – это ближе и угроза есть. У нас нет будущего! Вот оно!.. Ещё одно испытание до конца дней. А может, наплевать на всё?»

3. День третий

Последняя пятница. Прогуливаясь по Адмиралтейской набережной, остановились напротив «Кронверка». Обнял Кристину, она положила

голову на моё плечо и смотрит в сторону Дворцового моста, я лицом к Неве – на Заячий остров.

- Миш, ты хочешь что-то сказать мне?
- Подожди, соберусь...
- Когда не станет меня, ты тоже будешь молчать?
- Что значит «не станет»?
- Ну, например, исчезну из твоей жизни...
- Да, буду...

Кристина отстранилась, достала платочек и прикоснулась к моим глазам. Задрожала картинка – держись, черт побери!

– А я знаю, что ты думаешь, ты заладил одно: «Нет будущего, нет будущего...». А я вот что скажу!

Кристина отошла, сделала на тонкой снежной порошке несколько маленьких кружков, остановилась, задумалась, широко поставила ноги, подняла руки, за ними – лицо... и разрушила вдруг инсталляцию. Встряхнулась, вновь собралась в тонкое деревце, кулачки – к подбородку, глаза – к небу и проговорила на одном дыхании:

- Спасибо Тебе, что у меня есть эти три дня!

Положила руку на моё плечо, дав знать, что это не всё. Подошла ближе и, глядя в глаза, прошептала:

- Спасибо... Пошли быстрее. Сначала до Сенной, а там посмотрим...

Отвернулась, но мне послышалось: «Какая я тварь, мразь последняя...» Остановился, потянул на себя: «О чем ты?», на что Кристина нервно: «Потом, всё потом. Газ не выключила. Не тормози!»

Пролетели мимо Исакия, Николая Первого, на каком-то канале нашли чистую скамеечку.

- Ноге должно быть больно?
- Ты милого узнала по походке.
- Михаил, не перебивай, мне трудно... Уже долго я одна, без друзей и подруг. Меня ожидают перемены, но говорить о них рано. Нужен... мне нужен близкий человек. Вся высохла, а здесь ты – это находка!

- Всё-таки ты – вампир.

– Не злись, пожалуйста. Вижу, заводисься... Слушай дальше. Я оказалась банальной эгоисткой, последней гадиной! Это, пожалуй, всё... Я не ожидала, что тебе станет больно. Извини ещё раз... Но, согласись, пережить расставание теперь будет легче. И древним философам нос утер: ещё раз окунулся в знакомый омут. И народная мудрость удовлетворена: «седина в бороду – бес в ребро». Два – в одном!

- Мы должны расстаться?
- Не миновать... Но около месяца ещё есть.
- Ладно, могу проводить тебя домой... или куда скажешь. Пойдем?
- Нет, нет! Сядь, подожди, дай сказать, подумаю только...

Кристина рывком приблизилась сбоку, приподняв одну ножку на скамейку, закинула руку мне на другое плечо и замерла в позе «Роденовского поцелуя», прижавшись. Сидим в этой позе долго, очень долго. Чувствую, закопошилась, поднимает лицо, я вздрогнул – у неё ресницы, как осенью на болоте круговые паутинки, обвешанные крупными бриллиантами росы, и губы прошептали: «Я люблю тебя», снова уткнулась, а немного позже: «Ты простил?»

***

Огни Питера были послушны как никогда, и вновь взлетали... Лежу на спине, возвращается Кристина, падает на кровать и вытягивается справа рядом, лицо кладет на моё плечо, смотрит.

– Супруг воспользовался твоей фамилией. Как?

– А так!

Привстает, больно, не щадя, упирается кулачками в грудь, перебрасывает правую ногу через меня и встаёт на колени. Она, прекрасный бесенок, раскрылась вся! Чёрные волосы обрамляют милое лицо, тянутся ко мне, тёмные бездонные глаза блестят, раскачивается на цепочке золотой крестик. Совсем близко восхитительные линии: оливки небольших грудей, талия, ягодицы, прочно поставленные бёдра. Их внутренние контуры, сближаясь, не смыкаются полностью и оставляют промежуток, а там – сокровенный бугорок. Закрываю глаза, переносю ладонь под промежуток... Дрожь ударяет обоих.

– Ты спрашивал... М-м-м-м... Все просто... У-у-у, ах!.. Подожди... Он под моей фамилией бежал в Израиль.

– Не понял... Бог с ним...

– Нет, ты должен знать: я – еврейка, крещёная, как и все мои предки... Всё, проехали... Ах! М-м-м-м... у-у...

Кладу ладони ей на ягодицы и притягиваю к себе, она недоуменно, переваливаясь, делает первый шаг, наконец, поняла и, как гусыня, переступила, возвысившись надо мной подобно степному идолу...

– Кристина! У меня нет вопросов, проехали, – это всё, что могу прошептать...

***

– Кристина-джан, я Вам одну умную вещь скажу, только Вы не обижайтесь.

– Меня мало, Ларису Ивановну захотел, шалунишка?

– Джанечка!...

– Я не Бэла, а Светка тебе просто польстила.

– Ладно, хотел бы пересказать слова из одного эпитафия, встретил его давно в одном из первых выпусков журнала «Родина». Это диалог в форме вопрос-ответ.

– Я готова, отвечу на любой.

– Тебе вопросов я задавать не буду, ты не поняла. Слушай:

«– Что такое литовец? – Национальность.

– Что такое еврей? – Клеймо.

– Что такое русский? – Судьба...»

Молчим, затем Кристина приближается и накрывает моё лицо своими волосами:

– Какие мы несчастные, без национальности, из непонятного мира...

Стараясь идти в ногу, обнявшись и поддерживая равновесие, бредём зигзагом от одного поребрика к другому. В морозной тишине улетает вдале звенящий скрип вечернего снега.

– Ты ведь охоту любишь, правда? Но приходится и птичек, и зверушек убивать, верно?

– Мы не произносим этого слова, говорим – добыл, взял, подстрелил, но в твоём вопросе истина. Я с детства мечтал заниматься охотой – книги и прочее. Выйти на эту тропу смог, когда отец своей наградной «Зауэр» подарил, а было мне около сорока. Гигантская дыра в досуге заполнилась до краёв, стал открывать для себя новую жизнь... Однажды во вторую осень обходил заячьи места. Вдруг рядом что-то бурое выскочило и помчалось влево. Навскидку выстрелил. Вижу, на меже лежит заяц, дышит тяжело, кончик носа выдвинулся и ритмично так распахнется, сожмется... Во мне обвал: ты хотел этого, смотри и знай, тебе самому приводить к концу. Голову поднял к небу, сердце как закричит: «Помоги мне!» Сойти с места и приблизиться не мог долго. Два месяца болела душа, на службе ветеран-охотник успокаивал: «Ты должен был знать и быть готовым к тому, что охота – это кровь». И представь, привык. Вот скажи: Пушкин, Тургенев, Некрасов, Аксаков, Толстой, они были злыми демонами, не любили природу? Это благодаря им мы, городские, знаем и любим её... Кристина, в твоём вопросе – одни противоречия. Приз, добыча желанны, азарт велик... Но когда перед тобой оказывается подранок, тогда-то и смотришь на себя, как на скотину.

– Миша, когда в следующий раз поднимешь ружьё, ты спроси себя, то не душа ли Кристины.

– Не говори так, раньше моя душа переселится в жертву.

– Как знать... Ну, вот и пришли, милый. Когда мне тебя ждать?

– Через две недели. До свидания, сладкий бесенок.

– Пока-пока, дорогой. Я так рада, что мы снова дружим домами!

4. День четвёртый

Через десять дней знаю дату, когда выезжать в Питер. Договариваемся с Кристиной, что сразу свяжусь с ней. Звоню с перрона... Жаль, но мы не сможем увидеться даже завтра – она больна.

На следующий день, возвращаясь с предприятия, захожу в «Перекрёсток», что-то упаковываю, выхожу, здесь же заворачиваю в кафе, присаживаюсь у стойки, заказываю сто пятьдесят украинской перцовой и жареный арахис. Смотрю на себя со стороны и оттуда же ругаю и обзываю, используя только одно слово, в промежутках с нежностью вспоминаю Кристину. Ещё глоточек и – в номер. Звонит телефон, копаюсь, достаю – она!

– Куда ты пропал! Я уже целых пять минут жду тебя в холле! Сколько можно, давай быстрее!

Собрался, выскочил, вернулся, стянул со стойки кепку и скорым шагом – к ней!

Кристина стоит у входа, улыбается издали, постукивает каблучками, не может стоять на месте, но ждёт, когда поднимусь по ступеням. «Привет! – Привет!», знакомый запах, прохладные нежные щёки, те же глаза.

– Послушай, дружок, а ты – пьяненький!

– Нет, ни капли, это опьянение от встречи! Ладно, сдаюсь. Представь, на Пушкинской выхожу – активисты в украинских национальных костюмах предлагают всем попробовать свой напиток и всего-то пятьдесят граммов.

– Пятьюдесятью не пахнет.

– Да, и я не поверил, еще раз обошёл метро, зашёл, вы-хо-жу-у... Чудеса – опять предлагают. Ну, думаю, колдовство, не иначе. Покурил, отдышался, еще раз зашёл-вышел. Нет, всё честно. Вот и набрались сто пятьдесят. Доза-то небольшая, скоро пройдет. Но для тебя я взял испанское.

– Спасибо, а я была готова к тому, что ты мне «халяву» предложишь. Пить сегодня не будешь, буду одна, вот так-то! Дорогой, пошутила, поцелуй меня... и я тебя... Здравствуй!

Мой номер выше, вид лучше, обзор шире. Остальное, как прежде. Рассматриваю Кристину.

– Девочка моя, ты похудела, или кажется мне.

Телепрограмма занимает Кристину больше, чем разговор со мной, поэтому отвечает, не оборачиваясь:

– Скоро лето, море, пляж, кораллы – я должна быть в форме. Обрати внимание – вот, подзагорела! Цвет тебе нравится? Удачный и к сумочке

подходит... Присядь, надо поговорить... Я все эти дни была в больнице и сегодня тоже. Мне проводили операцию по пересадке пола, то есть по изменению. Через три дня лечу в Израиль, прохожу ускоренную подготовку и как агент Мосад нелегально прибываю в Эмираты. Цель – в гареме султана раскрыть и ликвидировать китайского агента.

– Не понял! Так ты была со мной мужчиной?

– Михаил, не пей больше украинскую водку, козлёночком станешь. А ещё хвалят советскую разведшколу! Кругом установлены «жучки», поэтому всё, что ты услышал – шиф-ров-ка! Надо было пропустить лишнее мимо ушей, запомнить главное, сжечь, пепел запить водой. А главное здесь – «через три дня лечу в Израиль».

– Вот оно что! Как же все это нечестно, что сегодня, сейчас – наши последние часы, минуты, и они уходят. Кристина, поверь, я не готов к этому, парализован, и моя воля, и мои чувства, язык ещё немного в тонусе.

– Милый, это горькая правда. И мне, поверь, очень больно... больно, что сегодня последний наш день... Везет тебе – ты под наркозом... Налей мне вина, но себе половину...

Кони рванули вскачь. Опять всё оказалось на полу. Дрожь и стон, слёзы, пока ещё незаметные следы укусов и царапки. Огни Питера не подвели, но повели себя иначе: вспыхнули так, что пришлось зажмуриться, притухли, и так несколько раз!

– Не двигайся, дай-ка осмотрю тебя. Этот шрам – Омск, да? Этот наш, а здесь – у тебя дома? А под коленкой, что это?

– Перед самым уходом в СА на одной свадьбе была стычка с братом. Но он ни при чём, да и вообще, драться с братом – ни-ни!

– А на голове есть?

– Есть. Посмотри над ухом к темечку...

– Откуда, приятель? В кабаке наскочил на гранёную бутылку из-под Текилы?

– Рана штыком, ваше превосходительство, попомните, остался во фронте!

– Ах-ах! Опять цитата? А всё же?

– Грабителей ловил... Да честно же! Но получил не от них. Сорвался с обрыва на строительный мусор: бетон, арматура... Эй, тебя опять потянуло вниз, герой лондонского дна?

– Могла бы и обидеться. Ладно, проехали... А у тебя здесь две родинки, вот это да! Ты знаешь? А кто ещё?... Закрой глаза – я буду колдовать...

Не считал, сколько раз я пережил дефибрилляцию, пока мне не позволено было открыть глаза. Как нашкодивший ребёнок, Кристина сидит и пытается оправдаться... Приподнимаюсь, обнимаю, долго и много

целую глаза, волосы, тело, всю... С гордостью и благодарностью смотрю на огни спящего Питера: они – мои друзья...

Тишина, только убаюкивающий ход гостиничных часов. Глаза Кристины закрыты, дыхание не слышно. Чувствую грудью ритмичные удары её сердца. Оно совсем рядом с моим, которое, обгоняя то милое, шумит в ушах. Что же произошло? Она знает всё, я же – почти ничего. Что ждёт нас? Скорее, меня и её, потому что нас, судя по всему, уже никогда не будет. А мне останется только в паузах вспоминать Кристину и каждый раз испытывать боль, переходящую в злость. Но вот она открыла глаза.

– Кристина, душа моя, хоть каплю влаги! Поделись из своего бокала, не хочется подниматься.

– Нет, я не спала. Похоже, ты пришёл в себя. Пожалуйста, только не всё, тоже вставать не хочется. Но нет, встать придется!..

Кристина стоит у окна, смотрит на небо:

– Иди ко мне.

Пристраиваюсь рядом, обнимаю, прижимаюсь губами к шее. Кристина какое-то время в такт часам качает головой из стороны в сторону.

– Вот здесь, видишь, как у чайки, два крыла, это – Кассиопея. В середине – звёздочка, на ней буду жить я.

– Это – Гамма, но зачем мне знать это? Одна из давних знакомых поселилась на Альфе, а сигналов не подает.

– Ну, то не моя история... А тебе надо запомнить, что моя недвижимость на Гамме, больше мне ничего не нужно. Я обиделась... На тебе нет крестика, ты не веришь в Бога?

– Не верю, и это логично. Но это не значит, что отвергаю гуманистические ценности. В конце 90-х достал я Каутского...

– В печку его!

– Его книга – история возникновения христианства. Понял, что «свобода совести» давалась нам как непонятная догма. Не так давно, через дочь, начал знакомиться с учением о Новом Человеке по книге Мориса Николла. Церковь, её сказки, обряды – мишура, что главная цель учения Христа – человек образованный, способный познать истину и...

– ...и то, что добро выше истины. Жаль, что впервые заговорили об этом, было бы интересно. Мы расстаёмся, не в наших силах помешать. Когда уезжаешь?

– Теперь уж завтра «Сапсаном» в тринадцать-тридцать. В двух словах – тебя что заставляет?

– Бандиту нужно строить карьеру. Семья, хотя бы на первых порах, должна быть с ним. Мама, дети – категорически против: ценят свои корни. Меня он шантажирует, лететь придётся.

– А ты уверена, что вернёшься? Мне кажется, нет.

– Не будем думать о крайнем, будем думать о хорошем. Ладно, проехали. А то, что ты уезжаешь завтра – к лучшему. Мама знает о тебе, заходи, будет рада познакомиться. Зовут Анна Игнатьевна, она немного постарше, поболтаете. Давай собираться: завтра утром должна быть в больнице...

***

Прошёл контроль, во втором вагоне бросил сумку на полку, на кресло – куртку и вышел на перрон. Хожу взад-вперёд, вдруг сзади толчок и смех – она! Обнялись, замерли. А что скажешь? Любые слова – пустое. Объявили, что до отправления осталось три минуты. Убедил, что лучше, если провожу до пункта контроля, и мы пошли, держась за руки. Расцепились и, подпрыгивая чуть-чуть, Кристина бодро удаляется, проходит, не оглядываясь, вертушку. Вышла на свободу, остановилась, отошла к стене, заглянула в сумочку, прикоснулась к лицу, посмотрела в мою сторону, поднявшись на носочках, помахала рукой и исчезла.

По мягкой бесконечной дорожке прошёл от последнего вагона к своему. Сосед, крупный, седой мужчина с красным лицом, стараясь очень, освобождает мне пространство. Начинает разговор на английском. Угадываю значение сказанного им, он – значение собранного мною по крупицам.

– Ваша дама очень красива.

– Да, но мы больше не увидимся.

– Почему? Кто виноват?

– Внешние обстоятельства.

– Я из Шотландии. Эдинбург, знаешь? Вижу, парень, тебе плохо. Выпить хочешь? Смотри, у меня есть!

– Маловато на двоих.

– Достанем другую... Как тебе эта?

Пока попутчик искал стаканчики, я развернул крошечный пакет, что её рука оставила в моей, и на ладонь змейкой вытекла золотая цепочка, а за ней крестик. Всё вместе как ключ к воспоминаниям об этом «чартере»...

Эпилог

Начало апреля. Это первая командировка в новой жизни. Перешёл канал, приближаюсь к её дворику, вхожу, поднимаюсь на четвёртый этаж. Дверь открывается, – передо мной очаровательная юная особа.

– Добрый вечер, Даша, я – Михаил, мы с вашей мамой – друзья.

– Добрый. Я знаю, заходите. Бабушка сейчас подойдет. Это – чтоб раздеться. В комнату пока нельзя, сейчас уберусь.

На «уберусь» ушли секунды: что-то просто было убрано. Входит Анна Игнатьевна. Познакомились и по её предложению перешли на «ты».

– Мой сын – урод: в девяностые мы его упустили, в итоге вырос безжалостный бандит.

– Как, Анна, Кристина не твоя дочь?!

– Славная девочка, она была мне самым близким человеком. Теперь вот её детки... Она при мне никогда не была так счастлива. Это я про ваши дни...

– Кристина может вернуться?

– Михаил, Кристины нет больше, она погибла в автокатастрофе в какой-то пустыне две недели назад. Пошла на это ради нас... Он нам всем угрожал, а теперь своими руками создал себе ореол вдовца.

Чувствую – беда. Полез в карман брюк за платком, пришлось встать, достал, сел, через минуту убрал.

– Есть её фотография?

– Да... А где она, Дашенька? Поставь на место... На, Миша, выпей водочки... И я с тобой...

Записал свой адрес и телефон. Попросил Анну Игнатьевну записать свои данные. Покопался в карманах, сходил в коридор, повозился в куртке, собрал стопочку купюр, положил на стол.

– Анна, это я оставляю для детей.

– Не смею тебя обидеть.

– А этот пакетик мама просила передать Даше...

Наступает завтра, и, наконец, я дома. Ближе к девяти собираюсь прогулять своего фоксика. Идём по его местам, нюхаем, ножку поднимаем. Ясная ночь. Но на небо за яблоневыми садами не гляжу, знаю, что там ждёт. На душе скверно, мир опустел... Отошли от нашего квартала прилично, присаживаюсь на тумбу, поднимаю голову и смотрю на звёзды. И искать не пришлось: впереди – Гамма в Кассиопее...

ОКОНЧЕН БАЛ...

– Застегнись, простудишься, – и, заметив, что он её не слышит, просунула руки под куртку, под пиджак и обняла его. Прижалась, положив голову на грудь, и прошептала:

– Хочу согреть тебя...

Она чувствовала под тонкой тканью его тело, гладила... не вытерпела и сжала до боли, пока не услышала короткий сдержанный стон. Уткнулась в вырез рубашки, вдохнула его запах, – кусочек украденного счастья... вздрогнула:

– А это что?

– Так надо.

– Пойдёшь со мной?

– Эй, парень, – услышал он сзади и обернулся. – Да, ты правильно понял. Подойди-ка... Ладно, могу и сам, не развалюсь.

– Не обращай внимания, он – псих, возомнил о себе...

1. Шурави

Каменная пустыня слепила белизной, а вечный её странник, сухой, пыльный ветер, везде быть успевая, вкручивался то там, то там в раскалённую землю. Заметив чужака, крадучись, подлетал к нему, срывал панаму и, прихватив с собой, гонял зигзагами по щебню то кривое зелёное колесо.

За броней в духоте – сапёрное отделение. Под открытым люком раскачивались и подпрыгивали бойцы, отработавшие смену на разминировании. После напряжённой работы поговорить и потрепаться им хватило сил лишь на первых километрах пути, скоро они перестали скрывать усталость и делали вид, что дремлют, уступив звенящему зною право отуплять их расплавленный мозг.

Виталик тоже пробовал делать вид, но глаза всякий раз открывались, и тогда взор упирался в потные, скользкие, грязные руки, в потрёпанные кроссовки, подарок пионеров, он вздыхал и переводил взгляд на товарищей, и снова – на свои руки, на кроссовки... Жаль, они расплзаются, значит, придется снова надевать берцы... их ещё найти надо. До приказа оставалось два месяца. Долг он исполнил: военному делу обучился, но никак не укладывалось в голове: «Почему он должен нести страдания этим людям? Вот этим, с таким трудом проживающим отмеренный им срок на земле гордых предков. В школе его этому не

учили. Это они должны убить его, защищая родное гнездышко! А он? Какой же он защитник, мать вашу?! Там, в Союзе – у них только игра на чувствах... Согласен, – солдатское братство... Ох, не та эта война, не та!..» Веки сомкнулись, голова, потеряв опору, мотнулась, и глаза открылись вновь.

Одинокая БМП, объезжая камни, неторопливо въехала в неглубокое ущелье. До базы – четверть часа... ну, двадцать... Удар! Вспышка! Взвизгнул отпущенной спиралью движок, взорвался, захлёбываясь от боли, ласковый Гамлет, закричали пацаны, отсек заволокло дымом, а по броне загрохотала, загудела дробь. Виталик выпал в распахнутую дверцу, обдирая колени, прокатился за противоположный борт и, не дожидаясь, когда встанет на ноги, цепляясь за камни, побежал из-под защиты брони, подчиняясь подсознанию, туда, вперёд, в дым. Успел... но только он об этом подумал, как выскочил на открытое, рванул с предательской дороги в сторону и начал карабкаться вверх по склону, с гребня которого велась бешеная стрельба по БМП. Когда смог видеть, что находилось за краем, заметил в стороне скопление валунов, повернул, подбежал, пригнувшись, и залёг среди них. На каждом выдохе в спринтерском темпе из груди его вырывался громкий свист с болезненным «и-и-и...», он судорожно глотал воздух: «а-ах», и снова – «и-и-и...» Огляделся, разложил дрожащими руками боезапас, упёрся локтями в каменистый грунт, изготовился и глубоко задышал, чтоб успокоиться. Крутил головой по сторонам, всматривался, но видимых целей не было: противник себя напоказ не выставлял.

Внезапно стрельба поутихла, раздавались лишь одиночные выстрелы и не в его сторону, а туда, вниз. Виталик осторожно подполз к краю обрыва, посмотрел в ущелье: вокруг горящей машины разбросаны несколько тел, доносились редкие удары пуль о броню, с небольшими промежутками взрывались патроны, и вместе с ними каждый раз вздрагивало пламя. С нашей стороны никто ответного огня не вёл. Вернулся...

Выстрелы смолкли. Через минуту-две «духи» оживились, загалдели, раздался смех, стали появляться головы:

– Эй, шурави! – вслед невнятное бормотание, и снова смех.

Когда установилась тишина, – уже другой голос:

– Не стреляй, солдат, давай поговорим, – и, выдержав паузу, из-за камней поднялся невысокий молодой афганец в чалме, зелёной вышитой безрукавке, рубахе до колен, светлых шароварах. Распахнул безрукавку, приподнял, покрутился, опустил. Оскалился, поиграл кистями рук, мол, смотри, я не вооружён. Сделал шаг, спохватился, снял и вытащил из-под рубахи тонкий кожаный ремень с кинжалом, сунул кому-то вниз и,

продолжая скалиться, вразвалочку направился к Виталику, как бы желая – на то показывали руки – обнять непутёвого друга.

Шагов за десять Виталик его остановил и не позволил опуститься на камень в стороне, вернул на линию ожидаемого огня и указал место на земле перед собой. Тот, скрестив ноги, уселся, с улыбкой посмотрел на Виталика и показал пальцем, чтоб он отвёл ствол в сторону.

– Зови меня Керим, солдат. Видел, ты правильно всё делал, настоящий воин, потому и стрелять в тебя не стал. Я из Душанбе, хотел врачом стать. После, когда призвали, служил во-о-он там, – Керим указал рукой от себя вперёд за правое плечо Виталика, – на аэродроме в ОБАТО. И ещё переводчиком звали: известно, язык-то у нас один. В плену я не был, сам ушёл: моджахеды – мои братья, вера одна, – Керим подбирал слова, сопровождая взглядом палочку, которой чиркал по земле. – Не мог видеть страдания, сон не приходил, несчастным стал, потому и ушёл. Отец был бы жив, понял бы и гордился... Знаю, ты не по своей воле пришёл, тебя забрали у мамы и сюда пригнали. И мы не хотим сегодня больше убивать... Послушай, очистись, прими нашу веру и будь моим братом. Ты ведь молод и жить хочешь, верно? Вы проиграли, война в этом году закончится, женишься на нашей Гюльчатай. Помнишь красавицу? – Керим засмеялся: – Она тебе детей нарожает, а захочешь, домой поедешь. «Таможня даёт добро», – лукаво подмигнул Керим: – Да не-ет! Не поедешь! У нас понравится! Как тебя зовут?.. Ну, что скажешь, Виталий? А может, будем звать тебя «товарищ Сухов», хочешь? Меня слушают.

Виталий задумался, посматривая в сторону «духов». А вот ему отец – он до Праги дошёл – не простил бы, тоже друзья и рота... и родные. Чёрт! И воевать в этой стране он не желает. Ну, заберёт он с собой несколько «духов» – и что? Горе принесёт людям, а зачем? А если живым возьмут? Тогда на этом же месте без заморозки выпотрошат, а что соберут, живому в рот затолкают, голову отрежут и в кишлак отнесут, праздник устроят. Перевёл взгляд на тапочки Керима и почувствовал, что решение где-то рядом, посмотрел правоверному в глаза, потёр небритые щёки, и выбор его стал ясен, впрочём, другого и быть не могло. Теперь он знал, что делать и сделать это надо, как можно скорее. Виталик видел перед собой смуглый, блестящий лоб Керима, тонкие, жёсткие усики и ответил вначале спокойно:

– Ладно, хватит трепаться. Послушать тебя – горячка: дураку понятно, что кровью потом буду верность доказывать. – Но поймав встречный взгляд, не выдержал и закричал, глядя в чёрные, миндалевидные глаза: – Охренела мне эта война! Во-о-о как! Всё! Давай, вали отсюда!.. Дава-ай, шевели-ись!.. – немного успокоился, – никуда не пойду, здесь останусь... Всё, закончим базар.

– Ну, как знаешь, солдат. Тогда не обижайся. Готовься предстать перед Аллахом, – Керим брезгливо осмотрел Виталика, – таким вот грязным, как свинья и все шурави. Без бога в сердце живёте. Прощай, гяур!

Керим встал и не спеша пошёл к своим. Глядя ему в спину, Виталик передёрнул затвор и поднял выпавший патрон. Керим, услышав клацанье, не оборачиваясь, махнул рукой, мол, куда тебе.

Виталик лёг на спину ногами к «духам», повертел между пальцами золотистый патрон с пулькой, на кончике помеченной зелёным цветом, и подивился тому, что на доньшке гильзы был проставлен год его рождения: «Ну, родная, не посмотришь ли на шарик с обратной стороны? Заодно глянь, что там внутри. А вот сестрёнки твои никогда этого не сделают!» – Нажал на спуск и выпустил магазин в небо.

Керим, услышав очередь, сжался, побледнел, но быстро понял, что стреляли не в него, развернулся и крикнул:

– Плохо придумал, солдат. Жалеть будешь!

Виталик вставил второй магазин и его весёлую компанию со словами: «Так не достанься ж ты никому», – отправил догонять первую. Выдернул чеку у гранаты и зашвырнул её в ущелье, за ней полетела вторая и третья. Вставил последний патрон, положил автомат на грудь, направил ствол под челюсть, снял с предохранителя и достал сигареты: он успевает. Приподнял голову и махнул Кериму рукой: «Шагай, шагай!..» Лёг поудобнее и выпустил дым в небо... заметил точку – там, в вышине парил кругами орёл – усмехнулся и сам себе отпустил гордую шутку: «Во-во!.. Буду, как он!..» – что пробудило в нём провальную тоску.

Курил в небо, не торопился: знал, минут пять ещё есть... Провёл пальцем по виску, затем вытер насухо тыльной стороной ладони... и насторожился: что-то не так вдруг стало в вечернем воздухе. Виталик прислушался: недалеко тарахтело железо-трудяга и с каждой секундой всё громче и громче. «Что за чума!.. – приподнял голову и повернулся на звук. – Верту-у-ушка-а!» Над Виталиком, оставляя дымные полосы, прошипели НУРСы. Вертолет шёл над ущельем, загремела его пушка. Виталик вскочил, руками замахал, и не отвлекло даже то, как рядом о камень ударила пуля, забрызгав крошкой выгоревшую, оборванную афганку, а другая прошла над головой: «Ну вас к чёрту! Дембель скоро, пора бы и на гражданочку, а то иссохлись мы с ней, ожидаючи друг друга!» – и непослушными пальцами достал из пачки вторую сигарету...

***

На следующей станции, убрав с дороги в тамбурный угол жуликоватого проводника, в битком заполненный вагон вошли четверо загорелых подвыпивших дембелей. Обращаясь особо вежливо и корректно к женщинам и пожилым, по-свойски к мужикам,

покровительственно к молодым, весело и нисколько не огорчаясь, заняли третьи полки и проспали сутки, спускаясь в одних трусах только в туалет, да водички попить.

На исходе второго дня, поболтав перед носом Виталика босыми ногами, спрыгнул и подсел к нему самый простенький из них. Почесал голову, оглядел китель на крючке и протянул охрипшим голосом:

– Ну, как дела, ефрейтор? Переправы наводил или как?

– На разминировании... с собачкой. Гамлетом звали.

– Блин, имя, как на заказ: «Быть или не быть». Собачка в Афгане осталась?

– Да. Навечно... Погибла вместе с отделением.

– Извиняй, брат... На мне?

– Засада...

– А медаль за что, командир?

– Наверное, за то, что один остался, чтоб не скучал.

– Бился до последнего?

– Да нет, за то, что не успел пустить себе пулю в лоб.

– Это верно, к духам живым не попадай. Считай, солдату повезло, если в яму, как Жилин и Костылин. А я, б-блин, настрелялся! И так, и с колёс, и с вертушки. Меня Костиком зовут, Константином.

– А меня – Виталиком, – и он почувствовал, что наступила подходящая минутка, полез руками под ноги и достал тёпленькую «Экстру». Костик засуетился, зашумел:

– Пацаны-ы! Подъём! – и, переходя на шёпот, потёр ладошки: – Выходи строиться, можно покурить и оправиться! Эй, Андрюха! Где ты там? Доставай боезапас!...

Глубокой ночью в душном, вонючем вагоне, соединяясь на стыках лбами, настоящий друг Костик посвятил лучшего друга Виталика в свои грандиозные последембельские планы...

2. Мент

Замполит закрыл портфель, опустил руки по швам, обвёл взглядом аудиторию и кивнул начальнику управления. Начальник управления оживился, выставил, т.е. «подобрал» живот и громко по-военному скомандовал:

– Товарищи офицеры!

Разношерстная публика, загремев стульями, встала и проводила замполита взглядом до двери. Начальник управления повторил:

– Товарищи офицеры! – но теперь уже мягко, как команду «Вольно, садись», объявил об окончании занятий и передал собравшихся в распоряжение своих командиров.

Начальник Заречного отдела попросил подчинённых собраться в коридоре у окна, чтобы не делать лишний переход в другое здание, здесь же указал на особенности завтрашнего дня и распустил личный состав «по домам».

Виталик с Костиком подняли воротники, спрятали руки в карманы и сквозь метель засеменяли вприпрыжку, поворачиваясь к ветру то одним плечом, то другим, через площадь на мост: их дом был за рекой. Жили они в общежитии МВД в угловой однокомнатной квартире. То, что она угловая, и у неё два окна, давало им некоторое преимущество. Соорудили из книжных полок до середины комнаты перегородку, скрепили и украсили спадающей зеленью в горшочках. На кухне поставили дефицит, литовский «Шилалис» – вторую вещь в казённом доме, купленную ими на свои деньги. Первой был кассетный магнитофон «Комета».

Они не расставались с того часа, как познакомились в поезде, возвращаясь по домам, честно исполнив «интернациональный» долг. Вместе сошли на станции пересадки, заскочили к Виталику – на дорогу ушло полдня – неделю погостили у его родителей, дали им поплакать и успокоиться и отправились дальше за счастьем. Путь к нему указал родной дядька Костика, не последний начальник в областном МВД и большой прагматик. Нарисовал вполне достижимую перспективу: зацепиться в органах, получить общежитие, пользуясь льготой, поступить на юридический факультет и дать основание через три года хлопотать о присвоении им первого офицерского звания «младший лейтенант». А дальше, мальчики, извините, – вы уж сами!

Всё бы хорошо, но Виталик не так, как Костик, а гораздо острее ощущал довольно часто выражаемую со стороны окружающих неприязнь к своей форме и знал, что думают о нём многие: «Мент поганый». Правда, когда он в конце лета сменил погоны сержанта на офицерские, эта неприязнь стала менее заметна. А если собеседник или случайный знакомый узнавал, что он учится на юриста, то проскальзывало уважение. Менять положение дел Виталик не торопился: общежитие, зарплата, льготы, выслуга – это серьёзно. К тому же службу нести приходилось чаще в гражданской одежде. Жаль только, ему скоро двадцать пять, а на личную жизнь времени не хватает! Может, потому и засела в его памяти одна встреча по осени в соседних кварталах. Только в каком, он не запомнил.

***

А дело было так. Виталик спешил на дежурство. Впереди в попутном направлении шла невысокая женщина за ручку с ребёнком, возможно, из яселек: время близилось к вечеру, а девочке той было не более двух с

половиной. Не ведая, женщина завладела его вниманием – так часто бывало – понравилось ему в ней всё: и осанка её, ножка, стрижка, заметил, что одета со вкусом. Девочка капризничала, а мама её воспитывала. Когда обгонял, увидел, что женщина не только молода, скажем, чуть за двадцать, но и привлекательна очень. Как только Виталик обошёл их, мамочка воспользовалась устаревшим, но всё ещё надёжным в воспитательном процессе аргументом и показала девочке на милиционера, строго предупредив:

– Не будешь слушаться, дядя-милиционер тебя заберёт. Рассказать дяде, как ты себя ведёшь?

Не в первый раз его используют в роли пугала, особенно, бабушки. И всегда Виталика корбило, а люди те вызывали неприязнь, но до сих пор желания оправдаться, мол, я хороший, не появлялось. Виталик оглянулся и успел заметить глаза девочки, ему стало не по себе. Он остановился и развернулся, снял фуражку, присел перед ними и спросил:

– Как тебя зовут?.. Наденька, а ты знаешь дядю Стёпу-милиционера?.. Вот умница. Мы с ним дружим и не обижаем хороших, послушных детишек. Мы им помогаем. И ты маму не обижай, люби и слушайся. А когда вам с мамой будет нужна помощь, заходите к нам в Заречный отдел на Красноармейской. Спросите дядю Виталика-милиционера.

Он говорил и чувствовал макушкой взгляд, направленный на него сверху, и представлял, как выигрышно смотрятся под этим ракурсом новенькие офицерские погоны на его плечах. Вот такой он был наивный в ту минуту. Виталик поднял голову, глаза их встретились, и досада: «Не моя!» – царапнула по душе: очень милой и желанной показалась в то мгновение эта женщина.

– Ну, до свидания, дружок. Не забудь, Наденька! Первое – люби и слушай мамочку, а второе – зовут меня...

– Дядя Виталик-милиционер, – дружно ответили мама и дочка, и мама, приветливо улыбнувшись, добавила: – Из Заречного отдела на углу Красноармейской и Тургенева...

К великому сожалению, встреча не повторилась. Вот невезуха: в каком же квартале то было?..

***

– Зайдём, по кружечке живородящего хлопнем! – прервал воспоминания Костик: – К Светлане в берлогу, с солёными сушками, лады?

– Что ты несёшь: может, животворящего? Зайдём, но по одной, хотя... если будет свеженькое, можно и повторить.

– Какая разница: сотворить или родить?.. Эй, нам – сюда. Снова задумался, командир? Ты это брось: трясти надо! Урок не забыл? Означает, никого не слушай и поступай так, как считаешь нужным...

Завернули за угол, пересекли по диагонали сквер, спустились на три ступеньки и под входом в пещеру, из которой высунул голову и беззвучно рычал рассерженный мишка, распахнули низкую дубовую дверь, прозвонив над головами колокольчиком. Расположились, дунули на пену, сделали по первому большому глотку, перебросились взглядами и затихли: а ведь неплохо! Когда взяли по второй, к столику подошёл знакомый Костика. Достал из алюминиевого, обтянутого дерматином кейса свёрток – лежал он под берёзовым веником – а из свёртка вытащил за хвост... воблу!

– С лёгким паром, Палыч!

– Ох, спасибо! Хорошо-о! Как жить-то, говорю, хорошо, ребя-ята-а.

Мужчина был постарше, интеллигентный: за шарфом виден галстук, туфли приличные, выбрит, чист. Виталик, отложив на десерт вишнёвого цвета кусочек икры, занялся поштучно солёными рёбрышками и не стал вслушиваться в их разговор, но минут через пять среди общих фраз его внимание привлёк вопрос Костика:

– Так в чём проблема?

– Не могу свою долю продать. Бывшая согласия не даёт. Вот ведь коза! Ты ж её знаешь. И откуда такое упрямство? Так и живём с Ниной Александровной в её коммуналке.

– Это всё твои измены, и то, что остаётся одна с твоим ребёнком. Слушай, Палыч! У меня родилась дебютная идея, недорого возьму. Мы ж юристы, – гордо расправил плечи, театрально оглядывая своих приятелей, заодно и весь зал: может, кто ещё услышит.

– Так ты берёшь потому, что идея хороша, и жаль расставаться? Или, как юрист, потихоньку к практике приступаешь? Или как друг? Тогда не бери, это грех. – У Костика челюсть отвисла, его мозг не поспевал за словами. – Шутка. Отблагодарю, в чём вопрос!

Палыч заметил, что Виталик прислушивается. Окинул его взглядом:

– Тоже в Афгане был? Вместе? – Палыч мотнул головой в сторону Костика, протянул руку, оголив запонку в манжете, и представился, переступив с ноги на ногу: – Пётр.

– Виталик, – и новые приятели через столик обменялся рукопожатием.

Палыч, накалывая плавательный пузырь вяленой рыбы на заострённый кончик обгоревшей спички, в коротких промежутках продолжал вопросительно посматривать на Виталика.

– Нет, врозь: Константин – десантник, я – минёр. В поезде познакомились. А сейчас мы вместе и в отделе, и на факультете.

– Слышь, Палыч, у Виталика медаль «За отвагу». Но молчит, за что не рассказывает. Наверное, досталось ему. Хоть бы раз поплакал – настоящий ирокез! Только сопит и зубами скрипит... О! Хорошая мысль, мужики – сегодня ж Татьянин День. Пошли к нам в общагу, посидим часок, Владимира Семёновича послушаем, помянём. Новенькое достал у Макаревича. Девчонок с другого крыла позовём. Повод-то найдём, например, никак не запомним, что за зелёнку они у нас на полке развели, спросим, по каким дням поливать, – и, обозначая другую, пикантную, а потому более существенную сторону вопроса, озорно ткнул Виталика в бок: – На Виталика Леночка глаз положила, надо помочь, Палыч. Тут уж никак нельзя...

– И кому ж помочь? Виталику? – Палыч дружелюбно улыбнулся. – Или Леночке? Знаю её, занятная девочка... Эх, сам не смогу: верность храню. А ты, студент, не спеши: из того, что нОлили, не всё ещё дОпили. А вот это оставлять – преступление! Это ж такая вкуснятина, – и Палыч кивнул в сторону съёжившегося пузыря, старательно обжариваемого им на огне от другой спички...

***

Пока девочки нарезали колбаску, а на балконе остывали «Столичная», минералка и «Варна», приятели вышли на площадку. Палыч, выпустив дым тремя колечками в лестничное перекрытие, повернулся к Костику:

– Давай колись, что за вариант?

Костик изобразил мыслительный процесс, собрал разбросанное по углам в общий итог и выдал одним словом:

– Дарение!

Ему в ответ актёрами-самоучками была мастерски сыграна немая сцена... На площадку выскочила спортсменка Галчонок:

– Мальчики, всё – на столе!

Палыч с подобием кривой улыбки посмотрел на Костика, хлопнул по плечу и дважды щёлкнул пальцем по невидимой соринке:

– Умно, тонко! Обязательно обсудим.

Нежно пел Джо Дассен, блюзОво – Том Джонс, по-нашему – «Пламя». Леночка всякий раз укладывала головку Виталику на плечо и прижималась телом так, что его бросало в жар от каждого близкого движения её бедра, и он, смущаясь, отстранялся...

Около девяти распрощался совсем трезвый Палыч, Костик быстро раскис и дремал на кухне. Леночка многозначительно посмотрела Виталику в глаза и сказала, что хочет спать и уходит, причём объявила это так, чтоб Галчонок потом не говорила, что она её не слышала.

– Сейчас, Ленка, домою мужикам посуду и приду, – крикнула вдогон Галя и подала Виталику полотенце: – Протри стаканчики, лопух.

– Зачем же лопух?

– А затем... – Тарелка в её руках завертелась, как бы ни разбилась. – Коли не хочешь им стать, послушай меня: Ленка тебя на себе женить хочет. Можешь, ох, можешь глупостей наделать, если окончательно голову потерял. Но, поверь мне, она так и сказала: «Сделаю всё, чтоб он моим был». Ты – лакомый кусочек, сам того ещё не понимаешь. А она... ну, как это у вас... Во! Поматросит и бросит. Ах! Какой бы я тебе женой была! Но ты меня не любишь, лопух...

3. Квартирный вопрос

Как только у них появится свободная минутка, Палыч просил ему позвонить. Прошло два дня, и сегодняшний вечер удачно заканчивался без происшествий. Они с нетерпением дождались окончания получасового «разбора полётов» и связались с Палычем. Встречу назначили под «Луной».

В зимнем парке, в сгущающихся сумерках, под медленно разогревающимися апельсиновыми фонарями их встретил песней Муслим Магомаев и призвал вспомнить о весенних полётах с любимой к звёздам на Чёртовом колесе. Два неразлучных приятеля быстрым шагом промчались мимо спящих качелей-лодочек и, когда подходили к заветной скамеечке у входа на заваленную снегом летнюю эстраду, Виталик спросил друга:

– Костя, а кто он, наш Палыч?

– Музыкант из областной филармонии. Зарабатывает хорошо: концерты, когда с оркестром, когда солистам аккомпанирует, приглашают в ДК, сам любит подхалтурить, бывают гастроли. Его бывшая – такая пацанка... молоденькая... на мно-ого моложе. А Палычу нужна постарше и более представительная. Не так давно встретил он такую, и молодёжный брак, естественно, рас... па-ался...

В течение всего времени, пока Костик вдохновенно излагал Палычу свой план, Виталик вздыхал и поглядывал на усыпанные снегом кроны парковых лип и клёнов. Этот немой комментарий был замечен Палычем и постепенно перевёл его состояние из радужного в настрожённое. Он приостановил изливания рождающегося на глазах судь, прокурора, адвоката, не всё ли равно:

– Ваша Честь, давайте прервёмся, покурим по одной и выслушаем доводы против, т.е. в защиту другой стороны, – Палыч положил руку на плечо Виталика, отодвинулся и, по-профессорски поправляя мнимые очки на переносице, поинтересовался хорошо поставленным голосом

казановского попугая: – Какие мысли мешают вам присоединиться к нам, коллега?

– Такая сделка выглядит притворной.

– Федя! Мы не притворяемся, мы всерьёз и надолго... Не надуйся, знаю, что ты не Федя. Но так надо, Федя, надо. В то время, как наши космические корабли бороздят...

– Ладно, объясню: притворная сделка скрывает собой другую, которая по каким-либо причинам, скорее, незаконным, не может быть совершена. Вот и просвещаю вас: судом она именно так и будет квалифицирована... Если дойдёт до суда.

– А мне как быть!?!.. – и Палыч с Виталика переключился на Костика.

– Константин Юрьевич, с тоскою я смотрю на ваше поколение: факультет-то у вас один, а курсы разные.

Укор, высказанный в шутливой форме, подействовал на Костика как удар плетью: он покраснел и онемел одновременно. Палыч повернулся к Виталику:

– Слушаю вас внимательно, о Великий Балда!.. Ну вот, опять надуваешься! Этим словом Хоттабыч выражал высшую степень почтения к молодым да ранним. А что вы читали в лагерях?.. Не зарекайся, знаю, что не был. Я о других: взвейтесь кострами, тёмные ночи, мы – пионеры, дети рабочих. Кстати, чтобы я не искал подмену словам-признакам глубокого уважения к тебе, – как там вас по-батюшке?

– Как и вас: Петрович.

– Сынок, всё у тебя не так «как»: меня-то – Палыч, а во-вторых, мы с самого начала были «на ты»... Виталий Петрович, как надо повести дело, чтобы не было мучительно больно, когда станет заметно, что мы притворяемся? Давай, Виталик.

– Как я понял, речь идёт о двухкомнатной хрущёвке. После сделки квартира по факту станет коммунальной, а к этому она не подготовлена – вот здесь и спрятан корень признания вашего наивного притворства.

Слушали Виталика с открытыми ртами. В глазах Палыча отражалось «силён!», в голове Костика стучало «когда?» Виталик этого не замечал, он как бы считывал информацию, развешенную на пушистых, белых ветвях раскидистого клёна. Виталик сделал отступление и оглядел лица приятелей:

– Тебя, Палыч, никто не обяжет возвращать покупателю деньги, и он тебя зарежет. Как ты говорил по поводу Костиного гонорара? «Шутка»?.. А теперь – к главному, – продолжил Виталик в прежней манере, как глухарь на току, ничего не замечая, кроме своей песни. – Во-первых, надо сделать перепланировку. Во-вторых, застолбить у нотариуса перераспределение долей. В-третьих, установить счётчики и разделить счета. И тогда, дорогой Пётр Палыч, вашу комнату можно будет

выставить на продажу. Не в твою ли честь крепость и порт, о Великий Игрок?

Палыч, как бы делись с Костиком новым приятным фактом, потыкал пальцем в сторону Виталика:

– Моя школа!.. Ну, что застыли? Замёрзли? К нам едет ревизор? – Палыч взял себя в руки и открыл кейс. – Пора бы и по первой! Ух! Даже в горле пересохло.

Как говорил Мышлаевский неопытному Лариосику, достигается это исключительно упражнением: кейс – на коленки, на крышку – задубевшие чебуреки и гранёный "сталинский" стакан с ободком, извлечённый из тайника, роль которого играло дупло. Зашуршала обёрточная фольга плавленого сыра «Дружба», а по ободку звонко застучало горлышко «Столичной».

– Игрок, говоришь: уж полночь близится, а Германа всё нет!?! Напомнил под руку! – и Палыч фальшиво поплевал через левое плечо.

– Откуда у тебя такие сведения, – спросил раздавленный Костик.

– Летом у Филатова было одно дело. Похожий жилищный вопрос там проходил стороной, и он попросил меня помочь. Палыч, а как твою бывшую зовут? Человек всё-таки.

– Иришка, а дочку – Надюшка. И квартирка здесь недалеко.

У Виталика в голове – щёлк, и видео назад – раз, и опять про ту осень! Похолодело и сердце, и спина, пальцы задрожали...

– За сколько ты думаешь продать свою долю?.. Ясно. А если перевод в коммуналку свалить на покупателя... сбросишь пятьсот?

– Подумать надо... Сброшу, – Палыч поперхнулся сигаретным дымом и с подозрением, – выдала робкая надежда в интонации последних слов Виталика, – заглянул ему в глаза: – Ты что, сам решил купить?.. Смотри, в жизни минёр ошибается только раз.

– Боевые я получил, сохранил, за службу поднакопил. Вложить в недвижимость – святое дело.

Костик насторожился, развернулся, наморщил лоб и начал сосредотачиваться.

– Признаюсь, мужики, сам себе противен был, точил червячок, а теперь – ух, гора с плеч! Буду спокоен за неё и за дочку. Всё-таки моя милиция – это тебе не хухры-мухры!

– Ирину мы подготовим. Думаю, что получится. Она ж не всё должна знать. Фантазии подключим: комнаты проходные, а может и бомж вселиться, и наркоман, да мало ли кто. А женщина купит, так станет мужиков похотливых водить! Стоит покупателю прописаться, потом не выселишь, и останется квартира с обременением.

– Погоди, погоди, что-то я въехать не могу, – вмешался Костик и бросил в сторону Палыча: – Н-наливай! – и снова другу: – Ты что, меня одного оставить хочешь?

– А ты решил, что мы с тобой шведской семьёй жить будем? Или, пока один кувыркается, другой пусть по улицам круги наматывает. Подумай, брат, здесь глазом не успеешь моргнуть, и вот он – тридцатник!

– Инте-ер-ресно девки пляшут! Пять минут назад «душа – в душу» и н-на тебе гранату, неприятель!

– Мы и сейчас «душа – в душу». Во-первых, прежде квартиру надо посмотреть. Может, и не куплю ещё.

– Да не-ет, купишь, понравится, – отметил Палыч, наблюдая за друзьями, широко раскинувшись на скамейке.

Виталик вспомнил Керима и сказанное им: «У нас понравится». Помолчали... Палыч посмотрел на часы:

– Думаю, бежать за второй не надо. А не пойти ли нам в «Отдых», и дело это немножечко так, совсем немножечко и не всерьёз, а под настроение исключительно, чтоб не сглазить и, так сказать, вкус не забыть, а?..

– А ты проще не мог сказать: мол, хочу вас угостить, мужики, за то, что уважаю! – понемногу начал остывать Костик. – Блин, и у меня коротко не получилось.

...Вертушка села рядом с позицией моджахедов. Виталик обошёл её стороной. Кругом – разбросанные и истерзанные взрывами тела, брызги крови, нищета. Керим был в сознании и, безусловно, узнал того, кто остановился над ним, возможно, в тот момент он не чувствовал боли, он смотрел в небо. Виталик запрокинул голову – в высоте парил орёл...

Виталик поднялся, стряхнул снег с шапки, посмотрел вдаль:

– Пошли, пока маэстро не передумали...

***

– У тебя на личную жизнь совсем нет времени. Такая работа – вы её гордо службой называете – не по мне... нет, служба – это не моё, это рабство. Слышал как-то о ней: «через день – на ремень», вот ещё продолжение в тему: «как надену портупею, всё ту...»

– Я тоже слышал: «Была бы только Родина богатой и счастливою, а больше счастья Родины не надо ничего». А что делать? Сегодня с утра в роли курьера – в район, в Чопрово, за важным документом, а это полтинник на юг. В обед – ещё один полтинник в другом направлении, взять в ИТК свидетельские показания у осуждённого. После восемнадцати – «разбор полётов». Но сегодня – случай редкий: ужинаю у телевизора,

смотрю «Время», говорят, наши с чехами должны сыграть, расслабуха, а это...

Палыч, наверное, не слушал, а потому бесцеремонно прервал и показал на подъезд:

– Нам сюда... На прошлой неделе приводил одного забулдыгу. Роль свою стервец за бутылку сыграл талантливо. А я? Какая ж я скотина!.. Что ты сказал?.. Как это не парься? Ладно, буду без сантиментов... Дома нас ждут, я позвонил и предупредил, что приду с покупателем. Заметь: квартира с телефоном... Волнуюсь немного: углубляю разрыв.

– Это, потому что мосты сжигаешь. А для неё – куда ж глубже... Может, зря я не переделался, напугаем.

– Как ввалимся, конечно, вызовет шок, а после, наоборот – успокоит. Всё пойдёт по привычной схеме: встретят по одежке, как говорится, а проводят с песней весёлой, – Палыч произносил слова «на автомате», не затрачивая усилий на выражение своих мыслей. Он наблюдал за окружающим миром, т.е. за двором и лестничным пролётом: оглядывался, высматривал соседей.

Средний подъезд (убирают, чистенько), третий этаж, телефон, инфраструктура, как говорят, – одни плюсы. Поднялись. Палыч без слов, жестом, подняв ладошку и свернув губы трубочкой, попросил тайм-аут, чтоб отдышаться. Удивительно: совсем не стар, по некоторым оценкам даже молод. Но не верь глазам своим – перед вами типичное явление городской жизни: физически слабый интеллигент с нарушениями режима... Достал ключ, хлопнул себя по лбу и прошептал: «Семён Семёнович!» – ему как гостю полагается звонить. Звонок, прикинувшись ксилофоном, выдал зауценную мелодию, и ёкнуло сердце у покупателя: кого же он встретит?..

Щёлкнул замок, и дверь открылась... она!

– Привет, Иришка! А я не один. Проходите, товарищ лейтенант.

Ирина отошла в сторону, окинула взглядом Виталика и пропустила гостей в промежутке между коридором и кухней. Место это в хрущёвках всегда вызывало вопрос – это что: коридор, продолжение комнаты, прихожая?

«Не узнала...» – Виталик одновременно и огорчился, и почувствовал облегчение.

– Что случилось, Пётр Павлович? Почему милиция?

Из второй комнаты выбежала девочка... та, Наденька. Радостно закричала:

– Папуля! – Палыч подхватил её на руки и закружил на месте, чмокая. Опустил, полез за подарком, потирая глаза.

– Ой! Мамочка, смотри – дядя Виталик-милиционер! Помнишь, – девочка произносила слова в такт дыханию, уставившись в пол, – когда жёлтые листочки были, а мы шли из яселек, – и она обернулась к матери, ожидая её реакцию...

Холодный взгляд, немой вопрос...

– Здравствуйте, Ирина...

– Михайловна, – почтительно добавил Палыч.

– Ирина Михайловна, очень приятно! Не ожидал вас здесь встретить, поверьте! Виталий...

– Петрович, – почуввав отклонение от шаблона, добавил Палыч, переводя взгляд с него на неё.

– А мне-то как приятно, Виталий Петрович, – отвернулась и прошла на кухню, покусывая губы.

– Сейчас, сейчас, – тихо засуетился Палыч, – всё пройдет, всё будет хорошо. А вы что, знакомы?

– Нет, Пётр Палыч, случайно встретились полгода назад: я спешил на дежурство, а Ирина Михайловна, понял так, шли из яселек. И Наденьке стало интересно, знаком ли я с дядей Стёпой, – сказал громко, напомнив и немного поправив забытое ею прошлое.

– А это кто ж такой? – пытаюсь вспомнить, соединил брови Палыч.

– Дядя Стёпа-милиционер, б... (чуть не сорвалось «блин»), – завершил манёвр Виталик и как бы удивился: – Я думал, что лучшие годы жизни вы провели в лагерях. Именно там...

Палыч, зажав улыбку, как в прошлый раз, указал пальцем в сторону Виталика и поднял большой палец вверх, оценивая импровизацию: ОК! Затем указал на себя и кивнул головой: его школа.

Разговор шёл неровно, по кругу. Наконец, Ирина махнула рукой и обречённо выпалила:

– Ай... делайте, что хотите!

Когда главный вопрос, казалось, был решён, Виталий перешёл к деталям, которые могли сделать их следующую встречу, да и переезд в целом, менее напряжёнными:

– Ирина Михайловна, я хотел предложить – думаю, вы поддержите – сделать перепланировку. За мой счёт, разумеется! – и далее Виталий те детали раскрыл.

С этого момента съезжающиеся стороны более не избегали прямых взглядов и расстались (с прохладной любезностью со стороны Ирины), чтобы перевести дыхание. И Палыч облегчённо вздохнул.

4. Быть рядом

Поздним вечером со свидетельством о регистрации в папке и с ключом Палыча в кармане Виталик стоял у двери Ириной квартиры, волнуясь сверх всякой меры. Позвонил, поздоровались, вошёл. В ответ на приглашение пройти на кухню замешкался, затем снял туфли, взял куртку на руку и робко проследовал за Ириной. Присели.

– Мужских тапочек не держим, простите, товарищ лейтенант.

– И я с собой их не ношу, – попробовал пошутить Виталик.

Ирина вздохнула, встала, подошла, взяла у него куртку и протянула руку за шапкой. Виталик извинился, покраснел, снял и отдал. Ирина на короткое время оставила Виталика вдыхать её аромат. Он быстро-быстро привёл волосы в порядок и водрузил на лицо приветливую улыбку. Ирина вернулась и села напротив. Следом пришлёпала Наденька:

– Здравствуйте, дядя Виталик! А мама сказала, что ты будешь жить в моей комнате. А можно я буду приходиться играть?

Ирина обняла дочь, та прижалась к матери и, напевая песенку, начала поглаживать и поправлять её локоны. Виталика во второй раз бросило в жар, но так, что он готов был провалиться сквозь землю и не столько со стыда, как от ущерба, сознательно им нанесённого собственной совести: «Что мы натворили? Впрочем, не так я, как Палыч. А с другой стороны, кто бы здесь сейчас сидел? Тысячу раз виноват, но всё же...»

– Наденька, жить в твоей комнате буду только вечером после работы. А играть приходи, когда захочешь, я закрывать не буду, договорились? А в выходной пойдём в цирк, хорошо?

Ирина никак не отреагировала на его предложения, лишь наморщила носик и спросила, показав глазами на гербовую бумагу:

– Это и есть та самая карта Флинта, вот уж и не знаю, как назвать. Позвольте? – Взяла свидетельство осмотрела с обеих сторон, вернула и вежливо съехидничала: – Вы теперь у себя дома, располагайтесь. Не будете возражать, если мы с дочкой поужинаем?

«Она прекрасно понимает, что въезжаю не сегодня. Выходит, выпроваживает», – Виталик, презирая себя, встал:

– Ирина Михайловна, через неделю, в воскресенье, я куплю и завезу мебель. Самую необходимую: шкаф, на чём спать, может, тумбочку... по мелочи что-то. И тогда, думаю, буду знать, когда переберусь сам. Я Вам позвоню. – Он вышел в коридор, оделся и помахал девочке: – Пока-пока, – открыл дверь. – До свидания, Ирина Михайловна.

Переступил через порог и начал спускаться по лестнице, помахивая кожаной папкой.

– Виталий Петро-ович! – прозвучало вдогон. Он обернулся. Ирина выскочила на площадку, удерживая Наденьку за дверью. – А ключ у вас

есть? Если нас не будет, заходите смело, комната будет подготовлена. До свидания! – Виталику показалось, что сказано то было с теплом, и, едва дождавшись, когда захлопнется дверь, окрылённый полетел по ступенькам вниз.

***

Он сидел в комнате на посылочном ящике и распаковывал вещи, прикидывая в уме, чего ещё не хватает, например, на чём сидеть, что должны быть и телевизор, и небольшой холодильник... оглядел комнату, посмотрел на шторы, светильник. В дверь вежливо постучали, и вошла Ирина.

– Ирина Михайловна, дверь можно не закрывать, и Надя пусть заходит, мне будет веселее. Скоро закончу, затягивать сегодня не буду и лягу вместе с вами. Извините, хотел сказать, одновременно. Во сколько вы встаёте?

– Вы услышите. Не забудьте: завтра выходной.

Ирина прищурилась, вникая в смысл допущенного им промаха, посмотрела по сторонам и присела вполоборота рядом на такой же низкий ящик. Туго натянутая ткань на упругом бедре, изгиб поясницы и то, что скрывалось за вырезом халата, всё это не без причины взволновало Виталика, причём чрезвычайно. И он с излишним усердием сосредоточился на своих вещах, но его взгляд... он назвал Виталику решил делать всё по-своему.

– Хотела поговорить с вами о быте. Вижу, между нами мало-помалу выстраивается понимание. – Всё-таки заметила его взгляд и погасила улыбку, но менять ничего не стала, по-женски решив, пусть это будет её первый шаг на пути подчинения «квартиранта».

В углу, где расположилась с игрушками дочь, загремела посуда.

– Надежда! Ты зачем принесла сюда воду! Теперь надо помыть у твоих друзей пол. Вот возьми тряпочку. А потом лучше порисуй, скоро мы будем укладываться спать. – Задумалась, потеряв виски, вспомнила и вернулась к начатому разговору:

– Первое, а из него следует всё другое: не оставляйте после себя так, чтобы мне приходилось убирать. После душа вытирайте, пожалуйста, стены и пол. И не оставляйте в раковине невымытую посуду. Кухня и ванная комната совсем крошечные. Вам хорошо бы иметь короб под бельё для стирки. Его разумно поставить здесь. Если купите холодильник, – тоже. А пока я вам подготовила уголок в своём. Думаю, что самое необходимое поместится. Идёмте, заодно покажу, где вы можете разместить свои туалетные принадлежности.

В тесной ванной комнате они стояли рядом: Виталик – боком и он у же с трудом мог выдерживать её взгляд, а она, не осознавая, уверенно

повела игру, которая незаметно отодвинула на второй план воображаемый дисконфорт, пугавший и мучавший её все эти дни.

Виталик не слышал, что говорила она: он был под гипнозом, уставившись на женское тонкое бельё, развешенное на леске. Ирина заметила и, задев его бедром, вызывающе неторопливо сняла, показав во взгляде вовсе не смущение, напротив: свою убеждённость в природном превосходстве женщин. Причём показала это так, что кто её не знал, решил бы – нагло. А она – нет, она показала подчёркнуто откровенно: «Я совсем не боюсь тебя! И, в отличие от тебя, в обморок падать не собираюсь».

Прошло несколько дней, и они решили, что перепланировкой займётся летом, когда Наденька будет у бабушки.

Виталик узнал, что Ирина – учитель музыки в обычной школе и в специальной. Иногда даёт уроки дома. Виталику пришлось признаться, что он плохой сыщик: не заметил пианино, а проходил мимо с десятков раз. Виталик не стал рассказывать о Кериме и за что получил медаль. Самое главное, согласились оба – это то, что он учится.

Ирина сама завела разговор о Палыче. Покорил он её на одной вечеринке. Добр, весел, хороший профессионал, может успешно читать лекции о музыкальной культуре, и много чего знает. Но ленив. По дому делать ничего не желал, находил тысячу причин. Типичный вечер: полистал газету, сел на диван, сложил руки на животе и уставился в телевизор, к концу новостей засыпал, можно было брать его на руки и нести в кровать.

***

Поступила вводная: получить табельное оружие, ждать указаний и не расходиться. Народ, послонявшись взад-вперёд, постепенно расселся по своим местам. Костик встал на цыпочки и снял со шкафа шахматную доску:

– Виталька, давай сгоняем партеечку.

– Сгоняем. Пора им место в шкафу определить: пылятся под потолком, как забытый театральные реквизит. Сдавай!

– Сам иди сдавай, не в подкидного вас позвали, о Великий Балда. То – ша-ахматы!

Они дилетанты-любители. Знают основы игры и громкие названия этапных комбинаций. И всё!

– А не разыграть ли нам для начала ферзевый гамбит перед тем, как, завершая индийскую защиту, перейдём в эндшпиль? – стартовал Костик.

– А мы выберем сицилианскую защиту, – заявил Виталик и, напустив на лицо суровость, оглянулся на тех сослуживцев, кто не дремал и, усмехаясь, перешёптывался и обменивался остроумиями в их сторону.

Подперев голову рукой, Костик заявил, ни к кому не обращаясь:

– А мне нравится в туалете про любовь книжки читать и громко пукать!

Виталик молчал, ожидая продолжение откровений.

– А ещё мне нравится петь в душе и курить на кухне! А ещё – мыть посуду только по выходным. Да! И в одних трусах!

– Чудик! Ты не представляешь себе, как интересно с ней жить...

– Э-э, брат! Как у вас всё запущено!

– Ты брось! Ух, шуточки... Она вежливая, аккуратная, внимательная, и я стараюсь таким быть. Красивая, правда, а это не есть хорошо: стесняюсь. А малышка – прелесть!

– И ты, Виталька, парень у нас видный. Не то, что я... «Гарде!»... Ленка на тебя зуб точит: изменил, говорит, ирод проклятый. Люблю, блин, его и – точка!

– Ты же знаешь, у нас с Ленкой ничего не было, и быть не могло по определению... А не сделать ли нам «длинную рокировку», пока не поздно?

– Да уж поздно, брат... Откуда мне знать про твою Ленку? А у неё что, не так как у других? Шалишь, командир. А может, ты не видел, как у других?

– Да всё у них одинаково... Отражение мира в его, так сказать, единствах и противоположностях...

Виталик вернулся со службы, как обычно, поздно, привёл себя в порядок и прошёл в кухню. За столом сидела Ирина с журналом, глаз не подняла, показав, что не придавала этому факту никакого значения. Прошуршала страницами и спросила:

– Не помешаю с кроссвордом? Другого стола нет, есть «книжка», а таскать, обдирать коленки, раскладывать и складывать – одна морока. Пусть ребёнок играет, где хочет.

Прибежала Надя. Пока жарилась яичница, Виталик усадил её на коленку и стал раскачивать: «Мы едем, едем, едем в далёкие края...» Малышка подпевала, болтая руками и ногами. Неожиданно, как все детишки, соскочила, схватила из вазочки конфетку-драже, возвращаться на качели не стала, затем – вторую...

Виталик встал и подошёл к плите, а сзади сдавлено: «А-а-а-х...» Он обернулся на стон – Ирина мертвенно бледная смотрела вперёд, оцепенев. Виталик перевёл взгляд – в дверном проёме стояла, опустив ручки, с раскрытым ротиком, не издавая ни звука, посиневшая Надя. Она не могла дышать! Он подскочил к ней, схватил за ножки, поднял, перевернул,

ударил ладонью по спинке, в тот же миг горошина вылетела и покатилась по полу.

Поставил девочку на ноги, потряс Ирину за плечи, оглянулся на Надю, та стояла, не выражая эмоций, и понемножку откашливалась. У Ирины – шок! Через минуту встала, подошла к Виталику, обняла и, повиснув на нём, разрыдалась: что-то очень страшное обдало жутким холодом и миновало. Скоро пришла в себя, отвела голову назад, посмотрела ему в лицо, погладила волосы, устало улыбнулась и поцеловала в лоб, в щёки, в глаза. Затем собрала драже и швырнула в мусор...

Впервые они вернулись к этой теме, когда спустя неделю Виталик пришёл со службы и рассказал, что сегодня кассир в столовой была в трауре: в её семье произошёл такой же случай, и она потеряла сына.

Виталик, как вошёл, так сразу заметил на плечиках знакомую дублёрку. Решил, что поздороваться с приятелем важнее, проскакал на одной ноге и выглянул из коридора в кухню:

– Привет заслуженным деятелям отечественной культуры!

Палыч снял Наденьку с колен, поднялся со стула, выставил из кейса на стол высокую бутылочку "Белого Аиста" янтарного цвета и громко заговорил, выбираясь из-за стола, поддерживая навесу галстук:

– Ирина всё рассказала. Как я рад, что дождался тебя! Долго тебя не было, зато у меня было время подготовиться. Хоть полночь, но обязан был дожждаться. Понимаешь... ты в этом доме – это же Провидение, а встреча с тобой – Дар Божий! Дорогой ты мой Мент! – Палыч прослезился, подошёл и, не дожидаясь, пока Виталик разденется, обнял и расцеловал в холодные щёки.

Ирина, прислонившись к стене, задумалась. Толчком послужили его слова, слова Палыча, но мысли её ложились совсем в другое русло: «Может, и вправду, Провидение. Может, то Голос был и прокричал он мне: держи, непусти, то – счастье твоё!..»

***

Этой ночью дежурный узик высадил Виталика на улице. Во двор он попросил не въезжать: весь квартал разбудим. Тихонько-тихонько открыл дверь и вошёл. Едва дыша, в темноте разделся, умылся. На цыпочках прокрался в освещённую дворовыми фонарями кухню и прикрыл за собой дверь. Неожиданно вспыхнул свет, обернулся – в двери, поправляя халатик, стояла Ирина:

– Привет, а вот извиняться не смей, – и одновременно предложила и посоветовала вполголоса: – Сходи, прими душ, расслабься, а я ужин приготовлю: спит Надя крепко.

– Угу, – не разжимая губ и не вникая в суть сказанного, буркнул уставший Виталик.

Раздевался и пытался сообразить: что-то здесь не так. Поплескался под тёплыми струями, и потихоньку стало проявляться значение услышанного. Его, пребывавшего в состоянии летаргического сна, слегка затрясло, следом ещё сильнее... и пошла лавина. Сонливости, как ни бывало. Вытерся, очумело... Куда ему спрятать это уродство? Как выйти, чтобы она не заметила?

Вышел, двумя руками удерживая перед собой карманную расчёсочку, надеясь, что сумеет отразить легкомысленный взгляд Ирины своим суровым взглядом. Быстро сел: «Не понял я, она что, улыбнулась?!»

Перед ним торжествовал пышный омлет, прикрывая собой огромный кусок жареной ветчины. Ирина сидела напротив и поглядывала в окно. Перед ней – две чистые чашки с сахаром и лимоном, у стены под полотенцем – заварочный чайник... Когда Виталик на пустой сковороде сложил накрест нож и вилку, Ирина обошла стол и боком к нему, встав рядом, потянулась к чайнику.

«Могла бы с места рукой достать, а это значит... Взвейтесь кострами, тёмные ночи?!» – слава Богу, он думает, следовательно, пришёл в себя. И здесь-то Виталик не выдержал, привстал и чмокнул Ирину в завиток за ушком. И она улыбнулась! И сказала тихо (все спят, ночь кругом):

– С «чаевыми» ты торопишься, я ещё не наливала.

– Само... помимо, – оправдался Виталик и, поборов охриплость: – Ирина Михайловна, я правильно понял, к вам можно «на ты»?

– Ко мне можно. Только не зови меня «Иришка», ладно? Придумай что-нибудь другое. Такое, чтобы не путалось с «коротышка», «малышка», «пустышка». Угу?

– А почему он тебя козой называет? – неожиданно сорвалось у Виталика.

– Бывает, за строптивость... остальное как-нибудь потом узнаешь, – и покраснела чуть-чуть, но он заметил...

Поступила вопреки правилам: посуду сложила в раковину. Приблизилась к Виталику и повторила то, что сказала ему только что, перед чаем:

– Ко мне можно... – Долгий-долгий поцелуй, перевели дыхание, и ещё один жадный, нетерпеливый... В её глазах отблеск огня, полыхающего напротив, и тихие слова бабочкой вспорхнули с горячих губ: – Но лучше – к тебе...

***

– Всё, всё, всё, дорогой. Всё! Ты устал зверски, я устала страшно. Тебе сегодня рано вставать. У нас впереди ещё столько дней и ночей. Пока-пока...

5. Погасли свечи

Он идёт к остановке и думает о ней. Он толкается в троллейбусе и думает о ней. Он идёт по мосту и разговаривает с ней. Улыбка выдаёт его – прочь, улыбка! Он не слышит начальника, Костику, потому что всё время думает о ней. Гонит от себя свежие и очень откровенные воспоминания, они ему мешают, сковывают, вызывают краску и неловкость. Он счастлив, он горд, он влюблён! В голове только музыка и слова: «Как это всё случилось? В какие вечера? Три года ты мне снилась, а встретилась вчера...» Вокруг сказочный мир, он полон ярких красок и удивительных открытий. А Виталик сходит с ума и, поверьте, сойдёт, если вечером не увидит её.

Сколько ж можно: свои «дела» отложи, иди, получи оружие и жди команду на своём рабочем месте. Виталик сходил в дежурку, получил пистолет, уложил в «корзинку», надел, влез руками в пиджак и набросил его на плечи. Сел за свой стол, развернул «Крокодил», с последних страниц начал читать. Вот раздел с подборками «Нарочно не придумаешь», а это заявление (обведено красным) в домоуправление: «У моей соседки наверху большая половая... и когда у неё... у меня...» Гадость! Сами, наверное, сочиняют. Перебросил на соседний стол, а с него взял и развернул толстую газету, перешёл к последней странице. Его заинтересовал рисунок, на котором был изображён озабоченный мужчина с ветвистыми рогами, и надпись: «Он пил пантокрин». Улыбнулся: «Дуплетом!». Виталик решил заняться «криминальным чтивом», открыл сейф и достал последнее разрабатываемое «дело».

В кабинет шумно влетел начальник отдела. Все встали. Подполковник обвёл взглядом подчинённых (ага, все на месте) и пояснил ситуацию:

– Товарищи офицеры. С БАМа через наш город следует вагон с уволенными в запас военными строителями. Их увольнение задержали по каким-то там причинам, потом решили собрать всех вместе. Ночью в Тормасове, когда перецепляли вагон, дембеля устроили в районе вокзала поножовщину, хорошо – без жертв. Через два часа поезд прибывает к нам на южный вокзал. Наша задача: при необходимости оказать помощь военным патрулям и транспортной милиции. Напоминаю: в местах скопления людей оружие применять только в крайнем случае. Перед применением предупредить голосом, первый выстрел в воздух и только

потом, мои дорогие, можно на поражение, но сначала, советую – по ногам. Надеюсь, обойдётся. Как только подойдет машина, все – на выход!

Начальник отдела поискал глазами Костю, увидел, и лицо его расплылось в улыбке:

– Младший лейтенант Лопарёнок, мы от всего сердца, так сказать, от души поздравляем вас с днём рождения, желаем счастья вам и вашим близким! Вы останетесь в отделе на телефоне... Ну, что там, Сергей Дмитрич?.. Нет, не в магазин, отставить шуточки, – на телефоне, я сказал.

– Товарищ подполковник, Семёнов гриппует, еле ноги тащит. Не будете возражать: Семёнов – на телефоне, а я – на вокзал?

– Валяйте! Хотел, как лучше...

***

– О чём ты всё думаешь? У тебя в голове то белое, то чёрное: то улыбнёшься сам себе, потом молчишь, а? Грусть-тоска тебя съедает? Дома-то как, всё хорошо?

– Планировал сегодня пораньше вернуться. Обещал. Дело есть неотложное.

– Ты обалдел! Сегодня – ко мне-е, как шты-ык: день рождения только раз в году.

– Может, на выходной перенесём, а? – вяло предложил Виталик.

Давно прошли предусмотренные расписанием двадцать минут. Приятели медленным шагом прогуливались по перрону. Цыгане, семечки... Дембеля бегают друг за другом, кричат, суетятся у ларьков.

– Смотрю я на них... Разве можно таких к оружию допускать? Потому, наверно, и призывают в стройбат, – сделал вывод Виталик.

– Б-блин, странно: армию не любят, а домой едут разукрашенные, как попугайчики. Вот этот, глянь, адъютант: аксельбантами обвешался. А этот – гусар: галуны, опушка, красная подкладка. Половина – вдрызг, им много не надо, и матерятся.

– Может, травки накурились, ты знаешь, у них с детства. Ай, следить – дело военных, пока те на учёт не встанут. А то, что матерятся, мы сами виноваты, они думают, что это наш обычный язык, что не поймём их иначе, – рассудил Виталик.

– Николай рассказывал, как-то за столом наш спрашивает, шутя, Саид, б-блин, как ты можешь водку пить и салом закусывать, а тот отвечает: а я – член партии!

– Потешил! Борется с предрассудками!? Но знаешь... Вот в прошлом году – по-моему, ты в отпуске был... точно – в парке у пивной наш мужик им: «Не лезь без очереди». А за то, что рукава в его кружке мочит, обругал в полный рост: «Так-растак твою мать, отлезь!» Тот затрясся: «Ты почему про мою маму так сказал?» И собралась их туча! Порезали бы

мужиков, спасибо, тётки прибежали, кричат, спасайте наших. В тот раз обошлось.

Впереди свистнул электровоз, вагоны вздрогнули. Скрипя металлом о металл, медленно повернулись колёса, закрутились, ещё быстрее, застучали на стыках. И мимо пролетели, уносясь вдаль, красные огоньки...

Приятель поискал глазами старшего своей группы, увидел, помахал. С угла им ответили и указали на выход. Собрались у узика. Смеркалось. Старший вышел на связь, доложил, выслушал и сообщил:

– Угнали машину у какой-то важной персоны: новая «Волга», «белая ночь», номер 18-12, запоминается легко – Бородино. Не барское это дело, но нам приказано срочно выставить усиление на двух постах ГАИ при выезде на окружную. Нас как раз четверо, садитесь, поехали.

В машине обернулся и высказал предположение:

– Наши руководители обожглись на молоке, дуют на воду... Объясняю. Вы помните, в прошлый раз при вооруженном ограблении тоже «Волгу» угоняли. До перестрелки дошло. Может, они правы....

Обошлось без перестрелки. В девятом часу с поста ГАИ передали «отбой». Оказалось, обиженный сынок областного воротилы подделал ключи, вскрыл папин гараж и поехал в соседний город к любовнице. В дороге машина сломалась. Папа узнал и отозвал своё заявление об угоне.

Виталик с Костиком дождались узика, но до отдела он их так и не довёз: срочный вызов, не по пути. Не спеша, ножками топать не более получаса, приятели зашагали в сторону Красноармейской. Привычно вытряхивали из головы всё, связанное со службой, вдыхали мартовский воздух, смотрели на звёзды.

– Виталька, я не буду на тебя в обиде, если мы отпразднуем день рождения в воскресенье, а сейчас давай заскочим в «Турист». Там на первом этаже что?.. Правильно, стойка. По сто грамм и разбежались... Ну-у-у! Я же знал, что ты настоящий друг.

Заказали по сто и по холодному язычку с хреном. Виталик с любовью потрел друга по волосам, пожелал удачи, выпили по половинке. Причмокнули, поставили стопочки рядышком.

– Магушка рОдная! Мы оружие не сдали, ё-ё-ё... – покачал головой Костик. – Надо было сюда на обра-атном пути заскочить. Ладно, твоё здоровье!.. Что ж, пошли, по дороге покурим...

Проходили уютным переулком мимо заводского Дома Культуры. Через стеклянные стены, окна и распахнутые двери вырывалась музыка и крики, а когда поравнялись, смогли узнать мелодию: популярные «Семь-сорок» или по-нашему «Без двадцати восемь». Когда ДК миновали, услышали сзади:

– Эй! Ребята! Костик, Виталик, подождите!

То были Ленка и Галчонок. Костя развернулся и пошёл им навстречу. Виталик не виделся с ними месяц, но у него нет времени, он спешит, но чувство товарищества: «вместе пришли, вместе уйдём», пустившее в нём глубокие корни, заставило развернуться и пойти за Костиком. Стоп! Показалось, или кто-то сказал: «Плохо придумал, солдат. Жалеть будешь...»

Галчонок с Костиком защебетали, а Ленка направилась к Виталику. Всё то время, пока шла, красиво переступая, ладненька, в модных сапожках, она смотрела ему в глаза, не мигая, и улыбалась, но так виновато, так устало. Подошла вплотную. Виталик поднял голову и увидел над собой то, что пожелала видеть непременно здесь и сейчас: много-много звёзд, и среди них самая яркая – это Она... это Ирина...

– Застегнись, простудишься, – и, заметив, что он её не слышит, просунула руки под куртку, под пиджак и обняла его. Прижалась, положив голову на грудь, и прошептала:

– Хочу согреть тебя...

Чувствовала под тонкой тканью его тело, гладила... не вытерпела и сжала до боли, пока не услышала короткий сдержанный стон. Уткнулась в вырез рубашки, вдохнула его запах, кусочек украденного счастья... вздрогнула:

– А это что?

– Так надо.

– Пойдёшь со мной?..

– Эй, парень, – услышал он сзади и обернулся. – Да, ты правильно понял. Подойди-ка... Ладно, могу и сам, не развалюсь...

– Не обращай внимания, он – псих, возомнил о себе...

К ним подошёл высокий, красивый курсант с сержантскими нашивками, по шевронам на рукаве – выпускник. Но вопросы он стал задавать не Виталику, а ей:

– Ты почему ушла? Что за фраер с тобой? Если брат, ладно, можете немного пообниматься. Если нет, пусть сваливает. А может, ему помочь? – посмотрел на Виталика и объяснил: – Леночка – моя девочка, – улыбнулся: – Я не случайно в рифму. Наши отношения – песня, и песенку эту мы будем петь с ней вдвоём. «Кузнец нам не нужен».

– Игорёк, сам вали! Ты что, всерьёз решил, что поеду за тобой на край света!? Что ты можешь предложить: Новую Землю, Красноводск, Байкал, Камчатку? Ну, куда ещё? Что я, дура последняя!? Виталик – это мой родной город, он – офицер, юрист, у него карьера, будущее...

– Папа со связями, да? Н-ненавижу...

– Он в Афганистане воевал, медаль, он всего в жизни сам добивается...

– Наверное, в «Чёрный Тюльпан» наркотики загрузал...

– А за это, сержант, можно схлопотать...

– От кого? Ты – мне? – и Игорёк выплеснул в Виталика взглядом и интонацией полный ушат наглости.

Виталик тяжело задыхался. А Игорьку только и надо. Он умело нанёс ашперкот снизу, рука прошла в тесном промежутке между шинелью и курткой, и кулак без промаха подцепил подбородок. Виталик обмяк и обрушился на то место, где стоял, на мгновение потерял контроль, пришёл в себя и увидел впереди Игорька, который, присев, с ядовитой ухмылкой шарил рукой по ледяной крошке в поиске своих часов с браслетом. Пистолет, почуяв нечаянную свободу, как его Гамлет в той их жизни, дико обрадовался и, желая угодить своему хозяину, завилял хвостом и звонко рывкнул...

Тишина... Игорёк лежал с открытыми, застывшими глазами и больше не следил взглядом за Виталиком: «Наповал, блин... Жу-у-у-у! Сон, сон, перестань, оставь меня. Утром всё будет не так, будет смешно. Пистолет?..»

Виталик опустил пистолет на шапку. По бокам стали заметны приближающиеся тени. Первым подбежал начальник военного патруля:

– Кто стрелял?

Виталик передал ему своё удостоверение:

– Я стрелял, младший лейтенант Красин. Товарищ капитан, вот телефон, позвоните, пожалуйста, скажите, что произошло непреднамеренное убийство с превышением должностных полномочий. Пистолет на моей шапке.

Отыскал глазами Костика, кивком и глазами подозвал:

– Сходи ко мне домой, скажи что-нибудь Ирине Михайловне. А девчонкам передай, чтоб сматывались. В таких делах, чем меньше свидетелей, тем лучше. Прощай...

Издали слышал сирену. Подлетел уазик, выскочила оперативная группа из областного управления, впереди – полковник. К нему шагом, выражающим особое достоинство военного перед милицией, подошёл начальник патруля, отдал честь, передал удостоверение и заговорил, покаяваясь на Виталика. Полковник внимательно выслушал.

– Спасибо. Завтра, товарищ капитан, прошу к девяти ко мне в управление. У нас спокойно в письменной форме изложите всё, что видели. Говорите, когда стреляли, были в вестибюле? Два, три выстрела, не помните? Ладно, разберёмся.

Походил вокруг, поднял с шапки пистолет, вытащил обойму, поднёс к глазам, поковырялся, вставил назад, отдал своим. Прищурившись, осмотрел Виталика:

– Да... Красин. Прибавил ты нам хлопот. Ну, рассказывай.

Виталик внешне спокойно, а в душе с отрешённостью, передал разговор с убитым, представив дело так, будто рядом вовсе никого не

было, что разговор с курсантом о службе в Афганистане перешёл во взаимные оскорбления. Объяснил, почему с оружием. Показал ссадину на подбородке. Понял по шевелению носа полковника, что тот уловил запах алкоголя.

– Ладно, Красин, как доставим в управление, изложите подробно, – закончил разговор и добавил тихо, выделяя каждое слово: – Два. Первый – в воздух, – и крикнул своим властно:

– Почему до сих пор не в наручниках!.. Знаю, что свой! Знаю, что никому ничего плохого не сделает. А себе может... Например, под машину броситься или важную улику уничтожить. Быстро надеть и усидеть в уазик: у него стресс, еле на ногах держится!

Заметил Костика:

– Младший лейтенант Лопарёнок! Ко мне бегом! Что вы здесь праздно шатаетесь? Где надо быть? – и перешёл на шепот: – Константин, ты тоже с оружием? И тоже пил? Вот ур-роды... Ладно, ладно... Поздравляю, желаю всего самого... – и громко для остальных: – Завтра утром, Лопарёнок, быть у меня под дверью. Марш отсюда!

Оглядел ещё раз место происшествия и выделил ответственного для выполнения обычной процедуры:

– Майор Чижов, перепишите свидетелей! Начальника патруля не надо, завтра сам к нам зайдёт, – и всем оперативникам, ободряя: – Ищите вторую гильзу, должна быть! Не растапивать же нам весь лёд, б-блин. Кто найдёт, тому – отгул!

Полковник заложил руки за спину и стал вышагивать по кругу: «Да, Красин, наделал ты делов, теряем мы тебя... Глупо... жа-аль... ах, как жаль... и глупо».

– Пуля, товарищ полковник! А за неё отгул не положен? Прошла навывлет и на излёте провалилась в карман шинели. Слава Богу: её-то хоть не выплавлять. А гильзу, может, кто из зевак как сувенир взял, – пошли в ход шутки профессионалов. Работа закипела, никто им больше не мешает.

«Костик с изменившимся лицом бежит к пруду». Так можно представить его состояние, когда он, громко хлопнув дверью, выскочил из подъезда, спустился по ступенькам и сделал, спотыкаясь, несколько шагов. Развернулся, поднял голову и уставился на окно, где провёл три мучительные минуты... Неожиданно сверху донеслись сдавленный женский крик и стон, отозвались неуловимым эхом в груди Костика, и он, зажав ладонями уши, побежал криво, скользя и падая...

***

На обочине шоссе стояла «Волга» с номером 18-12. Аварийного знака нет, фонари выключены, света в салоне тоже нет. Сзади на трассе – никого, поэтому Артур, семейный шофер областного воротилы,

объезжать её не стал, остановился рядом. На месте водителя сидел безучастный ко всему Владик. Артур дотянулся до правой двери, открыл, свистнул. Владик вздрогнул, выбрался из холодной «Волги» и подошёл, нахохлившись.

– Привет, Владик. – Владик кивнул. – Отец велел «Волгу» оставить на трассе – другие пригонят, не наше это дело – а тебя доставить домой.

Владик бросил шапку на заднее сидение, расстегнул дублёнку, переложил содержимое карманов брюк в её карманы и сел на переднее сидение. Постучал ботинками, развернулся и захлопнул дверь. Оценил тепло, поёрзал, устраиваясь поудобнее, прикрыл веки: до родного города путь лежал не близкий.

– Папа у тебя строгий, Владик, – начал разговор Артур, выворачивая баранку, – но отходчив. – Развернулся, прибавил газу, помолчал немного и повторил: – Известно, говорю, про Василия Андреевича, что он строг бывает, но отходчив. Вот уже двадцать лет его знаю... А ты, Владик, помнишь, как в первый класс пошёл?.. Я же и отвозил.

– А сейчас что можешь про меня сказать? Повзрослел?

– Повзросле-сл.

– Так вот и разговаривать со мной давно пора по-взрослому.

– Понял, Владислав Васильевич. Давно пора. Моя промашка.

– Ну и ладненько. – Владик вытянул ноги и откинул голову.

Минут пять ехали молча. Артур привёл свои мысли в порядок, повеселел и запел вполголоса:

– «Пора настала, я пилотом стала, и вот летаю высоко над землёй...»

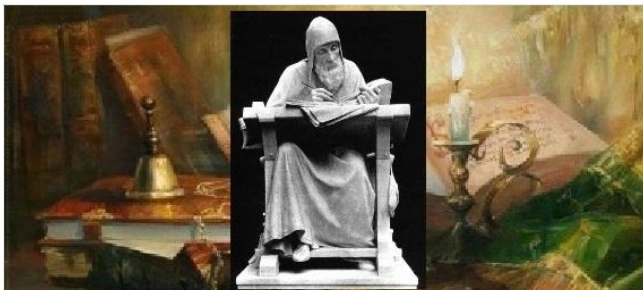
Но допеть песню Владик ему не дал, прервал:

– Ты что это, нарочно? Издаёшься?

– Извините, точно, не в тему. – Артур растянул губы в виноватой улыбке и потёр лоб. – В годы моей юности был такой фильм югославский. Песенка вспомнилась. А слова... да-а-а... не в тему... – повинился и добавил нарочито бодро: – А я в вас верю: проэкзамеуют для профформы и вернут допуск. Вы же дипломированный лётчик-истребитель...

– Ладно, поживём – увидим. Попробую подремать – трудный был день, очень устал...

ЧАСТЬ II. ЗАГЛЯНУТЬ В ПРОШЛОЕ

СЛАДКА ЛИ МЕСТЬ

(Историческая драма)

Пролог

Осеннее утро 945 года, последнего года правления князя Игоря Старого, сына Рюрика. На берег Днепра в окрестностях Киева со склона спустились три всадника: Стегги, Олле и Хенрик – воины варяжской дружины Игоря. Двум светловолосым около двадцати, рыжий Стегги лет на пять старше. Ехали без седел, рубахи не подпоясаны, портки свободны, ноги босы, у всех небольшие бороды. Через плечо у каждого свисала холщовая сума.

Последним ехал Хенрик. Он не отрывал глаз от гривы коня и хмурил брови, по-видимому, был в прошлом. Олле, напротив – был в настоящем и получал удовольствие, созерцая окрестные виды. Ему представлялось, как на него накатывали приятные, ласковые волны, и он жмурился, как кот. На его состояние обратил внимание рыжий Стегги, заговорил он на их родном, на шведском.

– Сейчас, Олле, ты – избранник Единого Бога. Он увидел твою раскрытую душу и приблизил её к себе, и ты, не догадываясь, чувствуешь эту благодать... Разве мог ты хоть раз приблизиться к Одину?.. Конечно, нет. Вот и я, когда был с Ингваром в Царьграде, принял христианскую веру... Не жалею, даже радуюсь этому... Хочешь, сходим в храм Святого Ильи на Ручье у Почайны? Его наши построили... Ну, как знаешь...

Стегги указал товарищам вперёд, туда, где на песчаном берегу лежала принесённая весенним разливом коряжистая, старая ива.

– Поедем на то место, там ям нет и помельче, – предложил он, тударил в брюхо коня пятками и опередил товарищей.

– Куда нам спешишь, Стегги? Успеем, – крикнул Олле. – Красивые места, сердце радуется. Чудесная осень, тёплая, ясная!

– Это тебя конь согрел, и ветра пока нет, – более не прикасясь к таинству, ответил Стегги.

Хенрик перестал копаться в прошлом – он услышал нечто более интересное – обогнал Олле и пристроился у Стегги сбоку.

– Мне тоже здесь нравится, – признался он, щурясь от солнечного света. – Благодатное место. Всю жизнь бы прожил в Киеве!

– Если ты, Хенрик, здесь останешься, а я вернусь да без тебя, что тогда скажу Инге, твоей возлюбленной? – пошутил Олле. Хенрик промолчал и отвернулся.

Стегги придержал коня, поджидая Олле.

– Скажу вам, братья... – начал он, сделал паузу и посмотрел на друзей. – Судьба разбрасывает могилы викингов по всему белому свету, не считаясь с их желаниями, а потому вряд ли кому из нас суждено здесь обрести покой. – Ответом было молчание. Чтобы развеять мрачные мысли, Стегги добавил: – Последний раз едем купаться. Местные колдуны пророчат ненастье уже с этого вечера.

Не желая, он затронул болезненную тему. Поводом воспользовался Хенрик:

– И мы пойдём в поход, да? Нам обещали, как наступят холода, так сразу. Сам Свенелд обещал.

– После праздника урожая, – уточнил Стегги, – после оспожинок, их осенних свадеб.

У Хенрика готов вопрос, он и рот открыл, но Стегги опередил: – Они придут, когда день с ночью сравняется. За этим их волхвы следят.

Всадники подъехали к иве, соскочили с коней и разделись. Достали из сумок щётки, и, вскрикивая от свежести струй, завели коней в Днепр. Кони опустили головы и принялись всасывать бархатными губами воду. Дав им напиться вволю, друзья приступили к купанию коней. Закончили, вывели их на берег, подвязали уздечками к старой иве и с криками бросились в воду.

– Ну что, выходим, братья? – предложил Стегги после минутного плескания. – У меня от холода ягодицы ломит.

Парни вышли на песок, оделись, сели на коней и выехали на луг. В стороне, на склоне, за которым подпирали небо острые верхушки больших елей, приютилась деревенька. От неё долетали неясные звуки. Если прислушаться, то можно было понять – это отголоски праздничного гуляния. Хенрик повернул голову ухом к источнику звуков.

– Что это за шум, Стегги? – спросил он, показав рукой.

– А что, может, это у славян наступили те самые оспожинки, – предположил Стегги и, повеселев, воскликнул: – Урожай собрали, можно и свадьбы играть!

– Заедем, посмотрим? – попросил Олле.

Стегги развернулся, призывно гикнул, и варяги наперегонки помчались по лугу. Вылетев на сельскую улочку, придержали коней и, сопровождаемые сворой дворняг, направились к месту праздника. Не доезжая, спешились, подвязали коней к деревенской коновязи и, приветливо улыбаясь, направились туда, где гулял народ...

Как и предсказывали колдуны, погода к вечеру испортилась: подул холодный ветер, небо затянули серые тучи, пошёл косой дождь. С реки накатывали на берег высокие волны с белыми барашками, взбивая по линии прибоя желтоватую пену. По Черниговской дороге насквозь промокшие и хмельные Стегги, Олле и Хенрик въехали на Подол. Сидели они прямо и с достоинством посматривали по сторонам. Монотонные движения и выпитый мёд отяжеляли их веки и клонили в сон. Олле, разгоняя сладкую пелену, запел под нос боевую песню викингов:

– Наточим ножи о камень, Настало иное время... Подросток мужчиной станет, Доставши ногою стремя...

Не дав закончить суровое наставление, Стегги запел свою, известную во всей Скандинавии песню, жестами призывая друзей поддержать его:

– Нас накрывало волнами, швыряло на скалы, Но мы твёрдо шли вперед, Туда, куда синее небо и море зовёт...

Олле и Хенрик перевели дыхание и присоединились:

– Нас накрывало дождями-снегами, Но мы твёрдо знали то, Что дом, дом, дом...

Вдохнули глубоко и хором спели:

– А ну, брат, на вёсла давай налегай! Хэ-хэй! Налегай! А кто не гребёт, тот сам огребёт...

Рассмеялись и продолжили:

– Ой, ай-яй-яй-яй! Там, за морями, за океанами, Нас заждались у огня. Хватит уже украшать тела шрамами!

И громко, в один голос прокричали:

– Нам возвращаться пора!..

Как по сигналу, смолкли, в глазах появилась грусть... Первым тишину нарушил Хенрик:

– Стегги! А я научился их языку, – и добавил нараспев: – Красна деви-и-ца, дай воды напи-и-ца!

– Что он там говорит? – очнулся Олле.

– Просит девушку не дать ему умереть от жажды.

– И что же он такого сделал, находясь рядом с девушкой, что стал горячим?.. – Олле похлопал по мокрой шее коня, вызывая звуки влажных шлепков. Варяги рассмеялись и въехали в городские ворота.

1. Осенние хлопоты

В великокняжеском тереме полумрак, за мутными оконцами – вечерняя синь. Стол, трон без излишеств, две длинные скамьи, печь в изразцах. На столе – свечи, кувшин и чаши.

В палату с чёрного хода с охалкой поленьев и листом бересты в зубах вбежал отрок из княжьей челяди. Ссыпал дрова у печи и выбежал. Скоро вернулся с фитилём, раздул огонь и зажёл масляные лампы по краям печи. Нарезал розжиг, уложил поленья в печь, поджёл лучину и поднёс к бересте – печь загудела. Отрок присел на корточки и, заворожённый, замер.

Через дверь, ведущую в личные палаты, поёживаясь, вошёл пожилой человек. Лет ему около семидесяти, длинные седые волосы с боков и спереди собраны в косицы, одет скромно. Это – Игорь, Великий Князь Русский. С указанием этого титула им был подписан последний договор с Императором Византии. Указал пальцем в отрока и опустил, похоже, забыл, что хотел сказать... Вспомнил:

– Ты, отрок, – отрок вскочил, повернулся и застыл, склонив голову, – добавь-ка в моих палатах одну половину от закладки. – Отрок склонил голову ниже. – И вот ещё: сходи в дружины к варягам и славянам, скажи Свенельду и Кочебору, что зову их. А по пути княгине Ольге скажи, что жду и её с Асмудом... Ступай!

Отрок, забыв прикрыть дверцу у печи, выбежал. Игорь занял его место, но долго не сидел, прикрыл печь, встал, подошёл к стене, на которой весели его доспехи. Вынул меч, осмотрел лезвие. Прикоснулся к стягу с фамильным гербом Рюриковичей, атакующим соколом, погладил. За этим занятием не заметил, как в палату вошли двое: княгиня Ольга, – молодая, красивая женщина, его жена, – и варяжский боярин Асмуд, он – в летах и играл роль воспитателя юного Святослава, сына Игоря и Ольги.

– Звал, Великий Князь? – первой обратила на себя внимание Ольга.

– Ингвар, Святослава я Стегги оставил, они крепость потешную строят, – добавил Асмуд.

– Воевод подождём, я их тоже звал, – ответил, не оборачиваясь, Игорь.

Ольга и Асмуд отошли к окну... Пятью минутами позже в палату через вход для гостей вошли воевода варяжской дружины Свенельд и воевода славянской дружины Кочебор – обоим лет по тридцать – прикоснулись правой рукой к груди и склонили головы.

– Вечер добрый, князь Ингвар, – приветствовал Свенельд, именуя Игоря на скандинавский манер. Из тех, кто в тереме, один он в богатой одежде, на голове – оселедец, в ухе – серебряная серьга.

– Слава тебе, Великий Князь, – с соблюдением традиции приветствовал Кочебор.

Игорь обернулся и ответил им кивком. Подошёл к столу, занял место на троне и руками показал на места, приглашая сесть. Справа сели Ольга и Кочебор, слева – варяги.

– Друзья мои первые! Приспела осень, вот и оспожинки миновали. Урожай – в закромах, мёд – в бочках, скотина и птица – в теле. Год был мирный и хлебородный. Земли наши обширные и богатые, но полесские, а посему знаю, что собирать богатую дань будем до первых проталин. Пока реки малые не встали, думаю, пора нам приступать.

– Воины мои давно дни считают, – оживился Свенельд. – Надоело им в огородах пачкаться, коров доить да гусей пасти. Кони разжирели, не усядешься, и мечи заржавели, а доспехи чёрной гнилью покрылись. Молодые отроки, так те, как солнце встанет, вопрошают: «Где походы, что нам князь обещал?» Вот теперь ты всех нас и порадовал!

Игорь доволен, улыбнулся и кивнул в знак одобрения. Перевёл взгляд на Кочебора. Тот сидел, насупившись, и смотрел в стол. Улыбка на лице Игоря погасла.

– А ты, смотрю, не рад, воевода?

– Да, Великий Князь, не буду скрывать, мои воины в обиде на тебя. – Кочебор поднял глаза. – Летом, конечно, вместе и мы, и варяги изгоняем из Степи кочевников, на печенегов и на греков страх наводим. Это – летом. А зимой только мы одни оберегаем от набегов твою столицу и твои уделы. – Свенельд выпрямился, руки со стола убрал, сел, подбоченившись. Кочебор заметил и перевёл на него взгляд. – Свенельд со своей дружиной каждой зимой ходит в дань, потому-то его отроки и оружием, и всякою одеждою богаты, мы же босы и наги... Что, Свенельд, можешь сказать против моего?

Свенельд положил ладонь на руку Кочебора: – Согласен я, князь Ингвар. Нельзя нам неравными быть.

Кочебор встал.

– Ты, Великий Князь, давно со своей дружиной в дань не ходил, сходи с ней да с нами, с полянами, и все будут довольны. Прикажи, пока Норин, Уж и Припять не встали, к древлянам сходить, а Свенельд за Киевом присмотрит, защитит. – Кочебор почувствовал, что в главном все согласны с ним. – Как вернёмся, он пойдёт в дань, а мы в Киеве на стенах постоим да на заставах посторожим.

– А что, Великий Князь, славянские дружины давно не собирали дань, – поддержал Асмуд и перевёл взгляд на Ольгу. – Сам не ходи,

останься с княгиней и Святославом. А воеводой над твоей княжеской дружиной поставь... да хоть меня.

– Поддержи Кочебора, наш добрый князь. И Асмуд дело говорит, – не осталась в стороне Ольга.

Игорь встал, налил в чашу из кувшина и жестом предложил другим. Сел, пригубил, задумался, ещё отпил. Другие налили себе, отпили, посмотрели на Игоря.

– Садись, Кочебор... Твои воины, воевода, не простого племени: они – дети князей удельных или князей-изгоев либо дети бояр. Бывает так, что из них кто сам боярин или сам князь-изгой, не получивший от отца удел. Из таких князей есть ты сам. А бывает в дружине гость из земель дальних, но он тоже не раб... Говоришь, воины твои «босы и наги»... – Игорь усмехнулся, – лукавишь, воевода, однако.

Кочебор покраснел, голос его задрожал:

– Моя дружина только добычей кормится, и в придачу огородов не имеет, как отроки варяжские, и за добычу единственную, чем кормится, платит кровью своей... А прикажи-ка, Великий Князь, и нам зимой погулять – весёлое дело!

– Отроки Свенельда служат Киеву далеко от дома родительского, от моря и богов варяжских. И многие из них не знатного рода, потому не стыдно им трудом подкормиться. Притом все они воины искусные, смелые, к боли и лишениям стойкие, себя не жалеют и князю своему верны до кончины. – Кочебор вновь покраснел. – А погибает их, ты знаешь, много. Вот потому и приходится Свенельду каждый год из Новгорода молодых отроков звать и добычу им обещать. А коли они все молоды, и нет у них в Киеве очагов родных, то я без надобности у стremени их не держу и, когда просит Свенельд, отпускаю.

– Спасибо, князь Ингвар. – Свенельд привстал. Игорь, сдерживая, выставил ладонь.

– Вот вам моя воля, друзья мои первые: за данью к древлянам со славянскими дружинами и с Кочебором, – Игорь обвёл взглядом сидевших за столом, – сам пойду... Ещё раз покажем князю Малому, вертлявому, как Уж, через город его петляющий, что Киев выше и сильнее Искоростеня.

Кочебор привстал: – И когда же, князь, выходим?

Игорь подумал, отбивая пальцами ритм, и объявил решение:

– Кочебор, завтра на заре в Искоростень отправь одвуконь гонца такого, кто через Гостомель, Козятичи и Малин путь знает. На второй день князь Малой будет знать, кого ему в гости ждать. А мы на другой день после гонца на ладьях выйдем.

Игорь встал, склонился над столом и, опершись одной рукой, другой обозначил схему маршрута.

– Пойдём вместе вверх по Днепру до Припяти, по Припяти до Ужа и по Ужу до Залесья. – Игорь выпрямился. – Дней пять идти будем вместе. За Залесьем разделимся. Одна дружина пойдёт по Норину на Вручий, другая продолжит по Ужу в Искоростень... Готовь гонца, Кочебор!

– Как повелел ты, Великий Князь, исполню.

– Я всё сказал, – объявил Игорь устало. – Возвращайтесь к делам своим.

Когда приближённые покинули палату, Ольга подошла к Игорю, прикоснулась к его волосам, расправила и поцеловала в лоб.

– Может, ты зря это надумал? Путь не близкий, холода пришли, а ты не молод, останься, пусть Асмуд сходит.

Игорь поднёс руку княгини к губам.

– Славянские дружины давно пора было в дань отправить, а у воеводы Кочебора опыта мало – это моя вина, придерживал... Асмуд ему не поможет, он отвык от сбора, а здесь надо быть решительным и осторожным. Свенельд на такие дела по-своему смотрит. Идти мне, больше некому.

Обнявшись, Игорь с Ольгой направились к двери, ведущей в их палаты.

***

Ладьи, всего около десятка, шли на вёслах вверх по неширокой извилистой реке Уж. По берегу их сопровождал небольшой табун боевых коней под охраной вооружённых всадников. Кони те нужны для князя, его телохранителей, знатных воинов, гонцов и передовых сторож, посылаемых в разведку.

Прошли древлянское сельцо Залесье и, когда справа показалось устье Норина, причалили бортами к берегу. С каждой ладьи перебросили доски, и дружинники налегке сошли на берег – привал. С третьей ладьи сошёл Игорь, со средней – Кочебор. За Игорем следовали два рынды, телохранители. Один из них нёс стяг Великого Князя с изображением падающего сокола, второй – две скамеечки и плетёную корзинку, накрытую полотенцем. Игорь показал им, где поставить стяг, рынды воткнули древко в землю и встали рядом. Князь и воевода присели. Казалось, дальнейший путь дружин очевиден, но из уст Игоря неожиданно прозвучало:

– Я пойду направо по Норину до Вручия, идти мне один день. А ты, Кочебор, с полянами пойдёшь дальше по Ужу в Искоростень, и идти тебе день с половиною.

– Великий Князь! А послушает ли меня Мал?

– Послушает. Ты княжеского рода, и можешь на равных разговаривать с князем, он не обидится.

Разговор не получился. Ели молча. Встали. Сполоснули руки и вытерли о полотенца. Игорь видел, что укрепить уверенность в воеводе ему не удалось: глаз тот не поднимает.

– Помни: не мне древляне дань платят, но Киеву! – Игорь положил руку на плечо Кочебору, тот поднял голову, кивнул, соглашаясь. – А дней через десять встретимся на этом месте. Смотри, воевода, не опаздывай!

Игорь направился к своей ладье, Кочебор, почёсывая макушку – к своей. Игорь обернулся:

– Да! Вот ещё! Как придёшь в Искоростень, расскажи князю Малому хорошие новости. – Воевода и князь сблизились. – Что хотим мы мира и для себя, и для него, а потому принимали послов Греческих. Привезли они Хартию от Царей Греческих мне, Великому Князю Русскому. Приняв оную, клялись они и мы. Одарили мы их мехами драгоценными, воском и пленниками и отпустили к Императору с обещанием хранить дружбу и Истину Союза. – И Игорь выделил особо: – Пусть знает князь Малой, что в подарках была и его доля, за что благодарю и рассчитываю впредь, а потому прошу не скупиться. – Князь обнял воеводу. – Ну, в путь!

Три ладьи повернули направо и легли в русло Норина, остальные подождали, пока не освободится вода, и пошли вверх на Искоростень. Малая часть табуна переплыла Уж и продолжила по берегу Норина сопровождать дружину Игоря.

***

Прошло десять дней. Со стороны Искоростеня вниз по Ужу шли на вёслах гружёные данью ладьи с дружиной Кочебора. По берегу их по-прежнему сопровождал табун лошадей, с ним – несколько вооружённых воинов. За ними, на расстоянии, держались два древлянских всадника – гонцы для связи дружины с Искоростенем: один кудрявый, другой постарше, с залысынами. Ночь им пришлось провести на земле, утром они по пояс вымокли в росе – трава и бурьян местами доставали до сёдел. Гонцы были угрюмы и ворчали, и не было рядом ничего, на чём можно было бы сорвать злость.

– Сколько нам по берегу за ними тащиться?.. Без дороги... Как бы коням ноги не поломать, а себе шеи не свернуть, – буркнул кудрявый.

– Велено их гонцами быть до Припяти, а там... какая уж на то будет княжья воля – прикажут, в Киев поедем, – просипел в ответ лысый.

Река сделала поворот, и с ладей Кочебора открылся вид на устье Норина. На том месте, где десять дней назад дружины разделились, стояли три ладьи Игоря бортами к берегу, а носами с драконами вниз по Ужу. Игорева дружина прибыла накануне и разбила стан. В центре – шатёр, над ним на слабом ветру покачивался стяг Рюриковичей.

С головной ладьи Кочебора протрубил рог. Со стоянки Игоря прозвучал ответ. Услышав трубную переключку, из шатра вышел Игорь. Ладьи Кочебора пристроились за ладьями Великого Князя. Кочебор, помахав рукой, сошёл на берег. Князь и воевода обнялись и зашли в шатёр.

К стану подогнали табун. Здесь же, недалеко, расположили на отдых. Следом подъехали древлянские гонцы, спешили, сняли с коней сёдла, распрягли и подвели их к реке. Дали коням напиться, вывели на поляну, стреножили. Перенесли сёдла ближе к шатру – гонцы должны постоянно быть на виду – опустили сёдла на землю и на них присели. Первым заговорил мрачнее тучи кудрявый гонец:

– Где сила, там и богатство. А где богатство, там и сила. Жаль, не вернуть скоро былого величия древлянам. Ты сам-то как думаешь?

Лысый гонец в ответ растянул губы в улыбке. Кудрявый не понял кому, удивился, обернулся... сзади никого. Лысый объяснил:

– Хоть воины Игоря нас не слышат, но видят. Будь лицом светлее, улыбайся понарошку... либо отвернись. А то уж больно ты мрачен.

Из шатра вышли Игорь и Кочебор. Здесь же, у полога, остановились: Игорь, задумавшись, Кочебор – впереди, отвернувшись. Игорь подошёл к нему и развернул к себе лицом.

– Чем опечалился? Главного собрано чуть меньше, чем в летошнем годе. А мехов не добрали от того, что рано с древлян начали, миздра, ты ж видел, тёмная.

– Ты, Великий Князь, взял больше с Вручия, чем я с древлянской столицы.

– Надо было не бояться брать прошлогодними мехами. А норку и бобра можно брать этого года, их мех всегда годится. Малой должен был сам подсказать. – Вздохнул. – Ладно, доберём зимой.

Древлянские гонцы притихли. Лысый достал шило и дратву и сделал вид, что ремонтирует седло. В голосе Кочебора появились нотки былой претензии, досады:

– Люди дружинные в обиде. Ничего им не досталось, мимо прошло, всё для Киева. Ты бы дал им удел какой...

Игорь посмотрел на гонцов, поведение их показалось ему подозрительным.

– Потихе, воевода. Гонцам древлянским нельзя нас слушать, – тихо заметил он. – В Киеве весь сбор по росписи разделим. Дадим и городу, и слугам его, и дружинам. А казне как не дать? Вдруг надо будет выкуп заплатить или кого отблагодарить... Вспомни, вот были у нас послы из Византии, так мы их проводили с подарками, – и добавил с достоинством: – Когда у нас с Императором мир, мы можем за богатой добычей ходить хоть проливами, хоть по Дунаю.

Игорь отошёл, походил, попинал листву, вернулся, вполголоса продолжил:

– А удел твоим дать – это разбой! Скажут, Игорь – вор! – Подошёл ближе. – Мы не враги древлянам, если можем, делимся. Когда в Царьград ходили воевать, так древляне были с нами, и добычу они себе тоже взяли.

Кочебор горячим шёпотом спросил:

– А как же отроки Свенельда богатеют? Может, нечестен он?

Рында принёс жареное мясо, кувшин с чашами и полотенца. Князь и воевода присели на скамеечки у шатра, выпили по чаше.

– Свенельд, что поручено, то привозит и показывает. Он воровства не допустит, он боярского рода, он потомок Дира. – Перешёл на шёпот. – Знаю тайно, что ходит он в набеги на соседние земли. Обиженные не могут на Киев показать – не славяне у них разбойничали. Думают, поди, то были угры или балты? А могли быть дружины из других варягов – где их только не видели.

Кочебор забыл об осторожности и заговорил громко:

– А может, я с дружиной в набег на кривичей схожу? Дойдём до Припяти, а там мы – вверх, а ты, Великий Князь, – вниз.

Кудрявый гонец не выдержал и отметил чуть слышно: – У-у-у, пёс ненасытный!

Игорь не сдержался:

– Думал! После твоих забав мне либо с полоцким князем воевать, либо тебя, воеводу, на кол сажать и весь нынешний сбор кривичам в откуп за разорение отдать.

Игорь отошёл, походил, вернулся.

– Князь древлянский, вижу, не всё тебе дал, схитрил. А у него и кож много, и узорочье есть всякое, тоже и серебро, и посуда. Свенельд всегда привозил. Есть у Малого и оружие, слышал я, с ним торгуют готы, угры и хорваты.

Кочебор охнул с досады:

– О-о-ох! Обманул меня Мал! Так вернуться мне, Великий Князь?

– Не даст он тебе, коли с первого раза скрыл. Это он не тебя, он Киев обманул. Надо мне идти добирать.

Кудрявый гонец вновь не выдержал и шёпотом поделился с товарищем: – Как бы князя Мала предупредить? Отсюда близко, за полдня можно управиться.

Князь Игорь решил, что иного пути нет, и распорядился:

– Перенесём всё тяжёлое с моих ладей на твои. Как закончим, ты вниз пойдёшь, в Киев, а я вернусь в Искоростень... Приступай Кочебор, не будем откладывать.

Кочебор ушёл, Игорь, оставшись один, побродил около шатра, раз другой посмотрел на притихших гонцов, сопровождавших каждое его

движение настороженными взглядами. Остановился, посмотрел в очередной раз.

– Подойдите ко мне.

Древляне оживились, бросили дела, подбежали.

– Скачите в Искоростень, скажите своему князю, брату моему, что стало известно нам, утаил он многое. Оттого возвращается Великий Князь добирать дань. – Махнул рукой. – Ну, скачите, не мешкайте!

Довольные гонцы схватили сёдла и побежали к лошадям. Обсуждая и жестикулируя, оседлали коней, сели, развернули и с места пустили в галоп.

У ладей началась возня и суета, и вскоре по всей линии их стоянки раскрутились работы. Долетали крики: «Неси», «Помоги», «На эту хватит, давай на ту». Игорь какое-то время, заложив руки за спину, наблюдал за движением, затем посмотрел на облака, уточнил, откуда ветер, оглядел тот горизонт и вошёл в шатёр.

2. Жить, чтобы мстить

Вверх по Ужу медленно шли на вёслах три ладьи Игоря. Искоростень близко – если встать со скамьи, то видны возвышенности в его окрестностях. И на коне можно обернуться, пока дитя малое спит после дневного кормления.

На левой стороне, в лесу за пойменным лугом, притаились всадников сто – древлянская конница. На реке, немного ниже, заметны просвет в ивняке и подход к берегу. По обе стороны от него, под кустами, лежали в засаде сотни две пешех воиннов. Из леса они видны, а с воды нет. Ладьи Игоря за поворотом, торчат только их голые мачты и головы драконов.

В зарослях у опушки – древлянский князь Мал и два его гонца: молодой, кудрявый, и тот, с залысынами. Князь Мал посвящал молодого в свой замысел:

– Видишь подход к воде? Там – брод. Перейдёшь речку и встретишь Игоря на той стороне, мол, от меня гонец. Скажешь, князь спрашивает: «Зачем идёшь опять, забрал уже всю дань». – Мал, предвкушая успех, облизнул губы. – Вот если бы Игорь сошёл бы да на твою сторону, было бы важно! Мы бы его отсекли от дружины. А в общей схватке его ненароком убить могут...

Гонцы выехали на тропу и поскакали к броду, перешли на правую сторону и поднялись на высокое место перед берёзовой рощей. Кудрявый спешился и положил на траву щит, пику и шлем. Окинул взглядом товарища: – Слезай-ка и ты, не обидь Великого Князя. – Лысый возражать не стал, кряхтя, сполз на землю и снял шлем.

Когда до ладей можно было докричаться, кудрявый гонец спустился к реке.

– Ого-го-го! Встречай гонцов! – Замахал руками. – Э-э-эй!

С первой ладьи ответили сурово:

– Чего-о-о! Что за беда?

– Слова гонцы привезли Великому Князю от брата его, от князя Мала.

С первой ладьи прокричали на вторую: – Гонцы от князя Мала к князю Игорю. Кричи дальше! – Со второй ладьи крикнули на последнюю: – Гонцы к князю Игорю. – С третьей послышалось: – От князя Мала будто.

Ладьи пересекли брод и прижались к правому берегу. Воины ухватились за ветви и причалили бортами к кустам. На последней ладье поднялся дружинник.

– Здорово будешь, древлянин! – Гонец кивнул в ответ. – Великий Князь по твоему берегу верхом едет, ему так складнее. Ищи там, – воин махнул рукой назад.

Гонец повернулся к товарищу: – Ну-ка, глянь, нет там верховых?

Лысый с места не увидел, взобрался на коня, привстал на стремях и подался вперёд: – Да не так уж и далеко!

На пойменных лугах всегда найдутся старицы, заливные озёра, камышовые болотины и прочие неудобья, потому и табун, и Игорь с телохранителями отстали от судов. А шли они, как того желал Мал, по правому берегу.

Гонец поднялся к товарищу, увидел верховых, сел на коня и выехал им навстречу. Но на ходу Игорь его слушать не стал, показал на бугорок, где стоял второй гонец. Там рынды спешили, отодвинули лысого и установили стяг Рюриковичей с «соколом». Гонец передал коня товарищу, тот отвёл лошадей в сторону. Игорь сошёл с коня, присел на траву и подозвал гонца. Кудрявый подбежал, склонил голову и опустился на колено. Игорь внимательно осмотрел его, затем второго – тот склонил голову.

– Ваш князь, брат мой младший, не встречает оттого, что на войну собирается? И просит меня, чтобы помог ему? Так, отрок?

– Нет, Великий Князь! – ответил гонец. – Мы в мире живём. Спасибо Киеву.

– А кто ж тебя в броню одел? Когда князь Малой отправлял вас, он знал, что где я, там нет войны. Выходит, обо мне забота – печенег в засаде на пути сидит. – Игорь повысил голос: – Сидит? Отвечай!

– Нет, Великий Князь! Безопасен твой путь.

Игорь поднялся с земли, подошёл к гонцу.

– Подними голову! – Посмотрел ему в глаза. – Встань! – С сожалением отметил: – Выходит, воюет мой брат, и опасен мой путь. – Игорь вернулся к стягу. – Говори, что привёз!

Гонец перевёл дыхание.

– Великий Князь! Привёз я слова князя Мала. – Гонец набрал воздуха и произнёс: «Зачем идёшь опять? Забрал уже всю дань».

Игорь отошёл от гонца и с улыбкой направился к его товарищу.

– Понял я так, что князю Малому надо узнать, где Игорь с дружиной, да? – Улыбка исчезла. – Поскачешь и в другой раз скажешь, что иду с миром к другу, но за долгом, – распорядился Игорь и добавил: – Товарищ твой останется гостем, он обещал мне безопасный путь... А теперь, борзой пёс, лети к своему хозяину!

Игорь вернулся к гонцу, тот вновь склонил голову.

– Великий Князь! Не гневишь, я только раб. – Гонец поднял глаза. – Вчера древляне держали совет и решили так: «Если повадится волк к овцам, то вынесет всё стадо, пока не убьют его. Так и Игорь: если не убьём его, то он нас всех погубит». – Гонец опустил глаза. – Князь Мал с дружиной близко.

Игорь, не проявляя беспокойства, обратился к телохранителям: – Всем выгружаться и доспехи одевать. Беги! – приказал он ближнему и крикнул вдогон: – Жду всех у «сокола»! – и второму рынде: – Неси оружие и броню.

На поляне остались Игорь и гонец. Игорь осмотрелся.

– Эх, на узкой воде не развернуться. А развернутся, то стрелами да копьями всё одно побьют! Да и не пристало Великому Князю бегать, верно, сынок?

Из-за кустов на левой стороне Ужа раздался дикий вой, кусты затрещали, заходили ходуном – это пешие древлянские воины встали, и в ладьи полетели стрелы и сулицы. Часть древлян кинулась через кусты в реку, другая, что осталась за кормой последней ладьи, побежала к броду, и напала сзади и с правого берега. Пешее войско окружило ладьи и скоро отрезало Игоря от дружины. Избиение быстро началось и скоро закончилось. Яростные крики сменила брань, обычная при дележе добычи. Под стягом застыл Игорь. Сзади, на расстоянии – гонец.

– Нет больше твоей славной дружины, Великий Князь... Прости, Игорь. – Гонец помялся и крикнул: – Два года назад я был в твоём войске, когда ты ходил на Царьград. С тех пор желаю стать твоим воином!

Из леса с опозданием выехала на луг и помчалась к броду конница древлян.

– Быть тому! С этой минуты ты – мой воин! – объявил Игорь, наблюдая за конницей. Гонец сделал к нему шаг. Игорь поднял руку: – Стой там!

Конница древлян вышла к реке. Игорь, торопясь, достал из-за ворота оберег, разорвал цепочку и бросил оберег гонцу. – Поезжай в Киев, княгине передашь и скажешь, что взял тебя в дружину... И ещё – пуше глаз пусть бережёт для славных дел Святослава, Великого Князя Русского.

У реки конница разделилась: одна часть занялась разграблением, другая пустилась ловить табун, малая часть направилась к броду. Впереди той части конницы, что перешла реку и мчалась к Игорю – князь Мал, с ним – древлянский воевода Гудиша. Не доезжая, спешились, подбежали. Древляне схватили Игоря за руки. Гудиша бросился к стягу, подрубил древко, сорвал и с другими древлянами принялся топтать «сокола».

– Хватит прыгать! – крикнул Мал своим, затем Гудише: – Сними меч с него.

Древляне образовали широкий круг, в центре – Игорь, он неподвижен, руки – на груди. Мал обошёл, осмотрел от сапог до седых волос и заговорил со злобой:

– Вот ты и попался, старый волк! Если бы сам в дань ходил, то столько лет не прожил бы... Нет, не прожил... – Усмехнулся. – А я-то думал, ты сразу в Искоростень пойдёшь. Ан нет! Однако со второго раза вышло. Прав был Свенельд.

– Ты что же, вор, совет у него спрашивал?

– Ты сильно гордый! – повысил голос Мал и добавил тише: – А вот угадал он, что ты, коли привык к большой дани, другую не потерпишь. – Усмехнулся. – И ещё угадал, что добирать сам придёшь.

– Про тебя я знаю. – Игорь нахмурился. – А его-то корысть в чём?

– К дани ты нас с Олегом примучил. Ты-ы-ы! – Мал сорвал голос, откашлялся. – Потому я клятву дал отомстить, и Перуну в жертву холопа твоего принёс. Год держал пленника в яме и дождался!

Мал челноком походил перед Игорем, успокоился, вспомнил вопрос.

– А про Свенельдову корысть сказать могу только... чьего рода он, знаешь?

– Ну, варяжского... Сказывают, что Дира, – пожимая плечами, с презрением ответил Игорь, не глядя на Мала.

– Вот то-то и оно! Потому и мстит за боярина, коему он потомок.

Игорь усмехнулся, качнул головой.

– Если варяги начнут по всякому поводу мстить один другому, то мстить скоро будет некому, – усмехнулся Игорь и твёрдо заявил: – К давнему убийству варяжских бояр я не причастен!

– Твоим именем Олег совершил его! – поставил точку древлянский князь.

Мал отступил от Игоря и сбросил плащ. Пригнувшись, пошёл по кругу, всматриваясь в лица древлян.

– Ну, братья, какую смерть для Игоря выберем? Ищите страшную, да такую, чтобы никому он не встретился в неведомой стране Семаргла.

Древляне с суровыми лицами уставились в землю.

– Живым закопать!

– Живым сжечь!

Мал покачал головой и высказал сомнение:

– А вдруг встретишь его в неведомой стране?

– Псам голодным на растерзание отдать!

– А где ж здесь псов-то взять? – Мал присел и развёл руки.

Гудиша начал догадываться.

– Надо разорвать, чтобы не соединился. – Почесал бороду. – А если ноги к двум коням привязать да пустить их в разные стороны?

Мал остановился, лицо оживилось.

– Это – дело! А ещё? Да так, чтобы без коней. – Вновь пошёл ходить кругами, остановился. – А сделаем мы вот что! Две берёзы согнём до земли, привяжем к макушкам за руки да за ноги и разом берёзы те отпустим! Его на части-то и разорвёт! Где голова останется, там помучается недолго... И то хорошо. А части, – ещё раз присел, разведя руки, – так те уж не смогут соединиться, и Игорь не будет ходить по неведомой стране.

Древляне одобрительно загудели. Довольный Мал посмотрел по верхам, нашёл, что хотел, и махнул рукой в ту сторону: – Давай, братья, гни вон те две.

Часть древлянских воинов полезли по стволам к макушкам, привязали верёвки, сбросили концы и слезли. Потянули, склоняя вершины, и, склонив, привязали обе вершины одной верёвкой за ствол у комля соседнего дерева.

Мал покрутился, посмотрел на тех, кто рядом. – А вы вяжите верёвки к рукам и ногам.

Древляне привязали к рукам и ногам Игоря верёвки, оставляя длинные концы.

– Не погань, князь, ни имени своего, ни рода-племени. Поберегись, Киев не простит такого злодейства.

Мал молчал, ходил, поглядывал на приготовление, останавливался, казалось, сомневался, но тут же встряхивал головой и снова продолжал ходить, поглядывая и шумно сопя.

Игоря подвели к склонённым вершинам, свалили на землю и привязали свободные концы верёвок к вершинам, растягивая тело. Мал крикнул:

– Ты готов, старый волк?

– Смерти никогда не боялся!

Мал поднял руку и бросил вниз, будто отсек что, следом вязко ударил топор, взлетели с вихрем вершины, пронзительный крик, протяжный стон... Тишина. Над Малом закружили золотые листья. Древлянские воины собрались в кучу позади него и мрачно уставились на содеянное. Мал поднял руки, закричал в небо:

– Эге-ге-ге-э-э!.. Ого-го-о-о!.. Знай, Перун, я верный раб твой на веки вечные! – Повернулся к воинам и распорядился: – На этом месте, где стою, выройте могилу по пояс, снимите с деревьев и в ней положите Игоря, рядом меч его. Накройте плащом и похороните, а над ним насыпьте холмик. – Посмотрел на ладьи у брода. – Дружину придайте земле в поле от реки подальше. Как управитесь, по всем тризну справим.

Возбуждение покинуло Мала, он сел на бревно, его охватила дрожь. Гудиша поднял плащ, набросил князю на плечи, сел рядом.

– Племя Рюрика расползлось по миру от Новгорода до Чернигова и Смоленска... И аж до Мурома! – Посмотрел на Мала. – Не простят они... Нам-то с Киевом не справиться.

Мал, соглашаясь, кивнул, сдвинул брови, наморщил нос и помотал склонённой головой. Гудиша увидел, что князь его понял, и прошептал:

– Пока есть время, надо посольство к Ольге отправить с богатыми дарами, да объяснить с нашей выгодой, как было всё.

Князь Мал решительно выпрямился.

– Поспешу в Искоростень, поговорю с боярами и старейшинами, волхвов призову. – Положил руку на плечо воеводе и встал. – А ты делай, что я велел.

Мал указал на тех древлян, кого возьмёт с собой, все сели на коней и поскакали к броду. Гудиша встал, подошёл к дружинникам, вздохнул и распорядился:

– Начинайте погребение, храбрые воины. Сделайте по обычаю и помните волю князя нашего.

Гонец сбросил оцепенение, сел на коня и свиду равнодушный направился шагом в сторону от брода. Отъехав, убедился, что на него никто не обращает внимания, и перевёл коня в галоп. Гудиша обернулся на топот и проводил всадника пустым взглядом.

3. Мстить, чтобы жить

По лесам и полям, окрашенным в цвета зрелой осени, переходя с шага на галоп, мчался гонец. Давал коню отдохнуть, и снова – в седло и вперёд. Щит – за спиной, шлем у луки седла, пика то – поперёк, то петлёй – за носок сапога, как у кочевника.

Выехал на дорогу. Позади – закатное солнце. В первой же деревне остановился на ночлег. Спать улёгся на сеновале, конь – под рукой. Утром

вскочил на коня и помчался навстречу рассвету. По пути попадались странники, бабы с детьми, редкие телеги. Иной ходок, завидев вооружённого всадника, бежал с дороги в поле, оглядываясь... И вновь – за спиной закатное солнце, ночь на сеновале...

В полдень по Черниговской дороге на измученном коне гонец въехал на Подол. На Почайне, рукаве Днепра, шла разгрузка ладей Кочебора. Вереница людей и телег протянулась вверх, к воротам Киева. Гонец пристроился за дружинниками и въехал в город. У ворот великокняжеского двора поговорил со стражником, стражник пропустил его во двор и дёрнул за верёвочку, уходящую в терем.

Гонец подвязал коня, здесь же сложил оружие, сел на лавку и обхватил голову руками. По лестнице спустился отрок из княжьей челяди. Подошёл к гонцу, они поговорили, и отрок вернулся в терем. Гонец вытянул ноги, запрокинул голову, прикрыл глаза.

Во двор вошёл Кочебор, бросил взгляд на гонца, прошёл, остановился, оглянулся, подумал. Решил не тревожить, пересёк двор, помахал кому-то в окне и поднялся по ступеням в терем.

В теремной палате у окна – девка из княжьей челяди. Вбежал Свенельд, подкрался к ней и обхватил тонкую талию.

– Позови княгиню, красавица, – прошептал на ушко и ладонью пониже спины побудил к исполнению.

Свенельд в нетерпении. Подошёл к окну, кивнул кому-то на дворе, опёрся о подоконник и долго смотрел вверх по Днепру. Быстрым шагом вошла Ольга.

– Неужто Игорь!

– Должно быть так, княгиня. Кочебора на дворе сейчас видел.

Вошёл Кочебор. Свенельд обнял его и подвёл к Ольге. Кочебор махнул рукой до пола.

– Княгиня ясная, рад видеть тебя в добром здравии!

Ольга улыbnулась.

– Мы тоже тебе рады... Где Игорь наш? – У входа появился отрок, встал у двери. Ольга заметила: – Тебе что?

– Гонец от древлян, княгиня.

– Пусть подождёт... Угости его и коня прими. – Отрок выбежал.

Ольга повторила вопрос:

– Где Игорь? Говори же.

– Он в Искоростень вернулся, княгиня.

– Зачем он там, а ты здесь? – удивилась Ольга и заняла место рядом с троном.

– Позволь, княгиня, расскажу от начала. – Ольга кивнула. – По Ужу дошли мы до Норина. Здесь Великий Князь наказал мне идти в столицу, в Искоростень, а сам решил свернуть на Вручий. Когда я смутился, Игорь

сказал так: «Наш Малой есть князь, ты тоже, хоть и изгой, и для меня оба равны, оба – слуги Киева. Но в этот раз Малой должен в тебе Киев видеть и почитать, потому как ты – посол Киева». – Кочебор сделал паузу. – Когда мы на обратном пути соединились, обнаружил Великий Князь, что Малой схитрил. Стало быть, Малого надо укорить и образумить, причём немедленно. Оттого сам Великий Князь пошёл в Искоростень, меня же с общим сбором отправил в Киев... Думаю, дней через семь Игорь будет с нами.

– А воинов с ним много? – проявила беспокойство Ольга.

– На трёх ладьях.

– Ладно, подождём... Вели гонца позвать.

Кочебор направился к двери, выглянул, вышел, послышался шлепок, за ним: «Не ковырай в носу, бездельник. Зови гонца», следом – удаляющийся топот. Кочебор вернулся.

Ольга обратилась к Свенельду:

– Князь Мал горяч бывает, верно? Кабы не быть беде.

– Горяч бывает, но благоразумен. Было, древляне отказывали в дружбе Олегу, потом Ингвару. А причина – дикость лесного народа. Теперь знают, быть младшим братом у Киева – честь любому князю.

Вошёл гонец. Он без оружия, в походной одежде, грубой, частью стёганой, чтобы смягчить удары под кольчугой. Склонил растрёпанную голову, сделал два шага и опустил на колено.

– Славься, Великая Княгиня!

Слова гонца встревожили Ольгу.

– Великий в Киеве – князь Игорь. Встань, подойди. Не похож ты одеждой на гонца.

– Гонец он, помню, – подтвердил Кочебор.

– С чем приехал ты от брата нашего, князя Мала? – спросила Ольга.
– Встань, говори!

Гонец встал, посмотрел на Свенельда, Кочебора, на Ольгу и опустил взгляд.

– Я больше не гонец Мала, я бежал из его дружины. Приехал в Киев по воле князя Игоря, и по его же воле я – воин киевской дружины. Со мною слово Игоря и эта, – достаёт оберег, – дорогая тебе вещь.

Ольга вздрогнула и закрыла лицо руками. Свенельд принял оберег и передал Ольге, та открыла лицо, взяла и поднесла к губам.

– Князь Мал не друг Киеву! На сходе решили знатные древляне убить Игоря. Волхвы одобрили. Тогда поспешили устроить засаду у Искоростеня. Я оказался рядом в тот час, когда подошло войско древлян и началось избиение Игоревой дружины в ладьях и на берегу.

– Ингвар погиб в бою? – спросил Свенельд.

– Нет, князь Мал казнил его.

– Как он осмелился лишить жизни сына Рюрика!? – Кочебор подскочил к гонцу, ухватил за ворот, рванул, пытаясь свалить с ног.

– Как умер Игорь? – сухо спросила Ольга. Кочебор шумно выдохнул и отпустил гонца.

– Мал приказал две берёзы согнуть, конечности к ним привязать, потом берёзы отпустить. Приказал похоронить с мечом. Этого уж я не видел и незаметно в Киев ускакал... То место помню.

На лице Ольги – ужас. Свенельд сделал к ней шаг, но Ольга справилась с первым чувством.

– Благодарим тебя. Дадим имя в дружине новое, оно будет Претич, и оружие лучшее, и коня доброго, – распорядилась Ольга и попросила Кочебора: – Идите в дружину, передай волю Игоря и скажи, что Претич – наш верный друг.

– Всё сделаю, Великая Княгиня.

Кочебор положил руку на плечо гонца, тот вспомнил, что не всё сказал.

– Ещё я знаю!.. Там же одумался князь Мал, теперь хочет мира, пришлёт послов. Наперёд их я на два или на три дня прискакал. – Поднял руку. – Великая Княгиня! Ещё Игорь сказал: «Пуще глаз своих береги Великого Князя Святослава для славных дел».

– Что вспомнишь, Претич, приходи... Ступайте.

Кочебор с гонцом вышли, остались Ольга и Свенельд. Свенельд задумался: «От предков диких Мал недалеко ушёл... Но не известно нам, что сотворить ещё успеет... Как поторопить его пройти путь до могилы?»
Ход его мыслей нарушила Ольга:

– Придумай, верный друг, как встретим мы посольство. Я выйду, буду скоро, приду, расскажешь.

Ольга вышла. Свенельд сел за стол и, подперев голову, задумался.

В палату вбежал варяжский дружинник. Свенельд, продолжая думать, вышел навстречу.

– Случилось что, Стегги?

– В дружине узнали о смерти Ингвара. Варяги в тревоге – как при юном Святославе да не будет им почёта? Кто у кормила власти встанет, пока юный князь не достигнет совершенных лет? – Стегги решительно добавил: – Свенельд! Варяги желают, чтобы ты просил руки у Ольги и стал владыкой временным, каким Олег был у Ингвара.

Свенельд близоруко прищурился.

– Им может быть только Рюрикович, и Олег приходился ему дядькой. Но если по вашей прихоти я стану владыкой, то вижу один исход – война с Рюриковичами и гибель моя и дружины всей. – И заключил: – Надо нам, не шадя жизней, княгине Ольге содействовать, тогда всё будет по-прежнему, а дальше – поглядим. Не допустить в Киев чужого князя,

кто б ни был он, и Святослава сохранить – вот главное! Ступай, Стегги, успокой варягов.

– Ты нам глаза открыл и пальцем показал. Всё явно здесь, как чёрное на белом.

Стегги вышел. Свенельд сел на прежнее место, задумался. Вернулась Ольга и села напротив. Лицо её осунулось, веки припухли.

– Придумал что?

– Киев не может оставить без мести подлость знатных древлян. Их замысел, всеми ими одобренный, сгубил Ингвара. – Ольга чуть заметно кивала. – Есть у варягов обычай: знатных людей отправлять в царство тьмы на ладье. Послы, конечно, придут на ладье, но нам ладью ту не поднять. Тогда мы сделаем ладью лёгкую, чтобы можно было нести, а под днищем – колёсики. Нарядим её цветами и лентами. Попросим послов пересечь, чтобы на горы киевские поднять. Принесём да в яму сбросим и закопаем.

– Колёсики-то на что? – выдохнула Ольга.

– А тут уж... Как принесут ладью туда, где послам замирился и пировать будет обещано, то поставят её на стол перед прикрытой ямой. Тут же передние ножки у того стола выбьют, и ладья, как с горки, в яму съедет... Ну, дальше-то всё ясно.

Свенельд закончил, улыбнулся. Тишина... Ольга встала.

– Пусть будет так!

– Где яму выкопать, Великая Княгиня? – не показав удивления, спросил Свенельд.

– В теремном дворе, чтоб тайну сохранить, – ответила Ольга и добавила тише: – Думаю, то будет не последнее ко мне посольство... Приступай.

***

Как рассчитал гонец, прошло два дня, и в Киев прибыло посольство от древлян. В теремную палату вошли Свенельд и боярин в дорогих мехах. Свенельд вышел на центр, повернулся на пятках и громко позвал: – Ты где прячешься, красавица? – У боярина взлетели брови. Свенельд рассмеялся.

В палату вбежала девка из княжьей челяди. Свенельд указал на неё: – Вот она, красавица наша... Красавица, скажи княгине Ольге, что боярин, посол древлянский, просит явиться пред её очами. – Девка убежала. Свенельд начал ходить замысловатыми зигзагами по палате, бросая взгляды на посла. Боярин огладил бороду, поправил усы, откашлялся в кулак.

В торжественном наряде вошла Ольга. Боярин, потрясённый красотой и величием, низко поклонился, вывернув ладони навстречу.

– Княгиня Великого Киева! Быть тебе в веках самой прекрасной звездой, цветком благоуханным!

– Слышу, Свенельд, гости добрые пожаловали? – спросила Ольга с лёгкой наивностью.

Боярин опередил Свенельда и важно заявил о себе:

– Пожаловали, княгиня.

– Так говори ж, зачем.

– Мы, двадцать самых известных послов древлянских, пришли, чтобы повиниться в смерти мужа твоего, Игоря. – Боярин низко склонил голову.

– Ну что ж, винись, боярин.

– Затмила наши очи обида, что дань мы уплатили всю, а надо ещё, а взять уж негде. Игорь нас не послушал, стал забирать остатки. Тогда-то и нашлись людишки злые и убили они мужа твоего и нашего Великого Князя, – повинился боярин и поспешил добавить: – Разбойники те найдены и уже наказаны.

– Никто не воскресит мне супруга, – печально пропела Ольга и смахнула слезу. – Ты повинился, боярин. Что ещё сказать хочешь?

Боярин, сбросив тяжкий груз, расправил плечи.

– Знатен наш князь Мал, и удельных князей у него много, и все те князья хорошие, берегут они Древлянскую землю, цветёт она и благоденствует. – Откашлялся. – Просит тебя наш князь – он вдов – будь, княгиня, супругою его.

– Ах! Не ждала, – Ольга показала замешательство, – но мне приятна ваша речь. – И объявила, вселяя надежду: – Сегодня отложим, но завтра окажу послам древлянским всю положенную честь и ответ дам. А теперь возвращайтесь в ладью свою. Утром люди мои придут за вами, а вы скажите, что не хотите ни идти, ни ехать. Тогда они вам ладью подадут, а вы скажите им: «Так уж и быть, несите нас в ладье!»... А сейчас ступай, боярин, завтра мы встретимся здесь, на дворе моём теремном.

Боярин поклонился и довольный вышел. Ольга сжала локоть Свенельда:

– Мне страшно, Свенельд. Правильно ли я поступаю?

– Правильно, Великая Княгиня. А ты представь, что Малой станет твоим супругом. Что будет со Святославом, что с памятью Ингвара? Да хоть без супружества, а жить-то дальше как? Простить и утереться? – Предупредил: – Обычай заставляет наказывать, иначе не только дружина, весь народ от тебя отвернётся, дразнить и плевать в спину будут, и Святославу Великим Князем никогда не стать.

***

Настало утро следующего дня. У раскрытого окна на резной стульчик присела Ольга в чёрном одеянии. Слышно было, как по улице

приближался весёлый народ, а затем под окном, во дворе, заиграли дудочки, зазвенели бубенцы, застучали бубны. Вошёл Свенельд, встал рядом с Ольгой, сказал негромко:

– Несут.

– Да. Народ кричит и песни поёт, – в тон ему ответила Ольга.

Свенельд обошёл Ольгу и встал сзади. Осторожно положил руку княгине на плечо и выглянул в окно.

– Встречай, княгиня! – с теремного двора прокричал, судя по голосу, тот боярин, древлянский посол, что был накануне вечером. – Ответа не последовало. Шум веселья стал тише. – Сваты уже во дворе твоём. – Ответа нет ни со двора, ни из терема. – Окажи честь дружкам князя Мала, как вчера договаривались!.. А то как они да развернутся, люди они непростые, знатные и гордые...

Ольга и Свенельд продолжали смотреть на двор, не показывая себя в окне. Раздался стук по дереву. Ольга вздрогнула. По настилу затарахтели колёсики, следом ударил грохот разрушения: бу-ух! Со двора донеслись крики. Ольга поднялась со стульчика и подошла к окну. Внизу шум приумолк.

– Довольны ли вы такою честью?

– Не направляй на нас гнева княжеского! – крикнул боярин. – Гнев праведный, но растрачиваешь ты его понапрасну – мы не повинны в смерти Игоря, ибо князь Мал повинен!

Со двора долетали крики и удары... Ольга закрыла окно, подошла к трону и медленно села. Свенельд побледнел, отошёл от окна и прислонился к стене. Ольга напряжена, глаза закрыла, губы сжала, руками вцепились в подлокотники... Вошёл Кочебор, на княгиню глаз не поднял.

– Закопали, Великая Княгиня, землю уплотняют... Чисто, будто и не было.

– Ступай. Сегодня делай, что сам пожелаешь, до утра не позову.

Кочебор, пошатываясь, вышел. Свенельд оттолкнулся от стены, подошёл к трону.

– Надо гонца отправить к князю Малу.

– Настал мой черёд виниться? – эхом отозвался вопрос Ольги. Свенельд пояснил:

– Сказать, что ждём от древлян мужей более знаменитых, ибо народ киевский не отпустит свою княгиню без торжественного и многочисленного посольства.

Ольга посмотрела Свенельду в глаза, приподняла чуть подбородок и, отведя голову в сторону, прищурилась.

– Чувствую, ты наперёд много страшной мести задумал.

– Задумал, Великая Княгиня. И нет у Киева пути назад, пока стоит Искоростень.

– Отправляй сегодня же... Пойду к себе. Надо – позову. Ступай.

Свенельд покинул палату. Ольга встала, подошла к окну, кусая платок. Зарыдала беззвучно, затряслись плечи, послышался глухой, сдавленный крик... Успокоилась, с прерываниями вздохнула... Вошёл отрок. Спросил робко:

– Княгиня, к тебе Претич.

– Зови.

Вошёл Претич. Ольга жестом позволила говорить.

– Княгиня, хочу сказать тебе про Свенельда.

– Что ж ты можешь знать о нём? – удивилась Ольга. – Ну, говори.

Претич, собравшись с духом, начал:

– Князь Мал, зная, что Игорь умрёт, ему признался, почему засада удалась. Он того часа ждал давно, но Великий Князь не ходил в Искоростень. И в тот раз тоже не пошёл, выбрал Вручий. Тогда подсказано было Свенельдом, как заманить его в Искоростень.

– Откуда знаешь, и что ж они придумали?

– Я недалеко стоял и слышал. А придумано было так: дань Кочебору не давать, тем Игоря обидеть и вызвать гнев, чтоб сам вернулся.

– Но Свенельд с нами. Ему какая выгода? – удивилась Ольга.

– Там говорилось, вроде он потомок Дира.

– Мы знаем... Да, могла остаться у него в душе обида за предков. Но Свенельд мог не знать о коварстве князя Мала... Или мог обратного желать: чтоб Игорь наказал Мала. – Ольга привела мысли в порядок и сделала вывод: – Верю, что не придумал ты, и, сказав нам, поступил правильно. Но впредь молчи, и больше – никому! – Помолчала. – Не верю, что Свенельд враг мне и Святославу, что враг он Киеву... Ещё что скажешь? – Претич показал, что добавить нечего. – Тогда ступай.

Претич покинул терем, Ольга, опустив голову, направилась в свои палаты.

***

Прошло десять дней. От верхних застав пришло известие, что на ладе в Киев идёт второе посольство древлян. У раскрытого окна стоял Свенельд и смотрел на Днепр. Рядом на стульчике боком к окну – Ольга. Ей не интересно наблюдать за движением лады, она погружена в переживания. Молчание прервал Свенельд:

– Парус убрали, идут на вёслах... Тебе послов сегодня видеть не следует. На пристани их встречают мои люди.

– На этот раз не будет мести?

По лицу Свенельда пробежала тень.

– Мы для послов баню натопили. Там, на берегу, им скажут, что княгиня наказала так: «Вымывшись, придёте ко мне»...

– Всё-таки будет, – прошептала Ольга. Встала, спросила: – Что ты им на этот раз приготовил?

– Как начнут послы мыться, снаружи люди мои двери подопрут и баню подожгут. – Ольга промолчала. Свенельд развёл руки. – Вот и всё! – Поднял брови. – Или прикажешь послов принять?

Ольга отошла от окна и заняла княжеское место, Свенельд встал рядом.

– Нет... Что ты наперёд ещё задумал? – Как и прежде, Ольга говорила вполголоса.

– Пора нам идти навстречу древлянам. Сидеть долго в Киеве не получится. Надо наведаться на могилу Ингвара и сотворить тризну по нему и по его дружине.

– Там близко Искоростень, значит, встречи с древлянами не миновать.

– Опередить их надо. Пошлём гонца. Он скажет им твои слова: «Иду к вам. Приготовьте много мёда и ждите меня на том месте, где умер Великий Князь. Поплачу на его могиле и сотворю тризну по мужу моему».

– Пусть будет так... А дальше что?

– Мы отправимся налегке с небольшой дружиной. На могиле поплачем, насыплем холм, как подобает Великому Князю, и совершим тризну... Сделаем так, чтобы наши пили мало, а древляне много, чтоб захмелели к вечеру. А там мы должны будем их всех убить. – Помолчал. – Иначе они придут в Киев.

– Горестно мне, что ещё отцы и матери, жёны и дети не знают о доле тех мужей, что мы предали смерти. А здесь, в этом тереме, уже уготовлена участь для многих других.

– Древляне нас на этот путь поставили, и назад нам дороги нет. И так будет, пока жив Искоростень.

– Посылай гонца!

Ольга сняла головной убор, платок, распустила волосы.

– Подойди ко мне... Видишь, поседела я... – Свенельд подошёл, осмотрел локоны в руках Ольги, переместился за спинку трона. Взял другие локоны в руки, хотел поднести к лицу, на полпути прикрыл глаза... и опустил.

– Вчера увидела... Видишь, не везде, но много. Вот... и вот... и вот. – На глазах её слёзы. – Хочу, чтоб прекратилось это, и забыть навсегда. – Заплакала. – Хочу улыбаться, хочу со Святославом быть.

– Жалею и плачу за тебя, царица... Люблю и жалею, о себе не думаю. – Взволнованный Свенельд стал мерить палату широкими шагами. Взял себя в руки и решительно заявил:

– Пока Святослав малых лет, Великой Княгиней должна быть ты. Иначе не с этой стороны, так с другой и тебя, и всех нас сотрут.

Но в эту минуту важным для Ольги было иное. Отрешённо глядя в сторону, начала:

– Вот уж сколь ночей не могу спать в Киеве на костях мужей древлянских. Мерещится всякое. Надумала, – повернулась к Свенельду, – а ты распорядись: пусть начнут строить городок Ольгин на Днепре у перевоза, где застава наша. Через год должен быть готов детинец, в нём – терем мой и двор для сторожевой дружины. – Облегчённо вздохнула, будто уже исполнено. – Там, в Ольгином городке, со Святославом жить будем. – И закончила ласково: – Прощай, побуду до утра одна.

Свенельд низко поклонился и покинул палату. Спускаясь по лестнице, кусал губы и бил кулаком по перилам, заблестели глаза, он быстро провёл по ним тыльной стороной ладони, толкнул дверь и вышел невозмутимый на теремной двор.

***

Конец лета следующего, 946-го года. Весной войско Киева разбило рать древлян и прошло по Деревской земле, принуждая мятежников к покорности. Киев в очередной раз примучил древлян к дани. В осаде остались Вручий у Кочебора и Искоростень у Ольги.

На высоком месте среди воинских шалашей, палаток и шатров – поляна, на ней великокняжеский шатёр. Рядом на высоком древке колышется стяг Святослава с соколом. Здесь же – дружинники-варяги и среди них Стегги, Хенрик и Олле. Выглядят не так свежо, как осенью прошлого года: у одного нет передних зубов, у другого розовый шрам на лице, у третьего кисть руки забинтована.

С этой поляны хорошо видны бревенчатые стены и башни Искоростеня. На них поглядывала Ольга, делая несколько шагов, останавливаясь, разворачиваясь и повторяя вновь. Из шатра, отбросив полог, вышел Свенельд. За ним выскочил воин и, не задерживаясь, помчался исполнять поручение. Воевода вдогон крикнул: – Ещё передай боярам, чтоб готовили зимнюю одежду для войска.

Сделав очередной поворот, Ольга подошла к Свенельду.

– Все города Древлянской земли – Вручий не в счёт, думаю, он скоро падёт – все склонили головы перед Киевом. Когда же эти одумаются? – спросила она.

– Боятся, что пощады не будет. Так всегда бывает. Вот наступят холода, а у них из нового урожая ничего-то и нет. Съедят лебеду, собак да кошек, сами ворота откроют.

К шатру на спотыкающемся коне подъехал всадник, сполз, подошёл, пошатываясь.

– Княгиня! Покорился тебе Вручий!.. Кочевор добычу и пленников готов отправить в Киев... Ждёт, что скажешь ты.

– Пусть отправляет две части в Киев и одну – в Ольгин городок. Ещё скажи, пусть грузит на телеги съестное, корм всякий, и идёт к нам с войском. – Ольга посмотрела на Свенельда, тот кивнул, одобряя, и добавил:

– Прикажи, княгиня, направить две сотни рабов под Искоростень.

– И это скажешь, а с рассветом – в путь! – Ольга отпустила посланника и крикнула дружинникам у стяга: – Дать гонцу с конём отдых до вторых петухов и товарища в дорогу!

Стегги выбрал из своего окружения воина и направил к гонцу. Воин подставил своё плечо, взял у гонца уздечку и повёл к палаткам. Ольга проводила их взглядом и решительно распорядилась:

– И нам надо, не откладывая, в Искоростень гонца отправить.

– Стегги! – подозвал Свенельд опытного варяга, тот подбежал. – Быть тебе посланником княгини в Искоростень. Слушай и запоминай... Говори, княгиня, что хочешь сказать древлянам.

– Спроси, Стегги, на что надеются, что ждут они. Скажи, что своим упорством они ничего не добьются. Все города древлянские сдались мне и согласились платить дань. Уже мирно возделывают их люди свои нивы и земли. А Искоростень отказывается платить дань. Он, спроси, что готов умереть с голода? – Ольга сверилась взглядом со Свенельдом: – Гонец это передаст, а мы подождём, что они скажут.

Свенельд добавил к посланию:

– Скажешь, узнали мы сегодня, что последним Вручий ворота нам открыл – один остался Искоростень. Скажи, мы ждём послов от них. Оружие оставь, садись на коня и поезжай к воротам. – Свенельд достал лёгкую белую ленту три локтя в длину, пядь в ширину. – Вот тебе знак посланника. Как останется до стен на полёт стрелы, поднимешь его и не опускай. Подъедешь к воротам, помашешь и крикнешь «Посланник Великой Княгини!». Немедля возвращайся с ответом. Гони!

– Всё помню, всё передам, княгиня.

Стегги отошёл к другим варягам, снял оружие и побежал к коновязи, сел на коня и поскакал к воротам Искоростеня.

– Как должны мы поступить с Искоростенем, когда ворота нам откроют? – спросила Ольга.

– Сжечь, сравнять с землёй и повелеть впредь никому не селиться на его месте. Все жители станут нашими пленниками и рабами, – сурово ответил воевода и закончил спокойно: – Так поступил бы всякий на твоём месте.

– О народе деревском скорблю, – с печалью промолвила Ольга и встрепенулась: – Где наш Великий Князь, где Святослав мой?

– Он с Асмудом по стану ходит. Ему нравится быть с воинами. Любит простую пищу, сказки, песни. Они ему игрушки делают: где дудочку, где лук со стрелами. Учат силки ставить, потом добычу жарят. Схватки разыгрывают, берут к себе в седло и скачут.

– Подрос он, загорел. Просит серьгу в ухе. Говорит, хочу, как у Свенельда. – Дотронулась до его рукава. – Он любит тебя. Слов ваших знает много и имена богов.

– По крови Святослав – викинг, сын нашего народа русь. Пойдём, поищем Великого Князя, скачаю что-то.

Варяги у шатра оживились. Заговорили на родном языке:

– Дожить бы нам с тобою, брат Олле, до тех дней, когда Святослав возьмёт нас с собою в поход.

– И на привале рассказать ему, каким он славным парнем был... А помнишь, Хенрик, как начинал он первое сражение с войском древлян?

– Да-а-а! Выстроились две рати одна против другой, и не скажешь, за кем победа будет, и кому благоволит Господь.

– А когда почти сошлись и стали бранными словами ругаться, Святослав, быв в одном седле с Асмудом, из рук его копьё принял и бросил в древлян. Оно и пролетело-то всего между ушей коня и упало к его ногам...

– И воскликнули тогда воевода Свенельд и храбрый Асмуд: «Князь уже начал, последуем, дружина, за князем».

– У-у-у! Как взревело наше войско, и робость отступила пред презрением смерти. Никогда не забуду тот час, мой брат Хенрик!

– У меня мурашки побежали по телу, а как пустил коня, так все они пропали.

– Ты спас меня в тот день. Помнишь, Хенрик, я потерял коня, его копьё пронзило. Их пеших было трое, я только отбиваться успевал. Тут подскочил ты и с той хитростью, какой учил нас Стегги побеждать неискусных деревенщин, отсёк ноги первому, махнув мечом под его щитом, затем второму. А третьему я сам!

– Брат Олле, знаю, и ты в беде не оставишь. В единстве наша сила!

К поляне подскакал Стегги, посланник в Искоростень:

– Послы идут! Зовите Ольгу! – Хенрик побежал искать Ольгу. Стегги спешился, передал коня коноводу и надел оружие.

На поляну вышли безоружные бояре древлянские. Встали спиной к спине, озираясь. Появилась Ольга, за ней – Свенельд. Ольга без предисловий обратилась к древлянам:

– Что скажете, древляне? Не тяните, обойдёмся без пустых, ненужных слов.

– Здравствуй, княгиня! Мы бы рады платить дань Киеву, но ты же хочешь мстить за мужа, – начал старший боярин.

– Когда вы приходили в Киев, я отомстила за убийство мужа дважды. Третий раз, – когда сотворила по Игорю тризну. – Ольга оглядела каждого. – Теперь не хочу мстить, хочу мира и подчинения. А после уйду прочь, не буду вам мешать править в Древлянской земле.

– Что хочешь ты от нас? Мы рады дать и мёд, и меха, – боярин заметно повеселел.

– Вы изнемогли в осаде, потому не стану возлагать на вас тяжкую дань. Знаю, что нет у вас лишних ни мёду, ни мехов, но... дабы сохранить обычай, немного попрошу... дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья. – Ольга ещё раз оглядела всех и каждого. – Если вы согласны, то возвращайтесь в город и соберите дань.

Древляне засуетились. Скрыть радости не могли, а при таком исходе и не хотели. Бояре пошли к себе, вдруг Ольга вспомнила:

– Постойте! Где князь ваш Мал?

Боярин повернулся и с застывшей печатью радости на лице ответил:

– Он давно бежал либо к литвинам, либо к германцам. И там, и там есть его корни. И имя его среди них Мальдитт.

Ольга показала жестом, что древляне могут удалиться. Древляне покинули поляну. Свенельд подошёл к Ольге:

– В чём твоя хитрость, княгиня? Есть ли в ней наказание за непокорность? Без наказания нельзя, доброту твою завтра же забудут.

– Есть, Свенельд! – Свенельд приготовился слушать. – Как принесут, раздашь птиц воинам и прикажешь привязать ниткой к каждой птахе трут и завернуть его в небольшой платочек. А как стемнеет, прикажешь трут поджечь и пустить птиц на волю. – Перевела взгляд на город. – Голуби принесут огонь в голубятни, а воробьи – под стрехи. И всё загорится: голубятни, клетки, сараи и сеновалы... – Свенельд прервал Ольгу и продолжил:

– И не будет двора без пожара, а потому не погасить, и сгорит весь Искоростень. Побегут люди из города, а воины твои будут их хватать. Городских старейшин заберём в плен, прочих людей, кто меч поднимет, убьём, иных отдадим в рабство войску и Киеву. Остальных оставим трудиться на земле Древлянской и платить тебе дань.

Стояли рядом, смотрели на город. Ольга прикоснулась к плечу Свенельда.

– Эта месть не так сильно угнетает меня – меньше в ней крови.

– Почитаю тебя, княгиня, не так за красоту, сколь за мудрость твою, – признался Свенельд. Ольга отвернулась от мрачного города и подошла к шатру, Свенельд откинул полог, Ольга вошла, следом – Свенельд.

***

Солнце прикоснулось к горизонту, но не удержалось и скатилось за землю. Краснобокие облака остановились. Ниоткуда появился туман и заполнил низины. В стане Ольги замерцали огоньки костров. В сумеречное небо потянулись струйки дыма. Как повелось с начала осады, наступало время тишины. Однако среди киевских воинов росла тревога – из-за стен Искоростеня доносились признаки оживления, шум и крики.

К шатру подбежал Стегги, позвал:

– Княгиня, воины обеспокоены.

Вышел Свенельд и, придержав полог, помог выйти Ольге.

– Что случилось, Стегги? – спросила Ольга.

– Великая Княгиня, шум стоит за стенами. Воины твои обеспокоены, не готовятся ли врагом ночная вылазка?

– То древляне спешат дань собрать. Скажи воинам, тот шум нам не опасен, что скоро мы снимем осаду.

Стегги удалился. Свенельд напомнил Ольге о разговоре в шатре:

– Ты говорила о кумирах, помнишь?

– Да, – вздохнула Ольга. – Кумирам нашей веры много жертв я принесла, одна и со старцами. Так много, что горы киевские напитались кровью. Но наши боги не успокоили мою душу, они кричат, я слышу: «Дай мне! И мне!» – Заговорила с надрывом. – Извелась я. Они не кажутся мне добрыми, боюсь их.

Свенельд слушал и, соглашаясь, кивал. Он давно готов был подсказать ей, где следует искать выход.

– В варяжской дружине есть христиане. Ходят они к Богу в церковь Святого Ильи, что на Подоле, на берегу Почайны. Аскольд и Дир построили её. Бывал я там... Скажу тебе, что те варяги мне по душе. Коварства в них меньше и злобы, а честности и доброты больше.

– Ту церковь знаю. Прошлым летом в ней наши варяги-христиане присягали на верность договору с царями Греческими. – Ольга приблизилась к Свенельду, прошептала: – Друг мой, прими веру христианскую, потом мне расскажешь, чем отличается она от нашей.

– Если вдруг приму христианство, варяги отнесутся к этому спокойно. А славянская дружина не одобрит. Вот почему, княгиня, мне, воеводе киевскому, надо оставаться с ними в одной вере. И тебе тоже, пока Святослав мал. А в чём разница веры я тебе и так расскажу. Вот слушай...

К шатру подошли, запыхавшись, бояре древлянские.

– Княгиня! – Боярин показал назад. – Там в корзинах, в клетках да в тесках вся дань, что ты просила.

– Вот вы и покорились мне и Великому Князю!.. Завтра отступлю от Искоростеня и вернусь в Киев. Ступайте к себе, древляне.

Древляне поклонились в пояс и поспешили в Искоростень.

– Так что ты сказать хотел о христианской вере? – напомнила Ольга.

– Это вера в Единого Бога. Он создал мир и нас... О том, что он есть, поведал нам Иисус, его сын и посланник... Богу нужно только одно, чтобы люди жили праведно, не грешили и любили друг друга. И как кто проживёт земную жизнь, так тому в Царстве Небесном воздастся... А главное – у человека есть душа. Бог слышит её и, если она страдает, он поможет спасти её.

– Страдает душа моя!

– Пока Святослав мал, христианство не принимай. Есть много в Киеве людей, кто не понимает веры христианской. Они скажут, Ольга стала юродивой, не станем её слушать.

– Не выдержу я!

– Знаком я с настоятелем той церкви. Мы вместе тайно посетим его, и он тебя исповедует. Без крещения можно. Ты наедине с ним и только ему одному расскажешь, от чего душа страдает, кому ты страдания принесла, а кто тебе, кого обманула, кого не простила. Он скажет добрые слова, помолится за тебя, и твоя душа начнёт успокаиваться. Потом ещё тайно сходим.

– Ох, быстрее бы!

– Стемнело. Пойду, расставлю войска в засадах у всех ворот и ниже по Ужу. Скажу, когда поджигать и птиц пускать. А ты, княгиня, плохое забудь и постарайся уснуть.

Ольга ушла в шатёр. Свенельд подозвал Стегги и его варягов. Встав в круг, они обсудили замысел, сели на коней и, разделившись на две группы, отправились в противоположные стороны объезжать войска.

Эпилог

Летняя ночь опустилась на Днепр и горы киевские. В Печерском монастыре смолкли службы, прекратились работы, под своды проникла нежная прохлада и умиротворяющая тишина. В одной келье горела свеча – это над составлением повестей временных лет трудился монах Нестор. Он ничем не отличался от своих собратьев, переступивших его годы: он также скромен, сед и худ, на нём такое же чёрное одеяние и клобук.

В крошечной келье – узкое окно, на стене икона, топчан, стол шириной в локоть, рядом небольшая кафедра, полки, на них книги и свитки. На столе – книга. И на полу книги, некоторые раскрыты на закладках, но все аккуратно сложены. В отдельной кучке – сломанные перья. Старец глубоко вздохнул, он неторопливо перечитывал черновик своих повестей:

– ...И пошла Ольга с сыном своим и с дружиной по Древлянской земле, устанавливая дани и налоги; и сохранились места её стоянок и места охоты. И пришла в город свой Киев с сыном своим Святославом, и пробыла здесь год.

Нестор оторвал взгляд от страницы: – Всё мною записано верно, так оно и было.

Нестор встал, походил по келье, полистал книги с закладками, прокрутил свитки. Сел и, глубоко вздыхая, продолжил перечитывать черновик: – В год 6455-й от сотворения мира или 947-й от Рождества Христова отправилась Ольга к Новгороду и установила по Мсте погосты и дани... и по Луге – оброки и дани. И ловища её сохранились по всей земле, и есть свидетельства о ней, и места её и погосты. А сани её стоят во Пскове и поныне.

Нестор почесал бровь и решил дописать, взял перо и продиктовал себе: – И по Днепру есть места её для ловли птиц, и по Десне, и сохранилось село её Ольжичи до сих пор.

Нестор отложил перо и продолжил чтение: – И так, установив всё, возвратилась к сыну своему в Киев, и там пребывала с ним в любви.

Поморщившись, выпрямился и прокомментировал: – Всё записано верно, так оно есть и было.

Нестор встал, перенёс черновик летописи и чернильницу на кафедру и, потоптавшись, за ней пристроился.

– О-хо-хо-хо... сколь тяжкий труд... Однако в следующие восемь лет я не ведаю, что было, следов мною не найдено. – Продолжил чтение: – В год 6463-й от сотворения мира или 955-й от Рождества Христова отправилась Ольга в Греческую землю и пришла к Царьграду. И был тогда царь Константин, сын Льва, и пришла к нему Ольга. – Нестор закрыл глаза и прочитал по памяти: – И, увидев, что она очень красива лицом и разумна, подивился царь её разуму, беседуя с нею, и сказал ей: «Достойна ты царствовать с нами в столице нашей».

Открыл глаза и продолжил чтение: – Она же, поразмыслив, ответила царю: «Я язычница; если хочешь крестить меня, то крести меня сам – иначе не крещусь». И крестил её царь с патриархом.

Остановился, подумал, взял перо и продиктовал себе: – Просветившись же, она радовалась душой и телом.

Отложил перо и продолжил чтение: – И наставил её патриарх в вере, и сказал ей: «Благословенна ты в жёнах русских, так как возлюбила свет и оставила тьму. Благословят тебя сыны русские до последних поколений внуков твоих»...

Подумал и дописал: – Она же, склонив голову, стояла, внимая учению, как губка напояемая.

Продолжил чтение: – И было наречено ей в крещении имя Елена, как и древней царице – матери Константина Великого. И благословил её патриарх, и отпустил. После крещения призвал её царь и сказал ей: «Хочу взять тебя в жёны». Она же ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью? И сказал ей царь: «Перехитрила ты

меня, Ольга». И дал ей многочисленные дары – золото, и серебро, и паволоки, и сосуды различные.

Дописал: – И отпустил её, назвав своею дочерью. Подытожил: – И здесь записано мною всё верно. Завтра можно переписать в летопись начисто. – Глубоко зевнул. – Давно уж спа-а-ать пора-а-а.

Встал, вытер перо, наклонился и, кряхтя, собрал мусор. Подошёл к иконе, перекрестился, шёпотом прочитал молитву, поклонился, перекрестился, ещё раз поклонился. Снял клобук и рясу, налил в чашу воду, вымыл лицо и руки, вытерся и погасил свечу. Открыл окно, лёг на топчан, вытянулся, положил руки вдоль тела и протяжно зевнул.

– А завтра поутру перепишем эти повести минувших лет в первоначальную летопись мою и продолжим собирать.

ШЕЛЕСТ ЗНАМЁН

(Военно-историческая повесть)

В год 180-летия со дня Бородинской битвы познакомился с записками майора Левенштерна, с его подвигом, который история приписала другому человеку. К 200-летию юбилею решил написать об этом, но получилось не о бароне, а о солдатах. Думаю, что правильно.

1. Поле

*«Может, завтра в чистом поле нас на ружьях понесут,
И в могилу нас зароят, память вечную споют...»*

На лужайке у обочины Новой Смоленской дороги, у распахнутой настезь палатки расположилась под охраной донских казаков группа офицеров. К ней приближалась, пыля сапогами, очередная колонна русской пехоты, утомлённая монотонным движением под лучами полуденного солнца. Выждав, пока пройдет головная рота, за ней в сопровождении охраны знаменщики с зачехленным стягом, от группы отделился старший и обратился к офицеру, мерно покачивающемуся на понору шагавшей лошадке:

– Господин подполковник! Прошу вас к нам в палатку: мне поручено довести указание по уточнению маршрута. Назовите ваш полк, подчинение и ваше имя, пожалуйста.

Подполковник свернул на обочину, спрыгнул с лошади, отдал честь и ответил:

– 39-й Томский пехотный 24-й дивизии генерала Лихачёва 6-го корпуса генерала Дохтурова. Командир полка подполковник Попов, – затем спросил: – Господин полковник, не будете возражать против присутствия моего адъютанта?

Полковник кивнул, занятый занесением данных в журнал. Попов вошёл в палатку, в её благодатную тень, за ним – полковой адъютант, молодой, неунывающий поручик Свиридов. Полковник, закончив писать, бросил журнал на стол и обратился к офицерам:

– Господа, пожалуйста, если желаете, – вода родниковая. Будьте осторожны: зубы ломит... Прошу к карте... Мы здесь... впереди – мост через речушку Война, приток Колочи, далее – мост через Колочь. За ним пройдёте две версты, свернёте направо и должны достигнуть вот этого поля, что с трех сторон охватывает роща. Там будут другие полки вашей дивизии, думаю, встретят, всё покажут. Готов ответить на ваши вопросы.

Командир полка спросил адъютанта, имеет ли он вопросы, и, не задерживая, отправил вперед, чтоб найти то место, встретить колонну и быть проводником на проверенном пути. Затем, не удержавшись, задал вопрос:

– Нас ожидает генеральное сражение?

– Да, если не произойдет ничего чрезвычайного. Место выгодное. Колодь протекает с юго-запада на северо-восток от Старой Смоленской дороги до Новой. Имеет высокие берега. Наш господствует. Местность изрезанная, за левым флангом лесная, заболоченная, для обороны удобная: обходы затруднены. Наполеон идет следом по обеим дорогам и находится в двух днях пути. Лучшего рубежа для обороны не найти, и войск для её построения на этом пространстве достаточно...

Ближе к вечеру полк, не сделав за день ни одного привала, голодный, измученный прибыл на место, и его батальоны разошлись по участкам, назначенным для обустройства лагерей. Батальонов в полку было два: 1-й и 3-й, а 2-й, запасной, остался на Вольни. Солдаты-сибиряки сложили ранцы в ряды, составили ружья в «кóзлы» и, смеясь и толкаясь, оживились, разминая плечи и шеи. Напились воды и дружно, зная каждый свою роль, разобрали с телег палатки, лопаты и колья, фашины, котлы и связки поленьев, оставшиеся с последнего бивуака. Работа привычная: собрать дров, натаскать воды, выкопать и огородить отхожее место, поставить палатки караулу, господам офицерам и унтер-офицерам. И в последнюю очередь – для нижних чинов, т.е. для себя: спешить им некуда. Обоз откатили к опушке, лошадей стреножили и выпустили на травку.

Лагерь Томского полка закрывал вход в протяженную бухту, таким можно было представить то поле в окружении белоствольных берез. В этой заводи уже приступили к разбивке лагерей другие полки той дивизии: Уфимский, Ширванский и Бутырский. С их стороны ветерок доносил сольное пение, брэнчание балалайки и дымок, возбуждающий аппетит.

Офицеры, назначив команды и работы, отправив больных в лазарет, а своих денщиков с лошадьми к берёзкам за овражком, собрались в кучки вблизи караулов у зачехлённых знамен и закурили трубочки. Тёмно-русый, невысокий, с длинным носом поручик, вытирая платком изнутри кивер, откашлявшись в перчатку и поправив усы, высказал предположение:

– Кажется мне, это наш последний бивуак.

– Типун тебе на язык, Пётр Константинович. Почему ж это? Я люблю привалы, – играя взглядом, весело возразил высокий кудрявый блондин.

– Владислав! Я хотел сказать, что будет сражение, что «заманивание», наконец, закончилось. Считаю, от Смоленска идём без серьёзного дела. Триста вёрст за три недели!

– А вот так-то лучше, мой друг! И дело будет, и за победу шампанского выпьем на следующем бивуаке. А так, как ты перед этим изволил сказать, а сказал с грустью, то так нельзя, так не годится, – и, обращаясь ко всем своим товарищам, добавил: – Смотрите, господа, солдаты наши тоже повеселели, будто и не было жаркого дня на ногах. Они чувствуют, от них не скроешь... Видели, наш батальонный ускакал к полковому командиру? Думаю, принесёт долгожданную весть.

Капитан, он уже не молод, вдовец и дочь невеста, набивал табачком тёмную трубочку из вишнёвого корня. Посматривая с отеческой любовью на своих товарищей, решил поделиться услышанным:

– Поручик Свиридов сказывал, тепер я вам. Был он здесь часа за два до нас и на обратном пути проехал по предполагаемой позиции нашей армии на правом фланге. За этой рощей видите, в просветах макушка видна – то высота. Возможно, она будет центром. За ней от Старой Смоленской дороги до Новой протекает речка Колочь. Наша сторона выше той, что оставляется неприятелю, – и, не имея другого, чем можно ещё поделиться по поводу рельефа, добавил: – Весь наш корпус здесь, а егеря – в поле и на той стороне стерегут неприятеля. Несколько вперёд то, кажется, Раевский. А там слева, вон те и те, то – Паскевич, где табуны, то – Оренбургский драгунский.

К офицерам подъехал на рыжей кобыле кругленький офицер, их батальонный командир майор Крутых:

– Господа, кто дежурный офицер? Вы, подпоручик? Палатка для караула и знамени давно готова, а вы здесь отдыхаете. Делаю вам замечание! Прошу всем быть в моём царском шатре через десять минут.

Офицеры проводили его взглядом до палатки, которую он в шутку назвал шатром. Капитан, Фёдор Кузьмич, обращаясь больше к себе, негромко высказался с нотками сочувствия:

– Плохо ему в седле... Хороший командир, но ему всё труднее: возраст, полнота. А дело знает превосходно! Жаль, карьера не удалась, как, например, у некоего столичного хлыща. Переведут такого из гвардии в пехоту со всеми пороками и связями... Так наказывают не его, а нас. И солдат страдает... Господа, палатку нам поставили: идёмте, смоем дорожную пыль.

В палатке батальонного командира уютно: в центре стол, лампа, вокруг стульчики, вдоль одного края скамья, вдоль другого кровать, скрытая пологом. Вся мебель походная, а потому лёгкая, разборная. Офицеры расселись, и майор Крутых начал:

– Господа офицеры, совещание проходило не у подполковника Попова, а у нашего дивизионного начальника генерала Лихачёва. Но с Иваном Ивановичем мы успели поговорить по дороге и немного в штабе. Друзья мои, мы прибыли на местность, где главнокомандующий намерен дать генеральное сражение. Неприятель давно его жаждет, он на подходе, послезавтра будет здесь. Уже были стычки казаков с разъездами Мюрата. Как утвердят диспозицию, выйдем в поле знакомиться и учиться действовать... О строительстве нами своих фортификационных укреплений не говорилось: выходит, мы – резерв...

Закончив обсуждение бытовых и иных дел, майор Крутых предложил офицерам высказаться. Выждав полминуты и глядя на усталые лица, продолжил:

– Господа, доведите до унтер-офицеров главное. Затем примите в роты солдат пополнения, их по пять-шесть будет. Прикрепите каждого к «дядькам», опытным, чтобы те успели новобранцам передать главное. Лучше назначьте тех, кто с Суворовым в походы ходил, например, из той гренадерской роты, что к нам присоединили в Галиции, таких, как Артём Прохоров: он Измаил брал и наш земляк... Что?.. – майор повернулся к юному подпоручику. – Да, да! Вы правы, Александр Семёнович: это первое пополнение... Господа, вопросов нет?.. Коли нет у вас, есть у меня...

Майор Крутых выдержал паузу, сдвинул брови и обратился к белокурому офицеру:

– Господин поручик, при нижних чинах, пожалуйста, без брани. Для солдата отец родной и свой мужик – вещи разные. Вы уж впредь постарайтесь... – но, заметив, как склонённое лицо поручика стало наливаться пунцовой краской, посчитал нужным успокоить, смягчил тон и выражение на лице: – Ну-ну, Владислав Аркадьевич! Не переживайте сверх меры: все мы грешны, все были молоды, всё проходит, и это пройдет.

Покончив с регламентом, батальонный командир оживился и на мажорной ноте объявил:

– Господа, через час жду вас всех на чай! Будет и ром! Свободны, друзья мои!

***

Красавец! Видно, что гренадер! Высок, широк в плечах, на груди солдатский Георгий и медаль за Измаил. Глаза весёлые, усы и бакенбарды пышные, голова по кругу острижена, а волосы и там, и там чёрные с яркой проседью, да вот только неровный, грубый шрам на щеке. На голове новая нестроевая мягкая фуражка без козырька, мундир справный зелёный с красными отворотами и – особый шик – белые штаны, заправленные в короткие сапоги, с напуском накрывают голенища. Это и

есть Артём Прохоров – назначенный дяденька для одного из молодых солдат пополнения. Когда старый с молодым отошли в сторону, Артём повернулся к новобранцу, жилистому, тоже «под горшок» стриженому безусому крестьянскому парню. Помолчал, осматривая и как бы примериваясь, затем протянул большую, мягкую ладонь:

– Здорово, земляк. Откуда и чей будешь?

– Иван – Лазуткина Василия из Марьяновки сын младший.

– Вишь ты! А я из Панино! Это ж рядом, за речкой! И кому приветы?

– Захарову Игнату, Прохорову Артёму, Кирюхину Егору, Радиошину Павлу. Вроде, всё. И подарки привёз.

– Эхма, время-то бежит! Игнат, мы с ним в гренадерах были, остался убитым в Швейцарии. Павел нашего полка, Томского – под Смоленском. Егор здесь, после навестим. А от кого Прохорову? Артём – это я.

– Вот хорошо-то! Здравствуйте, дядя Артём.

– Да уж здоровались мы, сынок, – вздохнул Артём, но сам решил, что так будет лучше, и обнял парня.

– Приветы и подарки от старшего брата вашего Дмитрия и от тётки моей Пелагеи, до венчания Худякова была. От неё кисет, – и парень закружился на месте, ворочая плечами, чтоб снять ранец с притороченной к нему шинелью.

– Давно в солдаты забрали? – Артём отбросил с лица набежавшую тень, достал из штанов зелёное яблочко, обтёр и протянул парню: – На, поешь антоновского. Поди, и не пробовал после дома-то.

– На Красную горку и забрали, как отгуляли, так сразу. И пошли ножки наши по лесам, через горы каменные. Во Владимире отдохнули, получилось нас в рекрутской партии две роты, и пошли заново. Кругом уж не то: леса попадались, а так всё – поля да овраги. Велика Россия! Так и дошли до Можайска, там одели в солдатское, ружья дали, месяц поучили немного...

– Ну, ладно, после поговорим, – прервал Артём и дружелюбно продолжил: – Пока сам настоящим солдатом не станешь, так и зови меня: дядя Артём. Это не по-родственному, а из-за того, что ты назначен. Все мы солдатам: не зови «вы», а зови по-нашему, по-товарищески. А на войне солдатом быть враз научишься... Прикинь, Ванюшка, отстойном поле, и ты с французом считаешься, да хоть с одним, и товарища в бою не бросишь, а меня вдруг убьют – зачем тебе новый дядька? Сам будешь русский солдат, других учить сможешь!

– Не надо, дядя Артём! Только встретились.

– Фу ты, дурашка, я ж придумал... А как рыбалка дома? Ладно, ещё расскажешь... Ставь в эти «кОзлы» ружье, бескозырку достань... мы так новую фуражную шапку назвали, а кивер и ранец здесь положи, рядом с моими. Нет, погодь: ружьё не ставь, понадобится. Заряжено?

– Нет, не заряжено: на марше не было велено...

– Зарядить надо, чтоб готовым быть всегда. Рассказывай, как заряжать будешь.

– Сейчас... Заряжать буду так: возьму ружьё на левую руку, отворю полку, достану патрон из сумки... С конца, где без пули, скушу бумагу, высыплю малость пороху на полку и прикрою. Поставлю ружьё у ноги и ссыплю порох в дуло, вложу пулю с той бумагой, выну шомпол и загоню пулю до самого низу. Нажимать сильно и стучать не буду. Уберу шомпол. Готово!

– Эхма, парень, шомпол-то надо наперёд сделать вниз тем концом, что вытаскивал, а потом можно и пулю загонять!.. Ну, не ершишь. Понял я, что ты просто сказать подзабыл. Ну, давай, заряжай свою палочку-выручалочку, а я покурю да посмотрю.

Иван, шепча, приступил к заряданию, по сроку закончил и произнёс громко: «Готово!». Артём довольный похлопал малого по плечу, слезил в свой ранец, достал железную коробочку, из неё жирную заржавленную тряпочку. Заговорщицки подмигнул, смазал ею Иваново ружьё и велел поставить рядом со своим в «кóзлы», вытер пальцы о сапоги:

– Молодец! Теперь у тебя палочка-стукалочка! Ну, присядем. Мы с тобой не работаем, у нас поважнее дело: стану я тебе солдатскую науку боя рассказывать. У господ своя, а у нас, брат, своя. Суворов, царство ему небесное, сильно знал её люблю!

***

Офицеры в назначенный час собрались у палатки батальонного командира, дождались дежурного офицера и весёлой гурьбой, прокричав снаружи: «Разрешите, ваше превосходительство!» – указав тем обращением на настроение и своё отношение к командиру, откинули полог и, гремя шпагами и шпорами, вошли в палатку.

Командир, полнеющий, с животиком, невысокий мужчина, радушно встретил их:

– Приветствую, господа! Располагайтесь... шпаги – сюда. Фёдор нам все приготовил: хозяином буду. Чаёк попозже, а сейчас угощу вас... Имею ром чудесный, колониальный. Когда с французами после Тильзита замирились, а с австрийцами приказано было посориться, достал по случаю ящик. Хорошо, тогда крови союзников бывших не пролили. Сейчас проливать приходится! Вся Европа с ним. А вот турок и шведов вовремя усмирили, иначе... – так занимал гостей хозяин палатки, пока те рассаживались, разбирались с приборами и закусками и, наконец, когда увидел, что взоры всех обращены к нему, объявил тост: – Господа! Чтобы выстояли! За победу! За русского солдата!

– Господин майор! Позвольте участвовать: тост прекрасный! – детским прерывающимся голосом попросил подпоручик, сегодняшний дежурный офицер. А у него и усов-то нет, так, пушок!

– Ох, незадача: вам-то, Александр Семёнович, нельзя. Ладно, беру на себя. Но только один раз, а после с чаем насладитесь. Добавлю к тосту по случаю приостановки: и за здоровье Государя нашего!

Изрядно уставшие офицеры, не скрывая удовольствия, опрокинули стопки со спрятанным в их глубине жаром неведомого Карибского моря, присели, закусили.

Минут через пять командир, желая оживить беседу, лукаво улыбаясь, обратился ко всем, а следом к кудрявому блондину, любителю крепких слов:

– Друзья мои, забудем на вечер субординацию... Владислав Аркадьевич! Помнится, в Галиции по вечерам вы много внимания уделяли кому-то в ближайшем местечке. Скрыть не удалось. Расскажите какую-нибудь нескромную историю. Дни завтрашние могут оказаться весьма неблагоприятными. Не стесняйтесь, повеселите и нас с Фёдором Кузьмичом, и молодёжь славную, товарищей ваших.

– Что вы, господа, там как раз ничегошеньки-то и не было. А было вот что: ездил я – назовём эту прелестницу Катенькой – к Катеньке...

– Знаем мы эту Катеньку, не спрячешь, друг мой, своих проказ. Я тоже бывал у этого музыканта, – откинувшись на спинку стульчика и покручивая ус, подзадорил товарища поручик с длинным носом.

– Пётр Константинович, о том ты сам поведаешь, если после охота будет, – сказано было тихо, вкрадчиво, и, вернув голос, рассказчик продолжил: – Так вот... Папенька уже приступил к исполнению своего коварного замысла, по ходу которого по вечерам мы с ней оставались на пару-тройку часов в доме одни. В последний вечер, помнится, Катенька музицировала, я подпевал. Не умею, а деваться некуда: романчик завести ох как хотелось! Вот беру ноту и обхожу её, вижу открытую шейку, локон. Хоть и напевает, но чувствую, напряжена дьявольски. Господа, крепкий эпитет принес с собой ром, тысяча чертей!

Палатка сотряслась от здорового смеха так, что Фёдор, который хлопотал снаружи у самовара, улыбаясь, зажмурился, покачивая лысиной.

– Продолжайте, Владислав Аркадьевич! – ласковым взглядом ободряя, попросил батальонный командир.

– Продолжаю. Горит во мне всё, дрожу, наклоняюсь ниже, ближе. Мысль одна – прикоснуться губами, поцеловать нежно и провести чуть в сторону. Приём испытанный, господа, впечатление производит... Обнимаю за плечи, руки опускаю спереди за вырез. Ведь, что дивно – не противится, а должна бы, коли дЕвица. Обнимаю обнажённую грудь, чувствую всю... – Далее рассказчик продолжил описание взаимных томлений и неожиданным финалом завершил своё нескромное повествование. – Такие-то дела, господа. Превратности... Ну, твой черёд, Пётр Константинович!

– Нет, увольте! Лучше я о другом, о чистом... но всё о ней же, о любви.

Обстановка в палатке достигла кульминации в хорошем расположении духа. Выпили по второй стопочке чудесного рома. Добрый друг весёлой компании, ранее призванный к продолжению, заёрзал на месте, желая принять эстафету:

– Позвольте начать! Хорошо, я не длинно. Дело было на Волыни. Год шёл то ли восьмой, то ли девятый. Помещик там жил, пан. Познакомились на ярмарке, потом на охоту приглашал. Он не молод, сед, детей нет. А жена, господа, красавица! Повадки, походка – лебедь белая. Талия осиная, пальчики тонкие, мраморные, а ножка, как у серны. Но взгляд, скажу вам, порочный. Она знает это и прячет его, опускает..... Как мило, чудесно было, когда мы открылись друг другу и, представьте такое...

Здесь рассказчик употребил несколько нескромных выражений, замолчал, погружаясь в печаль... спустя короткое время признался:

– Простите, сердце растревожил, любил, знаете... – собрался и завершил по-гусарски: – А панский наследник, полагаю, уже бегаёт и из рогатки в папёнку старого стреляет!

– Пожалейте вы мне непорочного Александра Семёновича! – воскликнул Фёдор Кузьмич: – Хотелось бы его после войны к себе в Екатеринбург пригласить, познакомить с дочерью... Что скажете, Александр Семёнович?

– Увидеть бы сначала: предупредили нас только что Слава, извините, Владислав Аркадьевич и Пётр Константинович, какие бывают барышни.

– Обижаете, любезный. Поедите и увидите... Хорошо, что не отказываетесь погостить. Впрочем, смотрите, вот у меня ладанка... Сейчас сниму... Жена это, но похожа безупречно...

Офицеры аккуратно передали по кругу драгоценный портрет, удивляясь красоте любимой женщины седого капитана.

– Да, господа, мы ещё успеваем веселиться и озоровать даже в походах. Солдату, мужику, тому труднее. Старослужащие, верно, на зимних квартирах ещё возьмут своё, некоторые семьями обзаводятся, – произнёс командир, кончиком ножа вычерчивая на тарелочке невидимый узор...

***

Пока Артём искал удобное место для продолжения беседы, Иван сходил к ранцу и принёс маленький узелочек:

– Это тебе, дядя Артём, от брата Дмитрия оберег с ликом Святого Николая. Говорил, пусть не снимает. Ждём, говорил, год остался. Женим, ещё сказал, избу поставим.

Артём не ответил, только желваки заходили. Взял, развернул, расстегнул мундир, расправил шнурок, просунул голову, разместил на груди и застегнул выпуклые медные пуговицы с пламенеющей гранатой: эмблемой не Томского, а того первого своего гренадерского полка. Иван это заметил, решил подначить:

– Дяденька, а что на пуговицах? Каша в горшке загорелась, что ли?

– То граната разрывается, дурень! Осмелел больно! Не шути больше о том... Начнём урок, Ваня... Первая твоя обязанность в бою – исполнять, что велют, и беречь их, командиров наших. В жизни они всякие, но в бою мы без них, как дети, а по совести – овцы. Испытал уже: придёт мальчик, а всему, что мы кровью познаём, обучен. Они там, в столице, книжки читают, им генералы уроки учат. Береги командира, он тебя к славе приведет, а иначе пропадёшь. Если идёшь в атаку, а офицер в близком ряду, не теряй его, своё дело делаешь, а посматривай и выручай. У тебя ружьё, штык, а у него шпага – баловство, да и сила не та: они ж баре. Ещё ты уметь должен: потерялся в бою, не знаешь, что и как и где товарищи, гляди поверх голов, ищи своё знамя и дуй к нему – не пропадёшь... А знамя береги: мы за него в ответе. Ты грамоте обучен?

– Да. Матушка учила, и в приходе. Арифметику знаю, множить могу, а делить так и не выучился: мудро сильно.

– Ну так вот, как развернут завтра знамя, запоминай, что на нём... Знамёна ещё стягами зовут, значит, нас стягивать, собирать... Ты сиди пока, я встану и рядом похожу: сильно спина болит... Смотри, скоро как темнеет: через недельку-две уж осень.

Артём поднялся, распрямился, покрутил головой, вглядываясь в темноту и соображая, что за дела в батальоне, отметил главное: ужин, должно быть, готов. Кивком показал Ивану, что надо вставать и идти. По пути прихватили ранцы: в них ложки, кружки, с ними и котелки, а у Артёма – заветные коробочки и узелочки:

– Чаю с мятой накушаемся! Любишь, поди?

В их лагере тоже забренчала балалаечка, и тоненько кто-то пел. Свой костёр долго искать не пришлось, их заметили, окликнули. Солдаты ели распаренные сухари с нарезанным салом и луком, подвинулись, освободили место. Унтер подошёл и плеснул в их кружки по две крышки водки:

– Глядим, вас нет и нет, ну, сами-то и выпили. Думаем, не детки, не обидитесь. Давай, ребята, с Богом.

– Ребята, знакомьтесь – нового пригона Иван Лазуткин из Марьяновки, земляк наш, – и Артём подождал, пока все у костра обменяются рукопожатиями, а мужику то важно, как собачкам обнюхаться. – Ваше здоровье, мужики!.. Эх... знатно!

Унтер, чтобы получше рассмотреть, приблизился к Ивану:

– Теперь и ты, Ванюшка, сперва вроде как осиротел, а тут с нами новой семьёй обзавёлся. Ох, надолго, брат, может, на всю жизнь... Добрые в семье-то одни дядьки, а тётки у нас злющие, косы точут... Шутю, Вань! Мы их – за порог! Не хмурься, паря, у нас хорошо, увидишь. Привыкай, спрашивай.

– На завтра, что говорят? А где воду брали? – Артём облизал ложку и сунул за голенище. Поднялся с живота на колени, поставил перед собой ранец и стал готовиться к чаю. Рядом крутились в хорошем расположении духа – видно то было по хвостам – два деревенских кобеля. Чёрный, крупный, седая шерсть в репейниках, сунул мокрый нос в ранец и лизнул Артёма в ухо. Не отвлекаясь от дела, тот отодвинул ласкового пса в сторону и добавил:

– Нам тоже, Вань, до сна надо сходить и набрать.

– Другов лучших мяткой не побалуешь?.. Спасибо, Артём Степаныч! – душевно поблагодарил унтер, ссыпал с ладони в кружку щепотку мяты, присел, взял палочку, поворочал угольки. – Воды-то хватит, а погулять, так Петро проводит: сам и копал. У той опушки, на углу – рывина, в ней родники стекают в ручеёк, пастушок сказывал, то Огник. Чисто стёклышко, но овраг точит... Так вот, мы там, Григорий с Петром, ямищу выкопали и к ней – канавку: к утру чистой воды будет много. А рядом лазарет и ему польза. И французу дадим сопелку утереть!.. А француз, говорят, ещё не подошёл. Баталия – дело важное и завтра навряд, что будет. Коли то, – потеха одна...

Унтер зажмурился от едкого дыма, ещё поворочал угольки, побряхтел и продолжил:

– Офицеры сказывали, спозаранок будить не станут: егерям не привыкать ночь на линии под кустом лежать да армию стеречь: днём отоспятся. Велят своим ремонтом заняться, замки смазать да штыки наточить, а тебе, Артём – молодого учить... Чтоб рубахи чистые не трогали, а у кого нет, чтоб постираться. – Бросил палочку в костёр, выпрямился и, глядя в небо, обратился ко всем: – Ну что, служивые, споём нашу печальную да на звёзды русские поглядим, пока можетесь...

***

Утром подполковник Попов попросил поручика Свиридова собрать офицеров здесь же у лагеря на полянке. Недалеко с десятков солдат, разбившись на две ватаги, сняв мундиры, босые играли в чехарду, перепрыгивая друг через друга. С их стороны ветер приносил крепкий запах пота и давно немых тел, смех и говорок деревенских в прошлом мужиков и парней. Молодые офицеры морщили носы и посмеивались. Подошёл Попов, прищурившись, втянул воздух, укоризненно посмотрел на тех, кто продолжал улыбаться, отвёл офицеров в сторону от ветра,

показал, чтоб стали полукругом и, заложив руки за спину, заговорил, пошагивая:

– Солдат не виноват, что поставлен в такие условия. Господа, как закончим с вами, по очереди сводите батальоны поротно к ручью помыться, но только место уж выберете пониже лазарета... Господа офицеры! Земля слухом полнится, и стало мне кое-что известно. Там на высоте, полагаю, вы знаете где, – показал рукой, – назначен центр позиции. Чтобы вы могли предвзято оценивать будущие события, предлагаю пройти и осмотреть местность...

В роще ротные опередили старших и, поджидая их, остановились на предполагаемом месте боевого порядка полка. Офицеры завели беседу, поглядывая на высоту и называя её меж собой курганом. Там кипела работа: чавкали кирки, скрежетали лопаты, скрипели колёса, долетали смех, разговоры. Иной раз – крики: кто-то позвал, кто-то откликнулся, кто-то обругал. Судя по тому, что там стояли снятые с передков орудия, всего штук двадцать, готовилось укрепление для батареи. Работали не только артиллеристы: им помогали ополченцы и солдаты. Артиллерийский обоз и зарядные ящики были поставлены на сотню шагов ниже батареи и огорожены телегами, а перед телегами выставлены рогатки. Охрану по углам несли часовые с тесаками. Укрепляли и протяженные пологие боковые склоны: выкапывали неглубокие траншеи, и из той вынутой земли выкладывали брустверы, устанавливали полевые орудия...

Подпоручик быстро подвёл итог своим наблюдениям, обратился к товарищам юное лицо и звонким голосом прервал их:

– Петя, Слава, Фёдор Кузьмич! Господа, не хотите ли пари: нам будет назначено стоять пехотным охранением.

– Нет, Александр Семёнович, мы не будем участвовать в пари: то, что Вы сказали, это же очевидно, – погасил его пыл капитан. Сделав более значительным выражение своего лица, продолжил, стараясь в коротких паузах раскурить табачок: – Скорее, мы – резерв... и кровь наша прольётся не на эту дикую гвоздичку (чуть тронул носком сапога невысокий бледно-розовый полевой цветок)... а прольётся там, где неприятель достаточно озверел и дожимает наших...

Подшли полковой и батальонные командиры. Попов обозначил офицерам полукруг, занял его середину спиной к высоте и, шурясь от утренних лучей, продолжил разговор:

– Полку, очевидно, будет предписано встать во 2-й линии, думаю, здесь, где мы сейчас. Отсюда до высоты (обернулся)... шагов триста-четыреста. Предположительно, мы – резерв корпуса на левом фланге Баркляя рядом с центром русской армии. Думаю, частной задачей,

которую будем решать самостоятельно – это не допускать обход батареи с флангов и защищать ее вход сзади, а при появлении угрозы прорыва неприятеля на передний бруствер опрокинуть его... Пойдемте, поднимемся, господа...

Офицеры расположились у бокового бруствера батареи. Попов, знавший карту, приступил к знакомству офицеров с местом будущей баталии:

– Чуть слева, где кусты петляют, то Семёновский ручей. За ним впереди и дальше – Колочь. Справа – Бородино, позади него – Горки, Кутузов там. Слева – Семёновское. Дальше, к Старой дороге – Шевардино, видите, на высоте большой редут строится... Смотрю я, а избы уже пошли на фортификацию... Да... Скоро останутся церкви да печи, как после пожара. Что ж, наверное, выхода нет.

***

– Дядя Артём, а кого из полководцев ты видел?

– Суворова, Багратиона... Барклая нашего, тоже смел, но с нами близко не бывает.

– А Суворов?

– Тот сильно прост, а делами – богатырь сказочный! Он маленький, сухонький, седенький хохолок на лбу. Солдат любил. Ел, что и мы, спал, как мы, а молодой был, так в атаку – тоже с нами. Турок гонял знаменито! А героя обнимет, расцелует и всем расскажет. И не забудет, как фамилия и по батюшке!

– А тебя целовал?

– Когда мы с гор спустились, строй обходил, в глаза смотрел, как я тебе сейчас, и руку жал... – помолчал... улыбнулся: – На, поддержишь через меня с Александром Василичем!

Иван благоговейно пожал руку, а Артём продолжил урок:

– Биться надо, будто ты заговоренный. Чуть оробеешь – пропал и с отчаянной высоты, на какую дух тебя поднял, скатишься, как по ледяной горке! А потому, если страх в тебе, гони его, стыдись и о Боге думай, он укрепит. О своих домашних думай: что им твои земляки-товарищи про тебя расскажут, когда вернуться... А неприятель, как и ты, оробеть может, а чуть испугается, окрепнуть духом не давай!.. И у меня страх бывает... Да! А то-о!

Артём подошел к Ивану ближе, обнял и продолжил:

– А без товарищей в бою не победить. Кто, кроме них, поможет? А где они? Как в бою найти? Расскажу... Первое дело: в строю рядом с твоим плечом и сзади. А ты им всем помогай и переднему. Второе дело: один остался, оглянись, узнай своего, подбеги и стань рядом или позови, он рядом станет и поможет отбиться. Третье дело: если рядом вовсе никого, ищи знамя своё...

Артём добавил значительные нотки и, глядя в глаза Ивану, приступил к изложению главного, что, по его мнению, может помочь выстоять:

– С кавалерией одному сладить трудно, а бежать – не дело, быстро сзади налетит и на лоскуты нарежет. А когда один встанешь, он всё вокруг тебя ездит и норовит так зайти, чтоб ты ему был под правую руку, и рубанет с размаху. А ты ныряй под левую руку и ближе и коли штыком, куда достанешь. И коня не жалей. Конь взбесится, может его сбросить или закружит. А если встанем в круг, ему неудобство и с боков защиты нет. Вовсе правильно – в каре строиться. Знаешь как?.. Во-о-о! Мы так турка одолевали. Те скачут по кругу, зубы скалят: «Алла, Алла». Нам ничего сделать не могу, а мы их пулей, наскочат – штыком...

Артём повздыхал, оглядывая себя, посмотрел на тучку:

– Эхма, сапоги-то куда стали. Пока дождя нет, пойдём к Мартыну, он знатный сапожник...

***

Мартын сидел у палатки и, зажав коленями «лапку», постукивал молоточком по подошве кривого сапога. На мастеровом солдате фартук, в губах – гвоздики, на шее – дратва, на глазах – очки, подаренные по случаю солдатами.

– Здорово, ребята! Присаживайся, Степаныч. Кто с тобой?.. Ты любишь с молодыми нянчиться... Хорошо, когда такое дело. Тоже люблю с учениками секреты показывать... Скоро доработаю...

Артём с Иваном уселись на травку. Немного погодя Артём снял сапоги, расстегнул мундир и лёг на спину, скрестив руки за головой. Иван повторил, но скоро перевернулся и вытянулся на тёплой земле, уткнув нос в траву между рук. Запахло пряностями, по щеке побежали суетливые букашки, зазвенели крылышки... Где-то у самого неба напевал Мартын, вздыхал и сам с собой разговаривал... всхрапнул Артём...

– Ну, рассказывай, – услышал сквозь потную дрёму Иван.

– Ага... уснул, однако... Вот, Мартын, новые подмётки надобны. Сделашь?

– А то нет! Сейчас и сделаю, материя есть... Сделаем так, что до Парижа приведут... Давай!

Мартын взял первый сапог, ножичком отделил худую подметку, снял коричневую прокладку, зачистил, что осталось. Слезил в сундучок, затем в торбочку, достал твёрдую толстую кожу и два листа бересты. По старой подошве отмерил, вырезал и приступил к ремонту.

– Берёста-то зачем? – шепотом, чтоб не мешать Мартыну, спросил Иван.

– Ты что-о!.. А вот вспомни, в чём батьке на сенокос воду и молочко носил?.. Верно, в туесочках. А из чего они?.. Верно. И не течёт, и

прохладненькое весь день, и не киснет! А почему? Знай, есть сторона, через которую молочко дышит, а течь не может, вот важно-то! Так и в сапогах наших: и скрип знатный, и не протекает, и освежает! Думай, сколько народа и сколько вёрст да по полям, да по лесам, да по болотам, да по камням и всё в них! А возьми портяночки-то! Просты, а цены им нет: и ногу не собьёшь, и перемотать на целое, и просушить, и постирать. А про шинельку и говорить не стану... Пуговики сзади расстегнёшь, половинку под себя, а другой укроешься и ножки усталые к костру...

***

Следующим утром от конных разъездов поступили сведения, что французская армия на подходе. После обеда стала слышна далёкая перестрелка егерей с авангардом. В дивизию прибыл квартирмейстер и сообщил, что диспозиция утверждена и приказано частям указать их расположение. Томский полк разреженными колоннами просочился меж берёз и вышел на место, где у вбитого флажка его ожидал квартирмейстер. Колонны выровняли. Офицеры вышли из строя, посадили солдат на траву и собрались на правых флангах.

Майор Крутых пояснил своим боевой порядок:

– Справа, вон те, что в 1-й линии, то – наши: уфимцы и ширванцы, а с нами во 2-й – бутырцы. Весь наш корпус здесь, кроме егерей, те – в поле. А там слева, вон те и те, то – Паскевич. А на кургане – Раевский.

Капитан, Фёдор Кузьмич, обратился к батальонному:

– Господин майор, позвольте поделиться мнением... На этом месте весь перелёт по батарее будет наш. Думаю, на совещании с дивизионным начальником надо то учесть и подвинуть: нас – за Уфимским полком, а бутырцев – за ширванцами.

– Спасибо, Фёдор Кузьмич, но сначала, думаю, надо будет оценить истинную угрозу от перелётных снарядов. Если мы поспешим, то при первой же фланговой кавалерийской атаке на курган малый полк, коим наш является, будет окружён и не сможет содействовать. Под угрозой окажется центр всей армии. Вечером я доложу ваши предложения. Мой вариант – выдвинуть батальоны ближе к батарее, в мёртвую зону...

Перед сидящими солдатами лицом к ним застыли под знаменем знамёнщик и два его солдата-помощника: рослые, красивые мужчины. Налетавший сзади ветер заставлял полотнище крутиться на древке и шлёпать солдат по лицам. Порой, устав волноваться, оно накрывало голову кого-либо из них и успокаивалось, ластилось, прижавшись. Никто в группе не мешал ему и делал вид, что их то не касается.

Иван какое-то время разглядывал знамя, запоминая цвета, рисунок и надписи. Затем откинулся на ранец и долго безмятежно смотрел в такое

же безмятежное небо, жуя сухари и запивая их водой. Вдруг дёрнулся и заговорил, не поворачивая головы:

– Смотри, дяденька, журавли... спутались, куда лететь. Вон там курлычут, напротив кусочка того облачка, – оглянулся на Артёма и показал рукой: – Во-во... ага, эти!..

– Глазастый ты, Вань, но не о том думаешь. Ты видишь то, от чего расстройство на сердце и одна тоска, – вяло начал разомлевший Артём, но, очнувшись, не сдержал раздражение: – Ты всё мне портишь. И так после тебя только о доме думаю. Давай лучше думать, как страх победить, а за ним – и француза. Не дело с тоской в бой идти!

Среди офицеров выразилось беспокойство сначала в 1-й линии, за ними – во 2-й: все показывали на три облака пыли, появившиеся у горизонта. Солдат подняли, колонны загудели. Вскоре стали различимы три больших потока, идущие прямо, напролом, сверкая десятками тысяч штыков, касками и прочим железом, как искрящимся полотном. Перед каждым, видно было, перемещались с одной стороны на другую конные упряжки с артиллерией, выбирая ровный путь лошадям, орудиям и фурам. Поток начали растекаться вправо и, особенно, влево. Немного погодя в районе деревни Шевардино, где строился большой редут, стороны сблизилась и открыли орудийную пальбу. Временами трещали ружейные залпы, частила перестрелка, а в грохоте орудий появлялись затишья – то пехота у редута сцепилась. Дело продолжалось до глубокой ночи, пока Бонапарт не исполнил своё намерение выправить линию русских войск так, как он того желает...

Весь следующий день прошёл в перестрелках егерей и во взаимных погонях и стычках конных разъездов. После полудня, выполняя приказание Кутузова, по войскам торжественно пронесли икону Смоленской Божьей Матери, спасённую из этого города...

После заката Артём вызвался набрать воды в Огнике. Он, Иван и ещё два солдата вышли к опушке. Никто не возразил против того, чтобы через рощу пройти на позицию. У своего колышка присели...

– Глянь, Вань, не темно, а уж видно, костры далёкие горят – француз кашу варит!.. И дым-то по полю стелется, будто туман... Красиво у нас, правда?.. И чего он припёрся?.. Слышь, кричат: поди, мадеру пьянствуют, прохвосты!..

Скоро на высоте зажглись факелы: этим вечером Раевский, чьи полки должны защищать высоту, начал перестраивать её в неприступную крепость...

***

Со стороны обоза пропел петух. «Часа два... есть ещё время...» – поручик повернулся на правый бок и в который раз забылся коротким сном... Замелькали родные места, тихая радость стала заполнять сердце. Он взбежал по ступеням родительского дома и распахнул дверь, а навстречу ему матушка раскрыла свои объятия!

– Петенька, дорогой мой! Как хорошо, покойно мне теперь будет. Всё я одна: батюшка твой, Константин Ильич, ушёл, меня всё зовёт, а забрать не приходит. Так устала, поскорее бы нам с ним встретиться. А Пантелей, бурмистр наш, такой толстый стал, такой толстый и совсем меня не слушает. Ты его поругай, скажи: «Воровать – грех!»

– Матушка, только напьюсь и пойду дальше, иначе полк свой не догоню. А кто в гостиной?

– Как! Это же твоя Ольга с Коленькой. Неужто не узнал, забыл? А к папеньке разве не сходишь? Ведь ты так и не простился с ним...

Поручик начал карабкаться по высокой стене. До Ольги было ещё далеко, он угадывал, где она, только по белому пятну. Забрался на самый верх кладки. Посмотрел вниз: с обратной стороны была такая же отвесная стена. Закружилась голова. Нет пути ни вперед, ни назад! Им овладел страх, он холодил тело, особенно спину. Почувствовал, что непомерно тяжёлой стала голова и тянет она его в бездну, а поднять её он уже не в силах. То был ужас...

Поручик открыл глаза и успокоил скачущее сердце. Сел, развернулся, сунул ноги в сапоги, встал, набросил шинель, прихватил трубку, откинул полог и вышел наружу. Запрокинул голову: в чёрном небе быстрой искоркой тихо промчалась звёздочка... Набил трубку, нагнулся к костру, нашёл под золой уголек, положил его сверху на табак, как только раскурил, стряхнул.

Уж третий день будет, как сердце его растревожено... Сможет ли он побывать на Волыни и увидеться с Ольгой? Нет у него ответа: скоро неизбежное столкновение с врагом, а за ним, может быть, вечность. Долг он исполнит и не даст страху овладеть им, прогонит, и мужество призовет, не потеряет, и честь свою, и честь предков не уронит. Он в том уверен...

Далеко за полночь в палатке захрапели. Иван поворочался, поворочался да и заснул... Увидел себя, как он в одиночку таскает бредень по пруду. А удачи всё нет: в мотне только сережки ивы, утиный помёт да ракушки. Откуда-то мать ему крикнула:

– Сынок! Отнеси-ка обед отцу, – и подаёт узелочек и туесок со сметаной.

Иван оставил бредень и понёс обед в поле, где отец выкашивал свой надел. Туесок оказался тяжёлый, размером с ведро! Все время, пока шёл он, от кузницы слышался звон, но странно было, что он не удалялся, а

приближался. Когда звон тот за спиной достиг невероятной силы, Иван оглянулся и оцепенел от страха: ноги отнялись, и он не мог бежать, чтоб спрятаться. Его догонял всадник, несущий ужас: на голове в разные стороны торчали перья, на груди и на спине бились, звеня и клацая, подвязанные бороны с блестящими железными остриями, в руках крутились цепи для молотьбы. Доскакав, всадник остановился. У коня от морды повалил дым и жар, а смотреть выше, на само чудище, было жутковато. Иван обежал коня справа, взял в руки ухват и пристроил его у чудища на поясе, снял того с плоской спины коня и опустил на землю. Чудище вспыхнуло и завопило:

– Осмелел больно, дурень!..

Иван, как был в исподнем, весь в поту, босой выскочил из палатки. У костра сидели унтер и ещё один солдат. Те не удивились и продолжили беседу. Немного погодя унтер предложил:

– Ванюшка, покурить не желаешь? Угощаю.

– Нет, благодарствую, не научился. Пойду, может, ещё малость сосну.

Но отойти он не успел: унтер с солдатом бодро встали, подав глазами знак Ивану – к костру с шинелью внакидку и с трубкой в кулаке подходил, устремив взор в землю, поручик другой роты. Все трое повернулись в его сторону и вытянулись. Поручик, будто натолкнувшись на препятствие, остановился в пяти-шести шагах, встряхнул головой, посмотрел им в лица, задержал взгляд на Иване, поискал, на что присесть, и устроился напротив. Поправил шинель на плече и обратился вполголоса:

– Что ж не спите, ребята? Надо отдыхать, день будет трудный... Садитесь... Выкурю я здесь с вами трубочку... – и еще раз оглядел каждого. Теперь их лица были куда приветливее тех сосредоточенных, с багровыми и зловещими бликами от костра снизу. – Ну, как думаете, одолеем француза?

– Не спится нам от маетности, ваше благородие. А стоять будем до конца, должны одолеть, только об том не всякому познать доведется... Один-то победе порадуется, а другой с незашитой раной всё будет вопрошать с неба: «Ну, как вы там, устояли, православные?..»

2. Противостояние

«Не отчаивайтесь!

Сии грозные бури обратятся к славе России!»

Встали в сумерках. Достали чистые рубахи. От водки отказались. Пили чай, ели не все: не шла еда. Разобрали ружья, вытирая рукавами

обильную росу. Построились в колонну. Увеличили интервалы и прошли через росу. Остановились у своего флажка.

Вскоре с высоты, завершив работу, побежали вниз с тачками и инструментом ополченцы, разошлись по боковым склонам солдаты. Несколько партий ополченцев потянули наверх фуры с зарядами, с ядрами, картечью, гранатами.

Когда рассеялся туман, а солнышко из-за правого плеча уже подавляло утреннюю свежесть, неприятель начал обстрел русских позиций у Семёновского. Последовали ответные залпы, и весь левый фланг заревел, затрещал. Над ним стало быстро подниматься и разрастаться облако дыма. Солдаты притихли и закрестились. Послышались залпы и частая артиллерийская пальба неприятеля спереди и справа. На высоте раздался оглушительный трескучий грохот, ему ответили полевые орудия, расставленные в боевых порядках пехоты по склонам, и... загрохотало по всей линии. Приблудившиеся к батальону деревенские собачки завизжали и, не найдя защиты у суровых солдат, поджав хвосты, на махах кинулись в росу.

Вольный ветер сорвал дым с высоты вниз, прокатил его по полю, пронёс рваными кучами сквозь батальоны и спрятал среди берёз. Солдаты вдохнули и понюхали порох. У кого-то сердце затрепетало, у кого-то укрепилось. На вершине заметались кивера прислуги, замелькали банники, полетели команды, через минуту выделились ритмичные движения, указывающие на то, что орудия накатывались на амбразуры. На короткое время всё притихло... короткий крик... залп! Ветер, дождавшись своей очереди, подхватил свирепый дым, успокоил и понёс к батальонам, накрыл им, приласкал и опять бестолково растерял среди берёз. И всё повторилось, и ещё раз, и ещё... к звукам канонады добавился ружейный треск со стороны Бородино – признак первого прямого столкновения сторон... затрещало слева у Семёновского...

Во 2-ю линию стали все чаще и чаще прилетать гранаты и ядра. Всякий раз, отмечая попадание ядра в колонну, доносился шлепок, в небо взлетал вопль, за ним – крики: «Носилки!», «Сомнись!» Место, куда попадала граната, показывали, если близко, то толчок и свист горячей трубки, следом – взрыв, дым. Когда в батальон влетело первое ядро, воздушным напором Ивана отбросило на соседа, за спиной хрястнуло и глухо ударило о землю, и он почувствовал на шее мокрое и тёплое, сползающее за воротник. Провёл рукой и увидел вымазанную в крови ладонь. Повернулся к соседу – у того на щеке алые брызги и они же на перевязи патронной сумки. Сосед заметил взгляд и усмехнулся в усы:

– Коли бы трошки на тебя... Не робей, паря, всегда так. Туда не смотри, придёт время...

Мимо колонн Томского полка на рысях прошли в сторону Семёновского четыре эскадрона кирасиров.

– Ей-ей, земля тряётся, дяденька!

– А ты думал! То не твоя сивка-бурка, в одном три будут! А сколько их! А железо на каждом! Издалека пуля не возьмет! Это тяжёлая кавалерия, кирасиры! И у француза есть. Их сабелька, что меч: поставь на землю, мне по грудь. Как махнет он, так вместе с ранцем до самой попы. Позавчера я тебя учил, как его победить: спину не подставляй, подбегай под левую руку и ближе, бей штыком, куда сможешь. Конь взбесится, а ты живой и твой праздник!

– Всё про то думаю... даже сон привиделся.

Оба перекрестились и замолчали, но скоро опять:

– Дядь, кто-то к нам полем идёт!

– Почему так?

– Куропатки сперва прямо на нас и мимо. Тот поднял.

Поручик уловил в роте обрывки разговора пустого, лишнего и ему непонятного, вышел из строя и в промежутке между шеренгами нашёл говорившего:

– Что у тебя, Прохоров?

– Лазуткин, ваше благородие. Говорит, на нас полем идёт кто-то.

– Как же он узнал? – спросил поручик и посмотрел на молодого солдата.

– Заметил, ваше благородие, что француз куропаток на нас спугнул. Душа у Лазуткина светлая, не зачерствела ещё.

Поручик сдвинул кивер на затылок, показав белые кудри, повернулся одним ухом к кургану, закрыл ладонью другое и прислушался, пытаясь за частой артиллерийской пальбой отыскать нужные звуки. Артём тоже сосредоточился, но по-своему: прикрыл глаза и начал раскачиваться с носков на пятки. Иван не выдержал и посекретничал:

– Зайчишка махонький! И тоже оттуда и туда, в зад махнул. Робею, мутит что-то...

– Буде! Помолись-ка лучше, – не изменяя положения, резко, но тоже шёпотом прервал его Прохоров.

– Да, похоже, он прав: за курганом барабаны, но пока... – поручик продолжал говорить, но эти слова никто не услышал: их накрыл треск очередного залпа с высоты.

Произведя несколько залпов и не вступая в рукопашную, первую атаку на батарею отбили: по инициативе Раевского за вечер и ночь высота была превращена в первоклассный редут: полутораметровые парапеты,

двухметровый ров, на подходе волчьей ямы. Теперь это перестало быть секретом для французов и непременно отразится в их планах.

Уставшим стоять солдатам, наконец, было разрешено сесть и покурить. В роте юного подпоручика среди усаживающихся солдат раздался смех. Подпоручик подошёл и обратился к солдату, который топтался на месте и никак не мог опуститься:

– Кислицын, велено было сесть. Что тебе мешает?

Солдат замер в той позе, в которой его застал вопрос, медленно повернулся к подпоручику, вытянулся и раскрыл, было, рот, но вместо него, утирая слёзы и сдерживая душивший смех, азартно ответил другой солдат:

– Ваше благородие, Кислицын напихал себе под мундир от груди до самой той штуки броню, вот она ему и мешает согнуться-то.

– Что за броня? Не пойму я вас, ребята.

– Да то подмёткины кожи, вашбродь. Он теперь стал, как тот кабан на гону перед свадьбами. Такой складный калган получился, что штык не возьмет.

Подпоручик, краснея, попробовал приказать:

– Кислицын, нечего тебе здесь делать, ступай в лагерь! Ты уже не так ловок, да и страшно, верно? Ты, Мартын, нам всем в походе более нужен: кто ещё сапоги поправит?

– Ваше благородие, душа не позволяет без ребят остаться. Что им без меня, что мне. Будем биться с французом, вместе победим или ляжем. Не гоните, вашбродь! Покой потеряю до конца дней своих...

– Ну, так уж и быть, оставайся с товарищами. Снимай ранец, мундир и оправься.

Солдатам это понравилось, забалагурили дружно:

– Мужики, носы зажимай: кабанчик наш оправляться будет!

– Мартын, где стоишь, там и делай!

– А следом туда и садись: теплее будет!

– Француз к нам опосля не сунется: такая картечь получится, что за версту обойдет!

Батальонный командир со стороны с улыбкой наблюдал за разговором, подозвал находившегося в замешательстве подпоручика:

– Отойдёте немного, – и успокоил так, как подсказывал ему опыт: – Не обращайтесь, такое настроение солдата дорогого стоит. Они же любят друг друга.

На кургане, не переставая, велась стрельба по пехоте, по кавалерии, по батареям, по резервам, поджигали избы. О зарядах не думали. Время перевалило за девять. Из резерва Томский полк ни разу не был востребован. Но вот слева от высоты за пеленой дыма стали слышны барабаны и флейты. Через какое-то время – ружейные залпы, за ними –

сплошной треск, вот он затих, немного погодя – свирепые крики, истошные вопли и раскачивающийся шум. Знакомые звуки смутили солдат: слева схватились в рукопашной, почему их не бросают на подмогу...

К батальону подскакал полковой командир, закрутилась под ним умирямая лошадь. Попов прыгнул на землю и скомандовал, перекрывая шум:

– Батальо-о-он! Нале-е... Во! – перебежал на середину фронта и выхватил шпагу: – Ребята, за мной, на выручку! С нами Бог! Бегом!.. Ура-а-а!

После перестроения Иван оказался впереди Артёма. Выбежав из пелены дыма, увидел спины работающих штыками и прикладами французских гренадеров, мечущихся, топчущихся под барабанную дробь и трели флейт. Те оглянулись на крик, солдаты успели заметить их испуганные лица и ударили в штыки. Оказавшиеся между гренадерами и томским батальоном французские полковые музыканты: мальчишки барабанщики и флейтисты со старым тамбур-мажором, прекратили игру и кинулись врассыпную.

Какое-то время Иван видел перед собой только спины и ранцы своих товарищей, но скоро движение внутри горячей массы вытолкнуло Ивана на француза. Штыки их встретились, стукнули, заскрежетали. Иван почувствовал силу гренадера, сердечко покатилося вниз, но он смог завернуть ружьё штыком к земле и прижать. Оба застыли, чувствуя чужие жар и дыхание. Сзади громко:

– Вверх и в голову!

Иван отскочил и от земли взмахнул ружьём, целясь в голову, попал в челюсть, штык скользнул и воткнулся в щеку. Француз на мгновение потерял равновесие, отпрянул, зажал рану и, не сводя с Ивана глаз, начал пятиться, спотыкаясь, пятиться, вдавливаясь ранцем в свои шеренги.

– Орёл! Такого гренадера одолел! – и Артём, отодвинув Ивана, выбрался вперед.

Французы дрогнули и побежали, а вслед батальону, отрезвляя, полетела команда: «Сто-о-ой! Наза-а-ад!»...

На месте короткой схватки покачивался, гримасничая, Попов. Подбежали офицеры. Попов поднял голову, на лице кровь, волосы слиплись, правая рука повисла плетью:

– Хотел быть до конца... с вами... простите... Господа офицеры... передаю полк майору Крутых... Свиридов... в дивизию к генералу Лихачёву... доложить.

Майор позвал солдат и велел сделать из ружей носилки, отыскал шпагу и убрал в ножны командира. Солдаты уложили Попова и побежали к роще. Им наперерез уже мчались, петляя, ополченцы с носилками, усердно исполняя свою главную задачу.

Батальон беглым шагом вернулся на место, развернулся фронтом на высоту и застыл потрясённый: перед ним извергался вулкан: высокий дым, облако пыли, звуки схватки, бегущие вниз по склону русские солдаты и артиллеристы... Послышались чужие крики, затрепетали французские знамена... Оцепенение прервал разгорячённый всадник в форме конногвардейца. Появился он вдруг и, не слезая с лошади, торопясь и волнуясь, обратился к командиру, срывая голос:

– Майор Левенштерн, адъютант генерала Барклая. Именем главно... главно... командующего приказываю подготовиться к атаке! – и, подождав, пока батальон перестроится в линию ротных колонн, звонко крикнул, глядя на обращённые к нему лица: – Ребята! Вижу священный огонь в ваших сердцах! Беречь дыхание: кричать «ура» начнём по моей команде. Вперёд!

Развернулся, взмахнул саблей и повёл коня к вершине, удерживая боком к высоте. На середине солдаты по знаку закричали «ура» и ударили в штыки...

Французская пехота праздновала «на крови» неожиданный успех среди разбитых орудий, в дыму, в пыли. Приказа, как развивать тот успех, не было, и она, пока продолжалась неразбериха, закрывала собой путь другим полкам, стоявшим внизу перед рвом. Стремительно приближавшиеся русские колонны заметила с опозданием, но не запаниковала и стала спешно сбиваться в плотные ряды у дальнего бруствера.

Впереди, куда неотвратимо нёс его бег, у той черты, где вновь его ждали и суд, и крест, поручик видел только синие мундиры, белые перевязи, красные эполеты и чёрные козырьки, напряжённые лица, чужие глаза и чужие штыки. Ряды у роковой отметки, до которой оставалось шагов тридцать, сомкнулись, с той стороны послышался задорный призыв, по всей линии – смех и, обрывая его – пронзительный крик. Разноцветная толпа вздрогнула и, зарокотав, покатила навстречу батальону.

Поручик ощутил, как по затылку рассыпались острые колики, и тут же ударил его хлестко, будто подстерегал, и впился жадно взгляд смуглого французского капрала с косичками на висках, бравого южанина, настроенного на победу. Поручик непроизвольно замедлил бег, желая почувствовать, что он не одинок. Набежавший француз с ходу ударил его штыком, промахнулся, отступил, качнулся вперед, назад, в сторону и сделал несколько красивых выпадов. Становилось тесно, француз наседал: у него широкий шаг и длинные руки, и не удавалось никак достать его шпагой. Вот он проткнул штыком руку выше локтя, а когда следующий выпад направил в живот, поручик согнулся, гася удар, и не успел даже понять – схватка длилась секунды – получил ли он ещё рану,

как между ними появился молодой солдат, но не его, а другой роты. Тот самый, пронеслось в голове, что этой ночью в одном исподнем стоял у костра. Солдат яростно закричал, размахивая во все стороны ружьём: «А ну, пошёл отсюда, пошёл! Разыгрался, чёрт! А ну, не балуй! Пошёл!» Ударом с его головы сорвало кивер и бросило поручику на грудь. Но француз отступил, а поручик почувствовал, уже слабея, как солдаты подхватили его под руки и потащили прочь.

Какое-то время он слышал шум схватки, затем сменившие его гул и натуженный писк, чувствовал слева рядом громкое, сильное и частое дыхание солдата. Никогда раньше не мог он позволить себе быть так близко к мужику. Дыхание обжигало висок, оно не было приятным, но не вызывало отвращения, напротив – благодарность и любовь. Поручик, мотая опущенной головой и видя только мелькавшие с обеих сторон солдатские сапоги, ловил убегающие мысли: «Простые мужики... угрюмые и суровые... но истинно добрые и благородные сердца! Я всегда буду любить их!» – и тут же потерял сознание...

У противника – десятки лиц, кто твой самый страшный враг? В эту сторону размахнуться и... ударить! Отбить, и тут же – в другую. Схватить за грудки, свалить, упасть, грызть... Вскочить, отпрыгнуть, развернуться и ещё раз ударить, ударить и отскочить. Колоть и орать... колоть и орать... В стремлении разорвать друг друга в клочья обезумели люди, знающие не понаслышке, что такое любовь и доброта, но превратившиеся волею вершителей судеб в зверей...

Иван налетел на фельдфебеля своего полка. За ним на ящике сидел раненый французский офицер. Голову склонил, лохмат, бледен, рваный мундир в крови, болтается шитый золотом воротник, свисает с плеча пышный эполет. Фельдфебель удерживал пленника, намотав на кулак его трехцветный поясной шарф, ещё три солдата стояли в линию и крутили головами, оберегая добычу. Ломая схваченный судорогой рот, похвастал:

– Взяли!.. – и следом, сдвинув брови, бросил: – Ну-у!? Чё встал, раззява!?

Иван попытался вернуться в свалку, но впереди толкались большой кучей солдаты других полков. Пыл стал угасать, на вялых ногах он отошёл к орудию и опёрся на лафет. Осмотрел свои исцарапанные руки, хотел выпустить из ладони приклад, но вновь ухватился за него: оказавшись одинокой, рука затряслась, заходила ходуном... «Ах ты, мать честная! И кивера нет!» Оглядел себя – дрожат колени, левое светится сквозь порез... Поднял голову и посмотрел по сторонам, на то, что недавно было батареей, людьми, лошадьми, и с каждой секундой в его глазах отражался всё больше и сильнее ужас произошедшего и увиденного...

В центре укрепления радовались победе генералы штаба, пришедшие на подмогу с батальоном Уфимского полка, они обнимали адъютанта Баркляя де Толли, а тот, не веря воинскому счастью, только улыбался, прижимая к груди раненую руку.

Внизу за рвом шевелилась густая масса пехоты под французскими знамёнами. Слева и справа на дистанцию штыкового удара выходила русская пехота, в тыл – драгуны. Французы, избегая разгрома, ринулись назад. Драгуны отсекли русскую пехоту от бегущего в панике врага и вернули на позиции. На батарею влетели упряжки конной артиллерии для замены разбитых орудий и потерянной прислуги, вбежали ополченцы за ранеными. Вершину и укрепление начали занимать полки дивизии Лихачёва.

К Ивану подвалил, хватая оскаленным ртом воздух, Артём, ткнул кулаком в грудь:

– Прогнали!.. Сам потерялся, винюшь, – отдышался и прокричал: – Слышал? Наш-то Золотарёв... фельдфебель, генерала пленил!

– Видал, подумал, то офицер... Дядя, что ж это так?.. Все ж мы – мы и они, все ж мы люди... Дядя, а ты не ранен?

– Кровь не моя! ...много всякой пролилось. Да и тебя такого близко к храму не подпустят, – и Артём рассмеялся, показав белые зубы, обнял Ивана за плечи и весело, как хитрую загадку, по-стариковски прошепелявил на ухо:

– А покажи-ка, солдатик, мне убогому, где знамя твоё?.. – и довольный взъерошил тому волосы. – Молодец, знаешь! Бескозырку-то одень! Повернись-ка, достану... Ну, пошли собираться, стягиваться...

В суতোлке, переступая через тела, лафеты, прошли к выходу, вытянулись, уступая дорогу входящему в укрепление генералу Лихачёву, их дивизионному начальнику...

Белокурый поручик прошёл вдоль шеренг своей роты:

– Прохоров! Хорошего солдата воспитал. Молодец, Лоскуткин! – и, пройдя далее, похвалил ещё: – Чуркин! Твой, видел я, отменный будет воин, нет у него страха!

***

К трём часам дня Бонапарт, считая, что на левом фланге победа одержана, всю мощь бросил в центр. Выстрелы орудий на батарее звучали реже, и стало казаться, что любой из них будет последним. К извергаемым вулканом дымом и пылью добавился огонь: французская граната разбила бочку со смазочным дёгтем, пламя поднялось ввысь и побежало по склону. Французская дивизия, стоявшая у подножья, бросилась в атаку. Когда пехота приблизилась ко рву, стороной пошли несколько

кирасирских эскадронов, оставляя батарею слева, демонстрируя удар по русскому кавалерийскому резерву. Следом – польские уланы.

Прорвав 1-ю линию, эскадроны внезапно повернули и двумя массами устремились на высоту: одна в промежуток между войсками и укреплением, чтобы войти на батарею с тыла, другая на колонны с флангов. Батальоны не успели перестроиться в каре и бежали, преследуемые уланами. Кирасиры и французская пехота с двух сторон ворвались на батарею. Дивизии Лихачёва суждено было «истечь кровью»... Тысячи голосов подхватили чужие песни о родине и свободе: на батарее – «Марсельезу», на склоне – гимн легионеров Домбровского.

Майор Крутых понял, что произошла катастрофа, успел перестроить батальон в каре и с развёрнутым знаменем начал медленно отступать, отбиваясь от уланов. Он волчком крутился в центре и не переставал выкрикивать команды:

– Задние, заряжай и стреляй! Знамя – на середину! Офицеры – на середину!.. Ряды сохраняй! Раненых – на середину!.. За пику хватай, тяни!.. Ребята, бей коней! Молодец, Вареников!.. Нырять под пику и – в брюхо... на земле добыём, с седла задние пулей достанут...

Навстречу томскому каре из оврага выходили и строились для атаки на высоту русские гренадеры. На них, как осы, налетели уланы, но, увидев, что таит в себе тот овраг, откатили и помчались на высоту, где вдоль бруствера накапливались кирасиры. Гренадеры, крича «ура», пробежали мимо каре, ещё шагов двести, по ним ударили кирасиры, с флангов – уланы, гренадеры не успели перестроиться и обратились в бегство. Толпа побежала к спасительному оврагу, смяла стоящее на пути томское каре, в разрыв ворвались уланы, не все: многие были заняты расправой над гренадерами. Правая, большая часть каре успела сомкнуться. Ворвавшиеся в промежуток уланы не смогли вдоволь натешиться: мешал собравшийся строй у них за спиной.

Юный подпоручик в очередной раз отбил шпагой упорно толкаемую в его грудь пику, мелькнула оставленная им зарубка на бордовом древке позади красно-белого флага. Понимал уже, что долго так продолжаться не будет, что его положение похоже на безнадежное стояние одинокого, безоружного, голого перед злобным голодным медведем... и он услышал, как из его мальчишеской груди на высокой ноте начал вырываться стон...

Нервно поигрывая саблей у стремени, улыбаясь, на Ивана наезжал в диковинном с квадратным верхом кивере, надетом набекрень, длинноволосый всадник с вислыми до подбородка густыми усами. Готовый подставить под удар ружьё Иван держал его перед собой обеими руками и ёрзал на пяточке в ожидании страшной минуты. Когда между ними оставалось шага три, улан привстал на стременах и взмахнул

клинком. Иван отпрыгнул вправо, вперёд, успел заметить удивленный, нахмуренный взгляд, и, зажмурившись, ткнул штыком... коня в шею, тотчас горячее брызнуло ему в лицо и на мундир. Конь взвился, Иван увидел перед собой синие штаны с красным лампасом и с бешеным выплеском накопившейся ярости вонзил штык в бедро. «А-а-а, пёс!.. Ку-у-урва!» – закричал улан. Конь захрипел и упал на спину, придавив всадника. Перед глазами замелькали подковы и стёртые подошвы сапог, а сверху и спереди – вдруг дым, сверкнул огонь, выстрел, толчок в грудь... Покачнулся, опустил голову и посмотрел, где обожгло, увидел: мундир щедро облеплен раздавленными вишнями, а там, где прижался подбородком, ниже справа – дырочка... вот в ней заблестело, и стало расти на глазах чёрное пятно...

Стрелявший улан вставил пистолет обратно в седельную кобуру, с темляка рукою подхватил саблю, занёс её над головой и направил коня на Ивана. Но тот, когда сверкнула молния, уже падал как подкошенный и под рассечённую пустотой опрокинулся навзничь, подвернув под себя ноги и откинув голову на спину подпоручика, павшего лицом в траву. И кровь их на лепестках той дикой гвоздички смешалась...

Улан, накренившись, рассматривал Ивана. К нему, подпрыгивая на одной ноге, стая и охая, подковылял раненый товарищ и, обессилив, вцепился в гриву коня. Улан ухватил его за пояс, втянул в промежутки перед седлом, оглянулся ещё раз на Ивана, развернул и повёл коня в обход высоты навстречу колоннам, вброд через Колочь и уже за ней, минув скопления войск, по полю скошенной ржи – в свой лагерь.

Большая часть каре находилась на полпути к роще, где выстраивались отступившие войска центра. Лево́й, меньшей части, наконец, удалось избежать резни и собраться в кольцо из двух-трёх десятков солдат.

Мимо группы к вершине стороной проезжали порознь или малыми кучками выходившие из боя уланы, чаще, растерявшие пыл – эти молча, бросая косые взгляды – а те, кто сохранил тот пыл – эти, крича и угрожая саблями, пиками, кулаками, бранясь, но на меткий выстрел не приближались. Но находились, кто нарочно опускал пику и направлял коня на солдат, но когда те поднимали ружья, тотчас отворачивал и свысока посмеивался.

Занявший место в кольце гренадер в высоком золочёном головном уборе с кисточкой, с роскошными рыжими бакенбардами, прислушиваясь, поддакивал: он улавливал среди доносившихся ругательств знакомые слова. Крякнул, переиначил последнюю фразу в свою пользу, чуть присел и прокричал её проезжавшему улану, отстучав вдогон особый артикул так, что его правая рука, до локтя оголённая, вылетела из рукава, упруго ударившись на сгибе о левую, вскинул подбородок и презрительно

выпятил нижнюю губу. Улан, откинувшись назад, рассмеялся и, принимая вызов, в своём состязательном жесте обхватил переднюю луку седла, покрутил, изощрённо выругался и, удаляясь, вполоборота добавил незлобно: «Врацам фкрутцэ, пся крев (скоро вернусь, собачье отродье)».

– Всё, ребята, хватит, сомкнись!.. Просто так не отбиться, бежать к нашим надо... Старики, давай, заряжай по две пули, штыками другие поработают, – Артём говорил быстро, при этом крутился на месте, толкаясь, и нервно оглядывал израненное поле. Что-то не давало ему покоя, и он, бормоча и передёргиваясь, как от кислого, отошёл от своих, часто и коротко взмахивая кулаком у бедра, с ожесточением вгоняя в землю невидимый колышек. Рванулся, было, в одну сторону, в другую и увидел, наконец, в стороне то, что искал:

– Ах ты, беда-то какая... – всмотрелся, потрогал... – Ребятушки! Живой он!

Артём опустил ружьё, быстро снял патронную сумку, тесак, ранец, мундир, оторвал от рубахи рукава и собрал в комок. Встал на колени, освободил на лежащем ранцевую грудную перемычку и втиснул под мундир тот тампон. Заправил плотно и, приводя себя в порядок, крикнул наблюдавшим за ним солдатам:

– Помогите кто!.. Хотя ты, Егор!.. Ванюшка, очнись, родной!..

«Артём», – покойно подумал Иван, услышав знакомый голос в ночи.

– Иван, вставай, вставай, бежать надо... Молодец... Рану зажали!.. Давай ножками, давай!.. Егор, руку-то его себе на шею забрось!.. Сильно не бегите, круг сохраняй... Знамя у нас! Выше подними!.. Может, наши заметят, выручат... Задние! Как поскачут вдогон, кричи: встанем, биться будем... да поможет нам Бог... Вань, голову не запрокидывай, прямо держи... Ножками давай, давай, пропадём...

Поле пестрело телами, отовсюду неслись стоны и крики. Некоторые раненые сидели или стояли на коленях, опершись на руки, некоторые ползли. Два-три солдата подбежали и присоединились к группе.

А на краю оврага, что был уже далеко позади, выстраивалось полэскадрона уланов. Выравнивали шеренги, успокаивали дыхание, заряжали пистолеты или, спешившись, торопясь, подтягивали подруги. Перед рядами на горячем коне, ронявшем от удил обильную пену, гарцевал нарядный офицер. Он громко кричал, подзывая тех, кто продолжал самозабвенно, выпучив глаза, петь «Ещё Польска не сгинела», отправлял всадников к тем, кто был дальше, те мчались к опьяневшим от боя кучкам и вместе возвращались.

Наконец, ясновельможный пан, обернувшись к своим, протяжно подал команду – всадники опустили пики, и строй ошетинился флажками – взмахнул саблей, ударил шпорами коня, тот присел, рванулся вперёд, и уланы с боевым кличем бросились в погоню.

Беглецы заметили:

– Артём, скачут!

– Стой! Всё, братцы... Сомкнись! Давай, Егор, Ваню здесь положим... Знамя выше! Получше разверни-то! Старики... по две пули!..

Артём обернулся и посмотрел на приближавшиеся с нарастающим воем и топотом шеренги пригнувшихся всадников, на вынесенную ими вперёд неровную, пляшущую цепочку бело-алых флюгеров у наконечников пик. Не глядя, выхватил из сумки два бумажных патрона, сунул в рот – должны быть под рукой – прикусил. Зажмурился и прошептал сквозь зубы, обращаясь к одному только небу:

– Спаси и сохрани, укрепи... не оставь, родной ты наш... – Артём открыл глаза и мыслью, обжигающей мозг и тело, бросил вызов навстречу своему неизвестному противнику: «Ну, давай, борзый лях! Зараз мы ещё посмотрим, кто – кого».

И в том строю вдруг конь гнедой споткнулся, и пика зацепила землю, вырвалась из рук всадника и другим концом ушла к небу, но успел улан схватить её за петлю и потащил за собой, оглядываясь и торопясь на скаку выправить...

Спереди закричали несколькими голосами:

– Братцы, драгуны на подмогу скачут, выручили! С нами Бог!

Уланы тоже заметили и, задрав пики, начали расходиться веером, разворачиваясь.

– Давай, мужики, пали ляхам в зад! – прокричал Артём.

Солдаты, оказавшиеся в первых рядах, догадались и опустили на одно колено. Сбившейся барабанной дробью прогремел залп. Артём встрепенулся, вскинул ружьё, выстрелил, шлёпнул Егора по плечу, показав, что попал, вынул патроны изо рта и швырнул в сумку...

Когда мимо промчались, казалось, цепляя стремянами, драгуны, и улёгся поднятый ими вихрь, гренадер нарочито шумно выдохнул и опустил ружье на травку. Исподлобья оглядел всех, неожиданно хлопнул себя по коленкам, молодецки закинул руку за голову, другой подбоченился и выписал первое коленце, притопывая и приседая с разворотом. Бодро выпрямился уже весёлый и озорной, распахнул объятия, встряхнул головой и повторил всё раз, другой, раззадоривая себя разудалым гиканьем...

Егор уселся на траву и опустил голову между ног. Кряхтел, кряхтел, ухал, качался, всё же не смог сдержаться и... заревел навзрыд:

– Пропади ты пропадом, царёва служба! – снял кивер и принялся колотить им об землю.

Гренадер остановился и прислушался, утираясь рукавом. Поводил взглядом по сторонам, поднял с земли ружьё, подошёл к Егору и, наклонившись, вполголоса строго укорил:

– Ты чё, балда пехотная, офицеры дознаются, на каторгу пойдешь... А потом, дремучий ты старый лапоть, мы сейчас не царю служим, а Рос-си-и-и!

– Сыночка своего мог так и не увидеть, – простонал Егор: – Меня ж забрали, с дитём я был... С батей егерями были у барина. Барчук бобрам плотину порушил, я обругал, он – к барину, тот высек и в рекруты отдал.

– Такая наша жизнь... Спросить бы ещё у тех, чья душа нынче отлетела, те б сказали, – посочувствовал ему Артём и, вспомнив своё, повеселел: – А давай лучше Ваню спросим, какие приветы привёз он Кириюхину Егору. Вань, слышал?

Иван хотел сказать, но закашлял кровью.

– Ладно, Ванюшка, тише, тише.

– Дядь Егор... внучок у тебя на Рождество родился... Егорка, – и Иван откинул голову на траву.

Егор заулыбался, оборачивая ко всем счастливое и чумазое в разводах лицо. Внезапно он почернел и поднял голову к небу:

– Господи, за что ты меня так наказываешь!..

Помрачневший Артём горестно вздохнул, огляделся, увидел знамя, и в его глазах вновь вспыхнул огонёк:

– Быть тебе, Фрол, с Георгиевским крестом!

– Брось, чего там... аккурат, пятый я, кто сегодня это древко держал.

– Э-э, нет, Фрол! А кто ещё вспомнит простого Петра да Ивана, из чьих рук ты знамя поднял? Вот и будешь по праздникам поминать друзей этих павших до конца дней своих. Как вынешь из сундучка крестик, изба засияет, а ты слезу утрёшь, и ребята там тебе улыбнутся...

С внешней стороны солдаты закричали кому-то:

– Эй, деревня, давай сюда! – и своим: – Расступись: за ранеными пришли.

Протиснулись ополченцы с носилками. Один из молодых будто обиделся, но возразил дружелюбно:

– Какая мы «деревня», мы посадские из Рязани.

Другой посадский мужичок подошёл, глянул на лежащего Ивана:

– Донесём ли: в крови ж весь – истечёт!

– Ты давай не свисти: то его забрызгали из жил французский улан да конь его. Поспешай, братцы, дорог он нам...

Ополченцы, показав мокрые чёрные спины, помчались, скособочившись и топоча, к роще, за ней – в лазарет.

– И нам следует поторопиться, некогда отдыхать, – и Артём забросил ружьё за спину.

К солдатам, пыля, скакал от линии отступивших войск всадник. То был адъютант полка Свиридов. Осадил коня, продолжая придерживать кивер. По тому на кого и как смотрели, переглядываясь, солдаты, понял,

что главные в эту минуту – он и Прохоров. Поручик, считавший до сих пор войну увлекательной экспедицией, ни разу не был в настоящей схватке и ни разу не заглянул в глаза врагу. С изумлением и с долей непонимания смотрел он вниз на обращённые к нему грязные лица. Подкрадывалось и уже заявляло о себе чувство восхищения русским солдатом и своей собственной ничтожности, но не было времени разбираться в этом: всё будет потом, а в эту минуту оно подсказало соскочить на землю:

– Кто старший в команде? Солдат, товарищи на тебя указывают.

– Прохоров 39-го Томского, ваше благородие!

– Полк ждёт вас у того мыска. Не задерживайтесь! Заминка окончится, вмиг раздавит.

Свиридов вставил ногу в стремя и, перекинув другую через круп, сел в седло. Лошадь под ним заходила, грызя удила. Но, не сказав главного, он не мог покинуть это место:

– Слава вам, герои! Знамя при вас, честь ваша и наша при вас! – развернул лошадь и пустил её мелкой рысью к мыску: пропало желание мчаться в упоении по полю битвы...

***

Ивана внесли в санитарную палатку, пропитанную запахом солдата на войне: кострами, дёгтем, сапогами, потом и кровью. Медики в белых фартуках, окружив столы тремя-четырьмя кучками, стояли и, склонив головы, делали свою работу. Санитары перенесли Ивана на освободившийся стол и уложили на влажную простыню.

– Ну, солдат, как тебя зовут? Постарайся... Пишите, сударыня: Иван Лазуткин, Томский... Записали? Потерпи, осмотрю я тебя. – Доктор со стёклышком в глазу и с цыганским ликом перевернул Ивана на живот и начал ощупывать, мять спину.

– Барин! Нет там ничего! Я грудью шёл, ваше благородие!

– Знаю... Пишите: слепое ранение в грудь... Знаю, там нет места, где трусу спрятаться... А мне надобно выход осмотреть: если пуля близко, достанем тебе на память, на поправку здесь и пойдёшь... Рана высоко... Кашлял кровью?.. Значит, лёгкое зацепило, будем надеяться, не опасно... Кто был против вас?.. У уланов при седлах есть пистолеты... Если б он тебя пикой, здесь бы не лежал. Молчи-молчи... Сударыня, готовьте к операции, водки дайте...

– Очнись, солдат, – услышал Иван. – Ну, как, стало легче? Мы у тебя из спины пулю вытащим. Больно будет, не очень. А ты поругайся. Мы всем разрешаем. А потом отдохнёшь, поспишь. Ну-с, приступим... Чего ж ты терпишь? Зубы сломаешь, герой!.. Ругайся же!

– Маменька не велит, – с трудом произнёс Иван.

– Сударыня, палочку ему в зубы!.. Молодец!.. Сколько мы героев повидали с вами сегодня. Никогда не забудется... Всё, солдат! Мы своё дело закончили, зашьём тебе рану и ты – вольный... Мачты бы делать из таких богатырей, чтоб ни перед какой бурей не гнулись!.. Смотри, солдат, в этом узелочке пуля на память, рядом кладу... Выздоравливай, герой! Санитары, забирайте! Посадите, и под спину ещё подушку. На месте дать ещё водки: ему надобно поспать.

Вечерело... Канонада стала затихать, а мысли приобретать ясные очертания. Повернул голову – татарин рядом, в одной руке перебирает чётки, другая забинтована и высоко поднята, как перебитое крыло, почувствовав взгляд, обернулся, оживился:

– Конь на меня с обрыва упал, косточки поломал, и пуля в ногу была. Рашид я Валиев, а ты?

Иван попробовал ответить: «И-и-и-и... И-и-и...» – и понял, что ему не то, что говорить, кашлянуть, хмыкнуть, вздохнуть трудно. Подышал, прислушиваясь к боли, и заговорил медленно, негромко, с паузами:

– Иван... Лазуткин... В грудь...

В начале рядов закричали, отыскивая нужного солдата:

– Ива-ан! Ваню-юшка-а!

Из разных концов отозвались Иваны. Тогда голос позвал иначе:

– Лазу-utki-ин!

Иван завозился, захлопал ртом, как карась на берегу, но крик из его груди не выходил. Рашид догадался, сел на подстилке и поднял здоровую руку, замахал, закричал:

– У меня твой друг! Мы вместе тут!

Те только услышали, как уже бежали по тропинке, перепрыгивая через голые ноги особо рослых раненых в крайнем ряду:

– Иван, племяш, как ты? Вижу, вижу, помолчи. Грудь-то болит? А мы раненых на поле собираем и приносим: после боя обычное дело. Слышь, утих он, бой-то, как гроза: налетела, напугала и утихла, – Артём повернулся к Егору и признался в сокровенном: – Веришь, Ванюшка мне племянником мог стать. С Полюшкой, с тёткой его, когда молодые были, любили друг друга. Давно: считай, двадцать два минуло, как Исмаил брали... Во-о!

– Дядя Артём!.. Не пойму, тот улан... кричал, вроде, по-нашему: «Пёс, курва»... О том всё думаю, – слабым голосом спросил Иван.

– Не тереби душу: лях то, жолнер их. У француза его тьма. Он тебя гулящей бабой обругал, а по-нашему ты б услышал «собака» и «б-дь». За бой этот ещё медаль получишь, унтер божился, что скажет командирам. Наш-то поручик тоже видел, помнишь, цел и он... Не беспокойся, свидимся: все раненые в полк возвращаются. А нам, коль устояли, на завтра очередь на француза идти. Посмотрим, как он держаться будет: под

ним земля-то чужая, даже угла своего нет. Должна она его сбросить... А мы с тобой да со всем народом – самые богатеи: вон какая у нас Родина великая, а в ней наша колыбелька. Так, Егор? Как не подраться за неё...

***

От автора:

Генерал-майор Вольдемар фон Левенштерн в мемуарах («Русская старина», 1900-1902 гг.) описал атаку Томского полка на батарею Раевского и свою роль. На батарее фельдфебелем полка Золотаревым был взят в плен генерал Бонами. Позже батарея была захвачена дивизией Жерара, кирасирами Коленкура (брат министра иностранных дел Франции, погиб на батарее) и уланами Рожнецкого.

Генерал Лихачёв получил множество ран, и он единственный, кому на батарее французы, изумлённые его храбростью, сохранили жизнь. На поле боя Лихачёв был представлен Наполеону, но отказался принять свою шпагу из рук врага.

За участие в Бородинском сражении подполковник Попов был награждён орденом Св. Анны 2-й степени с мечами, майор Крутых – Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

ТЫ ПРОПОЙ, КУКУШКА, МНЕ

(Военная драма)

*Всем нашим пацанам, не вернувшимся
с той войны*

1. На высоте

Северо-Западный фронт, август 41-го. Леса и болота, и снова они же: болота, леса... На дорогах разбитая техника...

Из посёлка торфоразработчиков на высокую дамбу выскочили мотоциклы с немецкой разведкой. Не снижая скорости, круто развернулись, выбросили перед собой длинные горбатые тени и замерли в стремительном полёте, подгоняемые лучами заходящего солнца. Половина назначенного им маршрута пролегла лесом, другая – краем болота, а конечный пункт – перекрёсток дорог перед следующим лесным массивом. Промчались по лесному участку шоссе, выехали на открытую местность и остановились. Отсюда до перекрёстка километра три, слева начинается болото, справа – пустынная равнина с редкими зарослями кустарника и мелкого березняка.

Разведчик с головного мотоцикла, привстав с заднего сидения, минуту всматривался в бинокль в кромку леса, едва видимого в вечерней дымке. Прищурился, улыбнулся и пошевелил губами – он нашел вдали нечто интересное для себя. Обернулся к другим и задорно им что-то прокричал, стоя, будто на стременах – в душе он представлял себя во главе конного разъезда прусских уланов в красивой войне. Опустился в седло, закурил и широко махнул рукой вперед.

Сопровождаемые надрывными криками чаек проехали на малой скорости ещё километр-полтора. Аккуратно, чтоб не сорваться с высокой дамбы, развернули мотоциклы назад к посёлку. Романтик взобрался на один из них, поводит биноклем по горизонту и подозвал товарища. Тот кивнул, быстро спустился с насыпи, сполоснул руки в лужице, вытер о себя, поднялся и со слов старшего начал наносить данные на карту... Со стороны леса чуть слышно протарахтела длинная пулемётная очередь, следом несколько пуль чмокнули в болото, и две-три с недолётом щёлкнули по полотну шоссе. Разведка свою задачу выполнила и отправилась в обратный путь, не мешкая...

На центральной площади посёлка в здании правления, что пряталось за бетонной спиной вождя мирового пролетариата, расположился немецкий штаб. Офицер разведгруппы вбежал в здание, с изящной лёгкостью козырнул седому полковнику, развернул на столе карту и

доложил обстановку. Полковника более всего заинтересовал фланг противника, примыкающий к болоту. Цель завтрашнего наступления – тот самый перекрёсток, взятие которого обеспечивало прорыв танков к железнодорожному переезду. На карте через болото проходит пунктирная извилистая линия. Если ударить с этой стороны, противник у леса будет вынужден оставить позиции и сдаст перекрёсток.

Минут через пять в штаб привели двух местных жителей. Полковник подозвал к себе офицера-переводчика, очертил фрагмент карты палочкой, поводит ею по пунктиру, вполголоса объясняя цель предстоящей беседы, кивнул в сторону местных и присел, с любопытством разглядывая невысоких заскорузлых деревенских мужичков. Молодой напуган, прячет взгляд, мнёт кепку. Пожилой, напротив, выражает готовность и подчинение: прижал ладони к бёдрам, вывернув локти наружу, и не сводит с офицеров глаз, задрал подбородок. Переводчик с картой в руке начал с него. Все вопросы старик выслушивает, повернув к нему голову и наклонив её к плечу, а отвечает, подняв и повернув к полковнику.

– Посмотри-ка сюда, старик. Это ваша деревня, шоссе, болото. Понимаешь?

– Никак нет, ваше благородие, не обучен, – не глядя на карту, без заминки ответил старик.

Мгновенная реакция вызывает у переводчика недоумение. Офицеры перебросились несколькими фразами, затем переводчик еще раз обратился к старику:

– Господин полковник спрашивает тебя: это дорога? Пройти по ней можно?

– Ваше превосходительство! Боюсь, совру – сколь уж лет на болото не хожу, – нашёл оправдание старик.

– Когда отвечаешь, говори: господин полковник!

– Не могу знать, господин полковник! По картинкам не обучен!

– Серая скотина, – вполголоса произнёс переводчик.

– Так точно, ваш-бродь! – как на смотре, гаркнул дед, съел переводчика глазами и прихлопнул каблуками кирзачей.

Полковник всё это время с интересом наблюдал за поведением мужика, затем выслушал скупой перевод. Между ним и переводчиком вновь состоялся короткий разговор, и обратились теперь уже к молодому парню:

– Ты – комсомолец?

– Я, как все. Меня заставили. А иначе хозяйство отобрали бы и отправили на поселение, – голос задрожал, глаза забегали: хочет, чтобы верили.

– Ты должен знать, что Великая Германия превыше всего ставит умного, преданного рабочего человека, который на правах сильного будет владеть миром. Наши праздники тоже с красными знамёнами и демонстрацией! Те же цели, но всё честно и справедливо, без иллюзий. Скажи нам, что это за дорога через болото?

– Зимник, господин полковник! – успокоился: вопрос без подвоха и опасным не кажется.

– Что это значит?

– Старая зимняя дорога, господин полковник! Ездили по ней только зимой на санях. А летом можно пройти, чтоб не увязнуть. Лошадь без телеги пройдет. Нынче сухо: не весна и не осень – за час пройти можно. А от шоссе к его началу по этой просеке доберётесь за двадцать минут, а с грузом – за полчаса, точно. По карте я понимаю, географию в школе проходили, – уже осмелел, в интонации появилось искреннее стремление угодить.

Дед посуровел, подбородок опустил и из-под косматых бровей смотрит в глаза своему вождю на переходящем Красном Знамени. Что в его взгляде: вопрос, надежда, оправдание, укор?.. Полковник выслушал перевод, не стал скрывать, что доволен, и обратился к старику. Дед вздрогнул и вновь преобразился. Переводчик – а может быть, он вовсе и не переводчик – понял, что его работа удалась, и позволил от себя кое-что добавить:

– Нам известно, что ты – председатель. Колхозы и прочая власть сохраняются. Ожидай прибытие представителей германской администрации. А пока добросовестно исполняй свои обязанности, трудись, как прежде: по-ударному. Вижу, ты верный солдат своего государя-императора – выведешь к трём утра на центральную площадь двенадцать лошадей с упряжью под вьючный груз.

Полковник подвёл беседу к завершению: со словами встал, взял со стола пачку сигарет и передал переводчику. Тот выслушал его и обратился к вчерашнему комсомольцу:

– Ты – умный, смелый и волевой человек. Утром пойдешь с нами, проводишь на ту сторону и заберешь лошадей назад. Это твоя первая награда – превосходные германские сигареты, чудесный турецкий табак. Хватит вонючую махорку сосать – начинай жить по-новому! Более не задерживаем вас, господа мужики – до трёх свободны оба... Хальт! Отставить! Семья того, кто не явится в назначенное время на площадь, будет расстреляна. Ступайте...

***

Тем же тревожным августовским вечером у железнодорожного переезда из вагонов выгрузился стрелковый полк и всю ночь ускоренным маршем догонял убегающий багровый закат, оттесняя на обочину

встречный поток беженцев. Ближе к утру шоссе вывело колонну из леса, и полк соединился со своей дивизией, образовав её правый фланг. Под вспышками далеких зарниц сделали короткий привал, командиры посовещались, и полк разделился: первый батальон остался прикрывать позиции «сорокапятки», установленных вечером в поле у перекрёстка, а два свернули вправо на просёлок. Минут через пятнадцать разделились и эти: головной, не останавливаясь, продолжил прямо, а три роты второго и сводная миномётная рота свернули с дороги влево, миновали небольшую деревню, преодолели пологий подъем и заняли на рассвете наспех вырытые кем-то окопы на лысой возвышенности – успели! Наскоро выставили внизу слева передовой пост – отделение с пулемётом «максим». Бойцы быстро окопались в кустарнике на склоне и затихли.

В тылу, позади высоты, остались деревенька, просёлок, за ним – лес. С трех сторон спереди – обширное моховое болото, через него с запада на восток к высоте выходит зимник.

Двумя часами позже по зимнику к краю болота приближалась колонна немецкой пехоты, всего батальона два. Впереди – головной дозор, слева и справа – два боковых охранения, за дозором повзводно – основные силы. На тяжёлом маршруте шеренги в колоннах превратились в три-четыре петляющие вереницы. Солдаты устали: они сосредоточены, утомлены, качаются, падают, смотрят только под ноги и молчат.

Дорогу головному дозору показывал молодой парень, вчерашний комсомолец. В середине колонны шли лошади, гружённые боеприпасами и миномётами, переднюю вёл дед, председатель колхоза. Парень показал офицеру ориентир впереди на краю леска и что-то спросил у него, махнув назад. Офицер кивнул. Парень побежал к лошадям и принял узду у деда. Тот отошёл в сторону, подождал и пристроился за последней лошастью.

Головной дозор и боковые охранения начали втягиваться в лесок. Участок леса перед высотой был не так уж и велик, и головной дозор скоро вышел на опушку у подошвы высоты. Передовой пост русских, торопясь, обстрелял авангард немецкой пехоты. Немцы, отстреливаясь, отошли, завязалась перестрелка, к ней подклучились боковые охранения.

Над болотом полетели команды: «форвертс», «шнелль». Из-за высоты донеслись чуть слышные хлопки – выстрелы минометов. Первые мины упали с перелётом, на болото. Пехоту подгонять не пришлось, она спешно бросилась к леску.

Парень, что есть сил, потянул лошадь за узду и дико закричал: «Дава-ай, дура!» Ноги его заплетались, свободная рука цепляла мох, губа отвисла: им овладела паника. Недалеко разорвалась мина. Рука парня потеряла узду, и он по инерции полетел вперёд и вниз, упал лицом в жижу на тропе, разорванной десятками сапог. Часть его тела ниже пояса задёргалась, верхнюю парализовало, а вокруг ушей закружили пузыри.

Дед рванул к парню, схватил за ватник и отбросил лицом вниз на ближайшую кочку. Схватил лошадь за узду и поспешил отвести обоз в лесок. Сзади остались судорожные, короткие вздохи вперемежку с кашляющим визгом.

Сделав три-четыре пристрелочные серии, батарея на высоте перенесла огонь в лес и перешла на «беглый огонь»: разрывы мин стали сплошными. Немцы в лесочке рассредоточились и отправили на фланги два пулеметных расчёта.

Внезапно обстрел прекратился, за ним стихла и перестрелка. Передовой пост перебежками вернулся в свои окопы на высоте.

Немцы указали деду, куда отвести обоз, распрягли, сняли груз. Показали, где поставить лошадей, сами приступили к подготовке миномётной площадки. Выслали в обе стороны разведку, связались по радио с тылами, разожгли костры и занялись приведением себя в порядок.

Дед, торопясь, отвёл лошадей, подвязал и, никого не предупредив, побежал на болото к тому месту, где он оставил парня. Тот лежал в прежней позе: лицом в кочку. Между лопаток из ватника торчала чистая вата. Дед перевернул парня на спину. Вид был ожидаемый: выпученные глаза, рот разверзнут, грудь в крови. На вдавленном месте кочки, где была грудь – пачка немецких сигарет, залитая кровью.

Дед с гримасой боли на лице огляделся вокруг и закричал, тормоша парня: «Андрейка! Я похороню тебя, обещаю! – Всхлипывая, добавил: – Б-дь! Что ж я мамке твоей скажу-у-у...»

Продолжая тихо выть, стянул с Андрейки брючный ремешок и подвязал убитому челюсть, попытался закрыть глаза. Перевернул Андрейку лицом вниз, спрятал его руки под тело и принялся отрывать пластами мох и забрасывать голову убитого. Закончил, перекрестился, покрутил головой, запоминая место. Не доверяя себе, достал серый платок, привязал его к чахлой сосёнке и побежал к лошадям.

У коновязи деда поджидал офицер с солдатом, наблюдал, как тот бежал по болоту, напоминая своим видом клеща: коренаст, кривоног, криворук, лицом дик. Когда дед подбежал и встал навтыжку, офицер брезгливо заговорил по-немецки: «Где тебя черти носят, старая обезьяна?.. Впрочем, ты мне больше не нужен». Офицер повернулся к солдату: «Покоя не будет, когда за спиной такие уроды, верно Шмитт? – Солдат кивнул. – Невыполнение приказа... Убери его».

Солдат взял деда за плечо и рывком потребовал развернуться. Толкнул в спину, направляя к болоту, толкнул ещё и ещё. На ходу снял с плеча карабин. За ними равнодушно наблюдали отдыхающие солдаты. Метров через пятьдесят солдат без предупреждения выстрелил деду в затылок. Подойдя к своим, он скривил губы, сморщился и ладонью

свободной руки сделал короткое горизонтальное движение – жест, отмечающий завершение неприятной работы.

***

Жаркий воздух застыл. Наевшись дыма и пыли, бурое облако не собиралось так скоро покидать позиции наших рот. Это отчасти выручало тех, кто под облаком. Однако портило, раздражало и отвлекало внимание Ивана горсть камушков и сухой земли за голенищем и другая горсть за воротом и между лопаток – пару минут назад за его спиной разорвался снаряд, забросав окоп землей. Захотелось отставить винтовку, сесть и высыпать весь этот мусор из сапога, и гимнастёрку снять, вытрясти. Иван наклонился, попробовал вытряхнуть комочки рукой из-за ворота, но только грязь размазал по мокрой коричневой шее, да часть мусора перекочевала в стриженные волосы. От этого стало вдвойне противно. Он присел на дно окопа, снял сапог, постучал и высыпал землю. Перемотал портянку, обулся, привстал, пригнувшись, попрыгал – порядок! Отёр руку о штаны, вытер пот со лба, провел рукавом по глазам и бровям, стирая разъедающую соль с лица, поправил на голове раскалённую каску. С трудом проглотил слюну, повторил несколько раз, пока не убедился, что может ворочать языком, и перестало сухостью раздражать рот.

Это место в окопе третьего взвода второй роты не его – Елисеева, а его место было здесь рядом, сейчас оно завалено землей от разрыва бомбы. Ивану повезло: его не было в окопе. Когда ближе к полудню, жутко завывая, налетело звено «юнкеров», все попрятались по щелям. А он не мог и от того почувствовал себя незащищенным, и, зажав уши, отбежал за поворот в узкий извилистый ход сообщения. А не мог спрятаться из-за того, что не выдержал перехода, отложил «на потом» копать себе щель в стенке окопа и задремал. Да, ему повезло! А здесь утром обживался молчаливый Елисеев, обживался да не успел. Это ему, бедолаге, не повезло, вот и лежит он на дне окопа с каской, прикрывшей рассечённое лицо. Не повезло и Сергею, их лейтенанту, с которым взвод дошёл до этой высоты от подмосковных лагерей, где формировалась их дивизия. Значит, не повезло и всему их взводу.

Иван, повозившись за спиной, достал лопатку и сделал в бруствере справа от себя полочку, утрамбовал со всех сторон выемку, убрал лопатку, поднял елисеевскую пилотку и пристроил ее на земляной полочке корабликом. Вынул из подсумка и положил в ту пилотку гранату, другую такую же, ближнего боя, сунул в карман галифе, опять туда же, в кораблик – обойму. Немного подумал, всматриваясь в сторону противника, и примкнул штык. Повернулся влево к новому своему соседу.

Тот не молод, за сорок будет – солдат последней войны, обстоятельный мужик, свой.

– Даёшь-даёшь, дядя Матвей! – празднично, как перед строем, прокричал Иван.

– Дадим-дадим, Ванечка! – бодрим баском откликнулся старый солдат: – Однако будь повнимательнее, сынок. Не увлекайся! Гляди в оба! Особенно, вправо – ты с краю! Жаль, нет лишнего пулемёта: тут ему самое место.

К окопам приближались тёмные фигурки, выйдя цепью из мёртвой зоны ниже пологого склона. Фигурки на бегу непредсказуемо меняли направление, а от того казалось, что делают они это суетливо и бестолково. Они часто залегали, стреляли, поднимались и снова бежали. До них ещё было метров триста. С той стороны уже слышны подаваемые команды и прилетали, коротко посвистывая, невидимые пульки. Некоторые надсадно взывали, давая знать, что это рикошет, и уходили в безоблачное небо. Чтоб не зацепить своих в атакующих цепях, немцы несколько минут назад прекратили артобстрел. Тревожило, что обстрел позиций вёлся не из немецкого тыла, а справа, на слух батареями, установленными в полутора-двух километрах. Когда батареи замолчали, треск выстрелов со стороны атакующих показался игрушечным и совсем не опасным. Но вот когда на флангах цепи начали пристрелку их пулемёты...

Сзади размеренно застучали миномёты. В цепи появились всплески разрывов. Противник ответил тем же, стараясь накрыть позиции миномётной роты. Над окопами в обоих направлениях по невидимым траекториям полетели мины – от нас, шурша, от немцев, завывая. Миномётам пришлось работать по двум целям, завязалась дуэль...

С нашей стороны раздалась одиночные выстрелы, хотя командир передавал по линии, чтоб берегли патроны. Он совсем ещё мальчишка, их новый командир. О нём пока ничего не известно: как звать, воевал ли, что закончил, откуда. Незнакомый младший лейтенант, вроде бы политрук из миномётной роты, с неполным ящиком патронов на плече появился час назад со стороны комбата. Собрал сержантов и объявил им, что с этой минуты вступает в должность и принимает обязанности командира их взвода...

– Ванюша! Ты пока присядь, что ли, а я понаблюдаю, – крикнул Матвей.

Иван сgrimасничал, наморщив нос – обычная реакция на надоедливую заботу старшей сестры, ничего не понимающей в мальчишеских делах. Бросил взгляд на прицельную планку и ещё раз убедился, что она поставлена на прямой выстрел. Вздохнул и неожиданно ощутил, что успокоился, а коли так, навалился грудью на стенку окопа,

снимая напряжение, и стал внимательно вглядываться в фигурки, намечая цель среди тех, кто шёл на него. Выбор пал на крупного немца, который менее других петлял на соединявшей их линии. Иван поискал прикладом в плече самое уютное место, прижал и навёл винтовку, затих до поры, не изнуряя себя точным выцеливанием... Расстояние сократилось до сотни метров, вот стало заметно меньше, а вот и еще... Пора бы!

Слева кто-то по-юношески крикнул, там же загредел свой «дегтарь», и вслед ему, дав первый нестройный залп, дружно забили трёхлинейки. Иванов немец, похоже, не попал в сектор стрельбы пулемета и пуль не испугался, а потому в его поведении ничего не изменилось. Так что Иван без упреждения, целясь тому в грудь, нажал на спуск. Как это бывает, своего выстрела он не услышал, но почувствовал, как скоба ударила по пальцу, а ложе шлепнуло по щеке – расслабился! Немец споткнулся, сделал, подпрыгивая на одной ноге, несколько неуверенных шагов, опустился на колено и лёг – ранен! Надо плотнее прижать приклад и не дёргать: мягче, мягче давить на спуск! Иван передёрнул затвор, отметил, что его немец лежит на спине, не пытается стрелять, а руки его мелькают сверху, наверное, собирается делать себе перевязку. Иван выбрал другую цель, то был немец, который с колена вполоборота к нему бегло стрелял из карабина в сторону ротного пулемёта. Иван прицелился ему в бок на уровне груди, выстрелил и увидел за немцем пыльный всплеск своего попадания ниже пояса, быстро передёрнул затвор, прицелился выше, в плечо, и сделал боковую поправку по предыдущему попаданию. Начал плавно давить на спуск, удерживая гуляющую мушку на цели... Винтовка подпрыгнула – третий выстрел! Немец стал медленно поворачиваться к Ивану, но вдруг обмяк и, сгорбившись, уткнулся в землю перед собой.

Неожиданно по брустверу и перед ним забегали фонтанчики пыли, в глаза брызнул песок, и в общем хаосе слух выделил совсем близко автоматные очереди. Иван обернулся на выстрелы – справа к нему бежали трое, до них оставалось всего метров тридцать, крутят от пояса «шмайсерами», в глазах ненависть, ярость! Он быстро присел, схватил с бруствера гранату, выдернул чеку, секунду с расчётом помедлил, швырнул. Там же внизу на корточках передёрнул затвор, вставил приклад в плечо, приготовился. После разрыва вскочил на ноги, повернул винтовку на немцев, успел заметить, что один лежит, второй приставными шагами уходит в сторону и начинает заваливаться, согнувшись и прикрывая глаза ладонями. Иван прицелился в третьего, который торопливо, промахиваясь, вставлял магазин. Выстрелил, увидел, что попал, и после, оцепенев, не мог какое-то время оторвать глаз от кованой подошвы чужого сапога, пока ту сотрясала мелкая дрожь... В эти секунды Иван понял, что это значит «солдат», что он может убивать врагов, и он должен делать это умело.

Огляделся, прикинул, что в магазине остался последний патрон и что его немец расстался с жизнью, растеряв время на перезарядке. Вынул из елисеевской пилотки обойму, оттянул затвор, вдавил большим пальцем четыре патрона из пяти в магазин и дослал патрон в ствол. Не так-то плохо держимся, подумал он, заметив, что немцы, кто залёг, а кто, пригнувшись, начал отходить. Сосредоточился и стал выбирать новую цель. Трель свистка и крик заставили его повернуть голову – это командир вскочил на бруствер окопа и размахивал своим ТТ на шнурке, а справа и слева от него уже поднимались красноармейцы. Они начинали кричать «ура» ещё в окопе, кричали, ободряя себя, выкарабкиваясь наверх, и на бегу на каждом выдохе, доводя крик до неистового, объединяющего бойцов протяжного вопля: «а-а-а...».

Иван свистнул Матвею, оба переглянулись, кивком и улыбкой поздравляя друг друга с отбитой атакой, мол, живы, тут же заорали тем же воплем и начали выбираться наверх, сосед, как заметил Иван, с обречённой улыбкой.

– Немцы патронов не жалели, им теперь и стрелять-то нечем! – успел крикнуть Иван Матвею.

Матвей не ответил, он уже бежал вперёд и вниз, втянув голову в плечи. А Ивану, невысокому парню, никак не удавалось выбраться: стенка окопа осыпалась, бруствер не держал и съезжал вместе с ним вниз. «Не обижайся, друг», – подумал нервозно раззадорившийся Иван, поставил ногу Елисееву на грудь, положил руки за бруствер и, подпрыгнув, выбрался из окопа. Каска сразу же начала летать и биться на его голове, он на бегу поймал кончик ослабленного ремешка и потуже затянул его. Это будет его первая атака, гордо запрыгали мысли в голове. Нет, это не атака: он же не штурмует вражеские позиции, он гонит фрицев! От этого стало легко и весело и совсем не страшно. Восторженно отметил про себя, как празднично на жале четырёхгранного штыка засеял лучик, как приветственно над ним засвистели перепёлкой редкие пули.

Внезапно он наскочил на раненого им в ногу врага и, тормозя, упёрся перед ним в землю так, что подошва у сапог затрещала. Остановился, хрипло и со свистом дыша. Бледный, небритый парень лежал на спине и, не мигая, смотрел в небо. Выше колена Иван заметил дырочку на обильно залитых кровью брюках, на земле лужу загустевшей крови, на груди разорванный пакет и бинт во все стороны восьмёрками. «Не смог жгут наложить, вот и истёк кровью. А могло и шальной пулей», – мелькнуло в голове.

Неожиданно слева, как будто спрессованные в одно мгновение, в одно действие и ослепительный огонь, и тугой жар в лицо, и хлёткий рывок за правую кисть. Ивана толкнуло туда, куда звал за собой командирский свисток: вперёд за врагом, гнать, бить его и не жалеть, но почему-то ноги начали отставать от центра его мира, огромная земля,

покрытая серой коркой и редкой сухой травкой, встала перед ним на дыбы и понеслась навстречу. Эта корочка ударила Ивана по лицу, в глазах блеснула молния, через секунды сверху густо осыпало землей...

Ивану показалось, что обстрел прекратился так же внезапно, как и начался. Он понемногу пришёл в себя и понял: с ним произошло то, что гонит прочь в мыслях каждый соприкасающийся со смертью – то, что могло произойти с кем угодно, но только не с ним. Прислушался и отметил боль в правом подреберье, не дающую сделать полный вдох, что онемело тело в середине, у пояса. Перевернулся на спину и, втягивая распухшим носом свернувшуюся кровь, полежал минуту, отдышался, приподнял голову. Там, где должна была быть пряжка – ни её, ни ремня, только напитавшиеся алой кровью лохмотья гимнастёрки и натальной рубахи. В стороне увидел свою трёхлинейку с расщепленным прикладом, выругался и заставил себя вспомнить, что же произошло. Да – был взрыв слева, да – осколок ударил в приклад и, наверное, по пути зацепил живот. Поднял правую руку – она цела, но не сгибаются пальцы, и кисть раздуло, похоже, осушило ударом.

«Только бы ранение было скользящим, не проникающим, только бы внутренности целы... Надо быстрее найти такое место, где можно сделать перевязку», – рассудил Иван и перестал проявлять интерес к тому, что происходит вокруг.

Повернулся на левый бок, приподнялся, опираясь на здоровую руку, и встал на одно колено, затем во весь рост, покачиваясь. Теперь Ивану стали слышны гул высоких самолётов, далёкая канонада, где-то постреливают и урчат моторы. А над его полем – тишина, и пыльная завеса стоит до небес, не колышется, скрывает и наших, и тех. Иван, переступая, как пьяный, задрал гимнастёрку и осмотрел живот. Оторвал чистый клочок от рубахи и вытер кровь. Увидел две глубокие поперечные раны, захватывающие правый бок, удивило, что кровь не шла, лишь кое-где сочилась понемногу. Надул чуть живот, преодолевая боль – кишки не появились. Ладно, перевязка подождет. Морщась, опустился на колени перед своей винтовкой, передёрнул пять раз затвор, собрал выпавшие патроны и ссыпал их в карман, отомкнул штык, сунул за голенище, заметил в стороне свой подсумок. Поднялся, опираясь на ствол винтовки, и огляделся вокруг – поле со всех сторон показалось ему одинаковым. Запрокинул голову – сквозь мглу тускло сиял солнечный диск. Выбрал направление на восток и пошёл к своим, высматривая, не попадётся ли исправная винтовка. Скоро наткнулся на тело бойца, узнал в нём Макарова, слесаря из Серпухова. Снял ремень со всей амуницией, подпоясался ниже раны. Поднял трёхлинейку, проверил, закинул за плечо и, повернув влево, уже увереннее направился к своему окопу.

По-суворовски, на заднице сполз в обрушившийся окоп. Нашёл свои вещмешок и скатку, вынул гранату из кармана штанов, рассовал боезапас, добавил елисеевский. Иван осмотрел себя – гимнастёрка от ворота до полы задубела от крови, спереди дыры, в таком же состоянии и нательная рубаха. А Елисеев убит осколком в голову, обмундирование его относительно чистое. Вблизи никого, и Иван решил, не откладывая, переодеться. «Юра, ты простишь меня, правда», – подумал он и с отвращением к себе начал снимать с убитого гимнастёрку и рубаху. Отцепил с его петличек сержантские эмалевые треугольники. Снял лохмотья, переложил содержимое карманов и накрыл Елисеева своей гимнастёркой. Обругал себя ещё раз. Оторвал чистые куски от рубахи, достал склянку с йодом, намочил тампон, морщась, протёр вокруг ран на животе, набрал ещё и, сжав зубы, густо поводит по самим ранам. Оценивая на выходе их правый край, подумал, что ребро наверняка зацепило, потому и дышать трудно, и гнуло его, как после удара в печень. Собрал вместе все чистые обрывки рубахи, сверху приложил пахнущие медсанбатов развёрнутые тампоны. Прикрыл всем этим рану и, окружив себя несколько раз бинтом, закончил перевязку, осторожно оделся, опустил гимнастёрку и прижал ремнём тряпье на ране.

Всё это время с нарастающей тревогой оглядывался по сторонам, пытаюсь увидеть или услышать товарищей, и догадывался уже, что в окопе он один, что товарищей, скорее всего, нет. Надел вещмешок, скатку и пошёл по окопу к ячейке, где в бою находился их командир. Издали увидел ручной пулемёт с загнутым в небо стволом, тот походил на богомола с перебитым хребтом. Подошёл – на месте пулемётной ячейки угадывалась небольшая воронка, по краям – искалеченные взрывом тела пулемётчика и их нового младшего лейтенанта. Постоял над ними... Да, он был без сознания, лежал там, а здесь шёл бой... Понимание того, что ему опять в чём-то повезло, было отвратительным и вынудило его ещё раз вполголоса выругаться. Взял командирскую полевую сумку, развернул и увидел карты и компас. Вынул из нагрудного кармана документы, убрал в сумку, поднял с земли и туда же бросил начатую коробку «Казбека», уложил в кобурю пистолет.

«Эх, братцы... Нельзя, чтоб записали «пропал без вести»... А может, и записывать некому будет»... Продолжая двигаться по окопу, осторожно присаживался, ощупывал карманы гимнастёрок и, если находил красноармейские книжки, почти все новенькие, то укладывал их в полевую сумку, не пропускал и редкие боеприпасы. Добрался до тупика, выбрался из окопа вверх. В голове забулькала, заходила от виска к виску задремавшая, было, боль. Вышел на макушку к окопам первой роты, где находился комбат, и огляделся. Тишина. Бойцов не видно ни живых, ни мёртвых. А здесь убитых, похоже, успели собрать и похоронить в середине окопа, свалив землю с бруствера – это место сразу бросилось в

глаза. Ниже по склону в сотне метрах виднелись разбитые позиции миномётной роты. Немцы сюда после боя не торопятся, им, поди, не до того, поди, и не известно им, что на высоте никого нет... Иван насторожился. С высоты в вечернем воздухе и справа, и слева отчётливо были слышны далёкая стрельба и гул моторов. «Обходят! Ясно, потому и батальон сняли!»

Начинало смеркаться. В низинах обозначился туман. В полукилометре на фоне белой пелены, накрывшей болото, заметил несколько фигурок, огибающих в низком кустарнике подходы к возвышенности – немецкая разведка. Они даже не подозревали, что туман их выдал! Иван решил, что на брошенных позициях те будут не скоро, будут осторожничать и дальше в ночь не сунутся, а потому драпать ему, сломя голову, ни к чему. Посмотрел на свой пологий склон, вспоминая, откуда и какой дорогой на рассвете пришёл он с ребятами на эту высоту, и начал спускаться, ориентируясь по вышке на егерском кордоне. Опустил руку в командирскую сумку за папиросами, достал, покрутил, выдул табачные крошки, прикусил мундштук, зажёл спичку между ладонями. Когда двигал губами, прикуривая, почувствовал, как сильно саднит под разбитым носом изнутри надорванная губа, заметил, что его распухший нос закрывает собой полмира. Затянулся жадно первой с полудня папиросой, голова сладко закружилась... и вдруг – комок в горле: «Простите, что живой»... Спустился со склона, перешёл глубокую канаву напролом сквозь заросли лещины и олешника, со злостью высвобождая винтовку из их цепких лап. Никогда за свою короткую жизнь не видел он столько потухших глаз...

Скоро он подходил к деревеньке, к дому, крытому дранкой, первому у околицы. Издалека заметил, как к избе с вёдрами курицей просеменила баба в белом платке. «Не будет удачи, – подумал Иван: – И так знаешь, что впереди ничего хорошего, и на тебе – такая примета... Платок бы хоть сняла или тёмный надела, я б её и не заметил».

Подошёл к дому, поднялся на крыльцо, нарочно громко, а не крадучись, постучал в дверь. Изнутри кто-то, покашливая, загремел, вынимая балку из гнезд в проёме. Дверь отворилась, появилась борода и тут же охнула:

– Как же ты напугал меня! Ну, леший, истинный чёрт! Ох, образина ж у тебя. Что ж, заходи, солдатик.

– Нет, батя, спасибо, времени мало. А скажи мне, часа три назад бойцы наши здесь не проходили в сторону шоссе и много ли?

– На тракт? Проходили. А было их чуть ли не вполовину меньше того раза, что на заре. Некоторых узнал, как же. Тоже спешили. Только воды набрали, и не разговоришь никого. Раненых много, ох много. И несут, и идут... Тяжёлых мы разобрали по дворам, да в конюшне на сене

кого оставили... М-да! А ты, Аника-воин, почём отстал? Ногу потёр? Портянка сбилась? Иль приспичило ненароком? – уже с иронией зачистил Батя.

Иван промолчал и попросил помочь ему умыться. Батя вернулся с ведром, за ним – жена, та принесла полотенце, ковшик, мыло. Батя подсунул к лицу Ивана зеркало:

– Глянько! Как тебя не испугаться с такой мордой!

Иван на фоне угасающего неба увидел серое лицо, распухший нос, громадные чёрные фонари вокруг глаз, размазанную кровь по щекам, подбородку, на шее. Усмехнулся. Вдруг Ивана повело, колени подогнулись и он, переступая вприсядку, наехал спиной на плетень и сел под ним, раскинув ноги. Пробыл в таком положении минуту, глядя в землю, глубоко и шумно дыша, затем протянул руку старику, тот подхватил и помог подняться.

– Ну, как сам-то, ничего?.. Да, сынок, досталось вам... Многих убило? А командиры все живы? А немцам наподдавали? Поди, наподдавали, коль не бежали, в строю все, по форме, боевые. А если б не раненые...

– Не скажу, батя. Под конец и меня ранило, пролежал на поле. Бабушка, пожалуйста, йод принесите и чем бы забинтовать. Йод-то есть? У меня мало. Если нет – одеколон, да и самогон сгодится. Немцы не скоро будут, и марафет успеем навести, – подмигнул теперь уже Иван через боль.

Прислонил винтовку к плетню, снял каску, скатку, полевую сумку, вещмешок. Расстегнул и снял ремень с тяжёлой амуницией. Начал стягивать через голову гимнастёрку, снял рубаху, держась за старика, сапоги и портянки, разбросал все вокруг на траве, размотал рану. Старики ахнули:

– Нутро-то цело? А то может, останешься... Да нет, сынок, куда оставаться – найдут они тебя... Сам-то подстрелил кого?

Иван оторвался от ковшика, облизнул потрескавшиеся губы:

– Вроде, цело, – не хотелось ему хватать убийством, но ответил, чтоб знали, что воюет их Красная Армия: – И не одного, а жив буду, постараюсь еще. И до Берлина дойдем! – пообещал Иван не столько себе сколько им.

Поплескался, пофыркал, вытерся, искоса посматривая на батину жену, хлопавшую ладошкой комаров на его теле. Сообща сделали перевязку.

– Держи, солдат, выпей моего! Остаток забирай, забирай, чего там! Это тебе сало, хлеб, табачок мой – угощай! Вот и портянки байковые на смену: твои-то – дрянь... А гноиться рана станет и санитаров рядом не будет, пожуй листьев брусники и – на рану, а найдешь спелую ягоду – и её так же. А попадётся земляника – самое то, мни и накладывай.

Присели на бревнышко, свернули по самокруточке, молча, быстро выкурили. В обратном порядке надел всё на себя – вот и собрался.

– Ну, хватит! Больше нельзя, буду догонять! Отец, там, на высоте, справа в крайнем окопе остались шесть-семь красноармейцев и командир – не успели мы. Документы я взял. Ты позови мужиков... Да! На вершине середка окопа засыпана, без бруствера, место заметное – увидишь. Это кого успели... Похороните там, и ребята вместе будут... И крест поставь, а звезду мы уж потом...

– Всё сделаем... Эх! Беда не ходит одна! Ладно!.. Возьми пирожков, сынок, на ходу поешь. Возвращайся скорее, ждать будем!.. Как зовут-то?

– Вернётся! – ответил он, обнимаясь со стариками, и, уходя теперь уже в ночь, обернулся и крикнул: – Иваном!

2. Ты пропой, кукушка, мне

Оставив деревню позади, часто спотыкаясь, Иван брёл в темноте по едва различимой ухабистой просёлочной дороге к лесу, чернеющему на фоне зарева далёких пожаров. Трогательная встреча со стариками заставила вспомнить о своих. Грустно стало, одиноко, слёзы навернулись, носом шмыгнул... Ему можно, он ещё пацан, да никто и не видит!

Вышел к большаку. Перед ним в обе стороны светлой полосой лежала накатанная песчаная дорога. Свернул направо и быстрым шагом двинулся к перекрёстку. Остановился, достал фляжку. После глотка свежей колодезной воды захотелось, как иной раз проделывал дома, упасть в траву где-нибудь на обдуваемом ветром бугорке: там комары не будут так доставать, и забыться. Но это только мечты: всю ночь надо будет заставлять себя идти и идти, пока хватит сил... Замерев с поднятой фляжкой, Иван прислушался. Насторожил шум моторов, слышимый ещё вечером с высоты: в нём стало угадываться урчание тракторных двигателей... конечно, танковых. Рассудок подсказывал: не обманывай себя, не надейся, то не наши – то немцы. Поправил на плече винтовочный ремень и пошёл вперёд, к перекрёстку, но уже не серединой дороги, а вдоль обочины и медленнее, осторожнее.

Минут через пять стал замечать в лесу огоньки, которые вспыхивали и тянулись беспешно справа налево, вытягиваясь вереницей. А немного позже увидел из-за поворота костры и тени чужих солдат. То был перекрёсток, а по шоссе на восток, в сторону железнодорожного переезда, где вчера выгрузился их стрелковый полк, двигалась колонна немецкой техники, наглым светом фар бросая вызов всей Красной Армии и её авиации. Так мог поступать только враг, уверовавший в полный разгром противника и в отсутствие у того хоть какой-либо возможности оказать сопротивление.

Внимание привлекли отблески костров на стволах сосен, напоказ выставленных тем огнём из темноты. Значит, предательски падают на него и на его лицо. Наклонив голову, быстро отступил за поворот и облегчённо вздохнул: не заметили. Решил идти краем леса к перекрёстку, затем – вдоль шоссе, удерживая его в пределах видимости и пользуясь им как нехитрой подсветкой: ночью передвигаться по лесу не безопасно. Свернул с дороги и углубился в лес.

Через полчаса Иван не так быстро, как хотелось бы, но шёл на восток. Ему помогало то, что колонна двигалась неровно, объезжая препятствия, и фары нет-нет, да и выбрасывали свет на тот путь, что лежал перед ним. Однако часа через два устал в потёмках пробираться через завалы и низины, к тому же оцарапал висок и решил подождать до рассвета, прилечь и отдохнуть. Зашёл подальше в сосны, куда добывали фары. Натыкаясь на поваленные стволы, выбрал в зарослях папоротника сухое место. Расправил шинель, снял сапоги, положил вещмешок под голову, достал новые портянки, подаренные дедом, обмотал ими лицо и руки, чтоб уберечься от комаров, свернулся калачиком и, стараясь ни о чём не думать, заставил себя заснуть...

Солнце ещё не встало, как его разбудила стрельба крупнокалиберных пулемётов на шоссе. Услышал приближающиеся самолёты, треск сучьев и крики. Сдёрнул портянку с лица и сквозь заросли папоротника увидел немцев, искавших укрытие в полосе леса у шоссе. Обогнав их, лес наполнил рёв авиационных моторов, вслед – частые строчки пулемётов и разрывы бомб на шоссе. Над макушками сосен промчался накренившийся в развороте «ишачок» с красными звёздами на крыльях, за ним – второй, третий. Зveno стремительно унеслось назад и ввысь, оттуда выполнило ещё одну атаку, и шум их моторов растаял вдали.

Через пять минут с обочины послышались команды, немцы начали вставать и выходить на шоссе, над которым там и там поднимался чёрный дым, и робко пробивалось пламя. Один из танков, развернув башню назад, столкнул в кювет горящую машину, крики прекратились, и движение возобновилось.

Иван сел, покрутил головой, всматриваясь поверх папоротника то в одну, то в другую сторону. Слышались звуки близкой канонады на востоке и смешанный гул движения техники по шоссе. Сидя, обулся, встал на колени и собрался. Место ночёвки ему понравилось: высокое, сухое и хорошо, по пояс, скрывает. Поднялся, прислонился спиной к шершавой сосне, постоял какое-то время, оглядываясь и прислушиваясь только к лесу. Оттолкнулся от опоры, ещё шагов на сто углубился в лес, раскрыл полевую сумку своего младшего лейтенанта и достал карту. На первом развороте отыскал перекрёсток, высоту, поставил на ней карандашом дату и крестик. Подумав, рассчитал точку, в которой он

находится, установил на ней компас, сориентировал карту на север и определил направление, где ему следует пересечь железную дорогу. Затем сделал то, чему учил отец: повернулся в ту сторону и запомнил, где утреннее солнышко, куда плывут облака, наметил впереди цель – высокую ель, и пошёл к ней. На подходе – следующую, и так – по цепочке. Минут через десять, затаив дыхание, прислушался, сверил направление с компасом и двинулся дальше.

Когда солнце поднялось выше, зашагал увереннее, часто останавливаясь, чтобы слушать лес. Рана на животе не беспокоила, и делать очередную перевязку было лень. А более всего хотел он услышать русскую речь и не допускал даже мысли, что может встретить немцев: те на дорогах и в небе, в лесу им пока делать нечего. Стал размышлять. Поздним вечером и ночью в окрестности перекрёстка не было стрельбы. Если батальон, полк, дивизия отступили, то они где-то в лесу: немцы-то по шоссе идут без боя. Старик говорил, что, проходя через деревню, наш батальон был в полном порядке. Даже если разбиты, всё равно кто-то должен быть здесь. И где же их искать?.. Правильно! На той стороне шоссе! Дивизия держала оборону по ту сторону от перекрёстка, только его батальон и 3-й были по эту. Но если бы 3-й вернулся, старик бы сказал...

Каждое утро Иван вставал, как на работу. И день проходил, как на работе, размеренно и без спешки. Руководило им одно – терпеть и не суетиться. Постепенно приходил опыт. Например, не стоит часто хвататься за компас: ему достаточно идти в восточном направлении, пока не встретит своих. Не следует лезть напролом через завалы, буреломы и низины: их следует обходить. Открытых мест следует избегать, тоже обходить, а если пересекать, то по ночам. Тоже и дороги: там ждут тебя засады, посты их охраняют. Однажды не выдержал, поверил тишине, побегал и был обстрелян.

И костёр можно разводить только в чаще и только по необходимости.

Полюбил шинель. Движению рук не мешает. Чтоб удобно было идти по лесу, полы спереди можно подсунуть под ремень. Ветер не страшен. Дождь, но не ливень, а просто дождь – тоже: у шинели такой ворс, что капли дождя на нём не задерживаются. На ночёвке, расстегнув хлястик, можно её и под себя подстелить, и укрыться одновременно. Ну, это пока осень золотая, а дальше-то что?

Иван шагал по лесу, высматривая маслята. Подбирал, очищал и укладывал в каску на подстилку из папоротника. А предпочтение отдавал им после того, как на сухом краю болота поднял тетеревов и осмотрел место, где те кормились. Увидел, что птиц привлекали именно маслята, и

они охотно выклёвывали их сырую золотистую мякоть. А в каску потому, что утром на том же болоте котелок был наполнен до краёв пьянкой, сладкой чёрной крупной ягодой со вкусом винограда. Сало, подарок деда, Иван берёт как неприкосновенный запас.

Сегодня утром, пройдя с полкилометра, натолкнулся на тёплый затоптанный костёр. Рядом – окровавленные бинты, лапник на спальном месте, рассчитанном человека на три-четыре, брошенные самодельные носилки. Осмотрелся вокруг – холмик, на нём пилотка... Попробовал идти по следу – куда там: через минуту потерял. Пробовал тихонько кричать, но кому охота на пулю нарываться: ни тем, ни ему...

Вышел к глубокому рву. С их помощью осушается заболоченный лес. Зашагал вдоль... Куда он смотрел, лопух! Слева почти в упор оглушительно грохнул выстрел и сбросил Ивана в ров. Увидел впереди поворот, согнувшись, побежал, завернул, выждал и, крадучись, прошёл немного вперёд. Под маленькой ёлочкой, росшей на гребне, привстал и сквозь её жиденькие лапки посмотрел в ту сторону, откуда по его расчету стреляли. Присел: ни черта не видно! Лучшей позиции всё равно не найти – приподнялся ещё раз... Вон он. Лежит за сосной... Решил ещё немного пройти по рву, обойти сзади, подкрасться неслышно по мокрой листве, а там будет видно... Подходя к стрелку, заподозрил: что-то здесь не так. Изготовился, укрывшись за стволом, крикнул:

– Штейн ауф! Хэнде-хох!

Тишина, только затряслись белёсый затылок, плечи и взгорбленная кожаная куртка. Иван осторожно, не сводя глаз с рук, подошёл ближе и негромко произнёс:

– Хэнде-хох! Шнель, фашист поганый.

Немецкий пилот, не поднимая головы, развёл руки в стороны, прошуршав листвою, и одной только кистью на полметра, не более, отбросил пистолет. Иван подошёл, ногой пнул подальше, поднял и сунул в карман шинели. Приблизился к немцу, оглядел. Серые брюки комбинезона и выпущенные поверх белые носки сплошь запятнаны засохшей ржавой кровью. Слышен запах испражнений и, похоже, гниения. Иван осмотрелся. Вокруг, насколько позволял обзор, нет следов падения самолёта, поломанных деревьев, не виден парашют: выходит, лётчик полз, пока мог, надеясь на чудо. Немец лежал, по-прежнему отвернувшись в сторону. Иван обошёл: щупленький блондин, года на три-четыре старше его, лет так двадцати, двадцати двух, похоже, всеобщий любимчик, ласковый и нежный. Присел, заглянул в заплаканные глаза, жестикулируя, заставил обратить на себя внимание, вздохнул и участливо спросил:

– Ду ист капут?

– Я, камрад... капут, – облизнув губы, прошептал парень.

– Ну, ты мне не товарищ! – неожиданно для себя и юного пилота взбесился Иван: – Неделю назад ты моих товарищей расстреливал с небес, играючи. Города бомбил, детишек и стариков рвал на части, гад!

Перевернул немца на спину, обошёл сзади, подхватил подмышками и, стараясь не вдыхать смрад, оглядываясь, потащил к сосне. Усадил, прислонил к стволу. В глазах раненого мелькнула искорка благодарности, он облегчённо вздохнул, а на уставшем сером лице выразилось неподдельное чувство наслаждения: похоже, парень мечтал об этой позе несколько дней и ночей.

Иван определил то место, где выстрел швырнул его вниз, спустился, нашёл каску, подобрал грибы, поднялся наверх и, нарушив правила, стал раскладывать костёр. Оглянулся на немца, протянул флягу, выждал и, чтоб тот не захлебнулся, забрал. Снял с себя пилотку, пересыпал в неё ягоды, сунул тому в руки. Сходил ко рву, отыскал чистую воду, осторожно набрал в котелок, вернулся. Пилотку с оставшимися ягодами потянул к себе, немец, чуть придержав, отпустил. Побросал в котелок грибы и подвесил над огнём. Выкурили с немцем по самокруточке...

Снял котелок, над заготовленными еловыми лапами процедил похлёбку, оставил немного юшки, выскользнувшие маслята вернул на место, посолил. Вынул ложку, половину грибов съел, то, что осталось, подал немцу, а сам доел ягоды. «Славненько подкрепились», – погладил живот и посмотрел на задремавшего парня: – «Чёрт с ним, пусть здесь остаётся». Встал, немец открыл глаза, взял винтовку, немец вздрогнул, закинул её за плечо:

– Их взк! Оставайся с миром, хрен моржовый. Я тебе не нянька. Вспоминай, чему там вас, скаутов, учили, – бросил на прощание и пошёл на восток.

Пройдя немного, остановился: «Ведь, если выживет, то снова ангелом смерти порхать будет!.. Да нет, сохнет, гниёт ведь, обездвижен... А если нет?.. Что это значит, если?.. У-у-ух!.. У-у-ух!.. Главное – в глаза не смотреть... не смотреть...» Сердце заколотилось. Быстро вернулся, вскинул винтовку, выстрелил, передёрнул затвор и застонал: всё же посмотрел... Размашисто зашагал прочь, наклонив голову, широко растопырив руки и шевеля пальцами, как бы оправдывая и убеждая себя... Через минуту вытащил «вальтер», осмотрел магазин – пустой! А сам был бы где он сейчас, останься у ласкового парня хотя бы один патрон? Убрал пистолет: мало ли.

Ночью вдали стреляли, разорвались две гранаты, снова стреляли. То был скоротечный бой. Не смотря ни на что, кто-то сражается! А он совершает неторопливые прогулки по лесу, даже песни поёт. Ну и что, что о Щорсе, о гражданской войне и про себя.

***

Настоящее бабье лето! И день тот был самый тёплый, солнечный из череды последних. В воздухе летали и, щекоча, касались лица паутинки... Направляясь к сухому боровому лесу, Иван неожиданно для себя открыл эту тихую красоту и поглядывал на неё, любуясь – в окружении невысоких белоствольных берёзок, увешанных золотой листвой, маленькое озерцо сияло осенней синью в оправе из изумрудного мха. Примыкало оно к болоту, которое Иван только что успешно миновал. Свернул, подошёл. На сухом месте у кромки леса не спеша всё с себя снял, разделся. Перед глазами предстало тощее тело в ссадинах и кровоподтёках от ударов о валежины. Посмотрел на рану – прекрасно: бугрились розовые шрамы, а воспаления нет и в помине. Молодец старик, если б не его советы, кто знает...

Прихватил обмылок, ступил на мох и понял – это не берег, это плавун и подойти к открытой воде ему не удастся. Но всё же прошёл немного, утопая во влажном мху на каждом шаге, остановился в раздумье и увидел другое, что порадовало: плавун прогнулся и Иван оказался в лужице хрустальной воды, как в тазике. Вернулся за флягой и котелком: «Буду поливаться из него, а мхом потрусь как мочалкой». Отошёл подальше, где «тазик» получался побольше, и мох держал. Первым делом набрал чистой воды во фляжку, затем приступил к «помывке» – так баня по-военному.

Сначала было холодновато, потом привык. Закончил, с сожалением поглядел на открытую воду, раскрасневшимся худым телом потянулся за руками вверх, юношеским голосом крикнул по-мужски, развернулся и голой кикиморой поскакал к лесу. Пробежал, удерживая равновесие, несколько десятков шагов и бросил взгляд на сухой берег... с той стороны ему в глаза смотрела дырочка ствола его же винтовки, а на берегу, уже не таясь, потешались два мужика в одинаковых чёрных телогреечках и ушаночках. Один держал его на мушке, другой, видимо, главный, сидел на пенёчке и копался в командирской полевой сумке. Тот, что с винтовкой, крикнул по-дружески:

– Вылазь, шкет, не обидим: мы любим чистеньких, маленьких, обласкаем.

«Уголовники! Какого чёрта?» – мелькнула догадка, и Иван вышел на берег.

Авторитет достал и развернул удостоверение младшего лейтенанта, внушительно забасИл, изредка поднимая тяжёлый взгляд и, как кнутом, стегая им Ивана:

– Не боись, шкет, мы не уголовники (будто мысли читают), мы политические. Я – Вождь, он – Паганини, наш итальянский товарищ. А ты... – младший политрук РККА Зиновий Абрамович Каравайчик... жидокомиссар по-нашему, – тронул за воротник его гимнастёрку и поднял глаза: – Поснимал, трусишка, кубари с петличек, а дырочки-то оста-

ались... Фоточка подпорчена, ранен был?.. Что молчишь? Ага, вижу... Ну, что у тебя там, Скрипач? Прошу тишины. Ваше слово, товарищ Паганини.

– Он же на них не похож.

– О! Ты даёшь! Во-первых, они всякие бывают. Бывают даже блондинистые. А во-вторых, Зиночка – это наш пропуск в новую жизнь. Вот так! – довольный убрал удостоверение в сумку и прихлопнул ладонью. – Ты давай, шкет, не стой, одевайся, мои терпение и желание не испытывай!.. Ладно, пора двигать: до шоссе часа три топать. Вяжи, Колян, Зинулю, но сначала пусть вещмешок наденет... Руки назад делай!

Шли гуськом примерно час. Никаких вариантов... Товарищи по партии были болтливы и веселы, пели свои песни, иногда ругались, тогда Паганини получал подзатыльники, а Вождь – повод поржать и поучить. Уголовники устали и присели на брёвна. Вождь подошёл сзади к Ивану, ткнул в щёку, чтоб не крутил головой, развязал горловину и полез в вещмешок:

– Не дрожи, шкет! Там, знаем, самогончик припрятан, Зину-уля нам припасла.

Достал бутылку, что дал в дорогу старик из деревни у высоты. Нахмурился, переложил в другую руку, опять полез и достал «вальтер»:

– Почему молчал? А, сука? – и ударил Ивана в ухо.

– Посмотрите, он пустой: нет к нему патронов, – стерпел Иван.

– Нам к немцам даже с пустым «вальтером» соваться – смерть: потом не отмоешься. – Вождь вынул магазин, покрутил и отбросил в сторону, привстал и зашвырнул пистолет далеко в заросли. – Сам добыл? А ты, оказывается, боевой парень, шкет!.. Нет, не повезло мне! Скрипач не такой, нет... Может, его переоденем, а, шкет? Рылом, глянью, настоящий... Э-э-э! Стоять, Скрипач!.. Спокойно! Я же не сказал, кто... Теперь, Колян, можешь смеяться: то сегодня была лучшая моя шутка.

Товарищи по партии помирились, разом выпили весь самогон, быстро захмелели и подобрали. А Иван задумался. Уголовники, когда шли, заметили, как ему трудно поспевать с завязанными за спиной руками, видели и не только это. Значит, их не удивит, если он попросит о смягчении положения, а потому обратился, как можно более почтительно:

– Вождь, у меня руки сзади: спотыкаюсь, могу без глаз остаться, вы видели, упал несколько раз, задерживаю, комары донимают, по малой нужде хочется. Перевяжите руки наперёд, тогда опираться и прикрываться смогу, ведь не по коридору, по лесу идём.

Вождь долго, тяжело и недобро смотрел на Ивана, но отвечать начал весело. Похоже, стимулом к тому, чтобы услышать свою речь, послужил незамысловатый каламбурчик, очень удачный, так он решил:

– Если по малой нужде, то у Коляна тоже имеется нужда, причём побольше, чем у тебя, – пошленько посмеялся, покручивая языком, и тут же зло обратился к своему поделщику: – Ты, Скрипач, на мой каравайчик рот не разевай!.. Понял, поганка... Мало ли, что я сказал!.. Ладно, Колян, перевяжи ему руки и не спускай глаз! А винтовку ему через плечо повесь, чего тебе корячиться-то... Так-то, шкет. Ишь, думал только себе легче сделать. Эгоист ты, однако: о ближних надо думать в первую очередь. Говорю тебе это, как партиец партийцу, и в последний раз... Всё! Встали!

Не прошли и часа, как попали в полосу слабого тошнотворного запаха. Остановились. Вождь, любым поводом укрепляя свой авторитет, приказал Скрипачу:

– Лизни палец, поищи, откуда дует... Ага, солнышко будет справа... Тернист наш путь в светлое будущее, и чтоб в нём быть, учил нас один киевский парикмахер: «Шаг вперёд и две назад!» А потому, свернём. Думаю базарчик здесь недалеко: быстренько навестим, может, чего прихватим!

Покружив, вышли на место падения советского бомбардировщика. Самолёт просто ткнулся в лес. Падал полого, оставил на пути сломанные верхушки берёз и осин, в нижнем ярусе развалился на части, разбросав хвост, крылья и фюзеляж, не взорвался и не загорелся, наверное, возвращался домой.

– Заходить будем с наветренной стороны. Лизни-ка свой сладкий палец ещё разок!

– Хозяин! У меня идея! Они все здесь – офицерё фасонистое: заодно два кубаря снимем и завернём Зинулю в надлежащий вид.

– Что ж, правильно соображаешь, когда я рядом. В обход, Данко! Показывай путь!

Подходили со стороны хвоста. В траве заметили первое тело. Колян, зажав нос, наклонился и крикнул Хозяину, шедшему неспешно и вальяжно сзади:

– А у него не кубики, у него треугольники! Как быть, Хозяин?

– Тупеешь. Борт-стрелок всегда из сержантов. Лезь в фюзеляж, в кабину, в ней самое малое двое красных соколов: пилот и штурман. А ты не отставай, шкет! Иди сюда... Ещё ближе. Стань так, чтоб сопение твоё слышал.

Иван приблизился и с горечью посмотрел на обдуваемые ветром русые волосы старшего сержанта. В одной его руке был зажат шлемофон, в другой – кусок дёрна.... Вид остального вызвал мучительный приступ рвоты. Закрыв глаза, отвернулся, шагнул в сторону, наклонился... ещё раз. Открыл глаза и сквозь слёзы, застилавшие взор, увидел... в траве лежал поржавевший наган с оборванным шнурком! Именно то, что может помочь: боевое оружие с самовзводом! Чтоб взвести, вторая рука не

нужна! Упал на колени так, что его лучший друг, наган, оказался между ними. Склонился и с радостным чувством принялся выворачивать себя наизнанку... Вождь с отвращением поглядел на него и отвернулся.

– Хаява! Скатился на край! В кабину лазить не надо! – выкрикивал Колян из фюзеляжа, в промежутках кряхтел и сплёвывал: – Сейчас срежу все три!.. Ну и дух!.. Фу-у, мухи, зар-р-разы... О-о! Фляга! Может, спирт, а? Прихвачу для карантина, то есть, для прививок... Лови, Хозяин!

Вождь на лету поймал флягу, и в ту же секунду Иван нажал на спуск... но выстрела не последовало. Услышав знакомый щелчок, Вождь обернулся. Как у волка, его челюсти сжались до белизны на желваках, обнажились чёрные, обломанные зубы, глаза сузились, он, приседая и шипя, дёрнул за петельку на командирской кобуре, открыл... Иван щёлкнул второй раз... Вождь отбросил левой рукой клапан вверх, потянул за ремешок вниз, пистолет пополз вверх... Третьего щелчка не было: наган проснулся, подпрыгнул, грохнул, ещё, ещё...

Иван отсчитал в уме: в барабане остались два сомнительных патрона. Надеюсь, что напуганный Колян с ножом исчезнет сам и навсегда, надо только помочь, заорал тенорком, как можно ужаснее:

– Убью-ю!.. Руки вверх, падло!

– Зиночка! Я всё, что пожела... ете! Товарищ политрук, товарищ полит... – и Колян сделал то, о чём желал Иван: сорвался вниз, взял низкий старт, затрещали сучья...

– Куда-а?.. Ко мне, Скрипач!.. Стрелять буду! Стой!

Затихло... лишь рядом, закатив глаза и всхлипывая грудью, уходил Вождь.

Ивана трясло и качало. Зажав в зубах обрывок шнурка, он с мотающимся под подбородком наганом бродил вокруг самолёта и искал острый край разорванной обшивки. Освободил руки, вернулся к Вождю, взял свои и командирские вещи, отвинтил крышку фляги, понюхал, поморщился и бросил в вещмешок. Выстрелил из нагана вверх, показав петляющему в панике по лесу Скрипачу, что он безжалостно добил Хозяина, и что в этом направлении его тоже ожидает расправа. Убрал револьвер к фляге. Привёл себя в порядок, прикинул по времени, где восток, вспомнил, что есть компас, сверил и быстро пошёл к своим... Через полчаса устроил засаду на Коляна. Убедившись, что опасности с той стороны нет, пошёл дальше, но только в сумерках командирский ТТ убрал в кобуру, не застёгивая. На ночлеге огня не разводил и по-прежнему не курил: всё-таки страшновато...

***

Ближе к вечеру по неясным вначале звукам, а затем уверенно вышел к большой поляне. В центре её, за огородами, замерли несколько изб, окружённых чахлыми садиками, колодезный журавль смиренно держал

голову, где-то в середине слышались детские голоса, лаял щенок, повизгивало ножное точило. Придётся зайти: еда закончилась. Обошёл поляну и со стороны, противоположной той, куда упиралась тупиковая дорога, выбрал самую неприметную избу с краю. Дождавшись темноты, перелез через плетень и поднялся сбоку на крылечко, минуя ступеньки. Только собрался постучать, как провалился в пустоту: чьи-то руки распахнули дверь и втянули его в тёмные сени. Услышал сзади приветливый голос с хрипотцой:

– Проходи, сынок. Ждал я тебя: ты не первый, как наши отступили.

Те же руки, подталкивая его в спину, провели в хату и здесь развернули. Иван в сумраке разглядел перед собой одноногого невысокорого мужичка. Тот, откашлявшись, чистым голосом предупредил:

– Огня зажигать не стану, чаю горячего не дам, ночлега не будет. Как зовут-то... А угощу я тебя, Ванюшка, холодной картошечкой, кваском, на дорогу чего-нибудь соберу и выпровожу... не обессудь.

Постукивая по полу клюкой, мужичок подвёл Ивана к столу и усадил на скамью в Красный угол, над которым тлела лампадка. Вынул из печи и поставил на стол чугунок с картошкой, выложил краюшку, на неё немного сала, соль на тарелочке, помятые огурчики, алюминиевую кружку с квасом – всё, как обещал. Вернулся на кухню, звякнул и вынес два гранёных шкалика.

– Не держи зла, солдат. Давай за нашу Красную Рабочекрестьянскую...

Утерев усы, одноногий какое-то время разглядывал Ивана и после недолгого молчания продолжил:

– Вот что я тебе скажу, родной... Ты давай, ешь... Сгинуть дело простое, и очень даже легко бывает. А жить тяжело, ещё тяжелее бывает жизнь сбережь, особенно в лихолетье. А потому, попав в беду, не ищи лёгкого пути и будь готов пострадать. Сегодня твоё спасение – лес. Понял меня?.. Вот так-то, Вань. Ты ешь, ешь...

Мужичок, прихватив шкалики, ещё раз сходил на кухню:

– А заметил тебя, когда ты через оградку перелезил. Мне-то не спится, слышу, заскрипел плетень-то...

Чокнулись, он встал и, постукивая, принялся собирать гостинцы в дорогу, продолжая рассказывать:

– А немцы были у нас только раз. Приехали неделю назад четверо на автомобиле, странный такой: и не грузовик, и не броневик. Деревенька-то наша бедная, ты ж видел. Почмокала немчура, почесалась, офицер шоколадку Райкиной детворе дал, батон белый, а мне початую коробку мёда искусственного. Что ж, и я их угостил своим медком, им-то куда до нас: химия одна... Ты не удивляйся, я их давно знаю, с германской. Когда делить нам с германцем нечего, они ничего мужики бывают. В штывковую на них ходил, в плену был, всяких повидал... Нет, нога тогда при мне

была. А когда в 18-м нас выпустили на все четыре стороны, обнимались и целовались с камрадами. И накормили, и шнапсом напоили... А ногу потерял под Варшавой. Лежит где-то в чистом поле косточка моя сахарная, может, чернеет, может, белеет.

Закончив хлопоты, будёновец присел, и, подперев голову, вполголоса запел:

– «На Дону и в Замостье тлеют бе-елые кости, над костя-ями шумит ветеро-ок... По-омнят псы атама-аны, помнят по-ольские паны кон-арме-ейские на-аши клинки!»

Помолчал, с грустью глядя на окно, тронутое серебристой поволокой лунного света, убрал руку из-под челюсти, взял вилку, поднял перед глазами и шёпотом протяжно скомандовал невидимым шеренгам бойцов:

– Эскадро-он!.. Шашки-и к бо-о-ю!.. Ры-ысью!.. Ма-а-а-арш!..
Марш!

Посмотрел на Ивана, привстал, потянулся через стол и толкнул в плечо:

– Эй, браток! Не спи, Вань. Вот, пока рассказывал, что мог, собрал. Давай укладывай в мешок, и – в путь, нельзя никак иначе-то. Тебе скажу: партийный я, и без ячейки им останусь и буду. А билет?.. Вот, смотри... Понял?.. Спрячу, конечно. На тот счёт не переживай... А объявятся наши, партизаны или как, если винтовочку дадут, возьму охотно. Где в обороне, где на посту, где на хозяйстве, а повезёт – на тачанке...

Вышли на крылечко. Мужичок вздохнул:

– Эх, фронт-то далеко ушёл... Ничего не забыл, солдат? – протянул руку, прощаясь: – Ну, будь, Ванюшка... Как говорится, с Богом, но сам не плошай!

***

Иван на ходу выгребал из котелка бруснику вперемежку с пьянкой и, роняя, заталкивал в рот. Думалось ему плохо. Всё жальче и жальче было себя: пропащий он в этой жизни, вряд ли дойдет до своих и, если сгинет, то где и как, не узнают ни домашние, ни друзья... и Юлька не узнает...

Светало. Перед ним, над горизонтом – Венера, под ногами – просёлочная дорога, и вела она, подныривая, к спасительному лесу, уже различаемому под оживающим небом. Издалека увидел свет одинокой фары, отошёл в сторону, снял вещмешок и прилег за гребнем травы на границе вспаханного поля. Расположившись вчера после полудня на опушке и планируя переход, заметил, ближе к лесу видны были крыши маленькой деревеньки. Свет мотоциклетной фары – скорее всего, им он и был – появился ниоткуда, выходит, из той деревни, значит, там могут быть немцы. Коль деревню пришлось бы обходить, то тёмного времени, точно, не хватит. Лёжа головой к дороге, виском на скрещенных кистях рук, как в неласковую чёрную пустоту, смотрел он на пашню позади себя.

Мотоцикл был уже близко и внятно тархтел, добавляя вздохи и скрипы на выбоинах. Мечущийся свет фары временами выхватывал из ночи ряд столбов с проводами, и видно было тогда, что у основания каждого, как вздёрнутая к небу седая растрёпанная борода, стоял пышный бурьян, нетронутый плугом. Подумал: «А что если переждать день под одним из них?.. Ладно, посмотрим...»

Подождал, пока мотоцикл не удалится, встал и пошёл к намеченному столбу. Измельчённая бороной пашня от вчерашнего дождя разбухла. Увязая и приклеиваясь к земле, Иван добрёл до зарослей. Обошёл столб и, аккуратно ступая и поправляя за собой сорняки, встал за ним. Обломал бурьян на месте будущей «лёжки», устелил им её, бросил в головах постели вещмешок, рядом опустил стволом на дорогу винтовку, уселся спиной к столбу, взял котелок и доел ягоды. Лёг, передвинул кобуру с командирским пистолетом по ремню до пряжки и укутался в шинель. Потёртые и натруженные ноги в сапогах начали нестерпимо гореть. Здесь разуваться нельзя: а если вдруг бежать, то не в одних же портянках погибать! Лежал и глядел в небо... Отсюда, с земли, весь мир представляла одна звёздная картина, убранная с четырёх сторон обтрёпанными занавесками из колючего бурьяна. Повернулся на правый бок, свернулся калачиком вокруг столба, пожелал себе спокойной ночи да не в дождливый день и устался на дорогу, с трудом разлепляя тяжёлые веки. «А жрать-то как хочется! И когда ж всему этому придёт конец!.. Да хоть какой...» – подумал он и... тут же проснулся.

Открыл глаза. До восхода осталось одно мгновение. Но главным было не то: боком к нему, в пяти метрах от столба, сидел заяц, подёргивая усами (принюхивался!) и порознь шевеля длинными ушами (прислушивался!). Вдруг русак высоко и косо отпрыгнул к столбу и мягко приземлился собранными в кучку лапками в точку на границе бурьяна. Прополз под ним, развернулся и с торчащими ушами лёг светлым хвостиком к Ивану, а мордочкой к дороге: на ветер и на свой след, чтоб видеть, слышать и чувствовать. Послушал, послушал и постепенно, раз за разом всё ниже и ниже опуская, прижал уши к курчавой тёмно-коричневой спинке – заснул! Но глаз не сомкнул! Заметно было по видимым сзади ресницам и отражению первого лучика в левом карем глазу. «Смотри-ка, как напился я запахами полей, лесов и болот: зверушка меня или не чувствует вовсе, или за своего принимает! Эх, братишка! Доживем ли мы с тобой до зимы, горемычные!» – проникся чувством Иван, разучившись, так ему казалось, внятно думать, и тут же дал себе наказ не тревожить сон своего серого брата. А ведь сколь дней в его голове мысли только о еде топчутся...

Сон прервал визг тормозов: на дороге, проскочив немного, остановился мотоцикл. Двое немцев, не слезая с сидений, повернувшись,

разглядывали что-то на пашне, а третий, что в коляске, разворачивал пулемёт. «Мои следы!» – похолодел Иван. Двое сошли, один махнул другому, чтоб тот взял в сторону, и стали медленно приближаться. Определив, куда вели следы, указали пулемётчику на столб, под которым лежал Иван.

Притормозил попутный грузовичок, из кабины вышел, поёживаясь, офицер, крикнул что-то своим под тентом. Несколько солдат нехотя перепрыгнули через задний борт, лениво разбежались в цепь, позванивая подковками, и взяли оружие наизготовку. «Что ж, всему бывает конец», – обречённо решил Иван и потянул к себе приклад. Тут же, как выстрел в упор, сердце ударило в грудь – это заяц, давно готовый соскочить с лёжки, напуганный движением Ивана, выпрыгнул на пашню и, запутавшись в страхах, помчался, подбрасывая зад, в сторону приближающихся немцев. Те двое, не готовые к такому повороту, пропустили его между собой, развернулись и открыли стрельбу вслед. На дороге заулюлюкали. Далеко убежать косою не удалось, он перевернулся через голову, закричал, как дитя, несколько раз подпрыгнул... Немцы засмеялись, снимая напряжение, тем же ответили с дороги, один подошёл к зайцу, взял за задние лапы. Русак вяло извивался. Немец приподнял его и ударил ребром ладони сзади под основание ушей – всё!.. Вернулись к мотоциклу, отвечая на шутки, летевшие от грузовика, закинули косога в коляску, уселись, весело переговариваясь, и поехали добытчики и зрители каждые своей дорогой. Им и в голову не пришло, что за зайцем мог кто-то ещё прятаться.

Иван был потрясён, и состояние это не покидало его долго: несчастный заяц сохранил ему жизнь. И думал, кого же ему благодарить: себя ли за то, что не спугнул зайца, или судьбу, а может, случай...

***

Хвойный боровой лес сменила золотисто-белая берёзовая роща с невысоким подлеском из ёлочек. Иван прислушался. Канонада, хоть и далёкая, гулко перекатывалась на востоке. Немного грома добавилось южнее. А будто бы, ближе стало?

«Раз-два... Странно: в сентябре и вдруг – кукушка! Сколько она нагадает? Три-четыре... Неужели всё! А впрочем, хватит: до победы доживу и домой вернусь, погуляем. Хорошо бы, чтоб на груди сияли «Красная Звезда» и «За Отвагу». Пацаны их особо уважают: на них – с винтовкой и в будёновке красноармеец в металле, он Родину защищает. А Юлька увидела б и ахнула. Научиться бы ещё на гармони играть, начатъ-то начал, да не успел. Дядю Матвея попрошу: у него и инструмент, и лучше его в батальоне никто не играет. И добрый он. Но почему только четыре, и от чего ж умру? От тока? Так не хватайся за провода голыми

руками. Утону? Так не напивайся! Нет, кукушечка, шалишь!» – рассуждал Иван. Ещё минут десять шёл, прислушивался, надеясь на добавку...

– Стой! Руки вверх!

– Ребята! – Ивана зашатало, закрутил головой по сторонам, задрал руки вверх и закричал простуженным голосом, с трудом отклеивая, казалось бы, навсегда потерянный язык: – Я свой! Свой я, свой, товарищи...

Из-за ёлок, не опуская винтовок, вышли красноармейцы. Линия их зашевелилась, и вперёд выбрался коренастый бородатый боец, присел, заглянул Ивану в глаза, смахнул с его головы расправленную и до бровей похабно натянутую пилотку, закричал:

– Ванька! Ты ж убитый остался! По нам колотят, а я ж всё равно подбегал. А ты весь в крови, и голова, и грудь, ни чувств, ни дыхания... Ты ж седой весь стал, мать т-твою!.. А борода откуда? Чёрт! Помнишь, Вань, смеялись мы, что пушок твой можно полотенцем брить? – Обернулся к своим. – Глянь, ребята, весь, как во мху, можно вместо компаса брать: всегда север покажет.

Красноармейцы сменяли на лицах выражение своих чувств с угрюмых на радостные и наоборот и смеялись дружно...

– Дядя Матвей! Я ж чуть не пропал...

– Ничего... Ну, ну, успокойся, сынок, всё позади. Вот опоздал бы чуток, тогда б, точно, пропал. Знать, не судьба! Жить будешь долго.

Недалеко пропела кукушка, Иван машинально прибавил себе четыре года.

– А что кукушка-то кукует? Осенью вроде не должна. Я и не знал.

– То наша разведка с той стороны фронта. Мы четыре дня назад на них наскочили. И чуть не перестреляли друг друга. Если б не матюком, то не признали бы ни мы, ни они, что все русские. Пообещали на обратном пути нас забрать и через фронт провести. Вот мы и дождались, и ты нас догнал. Скоро здесь будут. Собираться пора. А тебе-то и не надо: готовый, весь в сборе, на ходу. Повезло на зависть всем... Извини, Вань...

– А я что, я понимаю. Смотри, дядя Матвей, вот улыбаюсь. – Изобразил губами. – У меня книжки бойцов. Собрал на высоте. И нашего младшего лейтенанта сумка, в ней документы и карты. Вот бинокль его, пистолет, компас.

– Доложишь потом командиру батальона. Правильный ты солдат, знал я, товарищей помнишь.

– Забыл, вот наган погибшего летчика, а по номеру можно узнать всех в экипаже, – и, покончив с главным, вспомнил о своём, о сокровенном: – А научи меня, дядя Матвей, на гармони играть.

– Научу, найдём время. Вот выйдем к своим, так и начнём... Ух, сынок, как хорошо-то всё вышло! – Счастливый Матвей потряс невесомого Ивана за плечи. – Трошки опоздал бы и...

– А про кукушечку знаешь?

– Так сразу и не скажу. Повспоминаем, поищем, поспрашиваем. Не найдем, так сами с тобой и сочиним...

***

Ночь, яркая луна. На лесной поляне в ожидании часа перехода линии фронта – красноармейцы. Некоторые, свернувшись калачиком, спали. Разведчики, собравшись в кучку, обсуждали вполголоса план действий. Старший разведгруппы встал, посмотрел на часы, встали и другие. Старший оглядел своих:

– Семён, сгоняй на пост за Борисом. – Разведчик бесшумно исчез в глубине леса. Старший повернулся к поляне и протянул тихо: – Подъём!

Красноармейцы завозились, начали собираться. Построились, образовав квадрат. Вернулись Семён с Борисом. Старший сформировал группы, впереди каждой поставил разведчика. Начал проводить инструктаж:

– Проходить будем на стыке двух частей. Окопов не будет, но будут посты, дозоры и прочие радости. Что бы ни случилось, пока не обнаружили – ни звука! Помните, от каждого из нас зависит жизнь товарищей. Повторяю: ни звука! – Сделал паузу. – Даже если голову оторвёт...

– Всё стерплю, а здесь могу закричать, товарищ лейтенант, – послышалось из шеренг.

Красноармейцы сдержано засмеялись. Лейтенант одобрительно улыбнулся: – Молодец, боец. Такой товарищ рядом всегда нужен. – Поднял руку, дождался тишины. – Порядок следования будет такой: уходит очередная группа, через десять минут – следующая. Проходите двести метров, пересекаете овраг и ложитесь. Далее – ползком. Поддерживать визуальный контакт. Более чем на три метра не отставать. – Выдержал паузу, подумал. – Часам к пяти будем у своих. Вопросы?.. Вопросы нет. До опушки идём вместе. На опушке встанем. – Оглядел всех. – Первая, за ней – вторая и так далее. Вперёд!

Вышли на опушку. Впереди, немного слева и справа взлетали ракеты. Изредка доносились гулкие разрывы, вызывающие отсветы на небе. Стрельба воспринималась, как постукивание. Старший сверил с положением звёзд направление по компасу. Все встали в круг. Старший уточнил:

– Направление движения будет от Венеры вправо две ладони на вытянутой руке. Уточняю: Венера – это звезда. – Показывает на небе. – Вправо – это наше право. – Проводит перед собой слева направо и хлопает себя по правому плечу. – Вот так. То есть Венера чуть левее.

Иван полз предпоследним в группе. Переднего видел, часто оглядывался и видел заднего. Ползут... Трассеры близко. Бывает, пролетают над головой. Рядом, в стороне, Иван услышал немецкую речь. Повернул голову – над небольшим возвышением заметил силуэты касок, а из возвышения торчал ствол пушки. С бревном не спутать: выдаёт дульный тормоз. «Главное, ни звука! – вспомнил Иван». Пополз осторожно... Вдруг рядом выстрелила пушка. Спустя секунды, из-за линии фронта – в ответ. Неожиданно Иван провалился руками и грудью в яму, ноги остались снаружи, и в тот же момент близкий разрыв накрыл Ивана.

Боль пронзила тело. «Главное, ни звука!» – заставил себя Иван и услышал, как хрустнули зубы. Перевернулся на спину, посмотрел на ногу – её нет вместе с сапогом, только белая полоска – кальсоны. Быстро подтянул тело, выхватил из кармана шинели обрывок верёвки. Не думая о боли, перетянул ногу под коленкой. Растегнул ремень, снял нож, вместе с ножнами подложил под верёвку, заметил палку, заменил ею нож и скрутил жгут. Повесил нож на ремень, откинулся на спину... Прошло время, приподнял голову, нашёл Венеру, перевернулся на живот и пополз к ней, отталкиваясь одной ногой.

Через час изнурительной борьбы Иван заметил, что осветительные ракеты подвисают на траверзах, догадался, что выполз на нейтральную полосу. Огляделся, отметил, что ему повезло: она местами покрыта толи бурьяном, толи низким кустарником. Теперь, когда ракеты гасли, он вставал на четвереньки и карабкался к Венере, когда взлетали, падал. И так – много раз.

Иван остановился, посмотрел вперёд – горизонт посветлел. Сделал ещё одно движение и скатился в глубокую воронку от авиабомбы. Превозмогая боль, перевернулся на спину, увидел перед собой яркую звезду и потерял сознание...

С нашей стороны донеслись выстрелы. Иван открыл глаза. Над ним посвистывали пули – стреляли в его сторону. Послышался шорох, и на фоне рассветного неба появился силуэт головы.

В воронку быстро заползли два немецких разведчика с автоматами и в масках, заметили Ивана, присели напротив.

– Придётся нам до вечера с мертвецом сидеть. Тесновато... Давай наружу вытолкнем? Что скажешь, Бруно?

– Не стоит. Он станет хорошим ориентиром для русских, – ответил Бруно, осмотрел Ивана. – Судя по всему, он здесь недавно. Осень, прохладно, запаха нет... Думаю, до вечера не прибавится. – Бруно вздрогнул. – Ральф! Он моргнул.

Ральф ещё раз внимательно оглядел Ивана.

– Он уже нежилец. Жаль, совсем мальчишка. Ты, Бруно, поглядывай пока в сторону русских, только не высовывайся, иначе составишь ему компанию.

Бруно снял каску и поправил на ней маскирующую мишуру, потянулся к каске Ральфа, вынул веточки и закрепил на своей. Надел и, улыбаясь, показал на себя:

– Флора! – Уточнил: – Боттичелли: «Рождение Венеры» (*«Весна», прим. автора*).

Бруно полез к краю воронки, занял удобную позицию и приступил к наблюдению за русскими позициями и за нейтральной полосой.

Ральф посмотрел на Ивана.

– Да, Иван, долго ты не протянешь. Прости. – Ральф нахмурился, сжал челюсти, пододвинулся к Ивану и достал кинжал. Навалился, прижал предплечье к его рту и коротко ударил кинжалом. Подождал, отодвинулся. На лице Ивана ничего не изменилось, он по-прежнему смотрел вдаль.

– Будь она проклята эта война! – выругался Ральф и оглянулся на Бруно. Тот, как казалось, был занят наблюдениями.

Разведчик вытер лезвие о полу русской шинели, затем многократно – о свои штаны, рукав. Бруно обернулся и решил спуститься. Оба уселись поудобнее, достали по банке тушёнки, вскрыли каждый своим кинжалом. Приступили к еде, поглядывая на Ивана. Ральф потянулся и срезал флягу. Жевали молча тушенку, запивали из фляги, думали. Ральф поднял голову и посмотрел на небо, вздохнул, двинул носом, опустил голову и произнёс вполголоса:

– Будь ты проклята...

Бруно, соглашаясь, кивнул, не поднимая глаз.

Иван по-прежнему смотрел вдаль. Появились только алая капелюшка крови в углу рта и капли дождя на каске и на лице.

***

Колонна рейхстага. Духовой оркестр исполняет марш «Прощание славянки», шум толпы, крики. Солдатская рука старательно выводит на колонне: «Мы дошли до Берлина!» Пауза. Рука ищет в строке место – в начале или в конце – выбирает сверху. Дописывает: «Ваня!». Спустя несколько секунд появляется и доминирует исполняемая на гармонии мелодия к припеву «Кукушки». Гармонист допускает ошибки, но старательно доигрывает до конца.

ТАК БЫЛО НАДО

*Свобода есть осознанная необходимость
(Фридрих Энгельс)*

1. Огни в степи

Несколько подростков, переживших оккупацию, а потому потерявших природную осторожность, вышли в эртильскую степь посмотреть на очередную ночную бомбёжку местного сахарного завода. Заветное желание – дождаться и увидеть, как в прожекторном луче вдруг вспыхнет лунным светом фашистский Юнкерс. Соберутся в этой точке другие лучи, начнут стрелять зенитки, замерцают вокруг самолёта искорки, застрочат пулемёты, потянутся трассеры. Враг загорится, спикирует и ударится об землю.

Присели на берегу канала, по которому внутри деревянного короба на переработку плыла, кружась и покачиваясь, свёкла. Кругом – черно: светомаскировка. Примерно через полчаса стал слышен гул бомбардировщиков на подлёте, вскоре над степью закружил разведчик. Зенитки пока молчали, но речку не спрячешь – выдаст Эртиль. Над ним немец, как обычно, ориентируется и подвесит осветительные бомбы, начнут шарить по небу прожекторы, застучат зенитки, ведя по пеленгу заградительный огонь, донесутся с неба едва уловимые хлопки разрывов зенитных снарядов, засвистят и заухают бомбы, зашлёпают по воде осколки. Это наши осколки, свои, значит, ранить не смогут, пройдут стороной, а те, что от бомб, сюда не долетают.

Пацаны, не сговариваясь, привстали и вытянули шеи, всматриваясь в темноту. Какой-то олух взялся тушить тлеющий костёр в степи! Стал затаптывать и разбрасывать ногами, искры взмыли ввысь, по ветру потянулась светлая полоска дыма, хорошо видимая пилотам на фоне крошечной тьмы. Немец, не медля, подвесил над этим местом осветительные бомбы, и через минуту-другую засвистели уже настоящие, несущие смерть... Бах! Бах! Ух! Тр-рах! Бах... Пацаны выскочили наверх, в степь, попадали ничком, вжались в землю, обхватив головы руками. А над ними, в зените – си-и-и... и совсем близко – ба!.. Степь ударила слева в челюсть, прямым – в грудь и в живот, мир звуков отрезала тишина. Дима понял, что он оглох...

***

– Может, так даже лучше будет, молодой человек, – посочувствовала, улыбаясь, Ухо-Горло-Нос, расписалась и передала карточку председателю комиссии.

Председатель сделал свою запись, поставил подпись и передал военкому. Военком поставил свою и приложил печать, подтянул к себе журнал в коричневом переплёте, подложил под кулак промокашку, обмакнул перо в фарфоровую чернильницу, переписал с карточки нужное и посмотрел на Диму:

– Приходи-ка ты в среду, что-нибудь придумаем. Народному хозяйству, нашей Советской Родине, во-о как нужны грамотные специалисты. Держи памятку, почитайте с отцом, с матерью, посоветуйтесь, а в среду верни.

В назначенный день, в оттепель, Дима покрутился какое-то время перед крыльцом двухэтажного старого здания с заплатами, остановился, поднял голову, расправил плечи и поднялся на крыльцо, постучал сапогами, сбивая с них грязный талый снег, снял кепку, вошёл, объяснил дежурному причину визита и поднялся на второй этаж. В середине коридора у распахнутой двери увидел военкома, тот отвернувшись, смотрел в окно. Когда приблизился, из кабинета вышла со шваброй и с ведром уборщица, соседка тётя Даша:

– Ой! Димка! Чё ж сапоги такие грязные? На, вытри!.. Семёныч, ты без женихов хочешь посёлок оставить? Ему ж семнадцать только что было! Вон Димидыча забирай, у того детишек куча и пьянь он беспробудная, а ядрёных нам оставь на посевную.

Дима поздоровался, перевёл взгляд на выходные сапоги старшего брата и пошаркал подошвами об тряпку.

– Не переживай, Дарья, не строевой наш Димка. Мы для него кое-что получше приготовили. Ну, здравствуй, Дмитрий. Проходи, присаживайся.

Военком пропустил Диму вперёд и закрыл за собой дверь. Дима вошёл, положил брошюру на стол и осторожно присел на заскрипевший стул.

– Ну как, Дмитрий Иванович, готов пойти в школу фабрично-заводского обучения в порядке добровольного набора? – без лишних слов спросил военком. – Это тоже фронт. Мобилизуем как сознательного, в характеристике отметим, дадим, так сказать, путёвку в жизнь.

Дима посмотрел в окно, обхватил ладонью дрожащее колено, вздохнул, вспомнил материны слёзы, молчание отца и озвучил то, что было решено на семейном совете:

– Согласен.

– Вот это правильно! Уважаю! Ответственность усвоил? Если исключат из школы ФЗО – до года колонии. А когда окончишь школу –

четыре на госпредприятиях, куда Родина пошлёт. Такие-то дела, Дима! Ну, коли согласен...

Военком снял трубку с рычагов и три раза провернул диск:

– Петрович, зайди ко мне. – Военком положил трубку и объяснил Диме: – Сейчас с Николаем Петровичем пойдёшь в строевое отделение и заполнишь бланк по форме... Война-то закончилась, сам понимаешь, только полтора года как. Ну, а ты будешь с крышей над головой, под присмотром и одет, и обут, и накормлен...

– Разрешите, товарищ капитан? – Вошёл мужчина с беспалой левой кистью, коротким взглядом окинул посетителя, выслушал военкома и преобразился: – Конечно! Какие могут быть вопросы, – и обнял Диму здоровой рукой.

По пути в отделение Николай Петрович с гордостью поделился успехами:

– Из прошлых мобилизаций все наши на учёбу попали в Москву. Теперь на важных стройках работают, аж до Урала и даже на Севере! Представляешь, есть и такие, кто прорабом, а кто бригадиром. За этих дорогих наших земляков мы две благодарности получили от Главного управления трудовых резервов...

Когда Дима смог безукоризненно заполнить вторую по счёту форму, помогавший ему Николай Петрович взял лист, нежно поводит им по воздуху, высушивая чернила, приложил к другим документам в белую картонную папку с надписью «Дело №» и завязал тесёмки:

– Здесь всё на подпись к начальнику, – кивнул головой в сторону кабинета военкома, строго посмотрел Диме в глаза и перешёл на официальный тон: – Через неделю, когда закончим призыв, пришлём повестку. Готовься. Лишнего не бери, обеспечат, – тепло улыбнулся и, выйдя из-за стола, подал руку. – Жалеть не будешь, Дима! Да и некогда нам.

2. На улице Рабочей

Другие ребята эртильского призыва, кто помоложе, были направлены на учёбу в ремесленные училища. Только он один – в школу ФЗО. Занимала школа четырёхэтажное здание на улице Рабочей, дом №10/14. Отсюда семь минут ходьбы до площади Ильича, за ней – станция электричек курского направления «Серп и молот». До станции метро «Таганская» на кольцевой – сорок минут ходьбы или десять минут на трамвае, итого, затратив час-полтора, можно было добраться до главных московских достопримечательностей.

На первых двух этажах школы располагались мастерские и классы, на третьем и четвёртом проживали учащиеся. За полгода можно было обучиться одной специальности из четырёх: электрика, плотника, слесаря

или шлифовальщика. В первый же день призывников распределили по классам. Как добровольцу, Диме разрешили выбрать специальность по душе, и он решил обучиться плотницкому делу. С каждого сняли метрику, подстригли под «бокс», выдали бельё и закрепили за комнатами. Заправку постелей отложили и всех отвели строем в баню.

В комнате, куда Дима вошёл с семью другими новобранцами, вдоль стен стояли по две четыре двухъярусные кровати. За изголовьем каждой – тумбочка, в углу слева, за дверью – казённый шкаф, посередине – квадратный стол, под ним – четыре табурета. На столе – гранёный графин, вокруг – четыре стакана. Вся мебель старая, битая, пережившая множество ремонтов, окрашена суриком, причём недавно.

Левую нижнюю койку у окна занял Женя Гавриков, шустрый москвич с фибровым чемоданчиком. Но его имя быстро забыли и окрестили Гавриком. Дима успел занять нижнюю койку в этом же ряду, ближе к двери, перед шкафом. Верхние койки в их ряду заняли два застенчивых паренька из Рязанской области. Справа разместились братья-близнецы из Липецкой и два паренька из Тверской. С лёгкой руки Гаврика комнаты стали называть кубриком.

На следующий день привезли обмундирование. Каждому выдали свой комплект, и ученики разошлись по кубрикам. Скоро захлопали двери, застучали каблучки новых ботинок – это ребята выходили в коридор к большому зеркалу. Перед ним толкались, крутились сначала в летней форме, затем возвращались в комнаты и надевали зимнюю и снова – к зеркалу. На каждом – чёрное двубортное полупальто, чёрные брюки, яловые чёрные ботинки, чёрная фуражка со значком, жёстким козырьком и ремешком. За воротом полупальто – синяя гимнастёрка, на чёрных петлицах с синим кантом металлическая шифровка: вверху – «Ш», ниже – «ФЗО», ниже – «7».

Неожиданно голоса и смех стихли. Из своего кубрика вышел Гаврик и вразвалочку направился к зеркалу. Фуражка сдвинута на затылок, брюки заправлены в носки, гимнастёрка – в брюки, ворот расстёгнут, и из-под него выглядывала тельняшка! Гаврик остановился и, засунув пальцы за ремень, заговорил, обращаясь к своему отражению:

– Ну, братишка, шик, да? Наград не хватает. Будут! Мой отец вот такой с фронта пришёл. Он в морской пехоте воевал. Чёрное море, голубой Дунай. – Объявил он гордо и прищёлкнул уголком рта. Парни вокруг засмеялись:

– Наряд вне очереди будет, точно!

С первого этажа загремела команда и разнеслась гулким эхом по этажам:

– Школа! На линейку! Выходи строиться!..

Ученики быстро вошли в ритм. Занятия проводились в классах и – а это было главным – за верстаками. Изучали материалы, приёмы обработки, крепёж, монтаж, технику безопасности. Никто дисциплину не нарушал и не лодырничал. Ребята возмужали и повзрослели: по утрам физзарядка во дворе школы, три раза в неделю физкультура. Было и трёхразовое питание, но молодые люди постоянно испытывали чувство повышенного аппетита.

Гаврик нашёл полезное занятие, поначалу смутившее Диму. В выходные, когда не было иных дел, они надевали старые телогрейки и ездили на Воробьёвы горы, где их ждали, со слов Гаврика, сокровища Али-Бабы, а проще, находилась одна из городских свалок.

Чувство брезгливости быстро прошло, и копаться в мусоре Диме стало даже интересно. Пожалуйста, бесплатно вам – Аркадий Гайдар без обложки. Но хуже он от этого не стал: «Школа» – раз, «РВС» – два, «Судьба барабанщика» – три! Или годовая подписка на журнал «Техника молодёжи», а вот россыпью «Вокруг света»! Однажды попались ему блестящие чёрные калоши с красной подкладкой, и что подозрительно: без изъяна, муха не сидела. Ну, что? Конечно, взять: Гаврик одобряет, место в сумке для такого товара всегда найдётся.

Дима понял, что Гаврика интересовали промышленные товары. Попались лаковые штиблеты с болтающейся подошвой – в сумку. Нашёл рубашку с рваными рукавами и полой, и её в сумку. Попались белые по происхождению парусиновые полуботинки – туда же. Объяснял просто: в пасмурную погоду сунет штиблеты в калоши, и придадут они хозяину солидности. У рубашки рваное отрежет, и вот тебе манишка под тёмно-синюю с кокеткой кофту на змейке. Парусиновые полуботинки нулёвкой зачистить, вымыть, перед выходом мелом натереть – сгодятся, чтобы пройти лениво по Парку Горького с эскимо, а то и по Тверской. Но однажды... Однажды Дима увидел, как Женя, насвистывая «Любо, братцы, любо», потянул из коробки и поднял на конце палки шёлковую футболку светло-зелёного цвета с чёрными воротничком и короткой планочкой на шнуровке. Дима застонал, а Женя, не поворачивая головы и не торгуясь, протянул палку в его сторону.

В последнюю субботу марта, когда с полей стаял почти весь снег, к Диминому рабочему месту подошёл Гаврик и положил на верстак прямоугольный кусок жести размером с тетрадный лист. Показал свой такой же, но пробитый насквозь гвоздём часто-часто, через полсантиметра:

– Сделай себе так. Будем на «тошнотики» переходить.

После обеда, переодевшись и прихватив авоськи, поспешили на станцию «Серп и молот», сели в последний вагон электрички и поехали

по известному Гаврику маршруту. Вышли на четвёртой станции, осмотрелись, перебежали пути, в лесопосадке прихватили по палке размером с черенок лопаты и, не торопясь, двинулись по меже к багровеющему горизонту: слева поле с озимыми, справа – картофельное, цель их поездки. Через пятьдесят метров свернули и начали ковырять землю палками, искать прошлогоднюю картошку, болтая о высотных полётах, о штурманских расчётах и бомбометании с разных фигур пилотажа. Мёрзлые клубни складывали в авоськи, предварительно выложив изнутри газетами. За полчаса набрали килограммов по пять и направились в обратный путь.

В бытовой комнате картошку вымыли, удалили порчу и другие негодные места и сложили в таз. Таз отнесли в кубрик, и предупредили братву, что вечером будет пир горой. Сходили на ужин, каждый прихватил из столовки немного соли и хлеба

Затем приступили к подготовке самого продукта, тошнотиков. Для этого вымытую картошку натёрли с кожурой на тёрочках. Массу выложили на гладкие стороны тёрочек, дали воде стечь, посолили и спустились в котельную к горбатуму Тимохе. Там на полке стояла банка с белым. Гаврик взболтал содержимое:

– Не дрейфь, это молоко, – сурово успокоил он и, увидев ставшие огромными глаза друга, рассмеялся. – И ты поверил! Откуда ж ему взяться? Тимоха давно не дойный. Это извёстка. Я буду сковородки готовить, а ты давай лепи тошнотики.

Намотал на палочку тряпку, обмакнул в банку и намазал небольшие круги на печных боках.

– Это чтоб не пригорали, – объяснил Гаврик, старательно выводя круги, затем обернулся к Диме: – Давайте патроны, поручик Голицын! – Взял у него первую порцию и налепил на каждый круг по лепёшке...

Позвали братву. Драники ели тут же в тёплой котельной вприкуску с извёсткой и весёлыми шутками. Поглощая драники, Дима заворожил ребят рассказом о том, что ни одному врагу ни в жизнь не попасть в наши объекты по баллистической траектории. Хитрость – разными эллипсами – он так и сказал: эллипсами – представляют географию Земли капиталисты и советские учёные. Вкуснятина! И так просто!

Незаметно пролетели шесть месяцев. В начале июня состоялся выпуск. Всем выдали дипломы и распределили по объектам необъятной страны. В числе лучших выпускников ФЗО Дима с Гавриком получили направление на подмосковный Строительно-монтажный комбинат, вручили им предписания и отправили на производство в Очаково – третья остановка электрички с Киевского вокзала, место приметное, рядом – Поклонная гора.

На производстве в отделе кадров получили по листу бумаги и под диктовку написали заявления о приёме на работу бригадирами в столярный цех. Новых сотрудников сфотографировали, дали три дня на обустройство и объяснили, как добраться до общежития.

3. Очаково

К проходной подошли на полчаса раньше, но на территорию их не пропустили: нельзя без пропуска. Дежурный по КПП велел ждать начальника цеха Кострова.

– Димка, – пленные!..

По улице к проходной приближалась серая колонна немецких военнопленных, навскидку, чуть больше роты. Шли в ногу, нестройным шаркающим шагом, который отчётливо выделялся в утренней тишине. Где-то в середине негромко и вполне сносно имитировала походный марш губная гармошка. Ребята притихли. Мимо шли равнодушные к окружающему миру люди в кепи, во френчах, в коротких сапогах или ботинках. Дима перехватил несколько брошенных взглядов. Каждый ощущался как укол, как то чужое, чему ты хочешь воспротивиться, но должен стерпеть.

Перед проходной гармошка замолчала. Колонна остановилась, повернулась, шеренги выровнялись, по порядку рассчитались. Дежурный взял у правофлангового лист расхода, сверил и открыл ворота. Последним прошёл молодежавый подтянутый немец, в руке он держал обычный саквояж. Этот немец был единственным, кто не участвовал в переключке. Даже в кепи с длиннющим козырьком он более других походил на офицера: френч перетянут ремнём, обут в высокие коричневые ботинки, на шее – белый шёлковый шарф. Другие немцы, если были в ботинках, то в чёрных, и никаких шарфов, значит, привилегия!

– Товарищ старший сержант, а они что, так вот без конвоя по улицам ходят? – полюбопытствовал Гаврик.

– А куда они денутся? Думаешь, подадутся в бега в свою Германию?.. Вот и я так думаю, что бежать им некуда.

– А последний? Кем он у них, он кто?

– Свен Краузе, доктор. Хороший мужик... Точно, что кудрявый, не врёт фамилия.

Дима посмотрел вслед медику, подметил кудри на затылке и белый кружок с красным крестом на боку саквояжа. Услышал восклицание дежурного по КПП и обернулся.

– О! А теперь посмотри, как наших эзков ведут, во-он подгребают... Этих без конвоя нельзя, и оружие держи наготовё. Половина – бандиты, зверьё. Потому и работают на самом гиблом производстве: мрамор шлифуют для нового храма знаний на Воробьёвых горах. Для них вход на

предприятие свой, особый... А наши немцы, они – в столярном. Немцев беречь надо, им, как говорит замполит, свою родину ещё поднимать...

Сказав последнее, старший сержант приложил палец к губам, отошёл и, звякнув медалями, показал в начало улицы:

– Встречайте своё начальство, молодое племя! Вон тот, что с тросточкой чапает, тот ваш Костров и будет...

Когда начальник столярного цеха подошёл к проходной, сержант скинул руку к виску, по привычке отдавая честь начальству:

– Здравия желаю, товарищ Костров! Вот пополнение до Вас дожидается. – Сержант показал на Гаврика с Димой. – Пропусков не имеется.

– Знаю. Здравствуйте, молодые люди. Пропуска готовы. Они – наши новые бригадиры. Пройдут со мной, Пётр Фёдорович.

Поздоровались за руку и прошли на территорию предприятия. Завернули за угол, пересекли малый дворик, прошли вдоль длинной стены с огромными окнами, ещё раз за угол, толкнули металлическую дверь, поднялись на второй этаж, прошли по коридору, завернули, спустились, поднялись... и ребята окончательно запутались. Вошли в комнату с окнами на дальний лесок. Костров объявил, что уходит на планёрку, и велел ребятам ждать его здесь. Показал, где свежие газеты, поймал шнур, воткнул вилку в розетку и вышел, вслед из динамика пропикали сигналы точного времени...

Когда Костров вернулся, динамик пропикал во второй раз. По лицу начальника цеха видно было, что пребывал он в хорошем настроении:

– Новые заказы. Нас подключают к строительству большого столичного университета... Я же не предупредил: понедельник начинаем с планёрки, а в другие дни – по надобности. Ещё раз здравствуйте, – раскрыл папку и достал серые корочки с красной звёздочкой. – Вот ваши пропуска. Будем знакомы, Евгений... Дмитрий... Меня зовут Игорем Александровичем.

Костров прислонил трость к крышке стола и, прихрамывая, дважды по периметру обошёл комнату.

– Работать, товарищи, будете не с немецкими пленными, забудем это, а с немецкими специалистами рабочего батальона МВД. Военные преступники, СС там и прочие, получили по заслугам и далеко отсюда. Здесь собраны механики, столяры и плотники. Размещены в лагере, в свободное время на плацу мячик гоняют. Есть самодеятельность. Пригласили как-то, сходил и сам расстроился. Видно, сильно скучают по родине... Переписка разрешена. Обедают на территории в отдельной комнате, готовят им словаки, привозят румыны. Завтрак и ужин – в лагере. Голодновато им. Но и мы не баре. У них каждому – семьсот граммов чёрного, нам – по килограмму. Сами понимаете, это по справедливости... Стали небольшую зарплату им начислять, появилась

возможность что-то в буфете купить или попросить наших за территорией. Среди них – треть стахановцы. Их поощряем... И ещё: выбрали они себе старшего, зовут Гюнтер Кунц. Обращайтесь... Ко мне вопросы есть?

– Игорь Александрович! Мы же по-немецки только «хенде хох» да «гутен морген, майн шац», – заволновался Гаврик, приподнимаясь из-за стола.

– С первым, молодые люди, вы опоздали, а с последним – всё у вас впереди, – Костров усмехнулся и похлопал Гаврика по плечу. – Не переживайте, среди них есть переводчики, впрочем, русским понемногу владеют все... Честно скажу: вам повезло. Они умны, смекалисты, есть чему поучиться. И ещё, что немаловажно – дисциплинированы. Что такое нахамить или халтура, понятия не имеют... Ну, ладно, товарищи, время пошло: пора вас представить...

***

К обстановке в цехе новые бригадиры привыкли быстро. Они охотно обменивались впечатлениями и первым опытом. Обязанности просты: быть представителями начальства в бригадах и представителями бригад перед руководством. Правда, значительную часть этих функций брали на себя соответствующие органы. Для них же главное – распределить работу, обеспечить материалом и инструментом, а по ходу – выполнять контроль и следить за соблюдением техники безопасности. В остальное время – делать свою часть работы.

В первые дни Дима часто ловил на себе взгляды рабочих, понятно, к ним присматривались, оценивали. Скоро Дима стал замечать улыбки и доброжелательные интонации в голосе.

Неделя минула, подходит Гаврик:

– Пошли, братуха, перекурим.

Пока шли, снял рукавичку и показал правую ладонь, залитую зелёнкой:

– Ты же знаешь моего Карлсона, того лысого с бородкой? Ну вот, увидел он, что на ладони у меня от отвёртки мозоль образовалась, подходит: «Капут, гер Евгений? А вы делай так», и показывает кусочек мыла. Поводил по нему шурупом чуть-чуть и за секунду играючи вкрутил в раму. Мыло положил на место: «Всем нам».

– Прав Игорь Александрович, опыта им не занимать, – и в тон ему Дима поделился своими наблюдениями: – Тоже буквально час назад смотрю, что это у меня Мильх зарылся в стружку? Подхожу, спрашиваю, почему работа идёт медленно, а он – зато, без брака, гер Дмитрий. Показываю пальцем, у тебя здесь выходит люфт. А он мне под нос подсовывает какую-то фигню и говорит, что дальше будет работать с её помощью и получится «зер ордентлих». И знаешь, Женя, подождал и

вижу, верно, аккуратно получилось! Они так ловко, одним словом, Кулибины все те, кто на этой операции, «форихтунг», т.е. приспособление сделали и порядок чуть-чуть изменили.

– Ну да, конечно, прав Костров... Ты слушай дальше. Приводит Карлсон Свена, доктора. Кудрявый мне ладонь зелёной помазал и ещё сказал – это переводил уже Пауль Райнинг – что даже малые раны без обработки оставлять нельзя, питание бедное, «вениг витамине», и рана может загноиться. Ты видел, как часто Свен у своих руки и шею осматривает, нет ли гнойничков или нарывов? Как с детишками нянькается.

– А как тебе Пауль? – спросил Дима. Судя по интонации, ответ ему был интересен.

– Нормальный. Ты же знаешь, он всегда на помощь придёт. И другие за это его «шестёркой» и сексотом не считают... Так он с детства у нас жил. Рассказывал, отец его – мастер со своим клеймом, работал инструментальщиком в Липецке на металлургическом. Там Пауль после школы в институт пошёл. Это потом, перед войной, его семья в Германию подалась: фюрер позвал всех своих назад.

– Да, он рассказывал... Хороший парень. Вот и догадайся, что фашистом был. Каждое утро в понедельник, когда за инструментом идёт, остановится, спросит, как я выходной провёл, как Москва, что новенького в кинотеатрах. Спрашивает, есть ли девушка. И каждый раз, смотри, – Дима показал на себя, – вот так головой покачает и скажет: «Одному нельзя. Для души и для сердца надо, гер Дмитрий».

Утром очередного понедельника, как повелось, Пауль поинтересовался у Димы, как он провёл выходной день. У Димы к этому времени успело сложиться мнение, что рассказанные им фрагменты своей жизни питают другую жизнь, нереальную, ту, что существует в мечтах и воспоминаниях. Видел, что эти рассказы для Пауля – глоток свежего воздуха, и он спешит его сделать.

– Мы с Женей ходили на рыбалку. На Навершковские пруды, здесь недалеко, на север с километр будет. Наловили карасиков.

– Ты не исправим, гер Дмитрий. И что вы с ними сделали?

– Там по берегу растёт лесок, собрали хворост, развели костёр и испекли. Делается так: палочкой протыкаешь через рот до хвоста, втыкаешь поближе к костру, где жар, потом с корочкой чешую снимаешь, солишь и ешь. Очень вкусно. Обхохочешься – морды и руки в саже. Загорали, купались, в полдень вернулись. Вечером в клубе смотрели «Дети капитана Гранта».

– А мы играли в футбол. Финал. Наша команда проиграла... Так-так-так... Значит, гер Дима, девушки для души и сердца у вас по-прежнему нет. Это есть плохо, дорогой друг. Я за вас болен.

4. Надежда

В конце лета, в субботу вечером, Гаврик и Дима единодушно выразили желание встать пораньше и съездить в Тушино на праздник Авиации и Военно-воздушного флота. Посмотрев полёты, высший пилотаж и прыжки с парашютом, воодушевлённые отправились в Парк Горького, чтобы испытать себя и прыгнуть с парашютной вышки. Покрутились по парку, по указателям нашли, взяли в кассе билеты, встали в очередь. Вместе с другими наблюдали, как получалось у граждан. Особенно забавно выходило у подвыпивших мужиков и у женщин, позволявших себе в лёгких платьицах полёты навстречу ветру. Мужики, те наверху много балагурили, геройствовали напоказ, смешно приземлялись. С их слов, они все – десантники, и что с ними не такое бывало. Женщины, если поднялись на вышку, то покидали площадку отчаянно, но в полёте терялись, не зная, за что им держаться: за лямки или за подол платья. Очередь восторг от увиденного не скрывала.

Исполнив ритуал посвящения в герои, ребята помассировали бёдра и бицепсы – ясно: синяков не миновать – и вышли за ограждение. Они, возбуждённые, сразу не заметили двух девушек, стоявших у решётки. И ребята прошли бы мимо, как вдруг одна из них, беленькая, соорудил восхищенную мордашку, сделала в их сторону комплемент:

– Э-э-эх, какие па-арни!

Ребята оглянулись и остановились, а беленькая, как бы и не замечая вовсе:

– Если бы я в молодости знала их номер полевой почты, все четыре года письма бы им писала и ждала. Ой! Да они ж совсем молоденькие! Нет, не писала бы, а вот погулять погуляла бы... за ручку.

– Сколько ж тебе лет, комсомолка? Нам с малолетками связываться не резон, руки быстро свяжут... – Сказал это Гаврик естественно и непринуждённо, чему Дима всегда завидовал. – Ладно, девчонки, а если серьёзно? Сами-то откуда?

Как бы равнодушный к юным особам, Гаврик занялся более важным делом и постучал по асфальту белыми парусиновыми полуботинками, стравивая с них невидимую пыль.

– Есть с Пресни, есть с Бережковской набережной. А вы, мальчики?

– У меня, например, два адреса, – Гаврик потихоньку перехватывал инициативу, – Сокольники и Очаково, у Димы – Очаково. Давайте так, если допоздна гулять будем, Дима проводит ту, что живёт ближе к Киевскому, значит, на Бережковской, а я – ту, что на Пресне. Лады?.. Меня Женей зовут, это – Дима, друг мой.

– А это, ребята, наша красавица, – бойкая светленькая подтолкнула вперёд свою подругу, – наша Надежда, её Дима проводит. Да, Дима? А

меня замарашку проводишь ты, Женя. Мачеха меня Яной зовёт. Чем не Золушка, скажи? Со мной, как в сказке.

Гаврик широким жестом запустил руку в карман брюк и вытащил смятую пятёрочку:

– Дима, не в службу, а в дружбу: за павильоном мороженое, возьми всем по эскимо. Стой... Девчонки, а пошли на качелях-лодочках покатаемся, и мороженое нам по пути...

Утром в понедельник одним из первых за инструментом мимо верстака бригадира пронёсся Пауль. Спортивной ходьбой с пятки на носок, подняв руки на уровень груди, раскачиваясь и пыхтя, как паровоз. На обратном пути остановился:

– Как прошёл день, гер Дмитрий?

– Мы с гером Женей в Парке Горького познакомились с девчатами. Здорово провели вечер. Я провожал Надю, мы гуляли по набережной, дошли аж до Новодевичьего монастыря... Нет, нет, он-то на другом берегу. Надя мне понравилась. Едва не опоздал на последнюю электричку.

– Гер Дима, расскажи с самого начала, пожалуйста. Это же счастье! Нет, не сейчас. Когда курить все пойдут, я приду, хорошо, да?..

***

Начало октября – осень золотая. После ранних ночных заморозков, в безветрие, липы дружно осыпали золотом парки, скамейки и тропинки. В немецком лагере, точнее, в городке рабочего батальона, крыши восьмиугольных войлочных юрт покрыл белый иней. Над крышами из согнутых под прямым углом труб поднимались вертикально вверх несколько десятков сизых дымков. Издалека их ряд, подсвечиваемый снизу фонарями, казался засохшим берёзовым леском в гнилой низине: тонким, белоствольным, но без ветвей и макушек.

Сегодня в цехе безлюдно, тишина. Объявили, что до обеда немцы получают со складов новую форму и переходят на зимнюю. В девять заглянул мастер с соседнего участка и заговорщицки сообщил:

– Мужики, если хотите френч, то можете поменять у фрицев. По себе знаю: очень практично. Они будут «за».

– На что менять? У нас нет ничего стоящего.

– Они будут рады буханке хлеба. К Гюнтеру обращайтесь. Сначала договоритесь, потом сгоняете на базар, а фрицы вам подберут по размеру...

Через неделю в цех зашёл Костров. Походил между верстаками, осмотрел и потрогал выставленные вдоль стен двери с коробками, рамы и

прочую столярку, подготовленную к передаче в молярный цех. Подозвал прорабов, мастеров, бригадиров и вывел всех за собой в курилку.

– Дела идут неплохо. Молодцы. Однако, товарищи, когда видишь вас за работой, только по кепкам и можно отличить немца от нашего. Это ненормально, но препятствовать пока не буду. Только на штаны их протёртые не переходите, гордость имейте. И запомните: френч – это рабочая одежда. За территорию выходить только в своей... Ладно, идите работать...

***

В пасмурное, слякотное декабрьское воскресенье с утра шёл дождь со снегом, к полудню подул сильный ветер, и стало нет-нет да и выглядывать солнышко. После обеда Дима засобирился на свидание. Насвистывая, искал баночку с гуталином. За ним наблюдал с кровати Гаврик, благодушно чувствуя себя, отобедав и выпив в кубрике дополнительную порцию горячего чая.

– А ты разве сегодня никуда не пойдёшь? – спросил между делом Дима.

– Нет. У нас с Яной выходной. У них на Капрановке сдают ГТО. Может, вечером. Но какое сегодня гуляние? Попозже позвоню с вахты... Слушай, Дим, а возьми-ка ты лаковые штиблеты с калошами. С новой кепкой солидности придадут. За питерского интеллигента сойдёшь: человек рассеянный с улицы Бассейной, – рассмеялся Гаврик. – Достать?

– Давай. Посмотрим.

Гаврик встал и полез под кровать. Дима взял штиблеты, покрутил, осматривая. Носы были перетянуты чёрной изолентой, а так ничего: сияли потрескавшимся лаком. Дима обулся, всунул ноги в калоши, встал, набросил форменное полупальто со срезанными петлицами, надвинул кепку на глаза.

– Ты чё-о! Картонку выньми!

Напугав друга окриком, Гаврик взял кепку, провёл пальцами под её верхом и вытащил картонную ленту, придающую форму товарному экземпляру:

– Носят так!.. – и отошёл к окну. – Дима, а ты у нас красавец – сам Пётр Алейников! Кружечку будешь должен.

Дима рассчитал точно: ждал он Надю, судя по уличным часам при входе в Бородинский сквер, всего пять минут. Подбежала она какая-то суматошная, будто опоздала на час:

– Дима, я зонтик забыла, а у нас полдня впереди. Вернуться надо, пойдем, проводишь до дома.

Идти было недалеко. Дом Диме показался внушительным, вахта, лепнина, знакомая столярка из дуба, лифт, но он сдержал себя и не

показал удивления. Звонко закрылись первые ажурные двери лифта, солидно простучали внутренние, запела лебёдка, на шестом гулком этаже вышли. Но как только Надя позвонила, Дима тут же спрятался за угол.

– Ты куда? Зайди хоть на минуточку, я быстро.

Дверь распахнулась, открыла женщина, и Диме стало не по себе: вдруг она подумает, что он прячется, и его уговаривать надо, как ребёнка. Он смело вошёл вслед за Надей и поздоровался. В прихожую вышел из комнаты высокий седой мужчина в безрукавке с газетой в руке и очками на носу, с виду учёный. Дима представился, то же сделали родители, а мужчины дополнительно обменялись рукопожатием.

– Раздевайтесь, Дима. Снимайте калоши, пальто на вешалку. Если надо руки помыть, то туалет здесь. – Родители вежливо покинули прихожую. Надя вышла вслед, и уже из комнаты послышалось:

– Мам, я чай поставлю, мы посидим на кухне пять минуточек, согреемся. А может, все вместе в комнате, а?

Диме стало плохо. Штиблеты! Снять вместе с калошами? Он уже не мог вспомнить, в каком состоянии были его носки. Надвигалась катастрофа...

Дима схватил в охапку пальто и выскочил на площадку, покрутился, выбирая, куда дальше, и помчался, путаясь в рукавах, вниз по ступенькам. Вырвался из подъезда и, шлёпая по лужам, побежал дворами в сторону Киевского вокзала. В наступающих сумерках он, как птица, летел в распахнутом пальто под хмурым с промоинами небом, и под растерзанными стаями галок и воронья душа его кричала от отчаяния...

***

В эту минуту Дима более всего хотел, чтобы Пауль прошёл мимо. Но он не прошёл, он остановился, подождал, и, когда Дима поднял голову, заглянул в глаза.

– Случилось что, гер Дмитрий?.. Мне уходить, да?

– Да нет, гер Райнинг, отчего ж... Пауль, вчера я потерял Надежду.

– В смысле, Надю?.. Ладно, будет перекур, подойду, да?..

Прозвенел короткий звонок. Послышались голоса. Работа некоторых станков приостановилась. В цехе стало тише. Рабочие потянулись к выходу на перекур. К Диме подошёл Пауль.

– Сначала, чтобы не забыть, гер Дмитрий: Гюнтер просит, так как скоро новые конструкции начнём делать, просит сказать нам заранее, какие конкретно. Узнайте, пожалуйста, и мы подготовим нужные приспособления. Ну, рассказывайте, гер Дмитрий, – и Пауль чуть ли не в лоб Диме упёрся своим длинным козырьком.

– Приехал я на Киевский и быстренько почесал до Бородинского сквера, только отдышался, смотрю, а вот и Надя... – начал Дима.

Когда он изложил до конца свою драматическую историю, Пауль выпрямился и облегчённо вздохнул:

– Дима, здесь есть позитив. Смотрите, вас пригласили в дом – это раз... Как почему? Разве просто так девушка будет знакомить родителей со своим молодым человеком? Вы же ей интересны. Дальше... Вы не сделали хуже мнению о вас – это два. Надя будет думать, что вы очень стеснительны. Всякому известно, что это качество часто рядом с добротой... Ну вот, Дима, ты уже улыбаешься. Теперь мне надо хорошо думать, как тебе помочь...

В субботу, в конце рабочего дня, излучая свет, подошёл Пауль и сообщил, что через две недели, в канун Рождества, в рабочем клубе состоится концерт их самодеятельности:

– Найдите Надежду и пригласите в клуб. Репертуар готовим приличный: классика, песни, художественное слово, фокусы, клоуны. Начало в десять ноль-ноль.

Воскресным ранним утром Дима вышел из электрички и с нетерпением направился в сторону известного ему дома. Выбрал место для наблюдения. Прождал час и увидел, как из подъезда вышла Надя. Он снял и отряхнул шапку, обстучал снег с плеч, обошёл стороной предполагаемое место, где пересекутся их пути, развернулся и пошёл навстречу. А она его так и не заметила! Дима остановился в пяти шагах и поздоровался. И ничего страшного не произошло: она улыbnулась... нет-нет, она обрадовалась! Ну, а счастливый Дима тут же ей всё-то и выложил. Посмеялись, как дети, затем Надя взяла его под руку – свершилось чудо, от которого у Димы перехватило дыхание – и они парочкой, на которую никто не обращал внимания, продолжили поход в магазин за хлебом.

***

Пауль встретил их у входа в зрительный зал. Представился Наде, пропустил молодых людей вперёд и пошёл следом, подсказывая. У четвёртого или пятого ряда остановился и показал их места: второе и третье, сам занял первое, самое крайнее у прохода.

Публика пребывала в приподнятом настроении. Места хватило всем. Скоро раздалась робкие аплодисменты, через полминуты повторились настойчиво, и на сцену из-за занавеса, слегка покачав его, выбрался самодеятельный конферансье. Отличал его от других, сидящих в зале, огромный синий бант в белый горошек, повязанный под подбородком. Конферансье поприветствовал зал, поздравил с наступающим Рождеством, несколько раз пошутил, и долгожданный концерт начался...

Красный от удовольствия и от усердия конферансье объявил следующий номер и, выдержав паузу, назвал имя исполнителя – Пау-уль Ра-айнинг!

Пауль рывком поднялся с места, у края ряда на секунду замер, вытянувшись, и свободным ровным шагом, чуть наклонив голову к плечу, направился к сцене. До лесенки он не дошёл: на середине по-спортивному упруго шагнул вверх и оказался у микрофона. Из партера послышался сипловатый голос:

– Ду вирст фройлайн Зольфайг, Пауль? – В зале раздался дружный смех.

– Натюрлих, фройндэ! – нисколько не смущаясь, улыбнулся Пауль, достал большой белый платок и повязал им голову. Смех повторился. Пауль поднял брови, кивнул кому-то в зале, как бы соглашаясь, снял платок и подсунул под ремень вокруг талии – получился скромный фартучек – оглянулся и подал знак аккордеонисту.

Звучала нежная, трогательная мелодия... Шорохи и покашливание потихоньку прекратились. После первой же строчки зал замер. Дима почувствовал, как Надя сдвинула ему локоть, и повернул голову: та сидела, закрыв глаза, даже рука её не опустилась на колено, замерла на полпути...

– Ты знаешь немецкий? – шепотом спросил он.

– Нет, французский, но я знаю о чём...

Скоро аккорды подвели песню к финалу. Из чьей-то груди вырвалось короткое сдавленное рыдание, со стороны советского персонала чувствовалось некоторое смущение, вызванное, похоже, недопониманием. В наступившей тишине Пауль обменялся взглядом с аккордеонистом, вновь полилась грустная мелодия, и он запел, глядя вдаль:

Зима пройдёт, и весна промелькнёт, / И весна промелькнёт;

Увянут все цветы, снегом их занесёт, / Снегом их занесёт...

И ты ко мне вернёшься – мне сердце говорит, / Мне сердце говорит,

Тебе верна останусь, тобой лишь буду жить, / Тобой лишь буду жить...

Надя прижала лицо к плечу Димы, он же находился в замешательстве, взгляд его скользил по безмолвному залу. Многие, будь то русские или немцы, склонили головы, виднелись одни лишь затылки и опущенные плечи. За почти сто лет существования драмы «Пер Гюнт» и музыки к ней, мир вряд ли испытал более сильные чувства, одновременно выраженные людьми, собравшимися в одном тесном пространстве.

В понедельник со словами: «От Надиной мамы», Дима вручил Паулю кулёчек. Пауль развернул, сунул в него нос, и вдохнул аромат чудесных пирожков с картошкой и капустой:

– Дома-ашние! Зер гут!.. Я один съем, а остальные отдам доктору Краузе. Он имеет вход в лазарет. Там наши товарищи, они порадуются Рождеству. Надя не против, думаю, да?.. Очень вкусно!.. Ах, как вкусно!.. Маме – спасибо, Дима, да?

– Конечно, передам! Рассказала Надя своим про концерт. Так разговоров потом было... Песню твою Надины родители знают, папа даже мелодию по памяти подбирал: «ту-у-рум ту-ру-рум ту-ру-ру-ру-ру-рум...».

– Это песня Сольвейг, норвежская: музыка Грига, слова Ибсена. Слова и ноты Гюнтер попросил начальство помочь найти... Дима, тебя спрошу, да? Кто-то из ваших проговорился, нас вроде по домам скоро отправят, не слышал?.. Ладно, подождём.

Пауль, полез в карман брюк и одним лишь пальчиком достал платок, вытер руки и губы, вздохнул:

– Мне возвращаться некуда. Последнее письмо от отца пришло в 43-м из-под Курска... А в июле 44-го наш дом попал под бомбёжку. До этого писала сестра, если советские прилетали, наши не прятались, советские только завод и станцию бомбили, а прятались от союзников: тем лишь бы куда сбросить. Потом от бургомистра было письмо: накануне бомбоубежище затопило, потому моим бежать было некуда...

– Пауль, а кем ты был на войне?

– Посмотрим на петлицы, – Пауль оттянул угол воротника, чтобы видеть обоим. – Красный – в артиллерии. Маленькие крылышки, как чайки – связь с авиацией, а их две, значит, младший фельдфебель зенитной артиллерии. Полк наш до октября 44-го стоял в Киркенесе, мы защищали аэродром. Это – Норвегия, Заполярье...

Пауль повернулся и хотел, было, идти дальше, но задержался у края верстака. Надвинул кепи на глаза, тяжело облокотился на угол и ушёл в себя, отвернувшись и разглядывая по очереди свои ботинки.

Дима вспомнил вечер и задумался. Вчера у них с Надиным отцом на кухне состоялся странный разговор, где Василием Сергеевичем было много чего сказано, в том числе такое, отчего сознание Димы попросило передышки. А началось с его же ответа на вопрос, как он воспринимает немцев. Ответил, не задумываясь, так, как решил уже для себя, что немцы – люди, как люди, нормальные, одним словом. Потом-то отец Нади и сказал... Дима напрягся: «Сейчас вспомню... Да, он сказал так: сознание и поведение людей определяет то, как они измеряют добро и зло, а это не приходит с рождением. Поэтому очень важно, кто даёт им способ измерения. Если одним и тем же вещам люди дают близкие оценки по

шкале добра – именно «по шкале» он сказал – то наступает гармония, ведут они себя одинаково».

Дима посмотрел на загрузившего Пауля.

– Пауль, отец Нади вчера сказал, что все люди одинаковы, но ведут себя по-разному, потому что их по-разному учат понимать, что есть добро и зло.

– Ну да! И мы здесь не только рубанком двигаем, мы извилинами двигаем тоже. Мы часто говорим об этом, спорим. Времени-то у нас много, да? – улынулся Пауль, возвращаясь из мрачного прошлого.

***

В конце зимы 48-го, рано утром неожиданно объявили об эвакуации лагеря. Всех отвезли в баню. Взамен шинелей и кепи выдали новые тёмно-синие телогрейки, шапки-ушанки, чемоданчики, сухпайки. Накормили обедом, подогнали грузовики и, строго выполняя план репатриации, отвезли на станцию Немчиново Белорусской железной дороги.

Дмитрий получил новое назначение – Усть-Ишимск на севере Омской области. Евгения отправили в Иркутск, и их пути разошлись. Дмитрию предстояло проложить в тайге просеку 70-метровой ширины для будущей узкоколейки. Контингент – гордые и угрюмые чеченцы. Затем были Первоуральск, Казахстан, Марьино Роща в Москве, Эртиль, Рязань и т.д. и т.д. Овладел специальностями автомеханика, слесаря, плотника, столяра, газо- и электросварщика. Научила жизнь многому: как построить дом, поставить сруб, вспахать поле и собрать урожай, заготовить сено, содержать сад, огород и скотину, играть на гармонии, на трубе и домре, писать картины маслом. Построил аэросани, винт рассчитал и выточил сам, собрал несколько авто. Ему далеко за восемьдесят, а он по-прежнему за рулём и ездит на рыбалку...

5. Яблони в цвету

Первая половина мая 2015-го. С Дмитрием Ивановичем сидим в его саду под старой яблоней. Он неподвижен, как сфинкс – на скамеечке, я – на табурете сбоку. Мы знакомы с ним более сорока лет. Столько же лет и яблоне. Её старые сучья прошлой осенью были удалены, весна это заметила и набросила на нашу яблоню нарядную бело-розовую шаль.

Дмитрий Иванович, делясь воспоминаниями – это даже диалогом не назовёшь – сам себе рассказывает то, что ему интересно, и смотрит на точку впереди, на траве, метрах в трёх. Делает паузы, пережевывает губами, перебирает в памяти. Мне тоже спешить некуда. Иногда задаю вопросы, слышит он не все.

За время наших встреч Дмитрий Иванович три-четыре раза заводил разговор о немецких пленных, с которыми ему довелось работать в юности. Не помню, с чего начали в тот майский день. Возможно, с воспоминаний о его учёбе в школе ФЗО. Да, скорее всего... А впрочем, может, то был День Победы?..

– Были там словаки, румыны, те рыжие, а в основном, – немцы. Жалко их очень, сильно голодали. А с другой стороны, кому тогда было сладко, все недоедали.

– А среди них были подростки, пожилые?

– Нет. Только зрелые мужчины.

– Кто они как люди? – Вижу, что вопрос Дмитрию Ивановичу не до конца понятен, спросил иначе: – Что можешь сказать об их человеческих качествах?

Он, глядя на выбеленный ствол старой яблони, пожевал губами и ответил тихо:

– Ну и вопрос же ты мне задал... – Сделал большую паузу. – Вспоминаю их только добрым словом. Они ж не виноваты. А потом, мы не воевали, мы работали, одно дело делали... Что ж теперь всю жизнь и им, и нам с камнем за пазухой жить?

Перевёл взгляд на яблоневый цвет, где копошились пчёлы.

– Яблоню помнишь? А ведь ей столько же лет, сколько мы с тобой знаем друг друга... И до тебя я столько же прожил... Более сорока... Что сказать-то хочу. – Думает. – Хоть и побросало нас в те времена государство наше по огромной нашей стране, мы не чувствовали себя несвободными. А знаешь почему? – Помолчал. – С юношеских лет усвоил, что свобода – это осознанная необходимость. Так Энгельс, их земляк, сказал. Вот и получалось, коли так надо твоей Родине, не огорчайся, потерпи, не вбивай себе в голову, что ты какой-то там раб подневольный. – Помолчал. – Трудно, но так надо было. Родина, она ж всем нам мать.

ЧАСТЬ Ш. ГДЕ-ТО ПЕЧАЛЬ, А ГДЕ-ТО УЛЫБКА

Мышка

Изрытый под новостройку пустырь залило талой водой. Над этой громадной лужей, заставляя её трепетать, с завыванием пролетал мартовский ветер.

Прижимаясь к ограждению детского сада, Малыш аккуратно переступал по выпуклым ледяным следам прохожих, стараясь не соскользнуть в холодную воду. Вдруг он увидел на разбухшем куске снега серую Мышку.

Малыш наклонился и осторожно взял её за загривок. В тот же миг Мышка вывернулась и укусила его. Остренько так, неожиданно, совсем не больно, но на подушечке пальца выступили алые капельки крови.

И подумать не успев, Малыш зашвырнул Мышку далеко в разлившуюся лужу, увидел, как та всплыла и, заработав лапками, поспешила в сумеречное никуда...

«Н-да-а-а...» – скривив губы, прошептал майор, потушил сигарету, прошёл в вагон и, широко улыбаясь, распахнул дверь в своё купе.

Скорый на Бухарест

Наливался тучами закат, / Перестройку начали с рассвета...

Из магазина, расположенного на окраине микрорайона, вышел дядя Ваня. В руке – любимая сумочка, сшитая из болоньи. Ступал он медленно, как бы приставными шагами, по сторонам не смотрел, больше

– под ноги. Проходя мимо мусорных контейнеров, услышал хруст, повернул голову и увидел за контейнером бледного человека неопределённого пола с включенной головой. Губы и подбородок его были залеплены пищевыми отбросами: то ли рыбой, то ли творогом, в руке он держал куриную косточку, покрутил, разглядывая, и отгрыз второй хрящик. Дядя Ваня нахмурился, поджал губы и засопел. Минуту спустя свернул к очередному кварталу и направился к типовой четырёхэтажке. Вошёл в обычный подъезд, в котором стены и запах тоже были обычные. Проходя мимо почтовых ящиков, сунул мизинец в отверстие одного из них – нет ли почты. На четвёртый этаж поднялся с трудом. Достал ключи, открыл дверь и, пошаркав у порога, зашёл.

В крошечной прихожей, упираясь в пятки, снял старые кеды. На кухне бросил на стол кошелёк, выложил покупки: полбуханки чёрного, бутылку молока и банку консервов. Привёл себя в порядок и вернулся на кухню. Нарезал хлеб, открыл консервы и присел у окна. Ел из банки, хлеб посыпал солью и запивал молоком. Остатки убрал в пустой холодильник.

Прихватил кулёк с семечками, чашку и прошёл в комнату. В комнате включил старенький телевизор и уселся на диван. Брал семечки из кулёка, расщеплял, шелуху бросал в чашку, семечки – в рот и не спеша пережёвывал. Показывали выступление группы «Наутилус помпилиус»: что-то про гороховые зёрна. Подошёл к телевизору, взял с угла тумбы пассатижи и переключил канал. Посмотрев, как работают со зрителем «напёрсточники», переключил на другой. Показывали экранизацию новеллы О’Генри «Фараон и хорал».

Дядя Ваня вернулся на диван. Смотрел недолго – собственные размышления подняли и направили к книжной секции. На полке нашёл томик О’Генри, развернул, нашёл новеллу, начал читать, перешёл на диван, прочитав, вернул книгу на полку. Задумался, подошёл к окну, за окном – ночь. Постоял, вернулся на диван. Мысли на его лице не отражали эмоций, но покоя они ему не давали. Встал, подошёл к серванту, поднял трубку телефона – тишина... Положил на место. В голове его зрел план.

Дядя Ваня принёс из второй комнаты кожаный портфель с двумя застёжками. Подошёл к серванту и принялся выдвигать ящички, копаться, а что нужно, выкладывать на стол. На столе оказались паспорт, партбилет, грамоты, фотографии, вымпелы со значками, орден «Знак Почёта», комплект ключей. Долго всматривался в пожелтевшую фотографию. На ней – мужчина в будёновке и женщина. Мужчина держал младенца, завернутого в одеяло. Дядя Ваня захлюпал носом.

Всё, что было на столе, переложил в портфель, сел и начал писать письмо. Ключи и письмо положил в конверт, запечатал и убрал в портфель. Вышел, запер дверь и спустился на второй этаж. Подошёл к

двери квартиры, где жила бывшая одноклассница, позвонил. Послышалось шлёпанье тапочек.

– Кто там?

– Света, это – Ваня с четвёртого, – глядя под ноги, ответил дядя Ваня.

Дверь открылась, и на площадку вышла Света.

– Здравствуй, Иван. – Оглянулась и зачистила, чуть шепелявя: – Извини, мои такой бардак устроили. Давай здесь поговорим.

– Здравствуй, Света. Вот какое дело: уезжаю на неделю, может, на две. Пригласил друг один. – Кивнул на портфель. – Здесь мелочь разная, в конверте – на всякий случай письмо и ключи. Юра, может, заедет. Часть их сократили, самих бросили. Передашь?

– Конечно! Давай... Далеко едешь?

– Да нет. Завтра к обеду буду на месте. Пойду собираться.

– Счастливого пути, Вань.

***

Дяде Ване не спалось, он вздыхал, ворочался, как только рассвело, встал и вышел из комнаты. Вернулся, запихнул постель в шкаф. Глядя на двор родной до боли, выполнил пару простеньких упражнений, сделал глубокий вдох, наклонился и замер... осторожно выпрямился.

В ванной комнате поводил бритвой по щекам, в глаза старался не смотреть. Прошёл на кухню, заглянул в кошелек, вздохнул и швырнул в мусорное ведро. Достал из холодильника остатки ужина. Пожевал, поморщился, пустую бутылку поставил под раковину.

Во второй комнате взял из шкафа новые ботинки с ремешком на щиколотке. В прихожей с помощью длинной ложки обулся. Не получалось завязать шнурки. Выдвинул скамеечку, сел и, изворачиваясь, на боку, кряхтя и отдуваясь, втиснул веревочки негнушимися пальцами между носками и чёрной кожей. Отдышался, попробовал встать – не получилось. Развернулся спиной вверх и осторожно поднялся, упираясь в скамеечку, затем – в стену.

Ещё раз прокрутил в голове свой план: «На вокзале подойду к ментам, мол, отстал от поезда. Спрошу, когда ближайший скорый на Бухарест? А они – о-о-о! У старика крыша поехала. Спросят: Ты кто? А я им: Ничего не помню, сынки. – Усмехнулся довольный. – И накормят, и спать уложат, и витрины бить не надо, всего-то и делов».

Вышел, запер дверь и начал спускаться, делая остановки на каждой ступеньке. Повернув в очередной раз, увидел ниже на один пролёт Свету. Она ждала, когда он освободит лестницу.

– Доброе утро, Ваня. Ты ещё не уехал?

– Доброе утро. Вот в аптеку сбегаю.

Здесь пластмассовая лента перил заканчивалась завитком. За железную полоску, которую она обхватывала, рука зацепиться не успела. Дядя Ваня, чувствуя, что теряет равновесие, и, видя только широко раскрытые глаза, сел и съехал к ногам Светы.

– Старичок ты мой. – Света по кругу обошла его и отряхнула. – Вань, ты вчера смотрел выступление президента? Помнишь, он...

Дядя Ваня отрицательно помотал головой и, задыхаясь, вышел во двор.

На скамеечке, подперев голову тростью, сидел сосед. На лацкане – значок «Ветеран ВОВ».

– Здорово, Иван Денисович. Куда это ты собрался? Смотрю, ботинки у тебя лёгчишкие.

– Здорово, Николай Алексеевич. В аптеку. – Дядя Ваня присел рядом, постучал ботинками. – Юра подарил.

– Так и не нашёл Наташину трость?.. Может, среди могилкок поставил, когда на сорок дней ходили? Возьми мою. Я часок ещё посижу.

Дядя Ваня отрицательно помотал головой. Сосед, поглядывая на прохожих, перешёл к любимой теме о единстве армии и народа:

– Да-а! Вся страна в камуфляже: и бомжи, и торгаши, и дачники, и пенсионеры, и молдаване, – поделился он результатами наблюдений и, как водится за стариками, вспомнил свои времена:

– А бывало, офицер... погоны-то на нём золотые, шинелька талию и спинку поддерживает, сапоги сияют или брючки наглажены так, что обрежешься. А женщина рядом, – сосед поиграл плечами, – такая вся гордая вышагивает.

Дядя Ваня встал.

– Я тебе лучше анекдот расскажу, что Юрка в прошлый раз привёз. Ты ж техником был?

Сосед кивнул и открыл рот.

– Ну вот: «Армии НАТО без войны оккупировали Россию. По аэродромам слоняются летуны и технари. Что с ними делать? Америкосы решили спросить у замполита. Тот предложил отрезать воротники и зашить карманы – сами вымрут».

Сосед засмеялся, закашлял. Дядя Ваня похлопал его по спине и направился в сторону бульвара.

***

Брёл он медленно, своим стилем. Идти было не то чтоб легко, скажем, не трудно. Да, покачивает. Да, ноги заплетаются, и шнурки болтаются. Неожиданно дядя Ваня заметил и понял, почему его обходят, сторонятся. Как вести себя, решить не успел: его внимание отвлекло ощущение жжения в середине груди, за косточкой. Подошёл, загребая ботинками, к скамейке. Удивился, что успел оценить её как последнее

ложе, усмехнулся, мол, всё пройдет. Постарался дышать ровно, глубоко, как вдруг вовнутрь хлынул поток расплавленного свинца. Дядя Ваня подскочил, рванулся вперед и упал на скамейку. Правая рука оказалась под ним, колени на асфальте, голова вблизи урны, дышать стало тяжело, окружающее виделось в тумане и только на уровне пояса.

За этим наблюдала из своего окна приболевшая третьеклассница Юля, откусывая понемножку от булочки и запивая молоком. Юля быстро поставила чашечку на подоконник, сверху – булочку. Побежала в комнату, схватила трубку телефона, набрала номер и стала ждать, переступая и приседая.

– Мамуля! Здесь дядя... Нет, он на скамеечке... Не перебивай, послушай! Старенький, он заболел и упал на скамейку... Нет, они на работу спешат... Мамуля, позвони скорой помощи... Позавтракала.

Встревоженная, но довольная Юля вернулась на свой пост.

Дядя Ваня лежал в той же позе. У левого колена набежала лужа. Послышался звук стеклянной бутылки, извлекаемой из урны. Тень прошла мимо, и кто-то присел у его ног. Через минуту этот кто-то снял с него ботинки и ушел.

Остановилась парочка.

– Владик, может, помощь нужна?

– Ну что ты, ему так хорошо, смотри, даже в штаны надул. – Парень хохотнул. – Ну его, алкаша, пачкаться.

– Дурак ты.

Мимо пробежали мальчишки. Прилетел окурок, ударился об урну, отскочил и, оставив пепельный штрих на переносице дяди Вани, упал рядом. Вслед донесся дружный смех.

Прошуршав, остановилась машина скорой помощи. Вышли два белых халата:

– Поднимайся, батя! Что ж ты с утра так надрался!

Медбрatья подняли дядю Ваню за плечи и усадили на скамейку, тот тихо застал и прошептал:

– В Бухарест надо... в дом престарелых... в больницу. – И добавил, чуть ли не плача: – Я ж ничего не помню.

– Стоять можешь? – прокричал один из братьев в самое ухо.

Дядя Ваня кивнул. Медбрatья подхватили его под руки и поставили на ноги. Видно стало, что брюки у старика были мокрые от гульфика до левого колена. Белые халаты пристроились по бокам.

– Ну, ступай, отец!

Через пару мучительных шагов дядю Ваню качнуло вправо, ушел вправо белый халат, качнуло влево, ушел левый. Старика потянуло вверх, его босые ноги забились в ритме ирландского танца. Как дерево, потерявшее корни, он начал крениться, повернулся затылком к земле, ещё

мгновение, и его голова с размаху ударилась об асфальт. Прохожие на глухой треск кто обернулся, кто поднял взор, а те, кто не успел отвести глаза, могли видеть, как ноги в серых носках, замедляя танец, успокоились.

В окне, как ящерица на солнышке, замерла Юля, прижавшись к стеклу щекой и ладошками. В глазах – боль, на губах – крик...

Медбратья, не сговариваясь и не встречаясь взглядами, потянули носилки из кареты с таким недавно желанным «Скорая помощь» на борту.

Звёздочка упала

Тусклый багровый полумрак колеблющейся свечи в холодной квартире. В углу – ёлочка, с трудом добытая, когда был мир. Не успев быть наряженной к Новому году, к «Старому» стала лишней и уже осыпалась. Пулевые отверстия в стекле, через которые влетела беда, залеплены пластырем. Близких выстрелов не слышно, но выходить на улицу по-прежнему боязно.

«Не уходи, мама...», – прошептал мальчик...

Одинокая молодая женщина не считала долгих минут, беспомощно застыв среди ночи в немом оцепении, затем закрыла глаза сыну, вышла на площадку, скоро вернулась с пожилой соседкой-чеченкой и по её подсказкам начала исполнять древний обряд. Застонала, вспомнив своего малыша с игрушками в густой душистой пене и пузырьках, сжалась, охнула и вполголоса завывала. Слезы, которые переполняли глаза и закрывали взор, до этого чудом удерживали длинные ресницы, и эти слёзы вырвались наружу. Соседка молча опустила руки ей на плечи, развернула, подвела и усадила на диван, взяла влажное застиранное полотенце со следами бурых пятен, но тут же отложила в сторону, сходила на кухню и принесла капельки. Обнявшись, потихоньку заплакали обе, раскачиваясь...

За многие сотни километров той же ночью от деревни по заснеженной дороге брели двое с собачкой. Тому, кто повыше, студенту Сашке, недавно исполнилось двадцать, и по выходным он приезжает к деду на охоту. На опушке, на перекрёстке дороги с просекой, они остановились и, стряхнув с лыж сухой снег, приступили к сборке снаряжения. Разгребая под собой наст, закружилась рядом пегая собачка, готовясь свернуться калачиком и спрятать под себя подушечки набитых лап. Небосвод позади этой компании родственных душ заметно посветлел, приобретая бирюзовый оттенок. Стоя на коленках спиной к

нему, Сашка выполнял руками привычные движения, при этом изредка, хлюпая носом, поднимал голову и поглядывал на подкладку утра: ясную звёздную ночь, где неожиданно появилась большая яркая звезда и стала медленно перемещаться вдоль горизонта, оставляя за собой широкий, быстро гаснущий след. В какой-то миг Сашке показалось, что он уловил в мерцающем морозном воздухе слабый шорох. Завороженный увиденным, он, не оборачиваясь, толкнул деда локтем, показывая рукой, куда надо смотреть. Из-за плеча бархатным шёпотом отозвалось:

– Да-а-а!... Погасла, однако...

Подарок небес

Аристотель путем жизненных наблюдений установил, что «мысль становится живее, когда тело разогрето прогулкой», и сделал вывод: «Хочешь быть умным – бегай», затем применил его к категориям «сильный», «счастливый» и прочее и, обращаясь к потомкам, оубликовал на скале.

Ну что ж, я побежал... Сегодня выходной. Дождь ли снег, пробежки для меня превратились в физиологическую потребность. Бегу по тропинке к темнеющему в сумерках лесу. Приходят первые мысли. Они о том, что сегодняшнее время и дата складываются из одних только единиц и девяток. Увы, выходит, недостаточно разогрелся.

Осмотрелся вокруг и в очередной раз вспомнил, как по воле Михаила Зошенко страдал молодой Вертер, и закрутилось в пустой ещё голове с поправкой на окружающий мир: «Зимняя природа разворачивается передо мной. Пожелтевшая трава под тонким слоем выпавшего снега. Желтые листья на дороге. Чухонское небо...» И не чухонское вовсе, но и не русское. И вовсе не листья... Впереди на тропе лежит что-то тёмное. Издали никак не пойму – картинка на бегу пляшет.

Подбежал, остановился. На вид камень размером с полбуханки чёрного. Вокруг на полметра мокро. Кто-то не утерпел и избавился от лишней жидкости? Но камень-то сухой! На мой взгляд, не логично. Наклонился – жар! Взял сухой стебелёк и потыкал в камень, стебелёк задымил и обуглился! Первый вывод – будет мешать прохожим, надо убрать с тропинки. Толкнул. Нехотя, кувыркаясь, камень скатился по припорошенной траве с бугорка, оставляя за собой клубы пара. Ого! Второй вывод (мысли стали оживать): мне чудовищно повезло – это метеорит! Третий вывод – спрятать, чтобы забрать на обратном пути. Пнул, ещё и ещё, пока не закатил в ёлочки.

Прибыл в конечную точку маршрута, развернулся и побежал назад. Добежал до мокрого круга и свернул с тропы в ёлочки. Камень за сорок

минут остыл и показался умеренно горячим. Снял шапочку, уложил в неё, вернулся на тропу и огляделся. Следов, указывающих на то, с какой стороны прикатил метеорит, не нашёл. Наверное, небесное тело лопнуло в плотной атмосфере, и его осколок, не слишком разогнавшись, шлёпнулся на землю. Или от более крупного откололся при ударе.

Согревая находкой руки, прибежал домой. Не откладывая, решил поделиться нечаянной радостью с женой. Она пребывала в сонной неге, но не спала и открыла глаза. Протянул шапочку, предложил потрогать и угадать, что внутри. Нет, не пожелала, только спросила, сладко зевая:

– Ё-о-ожик?

– Все ёжики зимой спят! И во сне они не летают. Ну-у?

– Говори уж, мучитель.

– Метеорит!

– Чему радуешься? Отнеси на лоджию, а завтра возьми с собой на работу и проверь на вредность...

За завтраком рассказал о находке дочери и гордо добавил:

– Кто рано встаёт, тому Бог даёт!

Ответ был неожиданным и далеко не романтичным:

– Ты немножко опоздал. Если бы встал пораньше, то получил бы бесценный подарок прямо в шапочку. Правда, вопрос... нет, даже два: смог бы ты тогда поделиться своей радостью, и где бы мы тебя искали?..

Очередные мысли

В котором часу открывается кабинет, вспомнить не смог, пришёл пораньше – в коридоре трое. Занимаю очередь. Дама тут же добавляет:

– За мной ещё четверо.

Настроение пошло на убыль, не сдержался:

– Так всегда: спешить на работу... Лучше бы Вы сказали, что они впереди. – Тут же перехватил осуждающий взгляд с другой стороны.

– Почему мужчины считают, что только они работают?

– Извините, был не прав. Сразу понял, что придётся выслушать, напросился... А в котором часу начинается приём?

– Задерживается. Говорят, что в девять-тридцать. Ещё целый час.

Настроение во второй раз потеряло в весе. Минуты не прошло, как к кабинету подошёл врач, открыл, зашёл, немного погодя выглянул:

– Заходите по очереди.

Настроение заняло положение на ступеньку выше. Вскоре подошла одна из тех четырёх запасных игроков и заговорила с дамой, что была

передо мной. Услышал привычное: «За нами заняли?», успел под коротким взглядом показать безразличие, и вдруг:

– Может, пропустим мужчину?

– Давайте. Следующий автобус не скоро, какая разница, где сидеть.

День только начинается, а здесь две радости: приём начался вовремя, и в очереди я не восьмой, а третий. Всё, что могу – это выразить благодарность тем, кто проявил царское великодушие:

– Милые дамы! Спасибо! – сказал, а сам чувствую, что-то здесь не так. Понимаю, что настроение моё не стало бы лучше, если бы оно не было перед этим испорчено...

Женщина, что напротив, будто услышав, улыбнулась и заметила:

– Просто сидеть в очереди – пустая трата времени, куда полезнее поразмышлять, например: и света не будет, если б не было темноты. Однако, мысль наша в любом изложении стара, как древние пирамиды...

Здесь на себя обратила внимание молчавшая до сих пор соседка слева. Видом своим она напоминала тех строгих женщин шестидесятых, что пережили блокаду, прошли лагеря и далёкие стройки, или на тех одиноких вдов, что так и не дождались любимых с фронта. Возможно, как и те, в большинстве своём ушедшие, тоже курит «Беломор». Заговорила она мягким баритоном:

– Наблюдаю за вами, как буднично всё начиналось и как интересно обернулось! Я – преподаватель политэкономии, сейчас на пенсии. То, о чём вы говорите, на практике – часто бывает, что умышленно – приобретает извращённую форму: кто-то намеренно посеет хаос, укажет на виновного, затем вернёт нас в исходное состояние, и нам покажется, что стало лучше. Мы будем ему благодарны и, как следствие, преданы. Понимаете?

– Выходит, кто-то может целенаправленно сеять смуту?

– Вот именно! Грязная политика ведёт к конфликтам, переворотам, диктатуре. А надо не топтаться, не приседать, не скакать, надо идти вперёд. Не лишним здесь будет вспомнить один философский закон, закон возвышения потребностей. Кратко: человеку свойственно не останавливаться на достигнутом. Если разумно определять цели и критерии, то можно управлять прогрессивным движением. А потребности, порождающие цели, могут быть как духовные, так и материальные.

– И кто же автор этого закона?

– Закон был опубликован в 1893 году в работе «По поводу так называемого вопроса о рынках». Автор – Ульянов-Ленин. Сегодня он не в почёте... Увы, нет пророка в нашем отечестве...

Вышел, иду к остановке, настроение... вроде бы хорошее. Думаю, что психотерапевты пользуются подобными способами поднимать тонус

клиента: слегка испортить, затем поправить. Выходит, со мной был проведен лечебный сеанс? Совсем неплохо! А хорошо бы пройти бесплатно сеанс иглоукальвания, сеанс массажа... Нет! Только не это: про вкусный сыр в мышеловке знают все!.. Но если быть честным перед собою, точат мысли не об этом, а о том, что избави нас Бог попасть в колесо зловещих технологий, иначе останется нам, в лучшем случае, топтаться на месте до скончания века.

Гастарбайтеры

Двухтысячные. Осень. Колхозное поле, которое в ту войну на картах было обозначено нейтральной полосой. По полю, по скошенной стерне брели мужчина лет сорока, руководитель поисковой команды, и две старушки в одинаковых платочках.

– Нам-то лет по десять было. В ту осень неделю здесь грохотало. Немцы были там, – показала одна из них, – а наши – там, – засмеялась, – а мы в погребе. – Вздохнула. – Как-то ночью стихло, а утром появились немцы. Но не задержались, пошли наших догонять. А зимой всё в обратную. – Покачала головой. – Ох! К апрелю проталины землю как открыли... Ба-агюшки!.. И увидели мы много убитых. А ближе к маю на поле уж и не выйдешь, а если ветер на село, то и в доме не усидишь. – Губы собрала. – Запах страшный. А нам пахать да сеять пора. Вот наши бабушки, дедушки и матери вышли на поле и стали несчастных тех собирать и хоронить в воронках. И мы с ними...

– Немцев отдельно, наших отдельно? – перебил поисковик.

– Да нет, милый. Тогда не разбирали. Помню, кто покрепче, тот брал его на вилы и – в телегу. Он чёрный, весь колышется. Телегу наполним и везём к другой воронке. Старались, чтоб могилки рядом получались. Торопились мы. Одежду свою долго не могли выветрить. Вот так-то, товарищ дорогой. – Помолчала, повздыхала, добавила: – Какие-то записки про те воронки дед Сергей делал, колышки на меже ставил, охранял, а куда всё подевались, уж и не помнит никто. – Покрутила головой. – Где-то там, сынок, – показала бабуля.

***

Прошло несколько лет. На бывшем колхозном поле вырос коттеджный посёлок. Во дворе одного из участков, за двухметровым забором гастарбайтеры выкапывали котлован. Хозяин наверху, у кромки, уточнял с бригадиром план работ.

– Перестал я наших приглашать. Ленивые, а после обеда... Как там у Расторгуева поётся? Вечно пьяные?

– «Там за туманами, вечными, пьяными», – поправил бригадир и кивнул, соглашаясь. – И мне с ними легче работать. Знают, что от них требуется и что им самим нужно.

В котловане возникла заминка. Оба узбека – видны только спины – закопошились у основания одной стенки. Бригадир поставил ногу на край.

– Что там, Авлод?

– Железка, начальник, – Авлод запыхтел и потянул на себя косо торчащий вдоль стенки ржавый стержень, выдернул, упал, встал задумчивый, держа железку перед собой.

– Э-э... Так это ж трёхлинейка, – догадался бригадир. – А осталось: затвор, скоба и ствол... А там что? – бригадир указал на тёмный предмет в конце и чуть ниже борозды, оставшейся от железки. Ислон нагнулся и начал обходить предмет вокруг лопатой. – Э-э-э! Ты потише, – предупредил бригадир, – а то рванёт ещё.

– Не-е-а! Сапог, начальник. Солдат, наверное. Надо откопать.

– Да брось ты!

– Мой дедушка зимой в сорок первом был здесь. Убили без вести... Может, он... Принеси пакет, брат. Это будет твоя и моя вечная память.

Хозяин ушёл. В яме гастарбайтеры негромко переговаривались на своём:

– До захода солнца похороним по всем правилам.

– Смотри, Хаджи-Ислон, кость второй ноги перебита. Потому и сапога нет...

– Каска, а в ней... Теперь ты упокоишься, бесстрашный воин.

Вернулся хозяин с пакетом из-под цемента. Ислон, не глядя, протянул руку к тем, кто наверху. – Дай. – Хозяин сунул пакет вниз. Ислон увидел, побагровел. – Ты что!?! Смотри, грязный совсем!

– Да он будет почище твоего супового набора, – полагая, что с юмором, отпарировал бригадир. Ислон и Авлод, не сговариваясь, встали, выпрямились.

– Твой дедушка лучше внука был, – с горечью произнёс Авлод. Снял рубашку, расстелил на дне ямы. Оба узбека, бормоча, начали, отряхивая, складывать останки. Бригадир поблел.

– Простите, мужики. Сдуру ляпнул, не подумал... ну, сорвалось... Ей Богу, виноват. Простите.

– Это же наш с тобой воин! Нельзя с ним так... Ладно, брат, но ты думай потом.

Хозяин сходил в сараюшку, принёс Авлоду футболку. Авлод упруго выбросил смуглое, мускулистое тело из котлована, надел футболку, нагнулся, принял аккуратно свёрток у Ислон, отнёс в угол участка и положил в тени на молодую траву. Вернулся, спрыгнул в яму, и гастарбайтеры продолжили старательно углублять котлован, а немного погодя тихонечко запели на своём.

Разговор между хозяином и бригадиром не клеился. Сидели на корточках у края котлована, курили, слушали. Мелодия показалась им знакомой, похожей на «Журавли» Расула Гамзатова. Переглянулись – а вроде она и есть...

Механики

В гараже – дед, мой тесть, настраивает трамблёр. Максимка, мой племянник – ему годика четыре – крутится рядом, постукивает молоточком по железкам: он весь в рабочем процессе, тоже мастерит.

– Деда, а ты, когда умрёшь, дашь мне этот молоток?

– Угу... Обязательно... Можешь всё забрать...

– И машину?

– И машину, и бабушку.

– Ладно, оставайся с нами: будешь мне помогать машину ремонтировать.

Всё в шоколаде

За рулем самодельного авто – дед, позади – тележка с сеном. Въезжаем в посёлок, где деда все уважают. Он гордо ладошкой отвечает на приветствия. Очередной грузовичок попадает колесом в выбоину, порция жижи влетает в форточку и, минуя ту ладошку, покрывает его лицо шоколадной глазурью.

– Грязь – не сало: потёр, и отстало! Да, Алексеич? – как всегда, поражает рассудительностью дед.

После свадьбы

Открыл глаза – черно... Головой – бум! Слева – доска... и справа... Грудь сдавило, дышать нечем... Галстук... костюм... а на животе?.. Цветы!? Пошевелил пальцами ног – тапочки!.. Похоронили! Заживо! Набрал воздуха и что было сил:

– Помогите!.. Эй! Кто-нибудь! – загрохотал кулаками по упаковке.

А сверху ему ангел голосом любимой жены:

– Спи!.. В такой день!.. И чего под кровать забрался, урод?..

Это только цветочки

Канун Дня знаний. Утром в отделе никто не вспомнил о грядущем, тем более что завтра, в субботу, объявлен рабочий день. Вошла Наталья – ее рабочее место в соседней комнате – и сообщила подругам, чьи пальчики с шорохом скользят по клавиатуре, а глаза неотрывно смотрят на экраны мониторов, важное обстоятельство:

– В ларьке у входа в супермаркет продают классные цветы: розы, герберы, всё свежее и по невысокой цене!

Через пять минут женщины умело создали паузу в работе, прихватили сумочки и выбежали на волю. Вернулись быстро с красиво убранными букетами цветов. Задача – поставить букеты в воду, не нарушая упаковок. Полазив по шкафам, решили, что лучше, чем пластиковая бутылка, ничего не найти. А войдет ли основание букета в бутылку? Подошёл, оценил толщину пучка в упаковке ниже перевязывающей ленточки и объявил:

– В обрезанную бутылочку войдет! – и занял себя поиском бутылки и ножа или ножниц, все равно.

Вернулась Наталья. В её руке была наполненная водой нижняя треть бутылки. Про себя отметил, что сам срезал бы только верхнюю часть. В целом, женскую логику воспринял положительно, причём без ущерба для своего самолюбия. Наталья подошла к столу, поставила импровизированную вазу, взяла букет, обрезала ножницами стебли, подняла вверх часть упаковки ниже перевязки, спо-о-окойно погрузила стебли в воду и опустила упаковку на вазу. Блеск!

– Наталья! У вас светлая голова! – отдал дань уважения её смекалке. – Сам бы с упаковкой вставлял, а вы так ловко: юбочку подняли.

– Это потому, что вы юбочку не носите! – обернулась и бросила торжествующий взгляд, мол, держи удар, самоуверенный представитель противоположного пола.

Сверчок

Слышны шаркающие шаги, вздохи и бормотание – по лестнице поднимался старик в ветхой тоге. На ступени, стены и потолок падали блики от фонаря, что он держал в руке. Башмаки старцу велики, потому он ими и шаркал, вдобавок голые пятки вылетали и выдавали его небрежное отношение к собственному существованию.

Старца звали Куратором. Он подошёл к двери, достал из-под полы ключ, открыл дверь, вошёл в помещение и поднял фонарь. Помещение

оказалось небольшой, мрачной, полутёмной галереей. Стены плотно, до самого потолка, покрывали картины. Все они имели скромные рамы одинакового размера, но в обрамлении каждой зияла пустота.

В центре галереи возвышалась небольшая конторка, на ней лежала книга. Куратор подошёл и поставил на угол конторки фонарь. Развернул книгу на закладке и прочитал последние записи, достал из столешницы перо, отметил несколько мест галочками, затем начал записывать. Перед каждой записью морщил нос, склонял голову и в нетерпении, подгоняя память, тихонько постукивал кулаком свободной руки по переносице. Записал, убрал перо, закрыл книгу.

Куратор вышел на середину и, поворачиваясь на месте, обвёл взглядом стены снизу доверху, откашлялся и повторил вращение, сопровождая громким, призывным окриком:

– Ну-у-у-у!?!..

Окрик отозвался гулким эхом. В нескольких местах в обрамлении появились свечения. Куратор достал из кармана пульт и обошёл галерею, манипулируя клавишами перед каждым свечением. Некоторые погасли. Осталось два: одно на уровне пояса, второе – наверху.

Куратор подошёл к нижнему и наклонился – в бледно-фиолетовом тумане подрагивал голографический образ. Куратор поморщился – в поле зрения бросилось родимое пятно на лбу. Образ испуганно посмотрел снизу вверх на Куратора, втянул голову в плечи, несколько раз моргнул и, не выдержав взгляда, закрыл глаза.

Куратор взял из угла стремянку и поставил у стены, где в верхнем ряду светился второй образ. Кряхтя, начал подниматься. Вдруг нога со второй ступеньки сорвалась, и он неуклюже упал, какое-то время не мог встать, вертелся, перебирая голыми ногами. Наконец, встал и продолжил подъём до уровня второго образа. В нише светился образ Лжедмитрия. На лице Куратора выразилось удовлетворение. Образ ответил улыбкой и подмигнул.

Куратор достал из кармана чёрный, блестящий предмет, похожий на маленькую, плоскую шкатулку, и вставил в приёмную щель на нижней раме. На шкатулке загорелась красная лампочка. Куратор повернулся к образу спиной и уселся на стремянке, сторбившись и обхватив голову руками... Спустя минуту лампочка поменяла цвет на зелёный, и раздался тонкий, протяжный писк. Куратор повернулся, раскачивая стремянку, встал и вынул шкатулку. В это же мгновение на столе, в противоположном от фонаря углу, со скрежетом выдвинулся раструб. Куратор спрятал шкатулку в карман и, напевая песенку, спустился, подошёл к столу и опустил шкатулку в раструб. Тот, издав скрежет, погрузился в отверстие в столе, которое тут же закрылось.

Куратор взял фонарь, осмотрел галерею, выключил первый образ и направился к выходу. На полпути остановился и встряхнул головой, затем поковырял пальцем в ухе. Ещё раз встряхнул и ещё раз поковырял...

***

Разомлел... Филя поднял голову и откинулся на спинку стула, на упругую изнанку тулупа. То, что рядом кто-то, слышал давно, но глаз не открывал. По голосам – две девки и парень. Прислушался... много чужих слов, похоже, заезжие литвины.

– Нет, девчонки, он не лох: без проблем «мерина» поставил под козырёк, и когда я за ним входил, швейцар и подмигнул, и с наступающим поздравил не меня.

– Вид, увы... Расшить бы галунами его дублёрочку ручной работы и валенки на сапоги сафьяновые поменять, чем не Стенька Разин!? Интересный мужчина: кудрявый, борода супер, усы чуть-чуть подправить... а лицо, рост, плечи – на зависть. Он тебя, Борюсик, шутя сломает.

– Да нет, Марина, с каратэ, думаю, не знаком. Помнится, в «Табакерке» его видел. Новая прима у Олега. Играл класс!.. Вспомнил! Кудинов Филипп... Тихо! – сейчас он на задании, пока в роли Штирлица. Подождём...

Филя открыл глаза. Кабак за пару часов, что он дремал, преобразился до неузнаваемости. Повертел головой, остановил взгляд на пришельцах. Парень гладко выбрит, глаза за стёклышками, смотрит с вызовом. А девки... чисто ряженые: на лице у одной морда лисы, вторая – намятая, колпак шутовской. Соседи замолчали, уставились...

– Здравия желаю вам, люди добрые. Меня, слышал, знаете, а сами откуда будете, не из Литвы ли? Как величать? Что празднуете?

– Меня Борисом. Это – Алиса... Это – Марина, супруга моя. Все – коренные. Ясное дело: Новый Год встречаем, – парень разлил по бокалам вино. – Предлагаю за знакомство...

Алиса оттянула за лисий нос маску и приподняла, открылось симпатичное личико, озорные глаза:

– За знакомство, Филя! Ваше здоровье!

– И вам того желаю... А пристяжные-то где?..

Иноземцы прыснули...

В это время от стены напротив загремело под сводами:

– Господа! Объявленный конкурс на лучший маскарадный костюм завершён, и наши доверенные объявили победителя, – говоривший указал толстым пальцем с печаткой на Филиппа. – Пожалуйте на сцену!

Тот, оказавшись в центре внимания, ничего толком не понимая, особенно, почему все «господа», подчинился и направился к сцене. Подвыпивший разбитной тип с улыбкой встретил его и развернул к залу:

– Если хотите получить суперприз, смартфон, с Вас причитается номер: песня или танец.

– Та-а-анец, та-а-анец! – потребовал зал.

Филиппу это понравилось:

– Уж я постараюсь, господин народ. Какое веселье без пляски? Только мне б колпак найти и бубен.

Колпак нашли быстро: взяли у Марины, за инструментом на парковку слетал барабанщик. Филипп снял валенки – на ногах остались серые чуньки – и развязал поясок. Наклонился, вздохматил голову, опустил руки и, потряхивая ими, расправил рукава. Надел колпак, сосредоточился и... закружился вихрем, понемногу добавляя стон из груди. Загремел бубен... и народ замер. Скоро, кто угадал ритм, начал прихлопывать, подхватили другие, и зал сошёл с ума, а на пяточке перед сценой завертелась карусель. Закончили, наградили аплодисментами, вручили блестящую шкатулку, а на пути к столику – бокал со жгучим напитком.

Теперь бы отдышаться. Алиса взяла подарок, достала из своей сумки такую же шкатулочку и стала что-то нажимать на крышечках. Когда подарок заурчал и тут же смолк, будто прихлопнули, вернула Филиппу:

– Спрячьте хорошенько. Где шаманить научились?

– Плясать-то? Так в плену у татар. За Степью город есть, по-нашему – город-тыква...

– Бахчисарай. Пушкин о нём писал, фонтан, арбузы...

– Не-е! С Пушкиным мы только до Шацка дошли. Меня-то в обоз назначили. Ратники на смерть бьются, едят одно толокно, по деревяням разбойничают. Мне ж – где рыбка вяленая, где солонинка. На Ногайской тропе обоз пленили, через полгода барин выкупил. Он всегда так, барин наш. – Филька хлопнул себя ладонью по лбу. – Вот балда, надо ж мерина глянуть!

– Стоит твой «мерин». Выходил я, смотрел, – остановил его Борис. – Расслабься: кругом видео, ЧОП... Не догоняю: кто ты? Станиславский отдыхает.

– Пушкинские мы, тут недалеко вотчина его, за Рублёвым.

– Да-а, такой карьере можно позавидовать: богема, дом на Рублевке, «мерин» тюнинговый... Не забудь, когда начнём разбегаться, поедем вместе: нам по пути. Маринка – за руль...

***

Ночь. Деревня. Снежок. У церковной оградки лошадка дремлет. В санях, завернувшись в овчины, спит Филипп. Раз – толчок! Ещё, ещё...

– Эй! Филя! Просыпайся. Добро, мороза нет. Куда ты пропал? Любишь один. Волков слышал? Шли за нашим поездом до самой околицы. Дальше – с нами, и боле не отставай! Гостицы-то не растерял?

Филипп перевернулся на бок, пошарил под овчинами:

– Всё тут, – встал, взбодрил мерина вожжами. – Помню иль приснилось: на Варварке в кабак заходил, в нём один литвин нагадал мне: «Там, где был ты вчера, не сыскать днём с огнём». Вот так-то, Васька.

Неожиданно под полой загудело.

– Ты, Филя, не закусываешь, вот кишка-то запела. На, хлебни! – и Васька протянул деревянную флягу с бражкой.

Филипп полез под полу, достал – шкатулка! Шустрый Васька, просунул голову и ахнул:

– Глянь, как сверчок светится, и писано вроде по-нашему... иль по-гречески: А-а-ли-и-са!

Филя быстро убрал, притих и огляделся по сторонам:

– Быгь чудесам, Васька: сказывали, какой-то новый год пришёл!

***

В сенях послышались осторожные шаги, и в избу вошла женщина с девочкой. Переступили порог, перекрестились и поклонились образам в Красном углу:

– Здравствуй, доченька. Храни тебя Бог.

– Здравствуйте, бабушка. Проходите. Водички или квасу с дороги? – Хозяйка, Алёна, жена Филиппа обрадовалась редкому событию, которому обычно сопутствуют новости. – По какой надобности в стороне нашей?

– Мы из Гавердова, что за Ясаковым, – ответила немолодая баба, развязывая платок. За руку она держала девочку лет семи, та оттягивала подол бабушкиной длинной юбки и прятала в нём веснушчатое лицо. – Вышли мы с Полюшкой на заре. Хорошо идтить летом: и в озере искупнулись, и землянички покушали... К полудню пожалело нас небушко: тучки набежали, так и шли мы в тенёчке и не устали вовсе. А послали нас люди добрые к Филиппу, сыну Кудина-бортника за спасением.

– В хлеву он чистит, сейчас позову. Как зовут-то Вас?.. А вы, тётя Даша, пока отдохните с Полюшкой.

Алёна выбежала в сени, скрипнули ступеньки, из маленького оконца, распахнутого в сад, послышалось: «Фи-иля! Фи-иля!». Минутки три прошло, вернулась, вытирая передником куриные яички:

– Приберётся и будет, – подошла к люльке, подвязанной к поперечине, заглянула под полог, улыбнулась, покачала, – а я пока младшенького перепеленаю и покормлю...

Филипп поплескался, пофыркал над бочкой и вошёл в дом. У порога потёрся лицом о висевшее полотенце, причёсаясь пятернёй, поздоровался и у входа на кухню присел, прислонившись спиной к печи. Давая гостям время подготовиться, заговорил с Алёной:

– Старики-то наши с детишками припозднились. Пора бы. Верно, ягоды не дотачить, по коробу набрали... А вас, тётя Даша, что в гости к нам привело?

– Ох, беда-а-а! Вот Полошка наша, – притянула к себе девочку, обняла, прижалась щекою, – как родилась, заговорила-то ко времени, а сегодня, почитай, годика три как молчит и не растёт. Что за порча такая? А ты, Филипп Кудинович, не прост, бывал в странах дальних, чудеса видел, поди, знаешь много. Прогони беду или подскази, как избавиться. Век молиться за тебя будем, – баба поджала губы и затряслась, не пряча лица и не вытирая слёз.

Филипп растерялся: до этого дня не было к нему ходовок. Чудаковатым слыл – верно, а за этим в гости не ходят: на работах да по праздникам встреч хватает. Правда, есть у него одна забава – сверчок. Дела того похожи на чудо, но не поддаются пониманию, и в Писании нет схожего, потому-то его Филя чудом не считал. Скорее, то – промысел Божий, и Филя сделал вывод: никто в округе не знает о делах этих, значит, и рассказать не мог.

Филя уловил над головой лёгкое жужжание, обошёл печь, ухватился за отполированную ладонями предков перекладину, встал на ступенечку, подтянулся и достал из старого мятого валенка сверчка. Заметил встревоженный взгляд жены, насупился, опустил на пол и ответил странице:

– Никого в округе нашей Господь не наградил такой силой, чтоб Его творения исправлять. Была б то рана на теле либо на кости... – и Филя, поколебавшись, нажал на кнопку...

***

– Привет! Соскучился? Я – очень! Филипп, мы как договаривались? Ничему не удивляться и по сторонам не глазеть. Бери с других пример. Руки можешь в карманы сунуть. Не переживай, выглядишь прекрасно. Замечаешь, на тебя некоторые дамы внимание обращают, – засмеялась: – Завидуют, а мне приятно!

– Алиса, бывает, что скучаю сильно. Могу ли сам приходиться?

– Скорее – нет. Как с тобой получается, я не знаю, не владею. И к тебе не могу. Я ничего не могу. Не хозяйка судьбы. Он сам всё сделал: тот, кто со мною во сне разговаривает. Не пугает больше, привыкла. И тебя не должно пугать: вернёшься таким, каким был, когда сверчка погладил. На то же место и в тот же миг. Никто не заметит.

– Летаю, ни времени, ни ветра не чую... В сказочном мире живёте. Говоришь, земля эта тоже наша? Не слышал. Кремль ваш видел, похож, однако поменьше будет. А река, поворот, всё, как в белокаменной.

– Филипп – мне, дурёхе, когда ещё надо было спросить – на Руси кто сегодня правит?

– Молимся мы за царствование, благоденствие и долгие лета Ивана Васильевича. Известно: у сильного царя врагов много, из-за того опасается народ, как призовет его Господь, начнётся...

– Смутное время...

– Верно: и смутное, и мутное. Полезут дружины иноземные, казачки, людишки лихие, шайки разбойные, не разберёшь потом, где кто. Народ озлит, и свои хуже чужих станут....

– Филечка, народ ваш оправится. А наш мир, похоже, только катастрофа образумит. Голос потому и сказал, что Ему нужен чистый человек. Так надо, сказал и выбрал тебя. Ещё сказал, что ты станешь мне мужем... не насовсем... Успокойся, перед тобой уж нет трудных задач, всё позади, ты свободен... Сын у меня будет, его Он ждёт... Филипп! – схватила за плечи, потрясла, поймала блуждающий взгляд: – Алёна об этом никогда не узнает. А может, Он сделает так, что ты забудешь всё... Ну, не знаю я...

***

– Убери его, спрячь с глаз моих, а то ненароком пришлёпну, – здесь Алёна вспомнила, что в избе они не одни, и стала ласковой. – Ты после него, будто столбняком пораженный, будто не ведаешь, где сам. Вот и сейчас онемел. Эх, беда мне с тобою, соколик ты мой, – и протянула руку к его лицу, но, заметив встречный взгляд, опустила.

Филипп покачал головой и вернулся на место у печи. Повздыхал, из-под бровей осмотрел горницу, остановил взгляд на тёте Даше и вспомнил начатый разговор. Подошёл к девочке, погладил по головке, чувствуя ладонью под белым платочком живую плоть.

– Не смогу я помочь, но подскажу. Печалить нельзя, с соседскими ребятишками играть надо много. И не в пряталки, а там, где весело и крику больше. Всюду с собой берите и на работы какие и разговаривайте. А там, где совет нужен, как у ровни, спрашивайте. Она всё слышит, а как захочет, заговорит.

– А сверчок ничего не подскажет? И про него люди добрые сказывали, – тётя Даша уголком косынки вытерла нос, искоса поглядывая на руку Филиппа.

– Какой же это сверчок? Это шкатулка и пустая она вовсе! – в подтверждение слов Филя разжал кулак. – Эх, кабы до греха не довела молва ваша. Прилепит мне народ дела бесовские, потом возьмёт избу спалит. Разве ж так можно...

На опушке лесистого холма, в тенёчке, расположились на отдых два бывалых стриженных под горшок мужика. Они сидели на траве, прислонившись спинами к белоствольным берёзам и раскинув по сторонам босые ноги. На кусты малины набросили мокрые от пота рубахи, рядом сложили обувь, а сами полдничали, пошевеливая пальцами ног, и от ласковых прикосновений ветерка балдели, любуясь родными просторами. Отсюда, сверху, им хорошо были видны дальние дали, поля с крестьянскими наделами, колышущаяся рожь, ковыль, как по их зелёным волнам не спеша кралась тени облаков, в небе над лесом кружили и кувыркались большие чёрные вороны, а над молодыми хлебными колосками метались туда-сюда ласточки, порхали вблизи и в вышине жаворонки... Лепота-а!

– Васька, глянь-ка! Кто там шагает, что за странник?

Вдоль дальнего края поля размашисто шёл человек. Был он немолод, высок, худ, сума через плечо, в руке посох.

– Так то ж – Филя. Ваши разве не знают о нём? Он наш, бывший деревенский. Повстречать его можно вот так, как мы с тобой, или в лесу: любит один быть. Пропадал долго, а как в летошнем годе повенчали Романовых на царство-то, к осени он и вернулся. Избу свою не занял, и жить стал у затворницы Плюшки-Мухоморихи... Ну, буде бездельничать – слышь, Никола Угодник нас призывает: поспешайте сено сгребать, горемычные русские души, а то, не ровён час, дождик налетит, и вся ваша работа будет насмарку.

Мужики прихватили грабли с вилами и, покашливая, направились к рядкам скошенной, просушенной травы. Собрали, поставили стожки и накрыли их макушки еловым лапником.

– Складно у нас сообща-то вышло. И работать веселее породственному. Назавтра, Петруха, дай-то Бог, к тебе косить поедем. Переночуешь у меня, со вторыми петухами встанем. А потом на лошадке не спеша всё повывезем.

– Где ж Филя пропадал? – Петруха прервал вопросом Ваську-свояка и собственные размышления.

– Да как сказать-то... Всё бы ничего, пока не завёлся у него сверчок. Мы с нашими, с деревенскими, когда мои первые детишки совсем малые были, ездили как-то зимой в белокаменную на ярмарку. Растерялись по Китай-городу, а когда на обратном пути повстречались, Филя был уже с ним. Где взял, не помнил, говорил, пьяный был. Свиристела чёрная козява не часто, а пропёт вдруг, потрёт Филя ему спинку, он вроде успокоится, а Филя после – тот да не тот. Будто весть какую получил, думает себе сам, столбенеет и слов не слышит.

– А сверчок и ныне с ним?

– Ладно, расскажу, как знаю, слушай... Вот как-то летом правили мы с Филей плотину на пруду за Ярцами. Народ карасей разобрал, дно почистил и ушёл, а нам осталось запруду починить и в другой раз закрыть. Сверчок возьми, да запищи. А был он у Фили на груди в мешочке, а мешочек тот – на бечеве на шее. Он его хватать, погладил и... сам почернел весь, в глаза смотреть страшно, завыл, зашатался и в пруд, на ту сторону, где воды уже помалу набралось, с плотины-то головой – бултых! Помог я, жердь сунул, вышел он, и всё слышу – ох да ах. А руки пустые. Ввопрошаю: «А тварь-то безбожия где?» Он огляделся, пальцы растопырил: «Утоп... да и не нужен он боле», и рукой махнул, да так широко-о: по всему небу.

– И ушёл он с того самого горя?

– Да погоди ты! Не торопи... В ту осень зачастили к нам ездить за кормом для войска ляхи с окраинными казаками. Вот с первой порошей они и наехали. Лучше бы ливонцы, чем эти. Хуже татар... Половину деревни спалили, а Кудинину избу спалили с бабами и детишками. Сам Филя со старым Кудином были в лесу на барщине. Вернулись мужики, а здесь им такое горе... Кудин и преставился. Прямо на гари сделал это. Барин наш – доброго здоровья ему пожелаю – людишек пожалел, говорит, нынче, когда морозец из дерева сок выжмет, заготовим в Луговом лесу брёвна, подсушим, а летом всем миром поставим погорельцам избы, а вы, православные, пока помогайте им чем можете. Филя ни к кому не пошёл, вырыл землянку, в ней и перезимовал... Чё ты охаешь? Поди, сами не меньше нашего в те лета бедствовали?

– Все мы пострадались, не без этого! Вся Русь, что от польской границы до самой Оки и Волги раскинулась, кровушкой умылась. А князь Пожарский рану получил, знаешь где? – аж за Рязанью, у Пронска, где днепровских казаков воевал. Вон куда разбойники повадились тогда шастать! Ну, сказывай, дальше-то что?

– Ну-у, то ж когда по-осле было! А в ту весну, про что речь веду, ещё при Фёдоре Иоанновиче Блаженном, пришёл как-то Филя и зовёт с ним идти в церковь: «Намедни мальчонка прибудился, а креста на нём нет, надо покрестить – будь ему крёстным отцом, а мне кумом». В воскресенье сходили мы к батюшке, сделали всё, как полагается, и имя дали Дмитрий, сын Филиппа и... ох! – имя мамки запомитовал...

– Может, был он ему сынок от другой бабы? Эх, да какая разница: не одинок остался и мальчика пригрел.

– Ты дальше-то послушай... В деревне на своём месте жить-то не стал, хоть избу и ему поставили, она до сих пор не занята. Ушёл он! В монастырь ушёл. Там стал книги переписывать, а Митька учиться на иконах лики писать.

– А как же он в мирскую жизнь вернулся?

– Не знаю. Никто из наших толком не знает. Но!.. – Василий задрал палец к небу и заговорил тихо: – Видел я его на Девичьем поле в воровском стане самозванца, когда мы сено, дрова и всякую снедь привозили. Смотрю, меж шатров сильно свой кто-то верхом едет, а как ближе стал, я его и признал – Филька! Конь под ним вороной, сбруя красная, одежда богатая, броня и сабля серебром чеканены, шапка соболя, перья на ней, а борода наполовину седая и рубцы на лице. Я к нему: «Филипп Кудинович!» – так он даже коня не свернул, но взгляд его, скажу, дрогнул... Когда вернулся он в деревню с отметинами на голове и на теле, барин его простил, мол, стар ты, так уж и быть, доживай свой век с нами. А с собою Филька только и принёс что, так это бубен басурманский. На все праздники приходит с ним, выпьет чарку, другую, а после третьей берёт бубен, кружит и стучит, кружит и стучит. Сядет, ещё с народом выпьет, опять попляшет, теперь уж с песней, а что поёт и на каком языке, никто не ведаёт... Потом плачет, и так всегда. А ещё в лесу его бубен слышали, а сам он, словно кликал кого... Такие-то дела, Петруха. С тех пор прозвали его Филипп Бубнов. Опять мы с ним дружим, только редко, да и сказать нам нечего, одно дело – посидим рядом да помолчим...

***

Бледно-серый туман начал, было, подниматься, да застрял на полпути, запутавшись в кронах. А на вытоптанной лесной поляне старый Филька уже кружил в танце и звуками своего бубна разгонял утреннюю тишину. Он стучал и всматривался в глубину леса. Остановившись, подходил к упавшему дереву, вставал на него, проходил по наклонённому стволу до верхней точки, осматривал лес, спрыгивал, приседал, осматривал ниже еловых лап. Вновь кружил и стучал в бубен...

По траве, разгребая пожухлую листву, ступали ноги в башмаках и рваных носках. То был Куратор. Он подошёл к упавшему дереву, поставил фонарь на траву, расчистил место на бревне, сел и без интереса посмотрел на танец. При очередном повороте Филька его заметил и замер. Куратор улыбнулся и объяснил своё появление:

– Вот я-то и думаю: что это за звон такой в ушах? – Перестал улыбаться и вздохнул с сочувствием: – Ну, здравствуй, страдалец. Выходит, ты один остался? – Подумал и повинился: – Упустил я, однако... – Добавил: – Ну, да ладно, скоро отмучаешься.

Филька подтянул плечи к ушам и покрутил головой из стороны в сторону, будто попало что за ворот:

– Старче, ты кто?

– Я?.. Голос! Тот, что к ней во снах приходил, – ответил Куратор, и улыбка вновь появилась на его губах, но продержалась она недолго,

выражение благодушия на лице сменили высокомерие и самодовольство. – По большому счёту, я есть Творец, – гордо заявил он.

Филька начал помалу догадываться, и его руки охватила мелкая дрожь. Он стал медленно приближаться к Куратору, прижимая вздрагивающий бубен к груди, подошёл и спросил, заикаясь:

– А счёт твой кто сосчитал? – Дрожь заиграла на губах. – Сколь на совести твоей душ убиенных?

Куратор, не обращая внимания на состояние Фили, от прямого ответа уклонился и стал снисходительно задавать риторические вопросы:

– А кто веру должен был Дмитрию передать? Убедить, сопровождать в его великой миссии? Кто беречь и охранять? – И подытожил с важностью: – Чистота есть груз тяжкий, Филипп Кудинович. Ты чист – тебе и карты в руки.

Филька побледнел – он понял, кто сидел перед ним.

– Это всё ты? И Алёну, и детишек, и стариков моих! А народ православный? – он переставал владеть собою: – И Алису ты убил, ирод!

– Нет. Она ещё нужна будет.

– И Дмитрия!.. Ах ты, гнида!

Куратор почувствовал угрозу и произнёс быстро:

– Дмитрия не я! – и добавил с выражением: – Это наша история, сынок.

– Мне б не карты в руки, мне б дубину! – Филька высказал вслух своё желание, и взгляд его забегал по траве. Под ногами он увидел обломок дерева с тяжёлым комлем, отбросил бубен в сторону и поднял дубину.

– Спасибо тебе, Господи! – вздохнул, замахаясь.

Куратор перестал улыбаться и взялся за фонарь, а в тот момент, когда комель начал стремительно падать, исчез. Комель с хрястом ударил по примятому мху на бревне, где сидел Куратор.

Филька оттолкнул от себя дубину и перекрестился: – Свят-свят-свят!.. – Поднял бубен и прижал к груди. Неожиданно колени его подогнулись, затряслись и вывернулись наружу. Филька закатил глаза, выставил вперёд тощий кадык, сделал несколько шажков, повернулся, вытягиваясь и как бы ввинчиваясь в небо, и опрокинулся навзничь.

***

На полпути к выходу из галереи застыл Куратор с пальцем в ухе, повернув голову тем ухом к полу. Он услышал тишину, и ожившая мимика показала удовлетворение. Куратор вышел из галереи...

Шаркающие шаги, вздохи и бормотание – это по своей лестнице который раз за день поднимался Куратор. Вошёл в галерею и сразу направился к одной из обрамлённых ниш. Подошёл, встал к ней лицом, откашлялся и спросил вкрадчиво:

– Ну!..

По лицу Куратора заскользили блики от фиолетового свечения – появился образ. Нахмурившись, Куратор пустился по замкнутому кругу: он разглядывал образ, отводил взгляд в сторону, там взвешивал мысли, наигрывая губами марш, и снова разглядывал... Когда решение окончательно созрело, Куратор России покачал головой в такт маршу и спросил вполголоса, скорее, себя, чем бездушное свечение:

– А может, хватит раскачивать прошлое?.. – и, не рассчитывая на ответ, со значением поднял указательный палец. – Нам давно уж пора заняться будущим, верно, дружище?..

***

– Помнишь, Алиса, мы за этим столиком в прошлый раз Новый Год встречали? Четвёртым был актёр из «Табакерки». Странный тип. Ходил я на премьеру, успех неописуемый, мы поздравлять, я близко оказался: «Филипп, помнишь ночь на Новый? Это я – Борис, были ещё Марина и Алиса». Так он, представь, наклонился и, чтоб никто не слышал, далеко меня послал... Коз-зёл!..

В эту минуту Алиса почувствовала, что Борис стал удаляться, а сама она проваливаться в забытие, вот и глаза прикрыла, как вдруг в сознание вторгся до боли, так показалось ей, знакомый голос: «*Миссия не удалась, друзья мои, иначе, здесь бы вы не сидели*». Алиса попыталась удержать фразу, понять... но фраза рассыпалась, и слова её растаяли.

– Смотри-ка, кто-то телефон оставил. – Борис выдвинул свободный стул, взял находку, осмотрел и положил перед Алисой: – Модель та же, какой презентовали Филиппа за танец дервиша. Ты номер записывала, посмотри, может, сохранился... Во-о-о! Набери: чем чёрт не шутит.

Сказав от нечего делать пустое, Борис отодвинулся, прищурился и склонил голову к плечу. Алиса вяло улыбнулась и доброе одолжение ему сделала...

Скиталец заурчал и закружил медленно-медленно...

Зеркало для души

Как-то мне потребовался небольшой сценарий, и написанное перед этим эссе подходило, как нельзя лучше. Разместил перед собой с одной стороны эссе, с другой – заготовку для сценария... и сразу понял, что не смогу, с ходу не получится: надо писать рассказ, т.е. составлять сюжет, вводить героев, писать диалоги и прочее.

В итоге, приобрел опыт – перевод эссе в рассказ, заодно получил сценарий и пьесу малого формата.

Эссе

Есть люди, подобные монетам, на которых чеканится одно и то же изображение. Другие похожи на медали, выбиваемые только для данного случая.
(Э.Т.А. Гофман)

Сравнив людей с монетами и медалями, Эрнст Теодор Амадей (Вильгельм) Гофман разделил общество на две категории. Развивая мысль, можно добавить, что первая, многочисленная и безликая, попадает в смету расходов, вторая – в хроники. В социально-историческом смысле суждение великого сказочника универсально: везде и во все времена, будь то праведное общество или диктатура, выделялись творцы и исполнители, народные массы и лидеры.

Монеты и медали имеют лицевую сторону – аверс, и оборотную, непарадную – реверс. Указанные атрибуты признаны определяющими, и их описание при идентификации монет и медалей обязательно. Наличие у людей аналогичных свойств не выпадает из контекста высказывания Гофмана, однако свой реверс люди показывают неохотно, и в характеристике индивидуума описание оборотной стороны, как правило, отсутствует. Тем не менее, увидеть загадочный реверс полезно даже в тех случаях, когда знакомство с ним может привести к разрушению стереотипов, и к этому надо быть готовым.

Итак, от явления – к сущности: несколько фрагментов из нашей жизни.

Явление 1-е

Невольно слышу разговор двух молодых военных. По одежде – лётно-подъёмный состав. Они могут быть пилотами, штурманами, борттехниками. Тема, которую они обсуждают, сводится к посещению кабинета ФСБ перед предстоящей командировкой или перед получением загранпаспорта. Подробностей не помню, но вот это... послушайте:

– И чего он прицепился к моей пряжке? Я ему объясняю, что люблю историю, к идеологии отношения не имеет. А он мне: «Расскажите, что вы знаете о фашизме, о нацизме, о войсках СС? Что нравится конкретно, что вызывает симпатии и почему?» Ты представляешь, когда я вышел на улицу, мне казалось, что я побывал в застенках НКВД!

***

Вы обратили внимание на то, что подобная «любовь к истории» нашла приют там, где предполагать его было немислимо? В «одном флаконе» – системой отшлифованный и подконтрольный ей аверс и вызывающий неприятие (презрение, тревогу – у кого как) реверс. Согласитесь, красота древних рунических символов не может быть абсолютной, и то, что было на штандартах и мундирах СС, не должно услаждать взор. Да! Не просто дать характеристику подобному индивидууму – к нему есть вопросы и не только о фетишах.

Продолжая тему оборотной стороны, попробуем установить, при каких условиях или обстоятельствах её можно увидеть.

В 50-60-х годах прошлого века во дворах были распространены азартные игры на деньги, например, в расшибок и пристеночек. В те годы ветераны стеснялись носить награды и отдавали их пацанам, а те использовали медали в качестве бит: ударил битой по монете, и, если она перевернулась реверсом вверх, забори как выигрыш. Нечто похожее наблюдаем в местах, где люди бывают близко и, тем более, сталкиваются, где возрастает вероятность «перевернуться» и показать свои скрытые качества. Одним из таких мест является общественный транспорт, им-то мы и воспользуемся, чтобы «сходить в народ» и заглянуть в его загадочную душу. Согласен, впечатления будут неполными, но наши нравы... подумать и поразмышлять хватит.

Явление 2-е

Перед въездом на мост – пробка. Начало апреля, много солнца, душно, тошно. Со стороны отсека водителя вот уже десять минут и более режут уши нравочения некой женщины, нескончаемым потоком вбиваемые ею в свой мобильный. Стоящие рядом предлагают либо говорить потише, либо перенести разговор на улицу. В ответ на весь салон:

– А ты уши заткни!

Женщина продолжает прерванный разговор. Минут через пять с противоположной стороны доносится робкая просьба:

– Мужчины, откройте, пожалуйста, окно – дышать нечем.

В ответ:

– Ты что, сдурела! Здесь дети!

– Где? Я не видела... извините...

– Вот я и говорю: глаза разуй!

***

Вот это по-нашему! Скажете, не может быть? Как знать, как знать... Во-первых, уместно будет вспомнить известную русскую поговорку, где, со слов персонажа Ивана Бунина, сам народ о себе сказал: «Из нас, как из

дерева, – и дубина, и икона». Во-вторых, уместно добавить, что отличительной чертой русского национального характера принято считать отзывчивость как умение откликаться, например, на призыв о помощи, а если без призыва, то на понимание ситуации в соотношении с собственными представлениями о добре и зле.

Так кем же мы окажемся, если нас неожиданно потревожить? Иконой или дубиной? Если дубиной, то отзывчивость проявится в природном хамстве. Увы! Чаше бывает именно так.

Явление 3-е

У светофора троллейбус остановился, снаружи донёсся звон – на проезжей части в корму одной машины въехала другая. Из передней выходит кавказец, из задней – человек славянской внешности. Всё прозрачно: виновник сзади. Однако, одинокий пассажир, увидев водителя переднего авто, отреагировал немедленно: «Чурка! Ездить научись!»

***

И всего-то три слова... Призадумался... «Давайте промоделируем», – предложил бы, набивая трубку, один мой давний знакомый. Цель подобных упражнений – понять суть явления, манипулируя исходными данными и ограничениями, и, если будет интересно, заглянуть в будущее.

Восклицание принадлежит человеку, имеющему жизненный опыт и привыкшему высказывать мнение вслух, т.е. уверенному в правоте и одобрении. Иными словами, принадлежит тому, кто, по его же убеждению, выражает мнение большинства или, как минимум, окружающих. Интерес вызывают два его качества:

во-первых, он представляет некий социум, следовательно, его роль в демократических процессах переоценить трудно, он – опорный электорат; во-вторых, его поведение определяют понятия.

Итак, перед нами Представитель электората, живёт он по понятиям. Формируют эти понятия не его когнитивные характеристики и способности к анализу, нет. Представитель выхватывает их из окружающего мира, причём, чем скандальнее они, тем лучше приживаются, следовательно, он подвержен внушению. В дорожном эпизоде среда, воспитавшая его, приучила к тому, что во всём виноваты «иногородцы», а мы лучше, мы выше.

Внедряя нужные понятия и не препятствуя появлению или наследованию «полезных», электоратом можно управлять. Вывод настораживает. Вот и призадумайтесь: что ждёт нас, если «свободное» течение демократических процессов будет вверять наши судьбы в руки таких Представителей.

Что же в остатке? Известно, система устойчива (жизнеспособна), если обладает обратной связью. Это не только умение видеть плохое, но и

нравственный путь, что ведёт от его неприятия к самосовершенствованию. Не последнюю роль здесь играет отношение к ближнему. Оно-то и будет зеркалом для души, причём как у тех, кто исповедует светский гуманизм, так и у тех, кто считает себя верующим. В контексте сказанного напрашивается ещё один вывод: больше шансов быть здоровее, гармоничнее, имеет многонациональное общество. Дело – за малым: не потерять их.

Явление 4-е

Изредка тишину в салоне нарушало привычное: «На остановке, пожалуйста». Маршрутка перестраивалась, останавливалась, двери открывались, закрывались и т.д. Прозвучала очередная просьба. Водитель – он из мигрантов – кивнул, сбросил скорость и перестроился в потоке. Когда маршрутка, не тормозя, поравнялась с остановкой, где в ряд стояли несколько автобусов и такси, дама вспыхнула.

– Я же просила: на остановке!

– Там места нет, сейчас объедем.

– О-о! Оказывается, вы и по-русски можете! – не к месту, мстительно добавила дама.

***

Вспомнилось ДТП перед светофором. Нет, это нам следует учиться и учиться, а пока – только надеяться...

Рассказ

Троллейбус прижался к бордюру, остановился, двери открылись, я вошёл и, минуя свободные места, встал у окна в середине салона. Отсюда удобно поискать в потоке машин заветный код: номер нашей учебной группы, и, если повезёт, загадать желание. Не тут-то было – в салон вошёл знакомый актёр из областного драмтеатра, рано поседевший интеллигент, вид имеет спортивный, давно на пенсии, но «службу» не бросает. Так его коллеги, будто сговорившись, называют своё дело.

– Очень рад! – актёр оглядел форточки, люки. – Уф! Душновато, однако... – Поморщился. – Всё закупорено, а мы ещё в центре в пробке стоим. – Улыбнулся. – Ну, как успехи?

– Еду с работы. А у вас?

– А мы репетируем новое.

– Хорошо забытое старое?

– Угадали! «Синяя птица» Метерлинка. Помните: есть люди, подобные монетам, на них всегда одно и то же изображение; другие похожи на медали, выпущенные для особого случая.

– Думал, что это Гофман!

– Правильно, ставлю вам «отлично»! Каюсь, проверял. А вот про птичку эту народу давно пора знать правду, иначе с лёгкой руки нашего рок-музыканта... – запнулся, взгляд ушёл в сторону, подумал. – Да! К слову будет сказано! В молодые годы, в период распада, служил я в одном театре в Прибалтике. И до, и после издавалась там газета «Советская молодёжь». Суверенитет прибалты тогда ещё выстроили в полный рост, а она название не меняет, издаётся и издаётся, и складывалось впечатление, что ей всё нипочём. Публиковали разное, например, Зиновьева: его совет не идти в капитализм. Или такой забавный случай: гуляли в Летнем Саду император, наследник и его воспитатель Жуковский. Наследник на заборе увидел слово...

– Вы мне уже рассказывали, вернёмся к музыканту.

– Ну да, конечно, конечно... – потёр переносицу. – Да! В конце 80-х в той газете местные арийцы поделились своим открытием: корни русского национального характера обнаружили! Лежат они в младенческом воспитании, точнее, в русских сказках, где главный герой – Иван, деревенский дурачок, лентяй, и желает он лишь одного: чтоб всё было по его хотению...

– Владимир Августинovich, вы не сбились с пути?

– Заканчиваю: воспитательный образ, созданный Метерлинком, с подачи кумира нашей поп-культуры теми корнями привит, мутировал и адресован теперь нам, известным всему миру ватникам, лентяям и халявщикам, – актёр посмотрел в окно, вздохнул. – А потому, сыграв свою роль блестяще...

Вошли, беседуя, два молодых военных. По одежде – лётно-подъёмный состав. Расположились рядом, и мы оказались их невольными слушателями:

– С загранпаспортом задержки не будет? Смотри, ты один остался.

– Думаю, не будет, сходил вчера. Вывернул меня фээсбэшник наизнанку. Блин! К пряжке прицепился! Объясняя, что люблю историю, к идеологии отношения не имеет. А он: «Расскажите, что вы знаете о фашизме, о нацизме, о войсках СС? Что нравится конкретно, что вызывает симпатии, почему?» – военный поёжился. – Ты представляешь, когда я вышел на улицу, мне казалось, что я побывал в застенках НКВД!..

Брови на окаменевшем лице актёра полезли на лоб, он приблизился и заговорил вполголоса, чтоб те не слышали:

– Вы обратили внимание, где нашла приют «любовь к истории»? Немыслимо!.. – сделал паузу. – Кстати, те «железки», что у Гофмана, имеют аверс и реверс, а ими не только любят, по ним идентифицируют. Они и у нас присутствуют, только реверс в

характеристику индивидуума, как правило, не попадает. – Бросил взгляд на военных. – Заметили, в «одном флаконе» – системой отшлифованный и подконтрольный ей аверс и тревожный реверс.

– Да! – согласился я. – С характеристикой будут проблемы. Есть вопросы и не только о фетишах.

– Имею подозрение, – нарочито заговорщицки начал актёр, – общественный транспорт – это портал, через который можно «сходить в народ» и заглянуть в его загадочную душу.

– За день, как минимум, два раза, – подыграл я: – по пути на работу и обратно.

– Впечатления будут неполными, но наши нравы, – актёр покачал головой, – подумать и поразмышлять хватит. Вот вам пример. – Актёр выпрямился, поморщился, сделал глубокий вдох. – Стоим в пробке. Как и сегодня, много солнца, душно. Со стороны водителя режут уши нравоучения одной тётушки, вбиваемые в мобильный. Кто рядом, просят говорить тише или перенести разговор на улицу. В ответ на весь салон: «А ты уши заткни!», и тётя продолжает разговор. Минут через пять с другой стороны слышим робкий женский голос: «Мужчины, откройте, пожалуйста, окно – дышать нечем». Реакция была мгновенной: «Ты что, сдурела! Здесь дети!» Женщина испугалась: «Где? Я не видела, извините...» Ей в ответ: «Вот я и говорю: глаза разуй!» – Актёр ударил ладонью по поручню. – Вот это по-нашему! Скажете, не может быть? Как знать, как знать...

И не говорил я вовсе, что такого быть не может – история типичная, добавить нечего. А вот почему «это по-нашему», актёр объяснил так:

– Во-первых, уместно вспомнить известную русскую поговорку, где, со слов одного персонажа Ивана Бунина, сам народ о себе сказал: «Из нас, как из дерева, – и дубина, и икона». Во-вторых, уместно добавить, что отличительной чертой нашего национального характера принято считать отзывчивость как умение откликаться, например, на призыв о помощи, а если без призыва, то на понимание ситуации в зависимости от своих представлений о добре и зле. – Актёр посмотрел мне в глаза. – Если нас вдруг потревожить, кем мы окажемся? Иконой или дубиной?

– Вы сами ответили: «в зависимости от своих представлений». Если дубиной, то отзывчивость проявится в природном хамстве.

– Увы! Чаще бывает именно так.

Троллейбус замедлил ход и остановился.

– Владимир Августинович! Впереди – пробка! С вашей лёгкой руки.

Снаружи донёсся звон – на проезжей части в корму одной машины въехала другая. Всё прозрачно – виновник сзади. Из задней вышел

человек славянской внешности, из передней – кавказец, и незамедлительно последовала реакция недремлющего пассажира:

– Чурка! Ездить научись!

Актёр тихо застонал:

– С подобных «мелочей» в недалёком прошлом начинались погромы...

Двери троллейбуса распахнулись, некоторые пассажиры потянулись к выходу. Актёр развёл руки.

– Здесь делать нечего, давайте перейдём мост, а там – на маршрутку.

Шли, говорить не хотелось – понимали, говорить надо было там! За мостом актёр нарушил молчание:

– Извините, хотел бы вернуться к тому случаю. Выбило из колен, надо мысли привести в порядок.

– Дикость! – поддержал я. – А всего-то три слова! Причём, виновник-то сзади. Кстати, вот вспомнил на мосту. Один мой старый знакомый, он – доктор наук, в сложных ситуациях всегда предлагал: «Давайте промоделируем», чтобы, манипулируя исходными данными и ограничениями, понять суть явления, и, если материала будет достаточно, сделать прогноз.

– Ну что ж, давайте. Попробуем пройти путь от явления к сущности. Но случай тот – не простая реплика, он системный!.. Фишка-то в чём, восклицание принадлежит человеку, имеющему жизненный опыт и привыкшему высказывать мнение вслух, т.е. уверенному в правоте и одобрении. Иными словами, принадлежит тому, кто, по его же убеждению, выражает мнение большинства или, как минимум, окружающих. Вы согласны? – Я кивнул, актёр продолжил: – Интерес вызывают два его качества: во-первых, он представляет некий социум, следовательно, его роль в демократических процессах переоценить трудно, он – опорный электорат; во-вторых, его поведение определяют понятия. Я думаю, что...

Актёр замедлил шаг, остановился, перевёл дух, продолжил:

– Формируют те понятия не когнитивные характеристики представителя и его способности к анализу, нет. Представитель выхватывает их из окружающего мира, причём, чем скандальнее они, тем лучше приживаются, следовательно, он подвержен внушению. В дорожном эпизоде среда, воспитавшая его, приучила к тому, что во всём виноваты «инородцы», а мы лучше, мы выше. И вот что важно! – Актёр вскинул руку, театральность его смутила, он показал вперёд, предлагая продолжить движение, а там и мысль закончить: – Внедряя нужные понятия и не препятствуя появлению или наследованию «полезных», электоратом можно управлять.

– Вывод настораживает, – сказал я, а про себя подумал: «Хорошо излагает, чем не доктор?!»

– Именно! Вот и призадумаетесь, что ждёт нас, если «свободное» течение демократических процессов будет вверять наши судьбы в руки таких представителей. Становится грустно...

– Что же в остатке? – задал я наводящий вопрос и сам же попробовал на него ответить: – Известно, система устойчива (жизнеспособна), если обладает обратной связью...

Возникла пауза, надо было подобрать слова. Направление я выбрал правильное, но где тягаться уму инженера с творческим?! Актёр не торопил – спасибо ему, – наконец, я смог продолжить:

– Это не только умение видеть плохое, но и нравственный путь, что ведёт от его неприятия к самосовершенствованию. Не последнюю роль здесь играет отношение к ближнему. Оно-то и будет зеркалом для души, причём как у тех, кто исповедует светский гуманизм, так и у тех, кто считает себя верующим. – Актёр улыбнулся, он одобрил. – В контексте сказанного напрашивается ещё один вывод: больше шансов быть здоровее, гармоничнее, имеет многонациональное общество.

– Дело за малым: не потерять их, шансы эти, – поставил точку актёр и здесь же намекнул на слабую веру в скорую реализацию нашей концепции.

Перед светофором мы раскланялись, и каждый пошёл на свою маршрутку. Мне долго ждать не пришлось, вошёл, удобно разместился, прикрыл глаза. Изредка в салоне звучало привычное: «На остановке, пожалуйста». Маршрутка перестраивалась, останавливалась, двери открывались, закрывались и т.д. Прозвучала очередная просьба. Водитель – он из мигрантов – кивнул, сбросил скорость и перестроился в потоке. Когда маршрутка, не тормозя, поравнялась с остановкой, где в ряд стояли несколько автобусов и такси, дама всплыла:

– Я же просила: на остановке!

– Там места нет, сейчас пообедем.

– О-о! Оказывается, вы и по-русски можете! – не к месту, мстительно добавила дама.

Вспомнил ДТП перед мостом. Нет, это нам следует учиться и учиться, а пока можно только надеяться, прав Владимир Августинovich.

ЧАСТЬ IV. ЗДЕСЬ ПАМЯТИ ПРИЮТ

Холостой маршрут

Возможно, и тебе не нравится одиночество на жёсткой полке вагона, или в третьей электричке за день, или в выходные ненастные дни в часы ожидания близких, и прочее, прочее. Но есть одиночество, радостное для Аксакова, милое для меня – это время на охоте, медленно, но неумолимо идущей к завершению. Ранним утром, оставив позади железнодорожную станцию и раскладывая на траве снаряжение, начинаешь чувствовать себя свободным не только в выборе маршрута, действий, но, главное, в выборе темы для раздумий или заветного окошка для погружения в память. Ты в ожидании интимных встреч с природой, с её звуками и явлениями, новых оттенков в понимании сути вещей. Сама же дичь уходит на второй план, добыча – редкая награда или приз за пройденные километры, за испытание в этом одиночестве.

Середина октября. Небо затянуло низкими убегающими облаками. Осень, не давая заснуть, стучит по подоконнику, напоминая о себе, либо посылает ветер принести и оставлять на стекле грустные извещения – жёлтые мокрые листья.

Сошёл с электрички, выбрав маршрут в глубине леса на удалении 4-7 километров от железной дороги. Конечная точка – на третьей станции позади меня. На маршруте будут завалы и низины с холодной водой, бобровые плотины, так что наберутся все 25-30. В начале – полем. Пройдя

половину, заметил: над лесом колышется серая полоска – гуси... Через минуту они прошли надо мной, и их печальный крик тонкой паутинкой вновь прикоснулся к сердцу.

О птицах

Увидеть высокий полёт больших птиц – не редкость. Но совсем по-иному и слышишь, и видишь, когда летят они низко, например, лебеди. От их близкого полёта создается впечатление, что кто-то над ухом точит огромную косу: «Зум! - Зум!»

И ворон, увидев человека, прервёт свой бреющий полёт к тому месту, где спрячешься ты, встанет на дыбы, его крылья издадут такой же звук и отбросят упругий ветер.

Однажды меня у опушки обогнал ворон. От леса отделился сокол, догнал ворона и попытался атаковать сверху. Ворон в полете перевернулся на спину и выставил лапы. Сокол отпрянул, повторил безуспешную атаку и удалился.

Утиная охота. Как-то солнечным утром на карьерах шёл по бровке. Деревца и мелкая поросль скрывали меня спереди, и именно с той стороны налетела стая журавлей. Проходили гордые птицы над самыми вершинами деревьев. Они или выбрали место для жировки, а потому снизились, или взлетели с ближнего болота, потревоженные. Вожак делал несколько взмахов и замирал, эстафету принимал второй, за ним – третий, и так до последнего. Когда последний взмахнул крыльями, лидер погнал новую волну. Берёзы зашумели, закрутился лёгкий вихрь, а в душе: «Мне так свезло, так свезло!»

Не так давно, затемно, я приходил на пяточек, над которым ранним утром на озимые пролетали тетерева. О приближении той минуты первыми предупреждали вороны, за ними – дятел, и следом некто невидимый отворял дверь в новый день. Теперь в любую секунду можно увидеть или услышать стаю. В тихую погоду не пропустишь гурканье, похожее на воркование. Птицы издают его в полёте, отталкиваясь крыльями от воздуха.

Пока сидел на бревне в окружении высокой, как камыш, травы, ко мне подлетела невесомая светло-серая птичка, у цеки уселась на прочный стебель, рядом пристроились другие. Птички, находясь в постоянном движении, разглядывали меня, тихо пересвистывались. Я прислонился спиной к стволу и ничего не замечал вокруг. После того, как надо мной со свистом пронеслась стая, осталось только подняться и идти бродить по полям.

Слабенький мороз, почти ноль. Скучаю на номере между двух-, трёхметровыми ёлками в надежде услышать приближение гона. Рассматриваю комара, зависшего передо мной. Наверное, разгребая снег и утаптывая место, я потревожил его сон. И вдруг заметил клеста в метре от себя. Если тебе повезло, хочешь видеть – не шевелись! Так и стоял, задерживая взгляд на нём и изредка переводя на заячью тропу. А зеленый клёт увлеченно шнырял среди еловых лап, удовлетворяя свой интерес. Удивительно, эта птица со скрещенными серповидными половинками клюва зимой в лесу выводит птенцов!

В боровом лесу на сосне ниже кроны или, как говорят, в полдерева, боком ко мне сидела сова. Что-то подтолкнуло, подойди, посмотри, – ну и пошёл по мягкому мху. Немного оставалось, когда она обратила на меня внимание. Я тут же повернулся к ней спиной и ушёл, не оборачиваясь, чувствуя между лопаток слабое место. Ужасен был немигающий взгляд её глаз в центре больших розеток, созданных перьевым обрамлением, и все это в оттенках тёмно-серого, мёртвого.

В июле, во время пожаров, подошёл к канаве, за которой продолжало всё съедать ненасытное пламя. Неожиданно навстречу взлетела тетёрка и скрылась рядом в траве. А за ней начали перелетать канаву покрытые пухом серо-жёлтые комочки на крохотных крылышках, усердно помогая звуками «пи-пи» – чудо! Но почему в мою сторону? Ясно – в другой стороне огонь! Доживет ли поздний выводок до следующей весны?

***

Вхожу в лес, где утренний свет переходит в медленно тающие сумерки. Стараюсь двигаться от одного участка с хвойными деревьями до другого к заброшенной дороге, которая, петляя две трети пути на восток, а затем, сворачивая к югу и снова на восток, приведёт меня к большому полю в лесу. Слева, не всегда близко будет речка Терёбинка, справа, в двух-трех километрах – просека: заблудиться невозможно. Почему от одного до другого? А иначе, рано или поздно попадёшь в заболоченные низины с «бредняком» и завалами. Будешь исхлётан крапивой, ноги будут вязнуть в грязи, запутываться в ветвях, а за воротом и в сапогах накопятся хвоя и листья. Ружьё будет постоянно сползать с плеча, и станешь плохо соображать: а где же дорога.

Иду, прислушиваюсь, стараясь уловить пение рябчика – это звуки «ти-и», «тиу», «ти» в разных сочетаниях в зависимости от местности и пола. Тянется оно секунд пять-семь и похоже на протуженное «пение»

снегиря, но тоньше. Услышу, выберу место и попробую подманить. Снимаю ружье с плеча – из-под завалов и ёлочек могут и рябчик шумно взлететь, и заяц выскочить, а с вершины дерева сорваться глухарь, с треском ломая сучья. Кроме того, на подходе заметил стаю тетеревов, поднявшихся с поля в лес покормиться почками на берёзах, а потом на прочных сучьях, бормоча и хлопая крыльями, попетушиться перед курочками. Не хочу только столкнуться с лосем-быком или кабаном. Медведей грибники и скорая зима уже загнали в далёкую и непроходимую крепь.

Разные встречи

Один незаметный человек, дядя Петя, которого медики, взяв пункцию, сделали инвалидом, рассказывал о встрече с лосем. Набрали они с другом грибов и выходили из леса. Навстречу – бык, ведёт себя агрессивно, копытами бьёт. Грибники врассыпную. Дядя Петя взлетел на дерево, друг побежал дальше. Бык остановился под деревом, шкура дрожит, дёргается, видит он, что не достать, помочился и ушёл. Дядя Петя выждал, слез, посмотрел, куда забрался, не поверил глазам и отправился искать друга. Нашёл. «Слезай», – говорит. А друг в ответ: – «Не могу... Руки не слушаются». Но скоро хватку ослабил, съехал на землю, но и в этом положении просидел несколько минут, обнимая ствол.

Ранним утром шёл полем вдоль леса по заросшей тропе, весь вымок в росе и ждал схода в лес, до которого оставалось метров сто, а пока ещё от леса меня отделяла глубокая канава с водой. Замечаю, что впереди с поля к лесу движется объект, которого беспечно принимаю за большую уродливую собаку со странными хвостом, ушами и торчащими лопатками. Когда эта «собака Баскервилей» подбежала к тропе, я понял, что это кабан. Безрассудно повёл себя, когда крикнул, чтобы заставить освободить тропу. Он остановился и повернул голову в мою сторону. Я замер: стрелять или бежать нельзя. Вызвав своим тяжёлым взглядом обрушение чувств, он двинулся дальше, с плеском пересёк канаву и ушёл в лес. Охота была испорчена – под каждой ёлкой, в каждом завале мне виделся кабан-одиночка.

На пути небольшая речка Чернавка. Перейти её, если рядом, ниже, нет бобровой плотины, труда не составит. Переливается поток с прозрачной красноватой водой, тропа уходит под воду, и в этом месте – свежий след медведя: большая ладошка, у которой на месте пальцев глубоко в землю уходят отверстия, куда я могу вставить палец. Я почувствовал себя Робинзоном, наскочившим на

след людоеда. Нож поближе, в стволы – картечь, и идти быстрее, куда подальше.

Сделав круг по полям и не найдя заячьего следа, я развернулся и, пользуясь старой лыжной, направился к заброшенной ферме. Замечаю впереди на лыжне тёмную точку и останавливаюсь. Мышь, но не полёвка, почти чёрная, медленно приближается пунктирным бегом. Натывается на комочки снега, ведёт себя, как шарик для игры в пинг-понг, кувыркается через голову, переворачивается и снова бежит. Добежав до лыжного крепления, останавливается, обнюхивает берцы, не реагирует на мой голос, протискивается между креплением и снежной стенкой и исчезает в крошечном отверстии сбоку.

«Витя! На тебя пошёл!» – голос срывается, в нём игристый, как шипучее вино, азарт. Это Лёня кричит, подняв зайца-беляка. Он отправил меня на это место, куда, по его мнению, должен соскочить заяц с лёжки после подъема. Начали тропить его у глубокого и широкого рва, прорытого между еловой посадкой и лесом. За посадкой – железная дорога, по которой сегодня носится питерский «Сапсан». Проходит время, и я вижу беляка, бегущего вдоль посадки. Спешу и «намазываю» оба раза. Вконец расстроенный стою (а надо бы перезарядиться), наблюдаю, как заяц спускается в ров, пропадает, выходит в тридцати метрах от меня и должен бы бежать в лес, а он катит на меня! Белый и пушистый садится у ноги, кажется, – секунда, потрётся мордочкой о голенище ботинка, посмотрит в глаза и скажет: «Мур-мур, это я». Начинаю перезаряжать, заяц перемахнул через дорогу и уже в лесу. Но я успел, поднимаю ружьё, а оно не поднимается! Закрывая замок, прижал его к себе и пристегнул к куртке. Заяц ещё близко, я вожусь... – и он в безопасности!

Позади меня – зимний лес в том месте, где заячьи следы сходятся в набеганную за несколько ночей тропу. Впереди, в двухстах метрах – полоска деревьев и кустарника, растущих по руслу ручья, петляющего вдоль заснеженного поля, которое плавно спускается ко мне от дальней деревни справа. Слева – вечернее солнце, от которого отворачиваюсь, не выдерживая ослепляющего света.

Полчаса назад к ручью ушёл Лёня помогать собачке, потерявшей заячий след. По голосу и редкому лаю знаю, что они переместились вправо вверх по руслу. Смотрю в их сторону непрерывно и в какой-то момент замечаю, как почти в километре

по белому полю от зарослей у ручья начинает стремительное движение по дуге к моему лесу светящееся пятно. Оно – белее белого, оно как дальний свет мощных фар! И сразу понял, что увиденное – это не просто заяц-беляк в лучах вечернего солнца, это разгадка любимого нами с детства явления «солнечный зайчик»! Заяц, приближаясь, растерял лучистое сияние меха и совсем обыкновенный скрылся в лесу в ста метрах от меня.

***

Дорога, на которую я вышел, давно заросла травой, во многих местах накрыла себя стволами упавших деревьев и кустами малины. Она – хороший ориентир, чтобы не сбиться с маршрута. Условная схема движения будет «змейкой», со сменой направления с юго-востока на северо-восток и обратно, с пересечением дороги в середине каждого отрезка. Буду осматривать кромки заболоченных низин, завалы и скопления молодых ёлочек. Так как я один, ружьё можно снять с предохранителя и лучше нести в левой руке – так быстрее поймашь его правой рукой и поставишь в плечо. Патроны обычные: в нижнем – тройка, в верхнем – единица.

Не успев свернуть, услышал слева лай гончей. Приостановив дыхание, слушаю. Гон приближается и был, скорее всего, по лисе, без сколов и перемолчек, залиvistый, значит, собака идет близко от зверя. У меня появляется азарт. Перехожу на правую обочину дороги, в метре от неё прижимаюсь спиной к сосне, а когда лес уже звенел, подтягиваю приклад к плечу.

Увидев между деревьев мелькание рыжей лисы, плавно поднимаю ствол, а метров за сорок вижу её над прицельной планкой и, разворачиваясь медленно влево, сопровождаю стволом её бег. Стоп! Это не моя лиса! У кого-то праздник, он нашёл время для охоты, сейчас подстраивается под гон. Мне же после выстрела придется устанавливать с ним связь, кричать, идти с добычей навстречу. Не надо! Пропускаю лису через дорогу, и даже не смотрю на собачку, какая она. Иду на восток, прислушиваюсь и не могу избавиться от любопытства: а что там справа?

Гончие

Пока есть время, – немного о гончих. Это удивительная порода охотничьих собачек, как правило, они добрые. Гончим не обязательно видеть и ловить зверя. Их задача – находить и непрерывно гнать его с голосом по пахнущему следу. Они должны, во-первых, обладать хорошим чутьём, уметь читать и распутывать следы, а скорость бега ставится на третье место после выносливости. Разные звери под гоним ведут себя по-

разному. Заяц, например, чаще ходит по кругу и возвращается к месту подъёма или жировки. Гонять зверя гончие могут часами, а после, когда измученные догонят нас на тёмном поле, то толкнут носом в бедро, под рюкзак или сунут его влажный в твою ладонь. Но если не взять собачку на поводок, срывается, стоит ей только почуять «вечеряшний» след зайца или ласы. Такими были всегда преданные Дунай, Алтай, Песня, Бой, Карай, Том и Гамлет, Сонечка.

***

Минут через десять слышу, гон возвращается. Сворачиваю, вхожу в лес, вижу небольшую поляну и, не выходя на открытое место, прячусь под высокой елью. Середину поляны пересекает ствол давно упавшей берёзы, вершина которой легла на высоте полутора метров на скрытую от меня опору. Вокруг чисто: трава, низкий мох.

Звонящий лай приближается, и на поляну ровной рысью выбегает лиса с опущенной головой и приоткрытой пастью. Она вскакивает на ствол берёзы, как на подиум, и грациозно бежит к вершине. Это «огнёвка»! Самая красная из всех лис. Её лапки, ушки и носик – чёрные, а грудь и кончик хвоста – белые. Мистика – гон есть, но, увидев огнёвку, я перестал его слышать! Лиса соскакивает и исчезает под еловыми лапами.

Опять слышу собачку. На сцену с «дурным» голосом врывается «русский пегий» кобель с бело-чёрно-коричневым окрасом. Летит метрах в пяти в стороне от лисьего следа по запаху, отнесенному ко мне ветром. На вираже, не сбавляя скорости, рвёт когтями траву и мох – всё это летит в мою сторону – и быстро исчезает. Мне же без всякой связи вспомнился булгаковский герой в его сладкой дрёме: «Мне так сvezло, так сvezло!»

Теперь я могу идти по схеме. Сквозь просветы между деревьями утреннее солнце слепит глаза. Косые полосы света вызывают романтические воспоминания из фильмов о путешествиях, о партизанах, о нашей разведке. Убираю компас за ворот, о встрече с огнёвкой забываю. Сворачиваю и иду на юг к просеке. Пройдя полкилометра, разворачиваюсь и иду назад, к дороге. Замечаю просветы там, где должны быть поляны Васильков. Иду вдоль и оказываюсь на дороге. Смотрю – дорога на всём видимом участке моего маршрута залита водой. Маршрут через Васильки вызывает неприятные воспоминания.

Не жалуйся!

Реакция жен на возвращение мужей-охотников одинакова: «Тебя никто не гнал, отдохнул, удовольствие получил – не жалуйся!» Но тайно хотят охотники, чтобы им посочувствовали,

когда с трудом снимают обувь, когда мокрой тряпкой падает одежда, когда саднит и кровоточит голень, не сгибаются пальцы фиолетовой кисти руки...

Путь к просеке через низину был много раз пройден и никогда не считался серьёзным препятствием. Помню, в ту осень было много дождей, и я, зайдя довольно далеко, понял, что пора делать выбор: продолжать или обойти. Огляделся – со всех сторон была вода, затопившая обширный участок лиственного леса, и нигде вокруг не было видно вершин хвойных деревьев. Пошёл вперед, настроившись на прохождение отрезка в полкилометра. Оказалось не так, предстояло всерьёз помучиться, петляя, выбирать путь, и не отвлекали тетерева, срывающиеся с берёз. Наконец, вышел на сухое, даже не набрав в сапоги холодной осенней воды. Уже за просекой издали увидел на полянке, на брёвнах, поздних осенних опят, подошёл, набрал в ранец светлых, небольших и чистых, с ними незаметно и усталость прошла.

Начались осенние дожди, пожары стали утихать, и охоту открыли. В рощах и на карьерах Васильевского Мха многие изумительно красивые места превратились в чёрные, покрытые золой и пеплом пустоши со сплошными завалами. Как-то, проходя по такому участку, измотавшись, я искал более лёгкий путь, и им показался гребень валовой канавы, проходящей параллельно и недалеко. С моей стороны вал был невысок. Взобравшись, посмотрел на его противоположную сторону – внизу жиденькая грязь на глубине двух с половиной метров. Да, по гребню идти легче. Сделал несколько шагов и провалился, застряв под грудью в отверстии. Выскочил, оставив за собой белое облако, и слетел вниз на ту сторону, откуда пришёл. Возможно, что тление превратило гребень в тоннель, сохранившиеся корни образовали своды, а глубину его можно оценить по положению грязи на дне рва. Что внутри – неизвестно, но дышать будет, точно, нечем.

Середина сентября. Иду не спеша вдоль высокой валовой канавы, заполненной доверху водой. Мне давно пора на ту сторону, но не соблазняют брёвна, лежащие поперёк. Дошёл до конца вала, прошёл ещё немного. Наконец, там, где была канава, – лужайка, а через неё, похоже, – тропа. На пути – ручеёк, на краю – тонкая берёзка, дотянувшись до лужайки, она уходит вверх. Осталось перепрыгнуть через ручеёк, что я и делаю. В первое мгновение не понял, что произошло. Ясно – провалился, но почему не чувствую дна, остался наплаву, не тону? Мох под левой рукой теряет

плавучесть, начинает погружаться ружьё. Пыхтя, кручусь, поворачиваюсь лицом к берёзке и выбрасываю ружьё плашмя на берег. Подтягиваюсь, хватаюсь за тонкий ствол и выхожу наверх. Подо мхом чистая вода, и на мне нет грязи. Но почему, перепрыгнув через закраину (не ручей) и, пробив мох, я не погрузился под воду? Под моховым покрывалом, возможно, это – конец. Раздеваюсь, отжимаюсь, раскрываю ранец, и вот она – разгадка! Утром нашёл два боровика, развернул картонную коробку, вложил её в полиэтиленовый пакет, поставил в ранец и, затянув карабины, высоко и плотно прижал к спине. Эта конструкция сыграла роль поплавка и позволила понять, что болото опасно, если ты прорвал и ушёл под верхний слой мха, торфяной корки или жижи.

Хотим бежать, но еле тащимся с Лёней на лыжах по просеке, пробивая по очереди глубокий снег, цепляясь носами лыж за высокую траву. До электрички остается полтора часа. Знаем, что через час наступит ночь, и, не успев выйти из леса, можем «оставить глаза на сучках». Перед электричкой, падая, перебегаем пути и влетаем в вагон, ух! Если бы не успели – ещё два часа ожидания на морозе... Вхожу в подъезд, мне на седьмой этаж, и как самое сладенькое на десерт – лифт неисправен.

***

Придётся обойти затопленный участок через берёзовую рощу. Начинаю и скоро попадаю в залитый сплошной водой березняк. Перехожу от кочки до кочки, ищу по курсу вершины хвойных деревьев. Начинает капать дождь. Когда выбрался на сухое, дождь полил, как из ведра. Я встал под роскошной елью. Ствол вдвоём не обхватить, лапы образовали над головой надёжный шатер, на земле сухо. Снимаю ранец, ружьё прислоняю к дереву, кепи набрасываю на ствол и смотрю на дождь... Знает ли дождь обо мне, знает ли ель, лес? Что было вокруг, когда меня не было, или сто, или тысячу лет назад? Именно так всё было, и так будет. Передо мной жизнь леса пока ещё такая, какой она была всегда. Что мы мним о себе? Вот она – вечность!..

Вспомнил, как до пожаров стоял на поле «А» перед входом на тихую аллею в северной части дамбы, отделяющей природное болото от карьеров. Простор, дали, вокруг – ни души... Пошёл дождь. И в тот момент, кажется, стал понимать, почему предки представляли дождь как таинство слияния и оплодотворения Небом Земли...

Вижу в просветах Терёбинское поле. До станции два часа хода, значит, располагаю временем с избытком. Достая термос, бутерброд,

присаживаюсь на ствол. Скоро встаю, бросаю конфетку со сладкой нугой за щеку и выхожу из леса. В центре поля – деревня, где дома ещё крыты дранкой, на околице – колодец с «журавлем». Но назвать сегодня эти виды пасторалью – кошунство.

Полею идти легко. В какой-то момент откашливаюсь и вдруг, как лобовой удар – почти весь запас воздуха из груди выбросил, а взять назад не могу ни капли... ещё, ещё и ещё раз – ничего! Липкая нуга... С мыслями о том, что через десяток-другой секунд трава, что перед глазами, станет последним ложе, опускаю на неё ружьё. Стараюсь расслабиться и убрать с лица гримасу, и вдруг изнутри – подсказка: попробуй носом. Подчиняюсь, втягиваю воздух по крупичам, потом с жадностью через чудом сохранившийся просвет... Набрал полную грудь... Выдохнул... Теперь можно пошутить: мол, «приснитесь ж такое»!

На войне водителя танка, обгоревшего, с перебитыми руками и ногами, с рваными ранами возвращают в строй, и как мало бывает, чтобы жизнь потерять, и достаточно силы майского жука, чтобы сохранить!

Знакомый путь: чуть полем, немного лесом, по бобровой плотине через Чернавку и – на просторы. Выхожу на скошенное поле. Обходя не спеша попутные канавы, «колочки»: межи, кустики, гидранты, иду к станции, её связная мачта видится в четырёх километрах. Вечернее солнце жёстко слепит глаза. За выпуклой серединой поля что-то заставило оглянуться. И надо бы идти дальше, но остановился и услышал будто: **«А ты успел! Ну, тогда смотри, что Я могу!..»**

Там, за спиной, где солнце своими лучами отбросило занавес, половину неба занимает тёмно-синяя туча ушедшего дождя. Под ней и на её фоне ярко выделяется стена хвойного леса, мелированного золотыми берёзами. От меня в обе стороны и к тому лесу простирается умытая и облаканная Небом жёлтая нива, справа – ослепительно-белая церковь, за ней – таинственная, торжествующая темнота. И над всем этим великолепием развернулась, опираясь на поле, огромная, сочная, многоцветная радуга-дуга – это сказка! Вновь иду к станции, но останавливаюсь, хочу запомнить. Надо идти, и вновь оглядываюсь – не забыть, не забыть... «Мне так свезло!»

Скоро сниму с себя всё, сброшу сапоги, постою немного босой на траве, умоюсь, соберу ружьё и налегке пойду на станцию. Холостая была охота? Нет! Слышал гусей, видел огнёвку, видел радугу, вспоминал детство, а главное – могу дышать!

Что может ветер

Сегодня утро для прогулки выдалось чудесное: не жарко, порывистый, свежий ветер и небольшая кучёвка. Иду полем, смотрю, как летят на меня облака, как играют с ветром ласточки...

В лесу тихо, лишь нет-нет да прошумят вершины... Впереди замелькала незнакомая вырубка. Вспомнил, прошлой осенью с той стороны слышались крики, визг бензопил и тарактение трелёвочных тракторов. Мысль о потере этого уголка леса вызвала досаду.

Иду по «змейке» вдоль делянки, то приближаясь, то удаляясь, и всё отчётливее чувствую ветер, тот самый: свежий и упругий. При очередном повороте лицом к вырубке неожиданно пронеслось «шу-у-у, шу-у-у», и вдруг я оказался в далёком прошлом. Там был такой же ветер, что сопровождал меня после того, как оставалась в высоком небе переполненная адреналином акробатика, когда под куполом идёшь на цель, и после каждого разворота парашют настраивается на новое положение, а в эти секунды в лицо и вокруг тебя – «шу-у-у, шу-у-у»...

Спасибо тебе, ветер.

КРАСНАЯ ПЛАНЕТА

Полночь. «Зелёная» линия метро на пути к Белорусскому вокзалу. На полу – крылатый муравей. Приходит мысль сначала вяло, как бы пробуя, а затем, как вспышка: вот-вот во Вселенной произойдет катастрофа, и прервётся тщательно выстраиваемая веточка длиною в миллиарды лет, и не будет слышен даже слабый рокот Грома Небесного.

На протяжении всей Истории наши предки боролись и выжили в большом Мире, чтобы у каждого из нас был свой первый, уникальный нематериальный маленький мир, соединяющий на старте три поколения. Мир, где всё по-настоящему: и любовь, и радость, и горе, и преданность, и доброта.

Миров множество, и когда исчезает один из них, а с ним память о том, первом, другие этого не заметят. Но можно сделать так, чтобы он не исчез бесследно и сохранился в твоих младших мирах. Для этого есть слово.

Один близкий мне человек говорит, оглянься, можешь не успеть. Успел и смог рассказать обо всем, что увидел.

*Мы – дети великой красной империи, явившей
неудачный опыт построения новой цивилизации*

1. Победители

Части 252-й стрелковой дивизии с ходу форсировали Мораву. Чехия, утро 5-го мая 1945-го года. Впереди – Прага, позади – освобожденный Брно. Дорога ведет на запад к возвышенности, поросшей лесом. На её ровное полотно с веками запрессованным в него булыжником отбрасывают пятнистую тень кроны растущих по обочинам деревьев. Вдоль – аккуратные, вычищенные кюветы. По европейским стандартам – обычная сельская дорога, по российским меркам – парковая аллея. По ней растянулась на марше колонна нашей пехоты, больше похожая на поток беженцев: кто на велосипеде, кто на телеге или бричке, кто на машине, большинство – пешком. Голоса, урчание моторов, шумно, звонко.

В колонне, привычно отмеряя фронтовые километры, оставив за плечами донские степи, Курскую дугу, Украину, Молдавию, Румынию, Венгрию и Словакию, шёл в запыленных сапогах от Западного фронта и Сталинграда недоучившийся студент-художник Алексей, советский офицер, лейтенант, родом из крестьян Рязанской губернии, сын русского солдата, год призыва 1922-й. Да, именно. Тот самый год, из которого до

Победы посчастливилось дойти всего лишь двум-трём парням из каждой сотни.

У подошвы возвышенности колонну встретил немецкий танковый заслон. Четыре «пантеры» выкатили из леса, издалека начали стрелять. Немцам нужно было хотя бы на чуть-чуть приостановить русских, чтобы основные силы могли оторваться и уйти к американцам, с которыми за нашей спиной был заключен мир. Наша пехота устремилась с дороги в поле, не принимая боя без поддержки артиллерии. Алексею всё было ясно: танки задачу выполнили, сейчас развернутся и уйдут – обычная тактика преследуемого врага. Он спокойно спрыгнул в кювет, прилёг, утробовал на скате тёплую влажную землю, начал что-то вычерчивать. Танки стреляли через дорогу по пехоте, бегущей по полю, один снаряд попал позади в ствол дерева у обочины и разорвался. Стена горячего воздуха жёстко ударила сзади, вдавила в землю, осколок пробил околыш фуражки, вонзился в левый висок. Алексей потерял сознание. Это был его последний бой...

До войны Вера училась в Педагогическом институте в Аккермане, что стоит на берегу Днестровского лимана напротив старой турецкой крепости. Когда она с подругами примчалась в военкомат и записалась добровольцем в Красную Армию, той страшной войне было всего-то несколько часов отроду, а ей – только восемнадцать.

Направили девчонок в зенитную часть. И выпало на их долю участвовать в обороне Одессы, отступить на Крымский фронт, защищать небо Севастополя, затем – трагическая эвакуация в Геленджик, ранение Веры, госпиталь. Но она вернулась в Севастополь в мае 44-го с частями 2-й Гвардейской Армии и видела на Графской пристани неубранные тела врага в чёрных мундирах.

Окончание войны Вера встретила старшиной медслужбы 141-го хирургического подвижного полевого госпиталя в Чехословакии, в поселке Насвад. Так дописано к коротким посланиям на сохранившихся фотографиях. Соотечественники, приняв название на слух, могли его исказить. Скорее, то был Нави-Сади: находится он в середине отрезка Будапешт-Брно, на траверзе – Братислава.

В День Победы, когда вокруг все грохотало и пело, из палаты одного героя вышел слегка захмелевшим свободный медперсонал госпиталя. В проходе появились носилки с новым раненым, Вера их задела, они упали. На носилках был Алексей. Вера, чувствуя вину, пришла к нему в палату раз, другой. Он долго оставался на поле боя без оказания медицинской помощи, и подобрали его санитары другой дивизии. Вера дала ему свою кровь, стала выхаживать. Весна, войне – конец, и в их сердцах проснулась любовь.

Когда стало известно, что госпиталь должен был выехать на Дальний Восток, Алексей «похитил» Веру.

В январе 46-го в советской Дипломатической Миссии в Будапеште они зарегистрировали свой брак и прожили в этом городе до середины 47-го. Первое время Алексей был комендантом парома, курсировавшего через Дунай, Вера – где-то медсестрой. Жили неплохо. На спички, соль, мыло, сахар в мало пострадавшей и обеспеченной продуктами Венгрии можно было выменять всё, что угодно. Яичница из тридцати яиц на завтрак, жирный жареный гусь на обед – такое стало привычным.

Жили в квартире бежавшего венгерского аристократа вместе с лохматым пёсиком по кличке Шандор. Он обожал бегать по клавишам пианино и подвывать. Наши офицеры научили его ползать по-пластунски, поэтому пупок у него был всегда голый. Победители радовались жизни, и часто по вечерам молодые пары собирались вместе. Вера к шумному обществу относилась настороженно. Алексей же на вечеринках любил подурачиться, поплясать, размахивая над головой пистолетом, обожал всякие переодевания и страшилки.

***

Летом 47-го Алексею предложили новое место службы – Сахалин. Поехали через всю страну поездом, далее пароходом. Прибыли – место занято. Предложили послужить на Камчатке. Прибыли – опять занято! Есть нечего – продовольственный аттестат просрочен. Молодые люди остаются на судне, стоящем на рейде в Авачинской бухте. Алексей плетёт из каната лесочку, из жести делает блесну и ловит с борта рыбу, улов относит на камбуз, там им жарят – капитан разрешил.

Вскоре вызвали на берег и предложили должность начальника приёмо-передающего радиоцентра на Чукотке. Находится она в Западном полушарии, недалеко Берингово море, за ним – США: остров Святого Лаврентия, Аляска. Алексей и Вера улынулись друг другу и согласились, поняв, что на этом их мытарства закончатся: дальше-то некуда.

Прибыли в поселок Провидение на западном берегу бухты с таким же названием. Напротив, через акваторию – поселок Урелики, а рядом с ним, на горе Беклемеш, над входом в бухту – радиоцентр, который обеспечивал самую дальнюю в стране связь с Москвой. Всё хозяйство – взвод солдат, в основном, бывших фронтовиков, и ряд раскалённых радиоламп в рост человека.

Жилище – вначале войлочная палатка, в ней буржуйка, позже – маленький дощатый домик с одним окошком. Утепление – запрессованный между досками мох. В непогоду в тонкие щели пурга наметала вовнутрь сугробы снежной пыли, в голове замерзал лёд. Нередко утром по телефону надо было вызывать солдат, что бы те

откопали вход из-под метровых заносов. Когда появились детишки, спать их укладывали между ног.

С открытием навигации в бухту приходили пароходы. Дрова, брёвна сбрасывали в море. Они прибывали к берегу либо их отбуксировали на вельботах. Дерево было на вес золота. Освобождающаяся деревянная тара выдавалась по списку, т.к. с её помощью можно было благоустроить жильё. Лошади, коровы, свиньи, птица дохли, не выживали. Танки, что присылали для усиления гарнизона, проваливались в мерзлоту или срывались в ущелья.

Рядом, между поселком и горой Беклемеш – озеро Ыстигэд, куда ходили в свободное время на рыбалку за гольцом. Ловили на блёсенку из пульки, из которой выплавляли свинец. Ставился маленький импровизированный шатер, расчищался снег, делалась лунка. Если лечь, прижаться ко льду, ладоням глаза от света закрыть, видно дно, гальку, рыбу. С первой кожицу долой и – на лёд. Как только рыбка замерзнет, можно сделать нарезку, строганину, посолить, достать и налить наконец, спиртику, вспомнить... и... Эх!

Зимой в гости из тундры приезжал на нартах, запряженных собачками, знакомый чукча Амуму. Сразу спрашивал:

– Калишики, водки дай!

Выпивал разбавленный спирт, быстро хмелел, выходил на снег, втыкал длинный шест, набрасывал на голову капюшон кухлянки, укутывался, ложился рядом с шестом, собачки сразу же, как по команде, пристраивались вокруг него, и до утра под сполохами северного сияния все спали. К утру над ними наметало большой сугроб, виден один шест каюра. Вдруг из-под сугроба выскакивал Амуму, гикал, и только облако снежной пыли некоторое время кружило на месте ночёвки.

В 48-м у них родился первенец, мой старший брат Валентин, в 50-м – я, Виктор, а в августе на американском фрегате по штормовому морю все мы отправились на Большую Землю, во Владивосток. Приехала три года назад молодая супружеская пара, вернулась с двумя сыновьями. Была на маме та же шинель, те же сапоги, не было синей габардиновой военной юбки, из которой сшили писцовую шубку для старшего братика.

Впереди их ждали военная служба в горно-артиллерийском полку и жизнь в бараке в ауле Дзауджикау под Владикавказом, где вкопанная до башни «тридцатьчетверка», кем-то забытая, продолжала держать оборону.

А на десерт, как приз – чистая, аккуратная Германия со следами войны, но без следов разорения, и служба в пяти советских гарнизонах 2-й Гвардейской Танковой армии.

И только в 1960-м их встретила неоправившаяся от войны Россия со своими постаревшими, покалеченными и нищими сыновьями в пригородных «трудовых» поездах и на асфальте перронов.

2. Первые шаги

Кавказ, Дзауджикау, начало 1953-го. Папа уже в Германии, нам пока нельзя. Я замёрз, вбегаю в барак, налево, по коридору, опять налево, кухня, слева у входа сидит мама у нашего столика. Я утыкаюсь в её колени, она берёт детские пальчики в свои ладони и дышит в это милое гнездышко. Начинаю понимать – согревает не только огонь.

Март 1953. Умер Сталин. Траурные флаги на всех бараках, движение танков по ближнему шоссе.

Лето 1953. Папа приехал в отпуск! Всё время летаю: он любит меня подбрасывать. А офицер-сосед берёт к себе на лошадь в седло, и мы скачем. Ночью вижу первый запомнившийся сон: земля – это одна большая стиральная доска, и когда двигаешься по ней, сильно трясёт. Но вот вокзал, широкий перрон, поезд тронулся, папа на подножке, Валя в матроске, он рыдает.

Прячемся под столом, спустив пологом скатерть. Играем в обычное «кто кем будет». Мечтаем быть солдатами или шоферами. Страшно мне, как представляю, а если вдруг опять «родюсь», то русским могу не стать.

Германия, Глау, 1953-й год. Мы с мамой пока в Союзе. Из рассказа отца: «Остановили машину у гаштета, зашли, устроились. Рядом за столиком немцы. Один долго смотрит на меня, потом встает, приближается, в глазах тревога, руки трясутся, тянутся к петлицам: «Панцер! Панцер!..» Он вновь увидел чужие танки...

Магдебург – Глау, девятое января 1954-го. Мы вместе! На перроне пушистый снег, наши следы. Садимся сзади в кабину военного «Доджа», в нём печка, через дверцу видно огонёк. Приехали. В квартире натоплено, в детской – целый чемодан новых игрушек и даже заводные обезьянка с расческой – Вале и белая танцующая лошадка – мне.

Несколько дней спустя. Папа пришёл на обед, пока ждет, начинает обстоятельный разговор с Валей. Я мешаю, пусть мало слов знаю, но надо поговорить и со мной. «Ну, давай!» Несколько раз открываю и закрываю рот: забыл все слова. «Теперь поиграйте, а я послушаю последние известия»... Не понял – они же на стенах и пачкаются.

Попытки познать мир: «Папа, а мы ходим, потому что переступаем, а Земля под нами крутится?»

Германия, Рослау, лето 1957-го. Готовимся к отпуску. Мы у парикмахера-немца. Он прихрамывает, обходя кресло, и тихо беседует с папой – они ровесники, парикмахер ранен под Сталинградом, колено парализовано. Слышу, как он сильно-сильно завидует тому, что мы будем в Москве и увидим Фестиваль молодежи и студентов.

Первый класс. На вопрос учителя, кто видел кита, отвечаю, что я видел: мы из бухты Провидение на корабле плыли. Невинная детская фантазия – мне даже трёх месяцев не было, но киты действительно были.

Мне нравятся наши солдаты, они сильные, высокие, всегда улыбаются: «Знаю, знаю, чей ты. Хороший у тебя отец». Когда солдаты идут строем на обед, останавливаюсь и жду, грянет лихо или нет: «Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех!» Если да, можно вприпрыжку бежать дальше. А когда спать ложимся, и издали доносится: «Вьётся, вьётся знамя полковое, командиры впереди...», становится уютнее и теплее в нашем доме.

Вечером гулял, завернул в солдатский клуб, уселся на пол перед первым рядом и вместе с солдатами в тишине смотрел «Летят журавли» на стареньком экране под красным полотнищем, на котором белым – «Да здравствует 40-я годовщина Великого Октября!» А меня в это время по всему городку искали!

Но не часто в клубе бывает тихо. Если показывают сладостный момент, обязательно у входа кто-то крикнет: «Дежурный (или такой-то) – на выход!», чтоб нарочно сорвать с места того, кому не положено расслабляться или того, над кем хочется пошутить. Когда виновник возвращается с претензией, становится ясно, то была игра, и раздаётся дружный хохот. А бывает, просто кричат: «Дежурный!», и снова хохот, значит, момент такой. Хорошие солдаты были в Германии!

Примерно 1958. Иду со школы. Навстречу – немецкий мальчик на велосипеде, впереди на поводке собака, он мне: «Мальчик, у меня собака!» Я в ответ: «Ду – швайн!» Зачем? До сих пор корю себя за это.

Копались вблизи двора, нашли патрон, положили в костёр и отбежали к стрельбищу. Смотрим, папа с соседом идут на обед и как раз пересекают тир, нас не видят, а когда подошли к обваловке, раздался выстрел. Папа отскочил в сторону, прильнул к валу и стал внимательно смотреть вперед. Потом мы оправдывались, что не хотели напугать, мы

играли, но только недавно понял, что папа, не ведая того, показал нам то, чему научила его война.

Близится ночь, звёзды высыпали погулять. Все стоим у подъезда нашего дома, ждём, когда «второй» советский спутник пролетит, кому-то даже время известно. Одна из мам тихонько начинает напевать: «Летят перелётные птицы...», песню подхватывают другие и тоже тихо. А вот и спутник! Но я его вижу совсем коротко, у карниза, и он уходит...

***

В январе 60-го поздним вечером в Магдебурге, где на подъезде к вокзалу ещё можно было видеть разрушенные войной здания, мы в последний раз поужинали в немецком ресторане, ножи и вилки сложили так, как показал папа, дав этим знать официанту, что наши тарелочки можно убрать. Дождались своего часа, зашли в вагон и выехали в Союз, в долгожданную неизвестность.

Уже понимаем с братом – и потому молчим – что с этого дня только сновидения принесут нас в военный городок в Рослау и подарят минуты беззаботной жизни. Наверное, в мыслях родителей всё выглядело иначе: они переступали черту, и уходили в прошлые годы жизни, содержание которых определила соединившая их война и военная служба. Они приближались к тому, к чему папа в последние месяцы всё чаще и чаще обращался вслух и в мечтах – быть рядом с близкими ему людьми, вернуться в милые сердцу места: в родное село, где вырос, в город, где учился и откуда ушел на фронт. Маме после войны возвращаться было некуда, встретиться не с кем, и главным для неё оставалось – это я сохранил в памяти – жить там, где смогут учиться и строить свое будущее её дети.

Германия, Польша, граница и Брест... Бородинское поле, при каждой встрече вызывающее трепетные чувства, всё пролетело за окнами вагона и осталось далеко позади. И вот уже перед нами неспешно разворачивается вся Москва, показывая, что до прибытия на Белорусский вокзал остаётся совсем-то ничего. По трансляции традиционно зазвучала «Москва майская». Давно знакомые слова: «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля» глубоко проникают и поднимают чуточку выше приятное чувство ожидания, безраздельно царствующее в душе.

Останавливаемся у родственников на Воздвиженке (угол Моховой), в то время улица Калинина. На четвертом этаже – длинный коридор коммуналки, как в гостинице. Из окна в его конце видно крышу «Кремлевской» больницы.

А подняться сюда можно по лестнице со двора либо на лифте с улицы. В глухом дворе – булочная и парикмахерская, а выйдешь из-под арки, налево будут Манеж и Кремль, напротив – Библиотека, а направо, за Военторгом, во втором переулке – школа. Дядя Коля помог нам устроиться, ну и пусть, что в разных комнатах. Наши соседи любезно приглашают нас приходить к ним в любое время смотреть телевизор КВН через линзу с водой, установленную перед маленьким экраном, и скоро за самовольное включение нас, мальчишек, поругали – правильно сделали. Мы быстро запоминаем и узнаём дикторов: вот эта – «Генеральша» (Леонтьева, тётя Валя), её с экрана полюбил генерал и предложил стать его женой, а эта – «Бычий Глаз», ей на ВДНХ корова глаз повредила – тётя Нина Кондратова.

Через месяц настойчивых посещений кабинетов Минобороны, доказательств и просьб папа сумел-таки добиться, что поехали мы не в Кунгур, назначенный нам каким-то планом, и не в сменивший его Барнаул, а выехали в Белоруссию, в Оршу. Вселяло надежду обещание бывшего папиного командира, высоко поднявшегося в столичном округе, что наша семья справедливо получит квартиру в Рязани, но сейчас надо принять всё, как есть, ехать, устраиваться и ждать.

Мы – в Орше. Окружающее видится мрачным, серым: много развалин, оставшихся с войны и даже в нашем дворе; люди в телогрейках, бедность, воровство под окнами. Одноклассники дразнят меня фашистом, пока папа не подошел к школе в форме и не объяснил ребятам, что мы делали в Германии, а военных в Белоруссии любят.

3. Городская роща

В ноябре мы открыли дверь в нашу новую двухкомнатную квартиру на последнем этаже рязанской хрущевки. Как и в предыдущих случаях, сыновей, не позволяя им расслабляться, утром отвели в школу. Но только спустя несколько дней смог уверенно и спокойно пойти в школу, и то только после того, как выпросил и надел кофту брата с заштопанными локтями, что сблизило меня со сверстниками, а новый красивый свитер из Германии отдали соседу. Удалось быстро познакомиться с классом, восстановиться и закончить четвёртый класс с Почвальной Грамотой. В прошлом остались смена четырёх школ, болезненная адаптация к классам и учителям, упавшая успеваемость, репетиторство, прозвища, первая стычка со сверстниками, приём в пионеры, робкие шаги без присмотра, катание на льдине в ледоход, впервые нами увиденный и услышанный на Днепре...

Состоялось честное знакомство с Союзом, результаты которого не идут ни в какое сравнение с идеализированным знакомством с ним во

время летних отпусков. Как это было, например, в дни Фестиваля в Москве или в уютной деревне с заботливыми родителями рядом. Незаметно привык к мату, к спящим пьяным на скамейках и на асфальте. Меньше стали удивлять проявления нашей природной «отзывчивости» в форме скорой грубости и хамства. Перестали вызывать вопросы частые звонки в дверь нищих, цыган и погорельцев. Привык к калекам слепым и безногим, к грохоту подшипников их самодельных тележек по мостовым, к исполняемым ими в электричках военным песням под гармонь с прицепленной алюминиевой кружкой, песням торжественным или преисполненным тоской и печалью.

Действительность, показавшаяся при первой встрече чуждой, непривычной, должна как можно быстрее стать частью нашей с братом Родины. И она начинает постепенно ею становиться. Свою родину по месту рождения нам не суждено увидеть.

Наш дом в Рязани, где в последний раз нам предстояло пожить вместе, стоял на южной окраине новостроек микрорайона «Городская Роща» или, как говорили, в Роще или Горроще. Особо осведомлённые граждане называли её Рюминской рощей.

Кварталы-близнецы в Роще строились, главным образом, для рабочих нового нефтеперерабатывающего завода, но квартиры в первых подъездах распределяла городская власть. Нашими соседями оказались два преподавателя военных училищ, несколько военных пенсионеров, один с сильным психическим расстройством, полученным из-за потери секретного документа, врач, учитель, писатель, бывший узник Бухенвальда, слесарь-выпивоха, перманентно занимавшийся ремонтом входной двери и т.д.

Между микрорайоном и старым прудом, за которым проходил железнодорожный путь в Поволжье, за Урал и в Азию, лежал средних размеров массив лиственного леса с тем же названием «роща», получивший позже статус городского парка и красочную вывеску над входом: ЦПКиО. Забавный случай – среди граждан, собравшихся у кассы, живо обсуждался вопрос: «Что это значит?» Стоявший неподалеку милиционер отреагировал немедленно: «Центральный парк культуры *имени* Отдыха». Здорово, да?!

Через эту рощу лежит самый короткий пеший путь к центру города. Мы часто им пользовались в обоих направлениях: утром на тренировку или на военную кафедру, на заре со свидания, чтоб успеть позавтракать и побриться перед работой, или просто, желая сохранить в себе утреннюю свежесть, отказавшись от перспективы тащиться в троллейбусе через добрую половину города. Мы, дворовые мальчишки, пока нас объединяла

школа и немудреные интересы, часто топали ночью пешком на рыбалку через нашу рощу, чтобы не пропустить зорьку на Оке.

В роще у пруда возвышался второй в городе по значимости стадион «Трактор». На стадионе проводились футбольные матчи, игры в хоккей с мячом, соревнования конькобежцев, мотогонки на льду, массовые катания на коньках с музыкой, спортивные праздники с парашютными прыжками и, конечно, драки. В пруду водился карасик, и в иные дни над его гладью торчало удочек «больше, чем рыбок в пруду». У обрыва обосновалась лодочная станция. Можно было выбрать место на берегу и наверняка дожждаться, когда на акватории пруда разыграются абордажные схватки подвыпивших мужиков с последующим опрокидыванием народа в одежде и без неё в мутные воды, покрытые зелёной ряской.

Вблизи стадиона располагались спортивные павильоны и площадки, и среди них – несколько для игры в городки. Сюда мог зайти любой и покидать биты, далеко были слышны их щелчки. В роще было построено несколько аттракционов и концертных площадок, на одной из них годом позже, летом, выступал экзотический кубинский ансамбль, стояли и мы среди зрителей. Валя уже изучал английский и несколько слов попытался сказать приветливому немолодому солисту-негру. Кубинец был так растроган, что предложил обменяться часами, и те, и другие были хороши, но у Вали – австрийские, подарок родителей. Обмен не состоялся.

В первую зиму, почувствовал это сразу, в меня по-соседски влюбилась девчоночка Ирка. Гуляю во дворе, и она гуляет, повернулся и вижу, она смотрит и улыбается нежно. С того дня, сделав уроки, только выйду из подъезда, а сердечко уже постукивает, и тоже стал ей улыбаться, наслаждаясь тем незнакомым, но приятным, что начинало кружить внутри меня. Ира молчит, и я молчу, и улыбаемся друг другу детскими глазами и губами. В школе на перемене спускаюсь на её второй этаж и, напустив на себя озабоченный вид, пробегаю по коридору, а сам ищу её глаза, увидел и мне хорошо, и первые пять минут после звонка учителя не слышу.

А в первую весну всем нам посчастливилось пережить незабываемое событие. Это произошло 12 апреля 1961-го года. Яркий, солнечный день. На большой перемене узнаём – Гагарин! Всё, уроков не будет! Ликование теснится в груди. Бегу домой. Громкоговорители на крышах тоже безумно рады тому, что их освободили от ожидания регламентированных событий, и в паузах между маршами и патриотическими песнями повторяют: «Передаем сообщение ТАСС!». Вечером папа суетится у телевизора, ищет ракурс и на короточках делает снимки экрана.

Незаметно пролетели два года – школа, авиамодельный кружок, библиотека, исполнение маминых поручений, лыжные прогулки,

восхитительные каникулы в деревне и тому подобное. Но идиллическое течение жизни в кварталах, подобных нашему, долго продолжаться не могло. В подтверждение тому – происшедшее со мной теплым весенним вечером в соседнем дворе. Покатавшись на качелях, уступил кому положено очередь, и дважды оттащил от качелей капризного Мелкого. Тот убежал и скоро вернулся со старшим братом и гурьбой пацанов, среди них я заметил своего соседа по лестничной площадке, он сосредоточенно исподлобья через челку смотрел на меня. Брат Мелкого, крепкий, коренастый, широкогрудый парень, по подсказке «вот он!» подошел ко мне и без разговоров въехал кулаком в лицо. Этого со мной никогда ещё не было, во мне застыл, не найдя выхода, крик: «Это не справедливо, не честно, виноват Мелкий!» Я поднялся, старший со словами «ты так» въехал мне еще раз. Я встал и ушёл без слёз, глотая обиду. При следующей встрече с соседом услышал от него замечание, как от более взрослого и опытного:

– Не надо было подниматься, второй раз не получил бы.

Неужели следовало поступить именно так: упасть и заплакать, или убежать под свист и улюлюканье, заработав в этих дворах на всю жизнь репутацию трусливого слабака?

Лет пять миновало с того дня, наблюдали со стороны, как к моему соседу, свидетелю той далёкой «расправы», подошли «мстители» и парень из параллельного класса, приведший их. После короткого разговора сосед получил удар, правда, неполноценный, скользкий, сразу упал на землю (показалось, что сам), сжался в комочек и закричал:

– Ой! Мой глаз, гла-аз, гла-а-аз!

Нападавшие постояли в нерешительности, развернулись и ушли. Сосед встал, отряхнулся и подошёл к нам, довольный хитрым приёмом.

Прошло время, дети взрослеют быстро, обиды проходят, и все последующие годы, что я прожил в Роще, встречаясь во дворе со старшим братом Мелкого (конечно, помню – Витька Оськин), ни Виктор, ни я не задавали себе вопрос, кому из нас на этот раз первому здороваться.

До сих пор помнится всякая чушь. Вот на пустыре напротив школы, рассчитавшись на две команды, начали играть в футбол. Мне надо остановить атаку Афони, обошёл его спереди, отобрал мяч, но тут же получил толчок ладонью в спину и полетел грудью в пыль. А ведь только что все азартно спорили, как надо мяч из-за боковой вбрасывать, а здесь – грубое нарушение и тишина?...

Посмотрели новый французский фильм «Три мушкетера» и давай на стройках носиться со «шпагами», каждый себе – Д'Артаньян. Вот успешно дожимаю на открытом этаже Рошфора-Сошникова, тому надоело, подошёл и ткнул новичку в зубы.

Подобные примеры испытания обидой, несправедливостью привели к тому, что в моём характере стали более заметными чёрточки, говорящие

о стеснительности, неуверенности, замкнутости и даже угрюмости. Эти качества приводили к появлению новых причин для детских огорчений, а те, в свою очередь, – к укреплению так мешавших мне новых качеств.

***

Неожиданно между нами с Геной возникла дружба. Он учился в 5-й школе, жил этажом ниже с отчимом, писателем, и был на два года старше, имел сходство с Ван Клиберном, шапку русых волос, впалую грудь, худые широкие плечи и кавалерийскую походку, сутулился.

Гена разводил рыбок, и я стал разводить. Он читал Дюма, и я стал читать Дюма. Он шёл кататься на коньках на «Трактор», и я шёл, раздобыв старенькие коньки. Но Гена умел, и всякий раз из дома выходил на коньках. В какой-то вечер повторяю это, но, быстро устав, ушёл со стадиона один, добрался кое-как до пустыря перед домом и преодолел его уже ползком, утопая в снегу и глядя с мольбой на свет в наших окнах.

Гена предложил купить простенькую модель яхты. Принесли домой по коробке с деталями, то у него, то у меня, помогая друг другу, собрали. Свою яхту Гена покрасил сам, я попросил папу – он художник. Вышло красиво – белая мачта, белый мостик, кирпичного цвета палуба, чёрный корпус и киль. Краска легла профессионально. А когда увидел, что получилось у Гены, я расстроился и позавидовал. Оказывается, что покраска, выполненная неумелой рукой, создала яхту, потрепанную бурями, тёртую коралловыми рифами, а ватерлиния, проведенная нетвёрдо, смотрелась так реалистично! Ну что, теперь надо шить стаксель и грот. Робко спросил маму, не разрешит ли она использовать старый шёлковый пионерский галстук: мне казалось, что это кошунство. Нет, мама разрешила и помогла правильно скроить и закрепить паруса на мачте и рее. Вечером я поставил яхту килем на письменный стол рядом с аквариумом и укрепил подпорками. «Завтра выходим в первое плавание!» Глядя добрый десяток покойных минут на этот пейзаж с рыбками, прокручиваю в голове всякие детские фантазии. «Да, жаль, капитана нет... Ладно, вылеплю, но потом, если захочу».

Мы с Геной семеня вниз по Островского к роще, через рощу – к пруду. Встречая редких прохожих, гордо смотрим на наполненные утренним ветерком паруса. И вот перед нами открывается гладь пруда. Толково, с учётом направления ветра, выбираем берег. Уходим с головой в инструкцию, настраиваем грот и стаксель на боковой бриз. Отматываем ниточку с катушки, привязываем её к носу и закрепляем несильно пластилином на корме. Осторожно испытываем оснастку вблизи берега и отпускаем оба фрегата в рискованное плавание, сматывая потихоньку нитки с катушек. Проследив за яхтами почти до встречи с противоположным берегом, дёргаем за нитки, срывая пластилин,

разворачиваем испанские галеоны носами на нас и только успеваем нитки выбирать. Праздник состоялся! Повторив несколько рейсов в Индию за чаем и пряностями, идём домой, испытывая друг к другу уж очень хорошие чувства.

Но однажды мы с Геной поменялись местами. Он увидел у меня нечто, что захватило его. Мы с Валею еще в Германии стали лепить солдатиков, продолжали в Рязани. Когда наши армии увидел Гена, они его поразили, и было чем. Общее количество солдат в каждой армии наполеоновской эпохи доходило до полутора сотен. В каждую входили пехотные, кавалерийские полки, артиллерия, генералы. В полках было в среднем по двадцать солдатиков, у коней разной масти попоны и седла, у пушечек крутились колесики. Высота солдатика не превышала пяти сантиметров. Цветовые решения и подбор амуниции в основном были выдержаны: у папы были альбомы с цветными репродукциями. Мы поражали армии друг друга, ползая по полу и выстреливая воздухом из трубочки вначале пластилиновую болванку, позже усовершенствовали ее, проткнув иглой и закрепив на ушке стабилизатор. Вскоре и у Гены появилась своя армия разноцветных неуклюжих гоблинов и троллей в киверах с плюмажами, а у нас третий игрок, ожидавший своей очереди. Естественно, что это увлечение пришло к нему поздно, и для нас всех не могло иметь долгого продолжения. Игры постепенно отошли на второй план и вскоре исчезли из области наших интересов.

В конце августа, закончив шестой класс и приятно отдохнув в деревне, встретил Гену во дворе нашего дома. Оказывается, после восьмого класса он поступил в музыкальное училище по классу «Кларнет»... Выходило так, что ему удалось скрыть от меня, как музыка прекрасна, и что он давно увлечен ею? Значит, он знал, что не сможет разделить со мной любовь к искусству, и мы не сможем вместе заниматься изучением клавиш на этом загадочном инструменте, я догадывался, что он духовой.

Как-то перед Новым Годом зашёл Гена и пригласил меня в гости – ему подарили кларнет! Спустились на этаж, зашли в его квартиру. Я устроился в кресле у книжной полки. Гена вынес дивную черную трубочку с блестящим тюнингом по всей длине, дал потрогать, показал, что надо сделать с губами, как следует нажимать клавиши, чтобы из раструба внизу полились чарующие звуки.

Гена набрал полную грудь, покачался немного и, облизнувшись, начал играть. Не тут-то было! Спрятавшиеся звуки не хотели поддаваться нажимам пальцев на клавиши, они повели себя, как непослушные маринованные маслята на тарелочке. Странно, ведь раньше как: замелькали палочки в руках – дробь, выдул из себя в горн серию воздушных подач, получи сигнал «На зарядку становись!», – и всем слышно. Здесь же – мы-э, зы-э, си-ьи. Гена покраснел, на лбу выступила

испарина, снизу из трубочки закапало. Звуки строились веселым «трамвайчиком», но никак не составляли мелодию, ну, только что, может быть, – это джаз?! Да, на этот раз, точно, хорошо вышло, что не повторил в себе его увлечение, тем более, не имея слуха (себе я мог в этом признаться).

Мы продолжали иногда встречаться. Гена окончил музучилище и устроился на Приборный завод настройщиком электроаппаратуры за хорошие деньги и на зависть дипломированным инженерам. Наверное, в отделе кадров приняли во внимание наличие у кандидата в настройщики музыкального слуха.

Однажды, я уже институт заканчивал, к нам позвонил Гена. Встретил, прошли в комнату. В моих руках был исполненный в металле барельеф по рисунку с картины Леонардо да Винчи «Битва при Ангьяри». Материалом послужила отпущенная на пламени пластина от ротопринтера. На пластину с обратной стороны шариком ручки нанёс контур, затем с соблюдением очереди, выстроенной по направлению к зрителю, осторожно на подстилке выдавил контур деревянными лопаточками. Перед звонком, в течение часа знакомство с собственным творением упорно подводило меня к разочарованию: рисунок выполз на край пластины и в законченном варианте, находясь на основе, уходил в загиб. Мы с Геной поболтали о том и о сём, потом он, как Вини Пух в гостях у Кролика, ещё и ещё раз посмотрел в сторону моего творения, вздохнул и... получил его в подарок.

***

Большинство ребят нашего двора были из рабочих семей, со своим видением жизни, своей правдой и опытом. Сравнить этих «непутевых» ребят с «благополучными» мальчиками можно, разве что, как дворняг с породистыми собачками. Как в любой модели сообщества, среди них тоже встречались такие, кто держался сам или кого удерживали на расстоянии: они могли быть не до конца честными, не всегда смелыми и добрыми, могли быть глупыми. Если они не исчезали раньше со сцены, как это случилось с Борей, прострелившим ногу чужому мальчику и вышедшим «в бега», приходило их время. Когда другие определялись и выходили в большую жизнь, освобождая позиции в дворовой иерархии, эти быстро занимали вакантные места, что незамедлительно приводило к эрозии дворового коллектива.

В Роще, кроме непутевых и благополучных ребят, были хорошо известны и другие распространенные в то время категории, например, шпана и стилиаги.

Стиляги появились около пяти лет назад, после громкого московского фестиваля и до середины 60-х еще можно было натолкнуться на следы этого явления.

За толстым стеклом внешней стены холла кинотеатра «Юность» зима не спеша, похоже, на всю ночь, намерена была раскрутить метель. В холле, отметившись у билетера, появился, привлекая к себе внимание, парень, и равнодушно, направив взгляд в бесконечность, прошёл мимо. На нём было голубое полупальто, на шалевом воротнике приличный мех, под ним взбитый до носа красный шарф, дудочки, ну, и всё остальное. Головной убор заменял соломенного цвета гребень собранных в «кок» волос, немного опускающихся ко лбу и тут же призывно уходящих вверх и назад. Спрашиваю: «Кто это?», товарищ отвечает: «А, ерунда! Это Солнышко, стилига, он безобидный». Услышал, что знают его все, в компании видят редко, почти всегда один, эдакий красавчик-блондин с романтическим прозвищем. Рощинская шпана Солнышко не трогала.

Ну и что! Мы тоже могли смастерить на своей голове модную прическу, всё просто! Хочешь «кок», но у тебя нет ни старшей сестры, ни лака, то разведи сахарный сироп. Хочешь «на пробор», как у Марчелло Мастрояни, – пробрей полоску в парикмахерской и смажь волосы бриллиантином, в крайнем случае, конопляным маслом, но чуть-чуть, и не так, как Веник на прошлой неделе, что на перемене пришлось из его волос вынимать розовые комочки. Солнышко, конечно же, имел лак, по-другому и быть не могло.

В нашей школе надолго задержались и не спешили её покидать два неразлучных друга, имён не помню, которых окружающие тоже называли стилигами. Один повыше, светлый, имел образ молодого Западного, второй темноволосый, утончённый – образ юного Тихонова. Одеты модно, по тем временам безукоризненно и недёшево: пиджаки, дудочки, цветные рубашечки, остроносые туфли (в 60-х манку не ценили), высокие «коки» на голове. Не торопясь, они фланировали по коридорам, оставляя за собой запах неведомого одеколona. Оба беззлобно, свысока и эдак небрежно отвешивали щелчки в макушки малышей. С учителями корректны, учителя с ними вежливы. Моральные устои... не скажу, но к нам на урок пения в роли солиста часто приглашали «Западного», и мы видели, как он с искренним чувством на лице и в глазах исполнял для нас «Бухенвальдский набат». Вспомнил – Тимошин!

До конца 60-х не было покоя Роще от местной шпаны и набегов враждующих с нею соседей. В те времена в нашем городе существовали группировки Рощинская, Галенчинская, Приокская, Привокзальная, Шлаковская, с улиц Школьная и Весенняя, небольшая в районе клуба «Красное Знамя» и т.д. Бродили вечерами по улицам и жилым кварталам кодлами по несколько десятков человек. Сегодня их лидером стал Храп,

завтра будет Рубец или Рак, пройдет какое-то время, и на верхнюю ступеньку взойдет всегда пьяный Коля Черный, а спустя полгода перекроют движение и помчатся с криками и воплями по проезжей части, толкая впереди толпы инвалидную коляску, в которой восседает Таксист, их очередной кумир.

Шпана тоже имела свой шик, свою моду и своих пижонов. Типичный облик, державшийся до середины 60-х – надвинута на глаза папаха (фасон, как у членов Политбюро), или шапка с отпущенным на волю передним клапаном, или широкая кепка. Телогреечка расстегнута до талии и отброшена с плеч на лопатки, красный шарф, узкие брючки с маленькими разрезами на щиколотках, красные носки. Кто победнее, у того кирзовые сапоги с отворотами и роль последняя. При этом обязателен громкий хриплый смех, на краю губы висит сигарета, подбородок приподнят и взгляд вызывающий, колючий, скачущий: врезать, врезать кому-нибудь. Когда молодежь в середине 60-х надела клеш, шпана дудочки расширила внизу клиньями в складку, а внутри складок повесила цепочки. Но это всё от бедности. К концу 60-х их мода и их стиль постепенно исчезли: зарплата стала повыше, товаров стало побольше. Мечтаешь о полушубке, хочешь курточку или болонью купить: немного подкопи, займи и – пожалуйста! Но я успел, пока шпанская мода не ушла в забвение, прикупить на базаре телогреечку за восемь рублей, перешить петли и пуговицы, придав ей трапециевидный силуэт, и в иные вечера побродить в компании с Толиком по дворам, опустив небрежно «москвичку» на брови и обмотав зеленый мохеровый шарф кольцом вокруг шеи. Да, признаюсь, дудочек у меня никогда не было, и офицерские яловые сапоги надел только один раз в весеннюю распутицу.

После нескольких налётов шпаны на общежития радиотехнического института и повального избиения студентов, институт собрал своих дружинников, спортсменов, сочувствующих и провёл в Горроше с молчаливого согласия милиции зачистки, буквально выдергивая из квартир наиболее насолвленных, а сейчас притихших блатных, отмеряя им плату, соразмерную их заслугам. Жалоб не было. Немного позже примеру института последовал нефтехимический техникум. Организация иная, цели непонятные, однако причина та же – месть за блокаду общежитий и избиение учащихся местной шпаной. По ночным кварталам потекли ватаги молодых агрессивных парней, получивших индульгенцию на драки. Однажды мы с товарищем, прощаясь, надолго задержались у его подъезда. Хорошо, вовремя заметили, как с обеих сторон вдоль стен к нам бегут пэтэушники. Мы рванули в подъезд, в узком проходе, ставшем нашими Фермопилами, приготовились к худшему, и наудачу в первых рядах нападавших оказался студент, занимавшийся в парашютном кружке у моего товарища. Нам повезло.

Своя шпана скоро присмирела, чужая от набегов отказалась и, если продолжала, то только на границах Рощи. Милиция и администрация утихомирили опьяневший от безнаказанности техникум.

4. Пацаны

Время прощания с безмятежным детством совпало с приходом в наш класс Толи Яковенко, отставшего на два года от своих сверстников из-за болезни. Толик – высокий худой блондин, заметно выше меня ростом, нос с горбинкой, чувственная нижняя губа, голос «с хрипотцой», походка вихляющаяся, мог рассмешить, да и сам был смешливый. Толя шустро катался на коньках, быстро ходил на лыжах, классно бросал шайбу, ловко сплёвывал, свистел без пальцев и уже курил. Лидеров не признавал, и не стремился им стать. Короче, девчонкам он нравился. На уроках математики мы с ним первые тянули руки, чтоб ответить на устный вопрос или показать Валентине Ивановне ответ в тетрадке. Как случилось, что мы стали дружить, не помню. Но моим родителям он пришёлся не по душе. Его отец, дядя Костя, был старше моего, прошел в пехоте всю войну, был прост и немногословен, видно, что устал от жизни. И он, и тётя Маруся относились ко мне тепло и приветливо.

Именно через Толю я сошёлся с другими ребятами нашего двора. Меня быстро приняла дворовая команда, и тут же, как Джокер, злорадно улыбаясь, начал душить в своих объятиях переходный возраст. Для родителей наступал период бессонных ночей. Начались шатание допоздна по соседним и дальним дворам, длительные перекуры в подъездах в морозные вечера, поиск причин для выплёскивания адреналина. Но все-таки большую часть времени мы проводили вдвоём с Толиком, умным и здравомыслящим парнем в этой весёлой компании.

От улицы Островского, где стояла наша школа, до окружной дороги простиралось пространство, нарезанное на части первым, вторым и третьим оврагами. За горизонтом был ещё один овраг, за ним – берёзовые перелески. Мы назначили себя первооткрывателями всего этого края. Гуляли с целью и без цели, куда глаза глядят: захотим – до железной дороги, по которой в сторону Ростова и на Москву мчались поезда, захотим – до факела НПЗ или круто вправо – до учебных площадок десантного полка. Целями походов вдале могли быть грибы осенью, зимой – бесшабашные лыжные спуски со склонов крутых оврагов. Бывали и другие дни, когда таскали мы с собой за пазухой самодельные «поджигные». Мы не могли истребить в себе благородный инстинкт, полученный в наследство от наших далеких предков.

Летом, естественно, маршрут пролегал в обратном направлении – к Оке. Все непутевые ребята нашего двора обожали вольную рыбалку без

опеки старших. Мы сами выбирали погожий денек, договаривались и в два ночи встречались во дворе, чтобы прибыть на любимое место к рассвету, на зорьку. Шли через рошу, спящий город, за ним – к берегу Оки у плашкоутного моста, на северо-восток, навстречу солнцу. Дальше – через мост мимо пляжа, если идём на заливные озера или к обрыву напротив Луковского леса, или – вниз по берегу на речные перекаты.

За мостом наш путь лежал через пойменный луг в излучине Оки. Если на перекаты, то сразу перед мостом – вправо, мимо Орехового озера и – полем вдоль берега. В темноте, вслушиваясь в скрипучие крики коростеля или дергача, в пересвист перепелки, болтали и порой не замечали, как разбрелись на пары. Чтобы найти товарищей, не станешь кричать: просто опустишься на корточки и всматриваешься в горизонт, пока не заметишь сторбленные под рюкзаками силуэты с бамбуковыми удочками.

А могли с вечера обосноваться на берегу, договорившись о встрече перед тем как разбежаться по домам на обед. У воды, пока светло, запасали дрова для костра, готовили место для сна, расставляли донки. Собравшись в кучку, сидя и лежа у костра, отмахиваясь от комаров, переворачиваем прутиком картошечку, с выражением в голосе и на лице, которого не добьёшься в классе, вспоминаем смешное из «Развода по-итальянски», зажимая между пальцами длинный белый мундштук, как у Марчелло, пересказываем анекдоты о Вовочке и Чапаеве или суровые байки отцов-фронтовиков.

Некоторые рассказы на всю жизнь врезались в память. Достаточно привести два. Первый: бойцы, всегда голодные, заметили, что их товарищ в своем котелке варит мясо, но не делится и, где берёт, не говорит. Проследили, оказалось, тот выползал на нейтралку и срезал его с замороженных тел. В первой же атаке от этого солдата избавились... Теперь второй, он будет помягче: молдаван, румынских военнопленных и репрессированных привезли «на Севера». Подкатили кухни к вагонам, расставили очереди и, не выдав посуду, приступили к раздаче похлебки. У многих в руках стеклянные банки. Подходит Петру-смуглянка к кухне, держит банку в руках, к ней подносят черпак, ра-аз! – и в ошпаренных ладнях только полоски квашенной капусты... Ладно, хватит об этом!

В ночи, на фарватере, мерцают красные и зелёные огоньки бакенов, изредка проходят с музыкой, шлёпая колесами, пароходы, отражая в волнах свет окон и фонарей, всегда при этом с шорохом оттягивая к себе в глубину воду, а затем выкатывая её с шумом на берег. Все это время прислушиваемся к всплескам и стараемся не пропустить за своими голосами звон колокольчика, и вздрагиваем, если вдруг ухнет и начнет лязгать железом невидимая драга.

Кто-нибудь из нас вставал, выходил из круга, потягивался и подставлял разгорячённое лицо ночной свежести, всматриваясь в темноту.

Оглядывался и думал, что только к нему Луна протянула серебристую тропинку по чёрной воде, и только для него вспыхивают трассеры в звёздном небе.

Создателем повенчанные передо мной лежат Река и Берег. Он дремлет, отдавая ей тепло, Она его ласкает и всякий раз, кем-то потревоженная, возбуждаясь, спешит покрыть любимого прохладными и влажными поцелуями.

Поёживаясь в ожидании рассвета, запрокидываю голову и удивляюсь высокому небу: сзади может быть звёздная, ясная ночь или подоблачный сумрак, а впереди разлилась лазурь, в которой скоро растворится яркая Венера. Невидимое солнце, приближаясь из-под земли к горизонту, наконец, прикасается своими лучами к серым барашкам лёгких облаков, медленно плывущих на большой высоте ему навстречу, и перекрашивает их в розовый, а затем в золотистый цвет. И вот уже прищуриваюсь и чуточку отвожу взгляд от расплавленного кусочка солнца, вспыхнувшего у самого горизонта, пробив землю. В эти короткие минуты ловлю себя на мысли: «Здорово, что победил лень и выбрал ночь, чтоб увидеть восход!»

Рекой, в которой искупался впервые, была Эльба, несущая свои тёмные воды через всю Германию в Балтийское море, не забывая пройти под мостом, соединяющим небольшие немецкие города Дессау и наш Рослау, где жили мы в военном городке танковой дивизии. В Союзе, не считая мелких речушек, большими реками, где посчастливилось искупаться и поплавать, были Ока, Дон, Днепр, Кубань, Западная Двина и Волга. Конечно, самые приятные воспоминания остались от времени, проведенного на Оке. Мы купались в этой чудесной реке всё лето: с ребятами нашего двора на пляже и на перекатах, с двоюродными братьями и сёстрами напротив родного села Половское.

С пацанами нам нравилось, сбросив одежду на пляже, пройти немного выше по реке, отплыть на какое-то расстояние от берега, там прекратить махать руками и помчаться с криками по течению. Пролетая под настилом разводного моста, успеть, вскинув руки, ухватиться за перекладину и повисеть минут пять в тени между понтонами в сужившемся быстром потоке, болтая о всякой чепухе и слыша над собой голоса, шаги, скрипы и шуршание колес. Нравилось по сигналу всем сорваться и понестись дальше, и по очереди, как можно выше, вылетать вверх, вытянув руки над головой, в эти секунды успеть набрать полную грудь и солдатиком уйти под воду, и там, в тонко звенящей глубине, на пределе, почувствовать ногами дно, извернуться и схватить в кулак серый песок. Выскочить наверх и, победно улыбаясь, показать ладонь друзьям, при этом незаметно проверить, видел ли берег мою ловкость.

5. Половское

В старину село Половское было родовым поместьем одной из ветвей князей Кропоткиных. Село расположено на правом берегу реки Оки, выше по течению Старой Рязани примерно на 18 км. В этом месте лесостепь сходит к широкой пойме оврагами и буграми. Как раз на таком изломе и стоит село. В пойме – заливные озера и бесконечные луга, на лугах – стада коров, овец, гусей, табуны лошадей. На реке напротив села и ниже с довоенных времен остались песчаные косы, намытые драгой при очистке русла. В то время, точнее, в 1938 году и был найден тот древний чёлн-однодеревка, что был подарен жителями села городу и выставлен под навесом перед входом в Рязанский краеведческий музей.

Добрые 60-е. Наш дом стоит в пологой ложине в середине улицы Клем, продолжение которой ведёт через насыпь на «поляну» к Ромашинной будке над рекой. Дом кирпичный, пятистенок, заменивший сгоревшую в 1927 году избу. С крыльца виден спуск с бугра, по которому летними вечерами деревенские пацаны верхом без сёдел шумно и пыльно гнали в ночное табун гнедых и рыжих лошадей, но если взгляд выхватит в нем каурую или белую, то видишь только её. Слева от крыльца – ворота в малый дворик, справа на стене – пластина с нарисованной лопатой, как памятка, с чем бежать на пожар, палисадник с рябиной, плетень и ворота в сад.

Если подняться на бугор – его часть со спуском называли «глинице» (всегда, как приедешь, бегом на глинице осмотреться) – перед взором предстанет всё очарование окружающего мира, а внизу под берёзой – наш дом и часть сельской улицы с мелкой ромашкой по краям. Хорошо становится на душе, когда ступишь босыми ногами на эту дорогу, и пальцы погрузятся в бархатную пыль, а сделаешь шаг, между пальцами выпорхнут фонтанчики пыли.

Входишь – чудесный запах в сенях, деревенский квас на лавке. На первой половине кухни, русская печь с лежанкой, под ней подвальныйчик для обогрева молодняка в холодное время года. Герань на окнах, на стене довоенный пейзаж, написанный отцом: берег Оки у Пашкиной будки, песчаных кос ещё нет. Под ним подлинный Высочайший Манифест 1905 года: *«Божиею Милостию Мы, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая...»* В центре стол, в его ящичке – питерское дореволюционное фото дедушки с товарищем в царской форме на фоне низкой чугунной решётки городского сада. Во второй комнате окна в сад,

фотографии на стенах, комод, а в нём... старинные солдатские пуговицы с орлом!.. штык четырехгранный от трехлинейки!

Перед внутренним крыльцом малый дворик, где проходит вечерняя дойка с раздачей парного молока, на заборе – поржавевший ребристый диск от «Льюиса», шест со скворечником, в углу наши бамбуковые удочки, а черви для рыбалки предусмотрительно спрятаны от кур под крыльцо.

За домом в саду – сарай. На его ближней половине содержится всякая живность. На дальней – двухъярусный сеновал, у входа место для слесарных поделок с наковаленкой из рельса, инструмент, вдоль стены крестьянская утварь: серпы, коса с рамкой для скашивания пшеницы и ржи, хомут, ремни; баллон от шасси Ту-104, вёсла... наши луки со стрелами. Пол земляной, прохладный. Крыша крыта соломой. Изнутри у её основания и по стропилам множество наклепленных гнёзд деревенских ласточек, их отличает от городских красное пятнышко на горлышке.

Летом мы обычно ночевали в сарае. В притихшем саду в смородине пел соловей. Около десяти дробно пролетал по насыпи «вернадовский» скорый. Изредка доносилось постукивание деревянной колотушки, с которой жители каждую ночь по очереди обходили село, проверяя, нет ли какой беды.

Лёжа на душистом сене, мы болтали. Под нами вздыхала и пережевывала траву корова, от неё доходили вверх смешившие нас звуки: журчание и шлепки об пол. Если мы не собирались на рыбалку, то звон утренней дойки не будил нас, а возвещали нам о приходе нового дня раннее щебетание суетливых ласточек и яркие полоски света в свежем воздухе и на стенах.

А за сараем по южной границе сада в тени ракии дремлет, покачиваясь в песчаном русле, ручей Клем (наверное, жил когда-то на его берегу давший ему имя Клемент). Там среди ивовых кустов поджидает, как говорила бабушка, непослушных малышей Телешиха.

***

Наш дедушка, Андрей Филиппович, родился в 1896 году. В Первую Мировую дед Андрей попал в учебный батальон 268-го пехотного Пошехонского полка, который располагался в пригороде Петрограда, на Охте. Участвовал в столичных парадах и нам, внукам, рассказывал, как матрос выносил на руках царевича Алексея, как проезжал вдоль строя Собственный Его Императорского Величества Конвой, «все одни абреки, зубы скалят».

Получив унтер-офицерское звание и лычки на погоны, дед с очередным пополнением был направлен на Западный фронт в свой воюющий полк. Летом 1917-го в наступательных боях за Сморгонь в неудавшейся атаке деда Андрея ранило. Наши солдаты по окопу отбежали

немного и остановились. Дед присел за поворотом, но его бедро было заметно в просвете окопа, застучал немецкий пулемет и три пули попали в ногу. Отправили Андрея Ф. в Ташкент.

Мы застали то время, когда железная дорога этого направления проходила между селом и поймой Оки сначала по обрыву у станции, дальше, где начинался луг – по насыпи. Вид от станции на дальние дали, Оку и луга изумительный, в небе кричат чибисы, по ночам в траве – коростели и перепела, по фарватеру шлёпают колесами пароходы, чистый песок по берегам и на косах.

На нашей станции поезд с ранеными сделал остановку. Вышли из вагонов на левую сторону офицеры, сестры милосердия («барышни»), санитары. Офицеры «папироски закурили», все восхищаются видом, а дед, как был в нижнем белье, свалился с правой стороны с подножки в лопухи и крапиву, затаился. Поезд ушёл. Дед Андрей лежит. Видит, идёт кум Иван, он его позвал, попросил, чтобы Поля с лошастью подъехала, забрала его. Так для нашего деда закончилась первая война...

Затем была Гражданская. За ней – Отечественная. Дед Андрей воевал в пехоте сержантом, пулемётчиком. Был дважды ранен: в 43-м в Курской битве в голень с повреждением кости, в 44-м на Ленинградском фронте при прорыве Восточного вала – в коленный сустав. Награждён медалью «За боевые заслуги».

Когда был совсем маленький, и мама с нами в конце 1953-го в Половском ждала разрешение на выезд к папе в Германию, мы с двоюродной сестрой Таней забирались к дедушке на колени, соперничая, лазили ручками за пазуху, под гимнастерку, дедушка нам делал «Бух!», мы пугались и повторяли вновь.

Спрашивал, повзрослев, есть ли у нас предок, который был под Бородино, как звали?

– Да, был... Фома! – с ходу отвечал дед низким приглушённым голосом.

– А почему бабушка Поля черноволосая, смуглая и нос не маленький?

– Так она ж турчанка, её предков привезли с войны.

Кажется, все верили в это.

Дедушка был спокойным человеком. Громких слов мы от него не слышали. С утра он, не спеша, занимался хозяйством: убирал в хлеву и разносил навоз, ухаживал за рассадой и прививал деревья, правил плетень, сушил сено, завозил торф, сбивал масло и так далее. Нас помогать не упрашивал, просто говорил, что надо сделать, например, отнести мешки с огурцами на станцию. Мы взваливали на плечи и несли, а за нами дедушка, искусно лавируя между неровностями дороги, толкал перед собой тележку с остальными мешками. На этом неблизком пути по

жаре я видел, как мой первый трудовой пот сбегал каплями по сгибу локтя.

Мне было лет двенадцать и, как обычно, летние каникулы я проводил в деревне. Я уже много знал о дедушке, гордился им. Конечно же, обыкновенный пионер, задавая вопрос, какое у деда было хозяйство до революции, ожидал услышать, что он был самый что ни на есть последний бедняк. Всё оказалось не так: хозяйство было крепкое, две лошади, три коровы, овцы и т.д. Ну, я и спросил: как ему советская власть.

– А что, справедливая власть, – негромко ответил дедушка, продолжая мастерить у входа в сарай.

Об этом можно было бы не вспоминать, но лет через двадцать – я уже был офицером, служил на Кубани – эти слова довелось услышать вновь. Мы с товарищами зашли в парк у кинотеатра «Комсомолец», присели на скамейку. К нам приближался незнакомый старичок. Подошёл, мои товарищи завели с ним какую-то беседу про старину. Потом и я спросил, кем он был в Гражданскую войну. Тот ответил, что был белым казаком. Кто-то поинтересовался, а доводилось, наверное, и красных убивать.

– Да, – ничуть не смутившись, признался старый казак, – много мы их порубали в Песках (известное жителям место массовых казней).

А как ему советская власть, снова спросил я, и услышал слово:

– А что, справедливая власть...

***

Длинные песчаные косы на реке напротив села в нашем понимании были всегда, и они притягивали нас к себе с волшебной силой. От станции до Рытвины лежал один их массив. Немного подальше, от Коловерти до Пашкиной будки – другой. Оба щедро поросли ивой. Первый был изрезан протоками, имел светлые пляжи и заводы с горячей прогретой водой. В заводях, оказавшись отрезанными от реки, стояли с раскрытой пастью щурята, ползали, покачиваясь на мясистых ножках ракушки, вырезая в тонком иле серпантин следов. Над протоками проносились, легко вписываясь в повороты, большие стаи ласточек-береговушек, издавая сплошной визг, в который сливалось во стократ умноженное щебетание.

Между первыми и вторыми косами укрепился круглый, как большая лохматая голова, остров. Берега, куда можно выйти, у него не было. Ниже на некотором удалении лежали две вытянувшиеся косы. Как вариант, мы этот островок обходили вброд и шли от него вниз по течению, где по колено, где по грудь ко вторым косам. Та из них, что ближе к фарватеру – большая и самая привлекательная. На её внешнюю сторону, к пароходам,

выходил длинный широкий пляж. Лежишь в струях воды на отмели, а в высоком небе поршневые Як-18 из Рязанского аэроклуба, не спеша, фырча и поблескивая, наматывают фигуры пилотажа. Каникулы!

Были и другие способы, чтоб добраться до этого пляжа, а добравшись, мы уже до вечера не покидали его, рыбачили, плескались, строили крепости и съедали потихоньку, запивая речной водой, нехитрый запас огурцов и чёрного хлеба.

Вечером бабушка чистила пойманную плотвичку и окуньков, жарила с яичницей, ставила на стол чашку с творогом, политым молоком и посыпанным сахаром, а если мы просили, то к нему полагались испечённые в русской печи наши любимые ржаные лепешечки – «драчённые». Пока готовили стол, мы расхватывали ложки и вилки. Особым вниманием у детворы пользовался немецкий солдатский прибор, совмещающий ложку с вилкой. Здесь – кто первый! В Рязани у нас тоже была плоская штампованная вилка со значком вермахта и выпарапанной на ручке фамилией «*Reining*», найденная отцом в немецком блиндаже под Курском, и было такое же соперничество. Скоро и прибор, и вилка исчезли, говорили нам, выбросили за фашистскую символику, чтоб не отравляла ребятишек, чтоб и духу её в доме не было.

Ожидая ужин, крутили в руках почерневшую большую общую деревянную ложку со сколом от удара прадедом Филиппом по лбу своего нашкодившего внука, нашего дядю Сережу. Лазили в ящик стола и в который раз рассматривали дедушкино питерское фото с товарищем в сквере на Охте в царской парадной форме, в бескозырках с жёлтыми, как говорил дед, околышами учебного батальона. На стене было другое фото, где дед в полевой форме. Слева стоит его товарищ, рядовой, брюки навывпуск, на груди «Георгиевский Крест». На погонах деда Андрея, кроме унтер-офицерской нашивки, виден номер полка – 268-й пехотный Пошехонский полк 2-й очереди, т.е. полк военного времени. Сыновья знали, и им льстило, что их отец служил в одном полку с будущим маршалом артиллерии РККА Яковлевым.

Вместе ужинали, пили чай с чёрносмородиновым вареньем, молоко с чёрным хлебом, намазанным маслом и посоленным сверху – как это вкусно, дед показал. Потом шли в сарай на сеновал, где, наболтавшись и насмеявшись, послушав корову, не сговариваясь, засыпали. Утром быстрым шагом неслись на конюшню в парники за червями, на грядку за огурцами, к бабушке за хлебом и – на речку!

Когда отец с братьями пригнали плоскодонную лодочку, спустив по течению от самой Рязани, счастливы были все! И нам не возбранялось самим отстёгивать цепь у Ромашиной будки и уходить на ней в плавание. Всё близко, доступно: и песчаные косы, и ныряние на фарватере с задней

скамеечки, и далёкий берег с торчащими из обрыва чёрными стволами деревьев реликтового леса.

Изредка, когда начинали сгущаться сумерки, к нам сверху, с глинища, спускался дядя Володя Радюшин. Покурив, спрашивал у дедушки лодку и разрешение взять меня на ночную браконьерскую рыбалку. Мне назначалось пройти на веслах вдоль заросшего ивняком берега и сманеврировать, покуда дядя Володя, огородив кусты над ямой сетью, загонит в неё шестом здоровенных язей. Я брал весла, мы шли к реке, садились в лодку, спускались к дальним косам и начинали, не торопясь, «ботить». Дядя Володя бухал шестом с большой деревянной шайбой на конце в глубину, в основание кустов, а я лениво, чтоб удержать лодку на месте, перебирал веслами и, задрвав голову, разглядывал великое чёрное небо.

За подготовкой к очередной такой прогулке застал нас папа. Он приехал с москвичами: своим довоенным другом и его сыновьями, предварительно договорившись оставить их на пару недель отдохнуть в деревне. Ко мне подошел старший, мы познакомились, и Алик спросил: «Это весло?» Но я не подал виду, что он меня развеселил. Алик старше на год, мы быстро нашли общий язык, он рассмеялся, узнав, как я воспринял его первый вопрос, скоро он научился грести, рыбачить, признался, что видел море, горы, но не встречал мест чудеснее наших. Когда Алик работал веслами, слышал, как он напевал раньше незнакомые для меня песни: «Цыганка с картами...», «Здравствуй, чужая милая...», «В Кейптаунском порту...».

Заканчивались каникулы, и напоследок мы вместе съездили к Вале на аэродром посмотреть прыжки с парашютом. Тогда мне и в голову не могло прийти, что, проучившись в девятом, через год, когда мне исполнится шестнадцать, прыжки с парашютом на восемь лет полностью захватят меня и сыграют решающую роль в определении будущей жизни.

6. Опасный возраст

Но прежде, чем перейти в девятый класс, предстояло проучиться в восьмом. В это время я начал проявлять интерес к спорту.

Начинали с легкой атлетики. В компании, посетившей в середине осени центральный стадион «Спартак», были мы с братом и два его одноклассника. Выбирал не я. Нас приняли в секцию лёгкой атлетики, в которой всюю шла работа: в тот день ребята оттачивали технику бега с барьерами. Если хочешь получить отвращение к бегу, начни с барьеров. Второй раз из нас на тренировку никто не явился.

Ближе к зиме теперь уже один пришел сюда же, на «Спартак», и записался в секцию бокса. Мне сразу понравилось, а занимавшийся третий год Кирсанов, понаблюдав за мной, в лестной форме рассказал

Валентину о моих успехах. Через две недели мне свернули челюсть, зима вступила в свои права, и ходить одному через рощу в центр, затрачивая в один конец сорок минут, стало неинтересно.

***

В городе проводился эксперимент: объединяли в одном классе ребят, проявляющих склонность к математике и физике. В нашем девятом «Б» появились новенькие. Классный руководитель знакомство с нами подменила рассаживанием учеников по партам. Начала с одной девочки, сломала. Предложила тем, кому не нравится, покинуть класс. Встаю и выхожу. Иду по коридору, навстречу англичанка Анна Павловна:

– Витя, почему не в классе, что с тобой?

Выслушав, посоветовала:

– Эмоции спрятать, школу надо хорошо закончить, в других классах на это рассчитывать не следует – подойди, извинись, с тебя не убудет.

Так я и сделал, и в течение двух последующих лет классная дама своё раздражение в мою сторону не направляла. Сидел на задней парте в компании четырёх парней, почувствовавших взаимное притяжение. Другой такой группы в классе не было. Не откладывая в долгий ящик, мы (Саша Гаврилов из Читы, с кем мы сидели за одной партой, одноклассник Витя Хохлов, Володя из параллельного класса) пошли и записались в секцию бокса всё на том же «Спартаке». Теперь в течение года три раза в неделю встречались мы рано утром и шли через рощу, через Горбатый мост в центр на тренировку. Учились технике бокса, выкладывались, по совету тренера не пили воду после занятий и мытьё в душе и, возвращаясь с тренировки, терпели и мечтали о чашечке чая с лимоном. Все мы были довольно успешными юными боксерами.

В это же время в нашей до сих пор безобидной дворовой компании появился Женя, до этого державшийся в стороне, сам он был не блатной, но рядом. Женя постарше нас, невысок, крепок, осторожен и работал где-то шофером-экспедитором. Из соседнего двора к нам присоединился Володя, с которым мы ходили на бокс. Несмотря на малый рост, он успел приобрести славу боксёра, обладающего ударом, сбивающим с ног баскетболиста. В итоге сформировалась группа из шести подростков, по соображениям Жени, способных на большие дела. Однажды в его словах я уловил намерение собрать кодлу и покорить Рощу. Похоже, в своих планах он рассчитывал на нас, а ближайшая его цель – нас закалить, связать хулиганскими поступками: «кровью и делом». Началось...

В чужом дворе заметил он как-то ночью, что на дощатом столе спит пьяный. Скомандовал, обходим, встаем по краям. Женя молча вытряхивает у лежащего карманы. Мужчина просыпается, открывает глаза, приподнимает голову. Женя ему тихо:

– Лежи, не дергайся!

Голова опускается на стол. Мы отходим, Женя считает деньги, делит и поровну раздает каждому. Мне плохо, но беру... Происходящее видится, как во сне, но я абсолютно не готов к радикальному решению.

В другой раз зашли в девичье общежитие местного техникума, Женя наметил среди молодежи жертву, начал потихоньку давить, затравливать, вызывать на грубость. Предложил выйти на улицу. Те, кто оказался ближе, запрыгали, задышали, пытаются нанести удар, мешают друг другу. Парень – молодец, хорошо закрывается, замечаю, что выбрасываемые кулаки не касаются его лица. Чтоб не злить, он на удары не отвечает и молчит. Стою рядом, участия не принимаю, но возбуждён сильно.

В эту осень двор провозжал в армию старшего брата Бориса, сбежавшего или где-то спрятанного после того, как он из баловства прострелил на пустыре ногу мальчику. Самогон лился рекой, родители угощали щедро. Вышли на площадку. Женя встал на пару ступенек выше. Как так случилось, но я его предупредил, что сейчас ударю. Не маскируясь, нанес свинг широким движением правой руки от бедра снизу в левый висок тыльной стороной кулака, костяшками пальцев. Оба были пьяны, и не понял тогда: пощадил меня Женя или в очередной раз проявил осторожность.

Зимой Толик, не принимавший участия в наших играх, потерпел фиаско: известный блатной авторитет отбил у него девчонку, и та охотно приняла ухаживания крутой знаменитости.

Встретились с Толиком вечером, он после работы (в девятый не пошёл), я после школы. В городе, в кафе выпили портвейна «777», захмелели, Толик завёлся от отчаяния, вот-вот заплачет. Спрятал в рукав нож «лису», попросил, чтоб сделал то же. Ну что ж, и я зажал в кулаке и убрал в рукав подарок родителей, туристический нож со столовым набором. На улице скользко, несколько раз упали, у меня нож отлетел к проходим, те показали и предложили поднять. Очень скоро сзади подъехал на мотоцикле милицейский патруль, заломил руки, свалил друг на друга в коляску и отвёз в отделение. Отправили машину за родителями, а нас посадили в разных комнатах писать объяснительные. Дружинник подошёл и снял с меня шапку. Спустя минуту я вернул её на место и тут же получил оплеуху. Привезли отцов, передали нас. В мою сторону лейтенант на прощание бросил:

– Этот далеко пойдет!

Всё время в пути отец молчал, приехали домой, и я сразу же получил от него ещё одну оплеуху. Ночью услышал очень обидные, даже страшные слова. «Всё правильно», – признался себе и решил: – «Надо завязывать, тем более, в школе у меня есть хорошие друзья, и мы находим желание и время для общения».

Перед Новым Годом в школе проводится вечер, в спортзале организованы танцы. Ломаем кто твист, кто шейк. Учителя улыбаются, никого не вызывают к директору, не грозят исключением. Режут уши никем не запрещенные и изрядно надоевшие «Ландыши».

Сегодня обращаю внимание на Наташу, знаю давно, а сейчас вижу по-другому. Она – тоненькая стройная блондинка, веселенькая, прическа, как у Брижит Бардо: или с хвостиком, или каре. Если бы умел танцевать вальс... В каникулы начинаю самостоятельно по схеме разучивать сложные шаги и повороты. Как-то вечером встречаю во дворе Наташу. Пристраиваюсь рядом, идём вместе. От каждого прикосновения к её плечу немного волнуюсь. Рассказываю об успехах, она же, поглядывая сбоку, весело смеётся, негромко, для меня. Окрылённый приглашаю на свидание. Наташа, улыбаясь, признаётся, что увлечена другим. Предполагаю, что это Большаков, старшеклассник, блондин, совмещает в себе образ варяга и битла. Да, признается она и со мной согласна, что он на неё внимания не обращает. Но вот так получилось! Жаль, и все мои попытки сблизиться на этом закончились.

Записался и начинаю ездить к брату в аэроклуб на занятия в парашютную секцию. Оказался младше всех, а шестнадцать мне будет, как допустимое исключение, только летом. В феврале сдали теорию и выехали на аэродром, сдали зачёты на тренажерах, и всем назначили день первого прыжка, только не мне. Следующим утром вынужден был вернуться, чтобы найти редкие ключи из Германии, которые, возможно, выпали, когда крутился на лопинге. Дмитрий Кузьмич, командир парашютного звена, не вникая в истинную причину моего появления, потечески успокоил – « подожди, осталось немного».

Нашёл ключи, вышел на шоссе голосовать. Увидел, впереди, накренившись, стоял попутный бортовой газончик, а в кювете уже расставлены упавшие в снег бидоны с молоком. Водителю дальше одному не справиться, слышу, кричит, машет рукой, подзывает. Подошёл, он мне с надеждой – не помогу ли, за что с удовольствием подвезёт до Рязани. Перебрасываясь словами, вытащили из снега бидоны сначала на шоссе, затем подняли в кузов. Таким я себя еще не ощущал: хоть и подросток, но на меня уже можно рассчитывать, как на взрослого.

В марте участвуем в юношеских соревнованиях. Первый бой – два раунда по две минуты. Мой секундант – Саша Гаврилов, с кем сижу за одной партой. На мне красная майка, взял у соседа по лестничной площадке. Выхожу на ярко освещенный ринг. Гонг!

Противник начинает атаки, я заканчиваю. Второй раунд – рисунок боя тот же. Свои хорошие удары вижу, сам вроде не пропускаю. Бой подходит к завершению. Противник уже не активен. Вяло наступаю, работая только левым джебом. За десять секунд до финального гонга пропускаю удар в подбородок, и от пяток до макушки тело пронзают тысячи иголок.

Гонг! Бой закончен. Рефери держит наши опущенные руки, наклоняется к противнику, спрашивает, слышу – Фатюшин, наклоняется ко мне, говорю – Калинин. Судья поднимает мою руку, как в тумане пролезаю под канатами, среди зрителей вижу лицо Вити Хохлова, он вкладывает в мой рот целиком очищенный лимон. По пути в раздевалку шепчет на ухо: «Слышал, он говорил друзьям перед боем, что тебя нокаутирует».

Завтра следующий бой, но сначала будут взвешивание и жеребьевка.

Утром в раздевалке встречаю Фатюшина. Он приветлив, даже весел, фонарь под глазом, улыбается и винит во всем «политуру», выпитую накануне. И я признаюсь, что получил от него классный удар в подбородок. Мы оба потеряли в том бою по полтора килограмма, перешли в другую весовую категорию и не хотели бы встретиться на ринге ещё раз по воле жребия. Вскоре узнаю, что моим противником будет парень, проигравший вчера моему товарищу, который был на тренировках чуть слабее меня. Самоуверенно начинаю второй бой, противник выше, у него длинные руки, перехожу в ближний бой, что нам, юнцам запрещено. Рефери разводит, заново сводит, ситуация повторяется. Бой остановлен, и мы оба получаем дисквалификацию за грубое ведение боя. От секунданта слышу, мол, зачем после остановки полез в драку, противник-то был готов.

Потом не раз на пути к аэроклубу, проходя мимо ДК «Красное Знамя», встречал Сашу Фатюшина в компании его друзей, улыбались, здоровались. В последний раз – в ДК профсоюзов на танцах. У меня на лацкане пиджака был значок первого разряда по парашютному спорту, у Саши – первого разряда по футболу. Пожали руки, он спросил, по какому виду спорта у меня первый разряд. На значке в плане купол, похоже на ромашку, ну, я и пошутил – по цветоводству. Оба посмеялись, еще поболтали и разошлись по своим компаниям. Мы могли бы стать друзьями.

В следующий раз встретился с ним лет через пятнадцать. Я сидел в купе скорого, а Александр Фатюшин смотрел на меня со страницы журнала «Советский экран».

Май 66-го, через пару недель – каникулы. Сегодня занятия боксом проходят в чужом зале. В окна ярко светит солнце. Полчаса занимаемся

одни. Появляется тренер. Решил показать нам экзотику, строит, выбирает меня, мол, покрепче, хоть и ростом невысок. За год второй раз обратился ко мне по фамилии. Первый раз – это было зимой – за хороший апперкот на тренировке, а когда я проводил свой первый бой, он, улыбаясь кому-то, вышел из зала. Дает мне задание работать левым джебом, сам, ныряя и колдуя, показывает технику паука. Я совершенно не готов к удару, для меня это – роль статиста в шоу. Хлопок – удар в бок, в область сердца. Ощущение, как от удара в солнечное сплетение. Слышу советы пацанов: «Поприседай, подыши глубоко». Не присяду, не дождётесь! Перчатки летят в шведскую стенку, одна застревает, сам же вытянувшись струной от боли, тянущей к полу, выхожу из зала.

7. Наше небо – тебе

В официальный день своего рождения, раньше назначенного срока, пришёл за паспортом в районное отделение милиции. Постучал в дверь кабинета начальника отдела, услышав приглашение, вошёл, за столом – майор. Объяснил, что сегодня, получив паспорт, смогу выполнить свой первый прыжок. Майор улыбнулся, мол, какой ты нетерпеливый, но дело и ему показалось стоящим, оставил меня одного в кабинете, скоро вернулся, поздравил с днём рождения и вручил паспорт гражданина Советского Союза. Я почувствовал крылья за спиной, когда понял, каким чудесным будет этот день: четырнадцатое июня 1966 года.

У здания аэроклуба все приветливы, хотя со многими ещё не знаком. Собрались, подъехала машина, погрузились, расселись и выехали в Протасово на аэродром.

После вчерашнего дождя стоит тихая нежаркая погода. В парашютном городке получаю короткий инструктаж и заново сдаю зачёт. Объявляется погрузка. Высокий, всегда с лукавой улыбкой на лице Степан Михайлович, инструктор, торжественно произносит любимое: «Парашютный спорт начинается с переноски парашютов». Его уважают: он воевал, десантник, и между собой называют Степан.

Выезжаем на широкое поле. В пятидесяти метрах от круга слежавшегося и поросшего травой серого песка, где по старым правилам будут разложены крестом полотнища с чёрным пятаком в центре, разгружаем машину, среди ромашек разбиваем старт. Командир, Дмитрий Кузьмич, строит всех и объявляет очередность прыжков. Кроме меня, одноразников нет: все отпрыгались в феврале-марте или в мае. Мне выдают парашют, подгоняем с Валею подвесную систему. Со стоянки прикатывает, покачивая крыльями, Ан-2. Командир объявляет готовность первому подъёму – это девять парашютистов, одновременно поднимающихся на борт. В первом подъёме, как правило, сборная

области. Мой подъём следующий после того, как все парашютисты выполнят по первому прыжку.

Наступает наша очередь, и мы занимаем места в самолёте. До этого дня мне не приходилось быть в небе. Зашёл последним, т.к. выпускают меня первым и одного с высоты восьмьсот метров, после чего самолёт с другими парашютистами продолжит набор высоты. Выпускающий, Степан Михайлович, входя, подцепил носком сандалии красную стальную лесенку, на ноге внёс в кабину и захлопнул дверь. Пилот, оглянувшись, проследил за этим, убедился, что всё готово, сел прямо, прижал ларингофоны к шее, что-то сбоку от себя двинул вперед, мотор натужено взревел, и самолёт с заметным ускорением, от которого всех потянуло по сидениям к хвосту, начал, подпрыгивая, свой разбег. В ухах с этой минуты – только гул двигателя и дребезжание металла. За окном, разгоняясь, побежала назад земля, вот и отрыв, тряску сменило плавное покачивание, в окно увидел, как убрались предкрылки, следом мотор умерил свой рёв, перейдя на другой режим. Земля стала уходить вниз, а панорама раздвигаться вширь. Вскоре движение земли стало не так заметно, и мы, казалось, зависли между облаками и землёй под монотонный гул мотора.

Всё, что было за бортом, сияло великолепием и поражало масштабностью, представить это, не увидев, не возможно. Чувствуешь, как на вираже вжимаешься в сидение, и удивляет, как земля поворачивается и поднимается из-под тебя, стремительно унося горизонт к потолку кабины, и не надо теперь смотреть вниз, чтоб увидеть поля, тени облаков, дороги, пруды, перелески, овраги – всё это перед тобой. Завораживает, как облака, приближаясь к нам сверху, по мере удаления к горизонту создают сплошное поле, через которое видно небо только над нами, и, кажется, что скоро это поле, похожее на опускающийся потолок, придавит нас.

Самолёт выходит на курс выброски. Коротко звучит сирена. Степан открывает дверь, и в неё с нетерпением врывается свежий ветер, сметая мелкий мусор с резинового коврика. Мне подается знак подняться и подойти к двери. Поднимаюсь, ставлю ногу на обрез. Вижу, как дрожит на крыльях перкаль, покачивается над линией горизонта стабилизатор хвоста, чувствую, как перед лицом вдоль борта проносится ураган, готовый принять меня в свои распахнутые объятия. Облака – вот они, рядом, немного выше нас, а внизу под носком ботинка медленно проплывает земля. Понимаю, что стою над бездной, но панорама настолько прекрасна и лишена реальности, что пропадает ощущение большой высоты и страха перед ней.

Продолительно ревет серена, слышу продублированную голосом команду «Пошë-ол!», короткий толчок в плечо, делаю шаг и проваливаюсь в тишину и вихри. Парашют раскрылся, сначала

вытянувшись вслед за мною, летящему по инерции за самолётом, затем, немного покачавшись, застыл в полном безмолвии, и мы начали с ним, нет, не снижаться – парить! Вокруг много свежего воздуха, громадное небо, прекрасная чистая земля на многие десятки километров вокруг, и сам я большой и великий. Поднимаю голову – надо мной купол чуть-чуть шевелит кромкой, как будто шепчет мне, и этот вид усиливает чувство тишины и неземного покоя. Примерно через две минуты замечаю, что через какие-то десятки секунд поэзию сменит проза. Краски тускнеют, земля близко, заметно её приближение и боковое движение, вызванное моим сносом по ветру. Замечаю Валю – он не слишком быстро бежит внизу, кричит и смеётся. Разворачиваюсь по ветру, смотрю на горизонт, угадываю момент касания – лёгкий удар! Поднимаюсь... Как же это здорово!

Близится вечер, прыжки окончены. Дмитрий Кузьмич строит всех, проводит короткий разбор и объявляет, что среди нас есть человек, которому сегодня исполнилось шестнадцать, он получил паспорт и выполнил первый в своей жизни прыжок. Парашютисты охотно захлопали, поздравили, а командир добавил, чтобы я подошёл к врачу, взял медицинскую карту и прошёл комиссию для зачисления в аэроклуб спортсменом по программе подготовки к сдаче нормативов на второй разряд.

Мчимся по шоссе в Рязань. Смеркается, серебристая луна, в овражки ложится туман, и, когда ныряем в низины, в машину проникает сырость и вечерняя прохлада. Кто-то дремлет и, как это всегда бывает, девушки потихоньку начинают напевать про Серёгу Санина, про «Парашют белый-беленький...», «Мы парни бравые...». Кому-то не терпится, он меняется местами и, пересев на лавку у заднего борта, закуривает «Север». В городе шофер знает, где приостановить машину, и кому надо прыгивает через борт, машет нам рукой: «До завтра!», и водителю – «Пошел!»

Мы – в центр, там выйдем, на площади сядем в троллейбус, поедем в Рошу, и до подъезда будем звучать разговоры с шутками и приколами о том, как «вот у меня сегодня...». С этого вечера стану больше времени проводить в компании с Валентином и его товарищами: студентами из радиотехнического института Володей и Колей, из политехнического техникума Стасом и Игорем, с рабочими парнями Витей, Юрой. И папа будет гордиться нашим увлечением и признавать, что парашютный спорт вывел младшего сына из плохой компании. Похоже, что на этот раз Джокер проиграл окончательно. С легкой руки Владимира Михайловича, нашего инструктора, а в скором будущем пилота Ан-2 и командира парашютного звена, на аэродроме меня станут называть Молодым, чтобы не путать с братом. У моих новых товарищей тоже есть свои безобидные прозвища. Володя – он же Федя или Федор, и имя это тоже досталось ему

от Михалыча, мол, «надо, Федя, надо». Витя – он же Копа, имя, производное от фамилии Капитанский. Коля – он же Кузьмич, это имя дано ему по отчеству и т.д.

В группе подготовки спортсменов по программе 2-го разряда нас человек двенадцать. Так как мы ничего не умеем, для начала нам выдали парашюты ПД-47 – квадрат со скошенными углами и пропущенными стропами на задней кромке, где воздушный поток образует «киль» для выхода воздуха и создания реактивной силы. Изучаем новые понятия: аэродинамическая устойчивость, конус попадания, глиссада, упреждение, малый и большой снос. В конце программы мы должны уметь в свободном падении уверенно держаться на потоке целых пятнадцать секунд и встретиться к концу задержки воздушный напор со скоростью пятьдесят метров в секунду. По многу раз раз, выскакивая из макета кабины на песок, отрабатываем технику отделения от самолёта грудью на ветер, идущий от винта. Скоро прыжки с ручным раскрытием, и для нас очень важно после отделения от самолёта не кувырнуться, не войти в беспорядочное падение.

В свободную минуту ходим на круг, куда должны приземляться парашютисты, и смотрим, как управляют куполами наши новички и мастера. Поучиться было у кого: с нами одно небо делили спортсмены ЦСПК, Центрального спортивного парашютного клуба ВДВ, и сборная команда десантного училища, но её спортсмены были не так сильны, как профи из ЦСПК, да и приезжали реже.

Дмитрий Кузьмич, если обстановка позволяла, любил ходить с мегафоном на круг, и прихватывать с собой кого-либо из начинающих. Учил (наводил) и того, кто в воздухе, и тех, кто с ним рядом. Здесь у круга он начинал свой диалог с приближающимся парашютистом-учеником: с земли – команды, в небе – действия:

– Приготовься к развороту вправо, берись за левую... Давай, начали! Энергичнее, так, так... Еще доверни немного... Влево, бери за правую!... Начали, дергай, еще, еще... Брось... Быстро на меня!... Чуть доверни... За передние тяни!... Ноги вместе... Молодец!

Новичок дал метров восемь, лицо расплывается от удовольствия, и не только у него.

– Ну, ты как, понял? А вы?

– Да! – Да!

Первые прыжки с ручным раскрытием выполняем без секундомеров: три-пять секунд отсчитываем про себя. Для всех одна задача – отделиться так, чтобы за дверью не опрокинул встречный поток. Первый затяжной прыжок с задержкой в десять секунд выполняю с секундомером, закрепленным на запасном парашюте. К последним секундам справился с потоком, но падаю вниз головой, подходит время, нажимаю на

секундомер и... продолжаю падать, но вовремя спохватился, выдернул кольцо. Оказалось, не я один так начинал.

В первых затяжных прыжках нравится всё: оглянуться через плечо и увидеть, как, покачавшись на спине оранжевым пузырьём, уходит в небо вытяжной парашют, как разворачивается из ранца, поднимаясь, оранжевый чехол, и наполняется купол. Горжусь, что это видел, а мои сверстники – нет.

Десантное училище часто привозит на прыжки слушателей-иностранцев. Вот прыгает со стабилизацией спецназ из Сенегала. Как только раскрываются парашюты, с неба до нас доносится их высокоголосая переключка, как птичий гомон с вершин деревьев в джунглях. После приземления мимо проходят стройные чёрные парни с парашютами в сумках на головах. В другой день вблизи нашего старта расположилась группа вьетнамцев, они с интересом смотрят в нашу сторону: у нас есть симпатичные девчонки. В это время самолёт в очередной раз выходит на боевой курс. Как водится, те, кто свободен, поднимают головы и наблюдают за выброской. Первый... второй... третий... четвёртый. Раскрываются три парашюта, а у четвертого что-то произошло, и он камнем несётся к земле мимо товарищей. Все застыли. Тоже происходит и с бутербродом Владимира Михайловича, он шепчет:

– Давай же, парень... Ну же... Эх, поздно...

Через пять секунд тело ударяется о землю и подскакивает. Мы все в оцепенении. Со старта десантного училища нам кричат:

– Не переживайте так сильно: это манекен, испытания проводим!

Мы смеемся, хлопают глазами вьетнамцы, но скоро понимают и тоже хохочут.

В конце августа аэроклуб традиционно проводит областные соревнования. Мы тоже участвуем, но в своих квалификационных. За плавный разворот в свободном падении на пятнадцать градусов меня не штрафуют: это допустимо. В итоге занимаю первые места по точности, в затяжных прыжках и в общем зачете.

Начинаются занятия в школе в десятом выпускном классе. Сделал попытку носить значок, но вскоре снял, не смог: слышал, как мне в укор говорили, мол, взял у брата. Проходим «Войну и мир», и что встречаю в тексте!? У князя Андрея на батарее капитана Тушина были те же мысли, что порой посещали и меня перед распахнутой настезь дверью, и говорил себе почти те же слова: «Мне нельзя бояться, не имею права».

В русском и английском наметился спад. Иностранному учить было просто лень, возникли проблемы с временами. Сочинения по литературе писал за полчаса, но умудрялся, например, в слове «интеллигент» сделать

три ошибки. Вызывали родителей, удивлялись, предупреждали, что скоро будут двойки, и они пришли! Наши проблемы остаются нашими, но всем классом видим, как тянут на медаль отпрыска администрации школы.

На «Спартак» в секцию бокса ходить перестал. Вечерами встречаюсь с братьями-парашютистами. Расширяется круг знакомых. Бываем в гостях у Жени Соколова, бывшего одноклассника моих старших товарищей, высокого, полного юноши из образованной семьи. Он – студент педагогического института, чем-то болен, с ограничениями и в армии служить не будет. Впервые близко знакомлюсь с песнями Окуджавы, Городницкого, Галича. Под аккордеон Женя тихонько напевает «Над Канадой, над Канадой...», «Если я заболелю...», «От злой тоски не матерись...», «Здесь под небом чужим...», «Облака плывут в Абакан...» Бываем в гостях у парня по фамилии, если не забыл, Попов. Он сам собрал в обыкновенном фибровом чемодане магнитофон, дорогую редкость в середине шестидесятых. У Попова есть коллекция бардов. В ту пору у Владимира Высоцкого были более известны его шуточные песни. Сидим в маленькой комнатке частного дома вблизи Горбатого моста, слушаем эти песни, посмеиваемся, параллельно учимся обсуждать вопросы серьёзные и новые для нас.

Весной одним из последних вступаю в ВЛКСМ. Одноклассница задает вопрос: «Скажи нам, кто твой друг, и мы будем знать, кто ты», намекая на мои встречи с Толиком Яковенко. В один миг моё серьёзное отношение к процедуре приёма сменяется на равнодушие, но приём, конечно же, состоялся.

Никак не могу сделать выбор между карьерой военного и поступлением в мединститут. Из четырёх рязанских военных училищ приоритет отдаю высшему инженерному училищу связи, т.к. десантником, взводным, быть не хочу, но смущает слово «связь»: не современно и не престижно.

В конце первой декады мая в аэроклубе начинаются парашютные прыжки. Этот год будем тренироваться по программе подготовки к сдаче нормативов на первый разряд. Некоторое время осваиваем старые цельные парашюты Т-2 и Т-2-4М. В очередном затяжном прыжке с задержкой в двадцать секунд отделяюсь, ложусь на поток, падаю. В середине падения запоминается приятный переход от холода – в кабине термометр показал минус четыре – к погружению в тёплую воздушную перину. Теперь – за кольцо, следом – раскрытие, и переношу непривычно сильный динамический удар. Поднимаю голову и вижу над собой растерзанную переднюю часть купола от кромки до вершины и несколько болтающихся строп. Осматриваюсь. Начинается вращение. Догадываюсь, что катастрофы нет, но с земли доносится усиленное мегафоном предложение подполковника Глушцова, начальника ЦСПК, приготовить

полотнище, на которое парашютиста можно поймать и не допустить опасного удара при приземлении. Значит, делаю заключение, если раскрою запасной, действия мои будут оценены как правильные. Выгаскиваю кольцо, беру купол в охапку и от плеча бросаю навстречу вращению. Парашют раскрывается, снижаюсь на двух и вскоре приземляюсь, не дотянув до старта метров триста. На дежурной машине приезжает инструктор, бродит по куполу, разглядывает повреждения, находит их приличными, и мы забрасываем всё мое снаряжение в машину. На старте высказывается верное предположение, что чехол на купол надевал один человек, поэтому передние полотнища вышли вперед. Отвечаю, что чехол одевали вдвоем, ссылаюсь на Василия, тот подтверждает: а куда ему деться, именно он, опытный перворазрядник, испытавший власть над новичком, отправил меня в поле за вытяжными парашютами, пообещав, что пока буду этим занят, он, сама доброта, натянет чехол и начнёт заправлять стропы.

Проходит немного времени, и мы получаем парашюты такие же, как у наших мастеров – Т-4-4М. У этих парашютов все кажется идеальным: вес, материал, ранец и подвесная система. Карабины блестят, кругом подушечки, мягкое раскрытие и высокая надёжность. Но главное – приличная горизонтальная скорость, есть реверс, а чехол с вытяжным парашютом прикреплены к вершине купола длинной стренгой. И особенно важно то, что при сложном отказе основной парашют легко отцепить от подвесной системы с помощью замков ОСК, тогда запасной будет работать в «чистое» небо. А мы уже знали, что нет отказа страшнее, чем «дуга», когда вытяжной цепляется за что-то сзади, остается на парашютисте, чехол уходит нижним клапаном вверх, и нет силы, которая стянула бы его с купола. Скорость падения уменьшается незначительно, и до земли остается всего секунд двадцать пять. За это время надо понять, что произошло, не лишиться рассудка от вида земли, надвигающейся в лицо и разбегающейся в стороны: с этой высоты движение предметов, видимое в перспективе, изменяется в геометрической прогрессии. И еще, запасной надо умудриться бросить как можно дальше в сторону, чтобы он не вошел в дугу, и всё это при ураганном встречном потоке. Вот здесь-то и пригодятся замки ОСК – с их помощью можно отсоединить лямки основного парашюта от подвесной системы, купол в чехле и стропы вытянутся лямками вверх, и запасной, наверняка, не запутается и раскроется. Мы начинаем с удовольствием осваивать новую технику.

Приходит время школьных выпускных экзаменов. Все же две тройки по языкам попадают в аттестат. Распрощались со школой, кто-то со слезами. На рассвете открыл окно на первом этаже и навсегда выпрыгнул из школы во двор. Правда, пришлось скоро ещё раз, последний, встретиться с нашим классным руководителем – не получил вовремя

характеристику, столь необходимую для поступления в институт. Позвонил и, как договорились, зашел к Ксении Степановне домой. Она взяла лист бумаги, не выходя из комнаты, написала текст и передала мне. Прочитав позже, увидел весьма лестную характеристику и понял, что Ксения Степановна относилась ко мне на много лучше, чем я это представлял.

Продолжаю ездить на аэродром и получать новые впечатления. Чем пахнет облако, приплывшее со стороны Рязани, и сквозь которое должен пройти? Оно пахнет вокзалом. Почему радуга на облаке, что вижу в окне самолёта, имеет вид разноцветных концентрических окружностей, а в центре разместились тень от нашего самолёта? Оказывается, в падении легче держаться на потоке, расслабившись, а не так, как год назад, фанеркой, вытянув ноги и растопырив руки, уподобившись фигурке на языческих письменах.

Готовимся к выполнению в свободном падении комплекса акробатических фигур. Комплекс – это две спирали в противоположные стороны, сальто назад, еще две спирали и еще одно сальто. Для того чтобы делать все быстро и чисто, надо уметь группироваться на потоке, удерживая впереди крест как ориентир. Крест – это по старой традиции, на самом деле – песочный круг, рядом с которым располагается инструктор, наблюдающий за тобой в ТЗК. Группируясь, следует собраться, колени поджать к груди, насколько позволит запасной парашют, руки убрать к бедрам. Начинается разгон, слышишь тонкий писк волоска у виска, вслед за ним шум ветра, переходящий под шлемом в сплошной грохот, иногда приходит тряска или рыскание, и с тем, и с другим учишься бороться. Если отвлечёшься и помотришь на колени, видимые на фоне неба, на трепещущую одежду или в сторону, можешь на время потерять ориентировку. Только крест, крест и крест! А когда можно насладиться фантастическим миром, расслабиться и получить удовольствие?

И вот где-то в начале этапа приобретения всех этих навыков и впечатлений после выдергивания кольца не почувствовал спиной привычных ощущений, сопровождающих раскрытие ранца, выход купола в чехле, строп. Повернул голову и увидел почти на шее у себя оранжевый вытяжной парашют, а за ним – разворачивающуюся дугу! Посмотрел вниз – здесь всё, как обычно: ласковая земля, по Куйбышевскому шоссе бегут машины. Меня начинает плавно поднимать и резко бросать вниз, раз, другой... Хватаюсь за замки. Надо быстро снять с предохранителей, нажать на гашетки и рвануть вниз! Наверное, не снял, жму, дергаю – никакого эффекта. Жуть! Здесь дуга смилостивилась и сама сошла – вытяжной отцепился, и без отклонений раскрылся основной парашют. Разворачиваюсь и иду на крест, оглядел замки и увидел, что с

предохранителей всё-таки снял. Быстро ставлю их на место, хотя прикасаться к замкам было страшновато.

На старте ко мне подошел Василий Абрамович, инструктор. Зацепы или затенения вытяжного при раскрытии у меня уже были, видели в трубу, в ТЗК. Попросил надеть подвесную систему, вставил в шланг тросик, предложил сделать так, как это делаю, раскрывая парашют. Итог его исследований – вытяжной парашют зацепился за шпильку тросика, и хорошо, что сам освободился, разорвав капрон. Он же посоветовал мне впредь выдёргивать кольцо, находящееся в кармане на левой ляжке, правой рукой, чтобы трос со шпильками полностью ушёл в шланг. Я уложил парашют, убрал его в сумку и пропустил свой очередной подъём, решив, что со мной произошло ЧП и, естественно, в таком психическом состоянии меня ко второму прыжку не допустят, чем заставил удивиться Василия Абрамовича.

Оставалось ещё какое-то время для принятия решения о выборе ВУЗа. Родители, спасибо им, полностью мне доверяют и в мои дела не вмешиваются. Друзей, студентов радиотехнического института, у меня к этому времени стало больше, и, советуясь с ними, всё больше склонялся к поступлению в РРТИ. Главное, сохранялась возможность построения военной карьеры: почти все выпускники, прошедшие военную кафедру, должны были отслужить два года в войсках ПВО на офицерских инженерных должностях, и при желании могли остаться в кадрах. Такое решение приветствовалось, специалистов РРТИ в армии знали и высоко ценили. Беседы с друзьями привели к тому, что «факультет телемеханики и автоматики» или ФТА стал самым привлекательным, а специальность «электрооборудование летательных аппаратов» – самой понятной и желанной. Приходит пора сдачи вступительных экзаменов. Конкурс невысок: 2,8 человека на место. Успешно сдаю профилирующие предметы, набрав тринадцать баллов, что предоставляет мне право поступить на любую специальность. Прохожу собеседование и скоро нахожу свою фамилию в списках абитуриентов, зачисленных на первый курс.

Экзамен по математике со мной вместе сдавал Валентин, но получил «неуд», забрал документы и подал их вновь, но уже на вечерний факультет. Вместе сдавали потому, что в прошлом году он поступил в училище связи, был зачислен, но, не дождавшись присяги, забрал документы и подал их в десантное училище, где к тому времени уже не было свободных мест. Судьба распорядилась так, что Валентину не удалось провести годы своей юности в казарме РВВДКДКУ имени Ленинского комсомола.

В конце августа в аэроклубе проводятся областные соревнования. В упражнениях по программе первого разряда занимаю все первые места. На Валентина обращает внимание начальник ЦСПК подполковник Глушцов, увидев в ТЗК, как он «крутит» комплекс. В сентябре Валентин успешно сдает вступительные экзамены, и его зачисляют в институт студентом-вечерником на первый курс.

***

Когда поступал в институт, страна отмечала пятидесятилетие Великого Октября, когда защищал диплом – пятидесятилетие Советского Союза. От первого запомнилось участие в факельном шествии и в демонстрации, где мы, наряженные революционными солдатами с красными бантами, проходя по площади, пели «Вихри враждебные». От второго – анекдоты, например, в ответ на обращение Татарской АССР к Верховному Совету с просьбой изменить пословицу «Незванный гость хуже татарина», в новой редакции получили: «Незванный гость лучше татарина»!

Наши анекдоты. Из серии старых: собирается студент на свидание, обращается к товарищу, просит одолжить носки, тот ему, пожалуйста, возьми, они в углу стоят. Из серии о студентах медиках и радиках: оба выходят из туалета, медик моет руки и обращается к радика, почему тот руки не моет, и получает в ответ, что ему это не требуется, у него руки чистые – он Его моет.

История, передаваемая по наследству: вводная лекция, преподаватель Сан Санвич Другов, совсем уже не молод, увлеченно рассказывает о современных успехах автоматизации в промышленности, например, входит баран, а выходит колбаса. Из глубины аудитории студент выкрикивает, мол, а наоборот можно. Преподаватель начинает с вопроса: сколько тому лет, затем отвечает: вот ровно столько лет назад это и произошло.

И последнее. Мы как раз на диплом уходили, когда узнали, что в архиве РРТИ лежит пояснительная записка к диплому, в которой выпускник нашего факультета написал, что «трансформатор набирают из деревянных пластин, потому что записку никто не читает».

***

Нам стало известно, что ежегодно в сентябре в стране проводится первенство ВУЗов по парашютному спорту, а в институте нас уже четверо спортсменов 1-го разряда – это полноценная мужская команда. Оформили заявку и в ожидании ответа всем нам поездку в колхоз на «картошку» заменили заточением на спортбазе института «Ласково» для участия в обеспечении сборов спортсменов института, занимающихся «охотой на лис», вслед за сборами – в обеспечении республиканских соревнований.

Как-то вечером, отдыхая под соснами, согласился составить партию в настольный теннис молодому человеку, потом узнал: секретарю ВЛКСМ одного из факультетов. Я начал болтать, отвечая его праздному интересу, что призвания не чувствую, дом рядом, всё складывается удачно. Этим задел за живое комсомольского вожака, и тот со словами «ты занял чужое место» очень быстро разнёс меня в пух и в прах и от следующей партии отказался.

Мы, «лисы», сидим, замаскировавшись, у радиостанций и по очереди выходим в эфир. Мой позывной «Лиса Четыре». Однажды развозившая нас машина высадила меня вблизи Ласковского озера. Подошёл с радиостанцией к берегу, заметил плот, взобрался на него, оттолкнулся и, отплыв немного, бросил якорь, воткнув жердь через щель между бревен в дно. Скоро на берегу появилась девушка с кулёчком в руке, постояла, разглядывала плот, затем спросила:

– К тебе можно?

Свободное обращение подкупает: помог ей зайти на плот.

– Будешь сливы? – предложила она.

Миленькая, зовут Таей, она и её подруги – студентки Армавирского техникума, в Рязани проходят практику на комбайновом заводе. Их палатка там стоит, на берегу слева. Тая пробыла на плоту с полчаса и, сказав, чтобы приходил вечером в гости, ушла.

Засада на плоту оказалась неудачной: обнаруживали меня издалека, не то, что на чердаке заброшенного сарая или на толстом суку дерева.

Вечером нашёл практиканток у костра, познакомился с Галиной и Ниной, приветливыми и симпатичными девчонками, а также с высоким лохматым Сергеем, который был рядом. Но в поведении Таи произошли перемены: неразговорчива, задумчива, грустна. Сергей был не в меру болтлив, и здесь у костра от него услышал, что общежитие, где временно поселили девчат, получило у местных название «казачья сотня». Через день их палатка в сосновом бору исчезла, и, соответственно, прекратились мои ночные путешествия по лесу.

Приглашение на соревнования мы так и не получили, и в конце сентября пешочком впервые как студент отправился в институт. По пути встретил знакомого, затем его знакомого, который, как оказалось, был студентом той же 738-й группы, что и я. Мы познакомились, его звали Володей, жил он на улице Полетаева. Постепенно, не за один день, познакомился со всей группой, но продолжал до конца учебы в самой глубине чувствовать, что недополучил нечто важное, не побывав с ними на первой «картошке».

Как только товарищи получили комнату в общежитии, мы образовали в группе дружный коллектив из четырех-пяти человек: Володя, Валера, Саша, до сих пор для нас он – Граф, и присоединившийся к нам после второго курса еще один Саша из Волгограда. В этой же комнате проживал Виктор, для нас Луи. Он с накопившимися долгами завис между дневным и вечерним отделениями.

Порядок приобретения знаний выстроился сам собой. Дремали на лекциях по гуманитарным предметам, бывало, лекции пропускали, переписывали конспекты, отработывали пропущенные лабораторные занятия, мучились в поиске правильных решений домашних заданий и курсовых работ, сдавали, защищали и опять сдавали, чертили и т.д.

В октябре, когда всё встало на свои места, направился в Приокский искать «казачью сотню». Нашёл. Темнеет, стою у общежития, что предпринять, пока не знаю, и здесь слышу сверху знакомый голос:

– Эй, Лиса Четыре, поднимайся.

Это Сергей. Он, стоит на балконе, но сумел узнать меня в сумерках с высоты третьего этажа. Поднимаюсь, вхожу, здороваемся:

– К Тае пришел?

Отвечаю утвердительно.

– Ты будь осторожней, мой брат на неё глаз положил, голову оторвет, – предупреждает Сергей.

Девушек нет, поговорив о пустом, выхожу на улицу, немного погода замечаю сначала её подружек, а за ними – Таю. Невесело она выглядит, взор в землю, шаг быстрый. Узнала сразу, не удивилась, интереса не проявила. Спросил, могу ли приходить к ней. Нет, ответила, не следует, настояла проводить меня на остановку. Как только я ступил с улицы на бордюр остановки, попрощалась, перешла на противоположную сторону улицы и, направив взгляд вниз перед собой, пошла к общежитию. Ничего не понял...

Валентина призывают в СА, и мы узнаем предварительное решение направить его служить на Флот. Он успел сообщить о грядущем призыве Глушцову. Получив повестку, Валя взял академический отпуск, и в конце ноября мы с папой, пройдя какую-то часть пути по усыпанной снегом роще, проводили его в Дашки, до самого КПП десантного полка. После присяги Валею, назначенного стрелком РПГ или «самовара», как шутили десантники, перевели в ЦСПК, который располагался здесь же на территории полка. Его новый товарищ, солдат-срочник Юра Юматов, мастер спорта, москвич, весёлый и приятный парень сразу же окрестил Валентина ласковым и домашним именем Филиппок. Позже на долгие времена оно трансформировалось в уважительное имя Филипп. А сейчас, бывает, что он с Юрой заходят к нам домой или на чашечку чая, или, находясь в самоволке, переодеться в гражданку. Искренне жаль, Юра

погибнет через полгода из-за халатности начальства и своего спортивного азарта.

Выдали синие зачётки. Листаешь, заглядываешь на одиннадцатый разворот, – нам учиться шесть лет, – и думаешь, неужели мне предстоит все эти листки заполнить. Но скоро чуть было не вылетел из института. Сидим, курим у входа в актовЫй зал. Рядом урна. Тогда курили везде. Не знали, что недавно на каком-то этаже сгорела одна. Входят два дядечки, один из них, как оказалось, начальник АХО. Осматривают урны:

– О! Сидят, курят! Ваши студенческие билеты... Зайдете за ними к ректору!

Через час захожу в приёмную, разрешают войти в кабинет. Вошёл, вижу много преподавателей, которые, стоя, обсуждают что-то, в центре спиной ко мне – коренастый пожилой человек в сером костюме с копной седых волос. Здравуюсь, он оборачивается, близоруко смотрит на меня через толстые стекла очков – он, Паникаровский! Объясняю причину моего появления. Вид у меня, как у зайца.

– Вон! Считайте, что вы уже отчислены! – громогласно вещает он.

Ну вот, теперь я свободен, и не надо больше дрожать и думать о сессии. Иду в деканат, так, мол, и так. Замдекана по младшим курсам, седой высокий горбоносый Попов трубным голосом бухнул, хмыкнул:

– Паникаровский, говоришь?

Сходил в АХО, быстро вернулся с моим студенческим.

– Учись, – говорит, улыбаясь, – и смотри у меня!

Первая сессия и первый экзамен. Высшая математика, это серьёзно! Беру билет, набрасываю ответы, начинаю решать задачу, замечаю, что выбрал неверный путь, и, не перечеркнув записи, переворачиваю лист. Быстро записываю правильное решение, поднимаюсь и подсаживаюсь к преподавателю. Начинаем беседу с задачи. Бегло рассказываю и вдруг понимаю, что в записях неправильно, сразу же заявляю об этом, и мой листок уходит в сторону. Отвечаю на устные вопросы по билету, на все дополнительные. Выслушиваю замечание преподавателя, смысл которого в том, что хорошо разбираюсь в сложных понятиях, но простой задачи решить не смог, вердикт – «удовлетворительно». Вышел из аудитории и минут через десять, как молния, приходит осознание того, что лист с решениями положил на стол не той стороной: верное решение было записано на обороте. Ну, подумал, теперь уже поздно...

В этой сессии мы расстались с четырьмя товарищами, и среди них два медалиста – это были первые и последние наши потери за пять с половиной лет учёбы в институте. Мечтаю добраться до третьего курса. Мне кажется, только в этом случае обрету уверенность в успешном завершении учёбы.

Приближается весенняя сессия, немного раньше начинаются прыжки. Совмещение приятного с полезным не идёт во вред. Встаю пораньше, мама и папа уходят на работу, а я уже за столом, до четырёх в делах. Ни разу за всё время учебы в институте не занимался вечером и, тем более, ночью. Обычно фоном мне служило включенное радио. Если передачу вела радиостанция «Юность», то позволял себе немного расслабиться. Например, речь шла об ЭВМ: за рубежом машину попросили сделать прогноз, какая мода нас ожидает через двадцать лет. В конце 60-х уверенно ЭВМ смогла заявить только то, что «пупок будет виден». А ведь так оно и вышло!

Без пятнадцати пять от аэроклуба отправляется на аэродром крытая машина или автобус. Теперь могу всерьез заниматься подготовкой по программе мастеров спорта. Нормативы существенно сокращены: время пришло. Чемпион мира по акробатике в затыжных прыжках Вячеслав Крестьянников показал миру новые приёмы выполнения акробатических фигур, и ими очень быстро овладели многие парашютисты. К тому же появились парашюты нового поколения УТ-2, вначале сшитые из болоньи, затем они же с модификацией «К» (из каландрированного, т.е. оплавленного и прокатанного капрона) и чуть позже более совершенные с модификацией «Р» (с рифовкой, стягивающей кромку купола, что замедляло раскрытие парашюта). Мы о таких парашютах даже мечтать не могли, но видели на нашем аэродроме работу профи из ЦСПК и восхищались мастерством членов сборной в Дягилево. Основное отличие – купол в плане не круг, а эллипс, вершина его втянута внутрь стренгой, присоединенной к задним лямкам. Боковые части эллипса, имеющие меньший радиус, образуют «уши», стабилизирующие горизонтальное скольжение парашюта. По бокам и сзади множество отверстий, щелей и клапанов. Аэродинамическое качество этого парашюта превышало единицу. Площадь сопротивления спереди резко сократилась, а форма по отношению к вертикальному потоку стала близка к идеалу: прямоугольнику с соотношением сторон один к трем. Но уж очень силен динамический удар при раскрытии, и, что важнее, безопасность снизилась: парашют часто отказывал по неведомой раньше причине – «залипание». Но это всё впереди, в следующем году, а сегодня, в 68-м, мы с этим не знакомы. Да и год выдался самым неудачным: много пасмурных дней, солнышко – большая редкость, а потому прыжков выполняем очень мало.

***

В этот юбилейный год, в год пятидесятилетия комсомола, в мае-июне с десяток спортсменов ЦСПК выехали в Фергану, по слухам,

готовиться к участию в комплексной военно-спортивной экспедиции. В их числе Валентин и Юра Юматов. Они со спортсменами других частей и испытателями составили подразделение численностью в сорок-пятьдесят человек. После акклиматизации в течение двух месяцев участники будущего эксперимента осваивали новые парашюты ПА-1 (парашют альпиниста), выполняли обычные, а также высотные прыжки с восьми тысяч метров с кислородными приборами, со стабилизацией и без неё, участвовали в испытании нового механизированного способа десантирования с самолёта Ан-12. Совершали восхождения в горы с профессиональными инструкторами-альпинистами. В планы командования входило выбросить два десанта: первый в составе 36 человек – на примыкающее к пику Ленина плато высотой 6100 метров и второй – на сам пик, высота которого более семи тысячи метров. День проведения финальной части эксперимента был назначен на 27 июля 1968 года. Об этом событии рассказывает фильм «Десант на крышу мира», начинающийся с торжественных аккордов Героической симфонии Бетховена, были проведены телевизионные встречи с участниками, были, наверное, написаны мемуары. По какому сценарию пошло развитие событий достаточно известно: пропускаем. Из-за какой-то болячки Валентина вывели из второй группы и определили ему место в первом потоке первой группы.

Самолёт вышел на боевой курс, раскрылись створки, взревела серена, промчались на транспортерах в дверь контейнеры с сидящими на них парашютистами, и за одно мгновение небо над Памиром раскрасили первые двенадцать парашютов. Еще два захода, и все тридцать шесть десантников благополучно приземлились на снежное плато. Самолёт приступил к набору высоты, а экипаж начал переговоры с руководством: радиосвязи с пиком нет, и там не стихает ураган.

На плато к тому времени всех охватила эйфория, в небо полетели ракеты, закрутились красные сигнальные дымы, руки потянулись к контейнерам, где лежали фрукты и заранее припасенное пиво, как говорили альпинисты, весьма забористое при кислородном голодании. Спортсмены, в основном солдаты, постепенно начали выходить из под контроля, и не получалось никак у старшего восстановить порядок, пригрозил он наиболее веселым применить оружие, его послали, мол, «пошел ты, рыжий х...». Наконец, утихомирились, к тому же с базового лагеря поступила команда: все бросить и срочно эвакуировать людей вниз. Полетели ребята в связках по ледяным желобам, склонам и обрывам, рана друг друга ледорубами и шипами ботинок. Добравшись до палаток, упали ничком на матрацы, мгновенно уснули и проспали более суток. Проснулись – и вот она, страшная новость: середина десятки, три спортсмена и испытатель, погибли на вершине. При ураганном ветре, сработав на пик, как на цель, ударялись о скалы и не успевали

воспользоваться замками ОСК, чтоб отсоединить от себя рвущиеся на волю, в ущелье, купола, те тащили их, разбивая о камни, ребята теряли сознание и погибали – воины-спортсмены Глаголев, Мекаев, Юра Юматов и испытатель Томарович. Узнали и не сдержали слёз солдаты, молодые мужчины.

На следующий день в газете «Труд» мы прочитали об успешном проведении эксперимента и только потом... Сутки ушли на спасение разбросанных вокруг пика оставшихся живых, погиб один альпинист. Тела оставили на пике под собранными камнями до следующего восхождения.

Валя приехал! Но мама просит его не беспокоить, пусть отдыхает, а я всё равно тихо прохожу в комнату, где он спит весь чёрный, худой. Неожиданно Валя приподнимается, смотрит на меня и быстро проговаривает:

– А где ребята?

Я его успокаиваю, и мы оба от души смеёмся.

Все участники эксперимента были награждены медалями «За отвагу», а кто-то мечтал об орденах.

***

В сентябре выезжаем в Харьков на первое для нас первенство ВУЗов. На аэродроме ХАИ несколько дней провели в ожидании благоприятной погоды для затяжных прыжков на акробатику, но так и не дождались. В групповых прыжках на точность приземления в первом заходе на круг мы всё-таки заявили о себе. Владимир Михайлович, теперь просто Михалыч и на «ты», стоя у круга, вслух прокомментировал наш заход: «Мои», по-московски, не окая. Его переспросили: «МАИ?», а Михалыч с гордостью повторил: «Нет, мои!»

В этом городе меня впервые обозвали «кацапом», напоминая, что национальный вопрос существует, хотим мы того в России или нет. Здесь же на аэродроме узнали о реакции в Европе на ввод в Чехословакию войск стран Варшавского договора. Рассказала нам об этом Хмельницкая, член сборной Союза, вернувшаяся с чемпионата мира в Австрии.

Закончилось наше знакомство с первенством ВУЗов, и мы, выиграв битву у кассы Харьковского железнодорожного вокзала, забрались в вагон проходящего поезда, расстелили на третьих полках запасные парашюты и отправились в Рязань. Вспоминая Харьков, Валера или Дед – это его второе имя, заимствованное у фамилии – всегда добавлял и сегодня, посмеявшись, добавил бы, что его пуговица до сих пор лежит, ждёт хозяина в очереди перед кассой.

В памяти остались поле спелых подсолнухов на границе аэродрома и гора семечек на столе в общежитии ХАИ, баня на Холодной Горе,

сырокопченая колбаска, привезённая с собой и выдаваемая Кузьмичом по норме, вино «Биле мицне» и имена некоторых участников. Моторин – первый претендент на призовые места. Байздер – весельчак с коротким чёрным ежиком на голове, играл и баловался с девушками на заднем сидении автобуса, громко от души смеялся. Меньше, чем через год, в начале следующего сезона, мы были ознакомлены с приказом и анализом происшествия, в котором Байздер, уходя от «дуги», не смог отбросить от себя запасной или обеспечить его выход в одну сторону. Полотнища и стропы парашюта прошли, обтекая его тело, запасной раскрылся частично. Байздер стал обрезать ножом зацепившиеся и опутавшие его стропы... их осталось слишком мало...

***

В институте с началом нового учебного года быстро восстанавливается привычный ритм жизни. Новые предметы, новые преподаватели, зачёты, сессии. То первая смена, то вторая. Вечерами, приготовив ужин и дождавшись маму с работы, когда одну, когда вдвоём с папой, садимся за стол, затем пью чай, нетерпеливо встаю и, сказав «пока» и пообещав быть не поздно, одеваюсь и выхожу из дома. Могу встретиться с товарищами во дворе, тогда мы вместе едем в аэроклуб, могу ехать один. Там нас ожидают встречи с нашими товарищами, такими же, как и мы, забежавшими на огонёк. Старенькая тётя Таня знала, как мы скучаем зимой, а потому, если дежурила, всегда открывала нам входную дверь и пропускала в парашютный класс. При этом, прихрамывая и загадочно улыбаясь, заглядывала в глаза и приговаривала:

– Ну что, Калинка-Малинка, пришёл?

Сегодня, как снег на голову, приехал в отпуск наш Юра Королев, курсант Армавирского лётного училища. Мы поболтали, потом вдруг собрались и рванули в ДК профсоюзов на танцы, прихватив с собой Короля в шикарной неуставной форме, немного заикающегося, с улыбкой на лице и млеющего от радости встречи с нами. На нем всё, кроме сияющих на плечах голубых лётных курсантских погон, золотых шевронов на рукавах и звёздочки, всё офицерское: и зелёная полушерстяная гимнастёрка, и синие галифе, и ремень с портупеей, и хромовые сапоги. Истребитель! Красный сокол! Чкалов!

Зима 69-го. У меня сессия. Мама после гриппа. Подходит сзади, прикасается лицом к затылку:

– У тебя волосы пахнут, как у мужчины, одеколоном и табаком.

После недолгого молчания добавляет:

– Валя ласковее, а ты добрее.

Май баловник: чистое небо, свежие краски и прозрачный воздух. Начинается сезон прыжков. В клубе – ЧП: столкнулись два наших парашютиста. Выходили один за другим из военного Ан-2 без достаточного контроля, который всегда есть в ДОСААФе. Оба студенты РРТИ. Второй из них, Андрюха, грубо нарушил интервал между отделениями и в падении догнал первого, Юру, прошёл через купол, порвал стропы и ударил того ногой по плечу. Андрей со сломанной ногой приземлился в песок. Юра со сломанной ключицей и перебитым нервом бросает запасной одной рукой. Мы грузим Андрея и Юру в УАЗик и отвозим в третью городскую больницу. На следующее утро по городу поползли слухи, что, столкнувшись, погибли десять парашютистов.

Меня включают в сборную команду области, и мы отправляемся в Воронеж на зональные соревнования. Главные впечатления: во-первых, искупался в Дону и увидел в степи знаменитые меловые балки. Во-вторых, на высоте двух тысяч после отделения от самолёта, находясь в вертикальном положении, был ослеплен утренним солнышком, отразившимся в водах Дона вдали у горизонта, резко подался вперед и вниз, не желая того, встал вниз головой к земле и был оштрафован, хоть и отмотал комплекс чисто. В-третьих, как дебютанту соревнований такого уровня, показавшему лучший результат, мне была вручена Почётная грамота от Воронежского комитета комсомола.

В июле прыжки приостановлены, причину восстановить не могу, не помню. В первых числах августа мы с ребятами работаем на железнодорожной станции, разгружаем помидоры. Затем на неделю едем с Колей, нашим товарищем по имени Руль, к его деду в Вышу на сенокос. Не спеша, втроем выкашиваем наделы, разбросанные по лесу. Учусь и вскоре слышу от деда негромкое с ударением на первое «о»: «Чисто косишь, Витёк». Мордовский лес матерый, крепкий. Картины завораживают: стоим на краю высоченного обрыва, внизу до горизонта расстилается тайга, над ней, в вышине, а для нас на одном уровне, с клёкотом кувыркаются в небе орлы со своими орлятами. Но как мне нравилось, когда ранним утром, мы, разбуженные этими звуками рядом, выползаем из шалаша и садимся завтракать, дед разворачивает белую тряпицу, достаёт и нарезает душистое, плотное, настоящее деревенское копчёное сало с доброй половиной мяса на срезе!

Возвращаюсь в Рязань. Знаю, что в середине августа планируется выезд группы молодых спортсменов ЦСПК на соревнования. Цель – заработать справки, подтверждающие выполнение нормативов, дающих право на присвоение высокого звания «Мастер спорта СССР». Старший команды – Роберт Николаевич Силин. Валя попросил его взять и меня.

Сделал пересадку в Шилово, ожидая электричку, спросил у местных, где дом Юры, сам он говорил, что к этому сроку будет выписан из больницы. Мне показали, зашёл во двор, мы встретились. Все складывалось так, что Юра руку, похоже, потерял навсегда, движения нет ни в одном суставе.

***

В Рязани заезжаю в аэроклуб, беру документы, в назначенный день прихожу в ЦСПК, мне выдают УТ-2, загружаемся в ПАЗик и выезжаем в Москву. Ребят срочной службы знаю почти всех. Знакомлюсь с молодыми девушками Верой и тремя подругами Леной, Надей и Зиной. Вера серьёзна и загадочна, Лена интересна, Надя мила и приветлива, но обыкновенна, Зина смугла, весела и лукава. Вспоминаются несколько эпизодов, так или иначе связанных с моими новыми знакомыми.

В сентябре в Туле с Леной у меня завязывается роман. Роман с перерывами тянется до нового 1970-го года, но мне он приносит боль. Со стороны кто, если осведомлен, может быть, и пожалеет, но жалость к подобным вещам звучит очень выразительно: «Дурак!» Причина проста, как и та, что сделала несчастливым в браке графа Рымникского, т.е. его словами – «она была слаба на передок».

В 1971-ом мы прыгаем на своих УТ-2. Как-то в конце августа нахожусь в Протасово на старте ЦСПК. Жду появления в подъеме свободного места. Жарко, почти штиль. На круг заходит Надя, вдруг над пятидесятиметровой разметкой её купол подхватывает смерч и по дуге обносит вокруг центра по линии этой разметки, а Надя только кричит тоненько: «Ой, мамочки!» Смерч бережно, как джин из своих ладоней птенца, опускает её на противоположной стороне в круг на песок. Вокруг все веселятся, я же несусь за братом в самолёт: есть место! В том году спортсмены ЦСПК на затяжной прыжок готовили Т-4-4М, на точность УТ-2, мы же прыгаем реже: не более двух раз в день, если на сборах, то до пяти. Поэтому на тридцатку, на две тысячи, лезу со своим УТ-2 за спиной: мне каждый прыжок дорог. Знаю, этот парашют при раскрытии дерётся беспощадно: удар вдавливают в систему, выбивает кровь из носа, остаются ссадины на лице от приборной доски на запасном, синяки на бицепсах и в подмышках.

Ушёл за борт Валентин, оставив в ушах шум прибора – короткую реакцию ветра на его появление в небе. Самолёт закладывает вираж, стою почти параллельно земле у обреза двери, много солнца, брата видно хорошо. Он разгоняется, крутит, закончил, пауза и раскрытие. Над ним жёлто-зелёный Т-4-4М. Моя очередь... Вылетаю, повторяю, берусь за кольцо: «Э, погоди, погаси скорость». Разбрасываю в стороны ноги и

руки, опять за кольцо, и вновь ожидание удара заставило меня собраться в комочек, снова: «Э...», и так пару раз. Представляю, как тренер у ТЗК улыбается, но купол Валентина рядом, не тяни! Выдергиваю кольцо... сильнейший удар, секунду в ушах от перегрузки тужится писк, и как только выдерживаю! Меня вытряхнуло из системы вниз, грудная перемычка ударила под подбородок. Сначала просто вишу, всего колотит, потом сколько-то секунд не могу кольцо в карман на лямке вставить: руки трясутся, не слушаются.

Где-то после 75-го года присутствую на занятиях по командирской подготовке. Объявляется перерыв. Заходит пропустивший этот час преподаватель кафедры парашютной и аварийно-спасательной подготовки, проходя между рядами, начинает громко и важно говорить. Своего добился: он в центре внимания. Усиливает нотки скорби в интонации и объявляет, что в кармане на аэродроме стоит перелётный Ан-26 с телом Надежды Мещаниновой на борту. Проходит, выбирает в аудитории место для себя, удовлетворённый усаживается: он подчеркнул опасность и героизм своей профессии и обозначил для всех свою связь с выдающимися парашютистами. Хочется ему сказать: «А кого здесь это интересует? Ты же сам никого не знаешь, тебя не знают, толком ничего не умеешь!» Сижу, молчу, прокручиваю прошлое: вот Надя – она внешне похожа на Буланову, – улыбаясь, выходит из магазина «Изумруд» на Театральной, и я улыбаюсь... Она погибла в Кировабаде, что-то с замками ОСК... Ну, ругайте меня! Ну, не хватило решимости проститься с Надей, пройти эти пятьсот метров...

Коль попали в семидесятые, можно вспомнить ещё об одном эпизоде. В нём косвенно участвует Вера, собственно, не о ней речь. Но вначале маленькое отступление. В Протасово в песочек приземляется Затиральный, призванный из Молдавии. Ноль перед ним, и так, ничего не делая, не достать, но спортсмен знает, что за своими всегда наблюдает Глушцов. Воин бросает тело вперед и дотягивается до ноля! Но какой ценой: приземляется плашмя на спину. Глушцов ему:

– Затиральный, ты как, помощь не нужна?

В ответ доносится голосом сильным и протяжным из-за сжатия спазмом грудной клетки:

– Нэ на-ад-до!

По стране ходила поговорка: «Было у отца три сына: ... а третий – футболист». На аэродроме говорили с заменой на «парашютист», но какая между ними дистанция!

Начало сентября. Мы на старте ЦСПК в Житово. Меня поставили первым в группе с девушками, за мной покидала самолёт Вера. Захожу на круг, уже на глиссаде, вдруг впереди, справа и ниже (?) появляется купол

Веры и вот-вот займет место передо мной, уже воздух забирает и скоро мой купол, а он уже вздрагивает, окажется без поддержки. В этой ситуации для меня нет места на прямой. С набором вертикальной скорости круто разворачиваю влево и со всей силы ударяюсь об высохшую землю! Встал, и не надо мне объяснять, понял, что в этом году отпрыгался. Пытаюсь отстегнуть запасной. Опять руки не слушаются, трясутся, пальцы не гнутся. Волков, к тому времени начальник ЦСПК, крикнул спортсменам, чтобы помогли парашют снять, те подошли, молча сняли, понесли на старт. Стою, застыв: боюсь сделать первый шаг. Подзывает к себе врач, а это все пятьдесят. Как болгарин, иду по углям, подошёл, врач предлагает пройти к его ящичку с касторкой, а это еще два полотнища по девять или двенадцать метров. Сел, снял ботинки, смотрю, ноги, как ноги. Аполлоныч помял ступни и предположил сильную компрессию, это с его слов, не опасно. В автобусе на обратном пути сидел, поджав ноги, оберегая ступни от соприкосновения с полом, к подъезду подвезли, в квартиру вошёл сам, лёг. На следующее утро на ногах увидел гематомы до колен, как тёмно-сине-фиолетовые гольфы. Сплю, выставив ноги за пределы постели, по делам – за спинку стула, и так две недели. Приходят Дед с Кузьмичом, мол, как настроение, не сходить ли нам в «Отдых» пивка попить. А почему бы и нет, только хорошо бы на трость опереться. Возвращаются, взяли напрокат. Вышли из подъезда. И на какую же ногу мне хромать? Лет через семь при проверке состояния связок на правом голеностопном суставе рентген показал старый перелом голени. А что с левой? Тогда в Житово с ней было то же самое.

Наш автобус остановился в Тушино у здания ЦАК, Центрального авиаспортклуба, здесь же располагается Федерация парашютного спорта. Силин ушёл решать какие-то вопросы, вернулся, мы переночевали в гостинице клуба, а утром выехали в сторону Чехова, в Волосово, где будут проходить соревнования на первенство Москвы. Прошла жеребьёвка. Личники от ЦСПК, т.е. спортсмены, участвующие в личном первенстве, составили свой подъём. Я попадаю в команду личников ЦОЛТШ, Центральной объединенной летно-технической школы из Калуги. Капитан – курсант перворазрядник Смальгин. Прыгаю на УТ-2 впервые, все меня инструктируют, рассказывают об особенностях и прочее. На укладке мне помогает Датченко или просто Дуду, тоже герой Памира, впрочем, и другие не отказывались. «В то время как всё прогрессивное человечество» праздновало двухсотлетие со дня рождения Наполеона Бонапарта, мы штурмовали нормативы мастера спорта. Маленький, не очень приятный штрих – при выполнении затяжного прыжка после отделения от самолёта меня перевернуло на спину, и славный парень, наш капитан, видел мой позор. Позже, как добрые старые

знакомые, мы встречались с ним в Туле, в Омске, кажется, в Богородске или в Протвино. Везде Смалгин был свидетелем того, что со всех соревнований я привозил мастерские справки и подтверждал свое звание.

В сентябре едем в Тулу на межведомственные соревнования. Все прекрасно, заработал ещё одну мастерскую справку. О тех днях впечатления неромантические, обыденные: из высоких облаков, закрывших небо, моросит мерзкий дождик. Удивило, что в этих условиях нас отправили на «тридцатку», где мы в затыжном прыжке на тридцать секунд должны открутить комплекс. И не напрасно: теперь знаешь, что в падении ты создаёшь и гонишь перед собой плотную воздушную подушку, а в ней трепещут, мечутся мелкие капельки дождя, ищут выход, а когда найдут, обойдут сбоку и вырвутся на волю, а в это время их сестрёнки немилосердно секут твоё лицо. Вот здесь, в столовой, на прощальном банкете мы с Леной потянулись друг к другу, и начался тот короткий и горький «роман»...

***

Отношу мастерские справки в областной комитет ДОСААФ. Ответственное лицо, занимающееся этим вопросом, предлагает пропустить подачу заявления на присвоение промежуточного звания «Кандидат в мастера спорта». Нет у меня возражений: инициатива комитета. На этом остановились, документы ушли.

Третий курс, мечтал об этом, но уверенности и равновесия не прибавилось. Забот не стало меньше, правда, с преподавателями стали вести себя более раскованно, а они с нами обращаться стали, как со взрослыми людьми, и некоторые мелочи прощали. Сентябрь пропустил – соревнования в Туле и несостоявшееся первенство ВУЗов в Куйбышеве, куда мы съездили, но из-за дождливой погоды ни одного прыжка не сделали.

У нас новичок – Александр, он перевелся к нам из Волгоградского политеха. Нам повезло, в нашу группу пришёл хороший парень. Он старше нас на два года, приветлив, прост в общении, образован, умён, с добрым тонким юмором.

Вхожу в ритм, переписываю конспекты, скоро все неприятности остаются позади. На военной кафедре с этого года начинались занятия по нашей будущей специальности «инженер АСУ ПВО». После государственных экзаменов в приказе МО нам будет присвоено первое воинское звание лейтенант-инженер и дано право носить на парадном кителе серебряные погоны. Занятия нравятся всем. Изучаем реальные схемы и устройства боевых систем. Видим доброжелательное отношение

преподавателей. Наша самостоятельность поощряется, и для нас всегда открыты двери кафедры. Товарищи присвоили мне кличку «Полковник».

На последних страницах журнала «Крылья Родины» ежемесячно публикуется список спортсменов, которым Федерация присвоила звание «Мастер спорта СССР». Просматриваю, нет и нет. Купив в мае в киоске на улице Гоголя очередной выпуск этого журнала, заглянул в конец и нашел в списке свою фамилию. Документы и знак может получить либо виновный, либо официальный представитель организации. Едем в Москву вдвоем с Дедом: ему надо в Министерство просвещения решить вопросы, связанные с распределением супруги. В Тушино находим секретаря Федерации Пясецкую Галину Богдановну.

– У нас сегодня заседание, поприсутствуете, там и вручим.

– Но...

– Никаких «но» – до Рязани электричек много!

Сидим с Валерой на заседании, слушаем. Обсуждаются вопросы, имеющие отношение к празднованию столетия со дня рождения В.И. Ленина и к организации соревнований Спартакиады народов России по военно-техническим видам спорта. Наконец, слышим, Гэ-Бэ объявляет, что у нас сегодня гости и т.д. и т.п. Приглашают к столу и торжественно вручают желанные корочки с маленькой коробочкой, где лежит тяжёленький знак. Вот и случилось! А узнала бы глазной врач Лапина, как бы она возмутилась – на протяжении всех этих лет её диагноз был «не годен».

Вышли, прикрутили к лацкану пиджака знак, где сверху на лавровой ленте металлические буквы сложились в строчку «СССР», а в центре в красном эмалевом обрамлении – в две: «Мастер спорта». Добрались до Краснопресненской, спустились в кафе, чокнулись бокалами с белым вином и – домой.

8. Своя игра

Учиться стало действительно легче. Завершаем третий курс. Мы в 430-й комнате общежития на Братиславской. Весенняя усталость одолела нас. С утра были на лабораторном занятии, а через пару часов пойдем на лекцию по политэкономии. Машинально опускаю руку в карман пиджака, нащупываю и вынимаю трассирующую пулю от АКМ. Луи от меня принимает и внимательно разглядывает, сидя перед столом на кровати Графа, немного погода, спрашивает:

– А если поджечь?

– Чем?

– От спички.

– Мало, не загорится.

– А мы попробуем на свечке.

Нашел пассажики, установил на тарелочке свечку, поджёг, поёрзав, уселся надолго. Мы расположились вокруг, кто стоит, кто сидит – немая сцена. Потом забываем и продолжаем прерванный разговор. Луи – всё в той же позе, участвует в разговоре, но глаз от пламени не отрывает. Вдруг жахает, всё летит со стола на пол, грохот, под кем-то падает стул, кто-то отскакивает к двери, Луи навзничь откидывается на кровать. Внизу вращение и свист, наконец, всё стихло. Смотрим: с пола поднимается дымок, лежит почерневшая и потерявшая блеск пуля, вокруг серпантин прожига. Рассмеялись, поглядев на себя и других. Да, круто! Луи, отдышавшись:

– А что, господа, не расписать ли нам свою пульку? Ну, тогда со стола всё у-убрать! Для начала сочинку, тридцатку, ага? Сто вистов – бутылка пива. Ладно, я на прикупе.

Рассаживаемся, Луи, откинув волосы назад, начинает сдавать, мелькают карты вперемешку с серебряным перстнем. Заглянув, положил прикуп, встал, вышел из комнаты. Торговля заканчивается на том, кто был слева от Луи, он раскрывает прикуп: марьяж. Объявляет игру и заходит с короля, его на первой же руке бьёт козырная карта. Второй ход, взятку берет следующий вистующий и заходит под марьяж, игрок с тоской выкладывает даму, слева её снова бьёт козырная карта... Без одной! Если бы игрок начал иначе, он мог бы остаться при своих или, как говорят, сделал бы свою игру. Возвращается Луи, довольный записывает висты за марьяж плюс одна:

– Оказывается, можно заработать, даже сходяв по нужде!

Закрутилась неспешно игра: «Кто от третьей дамы ходит!», «При виде трех тузов говорю раз», «Марьяж – он и в Африке марьяж», «Ты упал, а мы поднимем», приколы, шутки... Закрыли, рассчитали.

– Сегодня у нас какое число?

– Семнадцатое.

– Та-ак... Значит, стипендия послезавтра? А не сходить ли нам в кабачок, как говорил граф графине, гремя манжетами? Политэкономия – муть, а вторую перепишем!

Наша стипендия – сорок пять рублей. Если на двоих брать бутылочку водки, по два пива, бифштекс с яйцом или эскалоп с сухариком, салатик мясной, то с каждого по пять. А там нас ждут обслуживание, приятный разговор, музыка, девочки, танцы. Отказаться невозможно: роскошно и доступно, были бы места. Рестораны по рейтингу выстроились так: «Москва», «Рязань» (по-военному, – «Три пескаря»), «Рязань-1», «Рязань-2», «Первомайский» и «Отдых», и везде очереди, но нам повезёт, и мы устроимся вчетвером за столиком в центре зала в ресторане «Рязань» у цирка...

Провожая Светлану, ладную брюнетку, переводчицу с сербскохорватского, из ресторана домой на улицу Есенина. В троллейбусе задумываюсь: возвращаться придётся пешком. Ладно, хорошо, что через рошу. Светлана открыта, дружелюбна, весела, о чём-то болтаем, она присматривается, говорит, что вполоборота я похож на Лермонтова. Заходим в уютный дворик в окружении деревянных двухэтажных построек напротив кинотеатра «Ока». Черёмуха отцвела, начинает цвести сирень, чувствуем её тонкий аромат, а в следующем дворе соловей поёт. Среди кустов выбираем скамеечку и бросаемся в объятия. Бесконечный поцелуй: мягкие живые губы, шалый язычок, прерывистое дыхание. Рука опускается вниз с плечика на талию, на внешнюю сторону бедра, на колено, поглаживаю, переносу выше на нежную кожу бедра, вновь на плечо, шею, грудь, начинаю задыхаться. Светлана отклоняется, шепотом, переводя дыхание, произносит:

– Мы оба хотим большего, но сегодня нельзя.

Скоро свидание заканчивается, долго прощаемся. Иду к переезду, постепенно гасну, вспоминаю услышанное в ЦСПК: «Апатия – это отношение к сношению после сношения». Светает, спускаюсь от переезда к «Трактору», сзади слышу мотор и шипение выпускаемого воздуха. Оборачиваюсь – меня медленно догоняет поливочная машина. Водитель всё понимает, притормаживает и раскрывает передо мной дверцу. За задушевной беседой, весело подпрыгивая на пружинах ЗИЛка, доезжаем до Полетаева.

«Романтический вечер» не всегда имеет томное продолжение. Однажды зимой втроём гуляли в «Москве». У выхода нас втянули в потасовку. В троллейбус захожу один и чувствую, подёргивает кто-то за подол пальто. Смотрю, на широком заднем сиденье устроился знакомый, подсаживаюсь к нему. Он смеётся и бросает мне:

– Ну, ты и петух! Мы вышли, глядим, вы метелитесь с кем-то. Там потом такая буза раскрутилась, но уже без вас, швейцар вызвал милицию, а когда те приехали, ты вёл себя очень спокойно, был как бы ни при чём, товарищей искал.

***

Сезон в разгаре. Доставляет удовольствие, отделившись, распластаться, гася скорость, заданную самолётом, бросить взгляд на Ан-2 и лица товарищей, собравшихся у двери. Можно подурачиться и сделать сальто, затем плавно перейти в горизонтальное положение, немного собраться и развернуться на крест, если по заданному способу выброски он остался сзади. Группируешься, по сторонам смотреть некогда, все непередаваемые красоты неба и земли вне твоего восприятия, они сейчас не для тебя. До семнадцатой секунды продолжаешь постоянно, как

голубь, двигать шеей, переводя взгляд с креста на секундомер. Ураган, бьющий в твой шлем, не слышишь: привык. Приходит время, и начинаешь лепить комплекс, стараясь в промежутках сохранять направление головой на крест и не развалить группировку. Если хорошо разогнался, то в последние секунды свободного падения замечаешь равномерно проходящие снизу вверх купола тех, кто покинул самолёт перед тобой в предыдущем заходе. Может остаться время, чтобы взглянуть на горизонт и почувствовать, как погружаешься в громадную чашу, при этом с высоты в тысячу метров совсем невыразительным кажется коварное приближение земли навстречу. Чуть накренившись левым плечом, выдергиваешь кольцо, и вот он – оранжевый выстрел вытяжного в зенит за спиной, и тут же встречаешь раскрытие парашюта, во время которого можно, отдыхая, смотреть вверх и видеть, как распаивается вширь кромка оживающего купола. После раскрытия ставишь кольцо на место, быстро утираешь с висков слезы, выбитые и размазанные потоком, берёшь в руки клеванты и начинаешь обработку креста, как в обычном прыжке на точность приземления. Тело расслаблено, доверяешь парашюту и висишь на ножных обхватах, в таком положении ты с ним – одно целое. Вновь слышишь и чувствуешь ветер. Руки с зажатыми клевантами постоянно и необязательно симметрично ходят вверх вниз, добываясь от купола максимальной приёмистости. На высоте метров сто делаешь площадку, встав боком к кругу на малой скорости, затем, поймав глиссаду, разворачиваешься и идёшь на цель.

Решили отдохнуть от тридцатки и выпросили у командира тройную пирамиду. Мы (Валентин, Нина и я) должны у двери стать в шеренгу и, держась друг за друга, отделиться от самолёта, лечь на поток, затем будем падать, любоваться друг другом, но потом, если захотим. Перед раскрытием разойдёмся в разные стороны.

По ходу изменили сценарий, договорились, что как только уляжемся, отцеплюсь и полетаю вокруг. Вывалились из двери, изрядно помучались, не находя опору на слабом потоке, наконец, успокоились, я отцепился и сразу провалился вниз. Никакие мои старания так и не помогли мне подняться вверх. Развернулся, изобразил собой стрелу и потянул в сторону от сладкой парочки. Оглянулся и, не отворачиваясь, раскрыл парашют, вижу, наверху следом раскрыл Валентин. У него чехословацкий парашют ПТХ, вот он в чехле выходит из ранца... и всё! Валентин пролетает метрах в тридцати мимо и стремительно уходит вниз, становясь все меньше и меньше на фоне курчавого леса, кажется, вот-вот скроется в его вершинах. Вспыхивает запасной, основной отваливает в сторону и раскрывается. Направляю свой парашют на Валентина и скоро приземляюсь рядом. Он всё с себя уже снял, улыбается, нервно курит и, когда подхожу, произносит:

– В гробу я видел братскую технику!

Подъезжает машина, забрасываем парашюты в кузов, а сами пешком возвращаемся на старт.

В команде мне доверяют серьёзную работу: быть третьим в передаче эстафетной палочки. Отделяется первый, за ним второй, я в полутора метрах у пилотской кабины стою в положении высокого старта с эстафетной палочкой. Как только нога второго оторвется от обреза двери, в два шага долетаю до проёма и ныряю под хвост самолёта, догоняю второго и передаю ему палочку, он – первому, который должен подойти и быть рядом. Новые впечатления, новые серьёзные навыки обеспечения безопасности своей и товарищей, разбитый нос о кулак партнёра.

Выезжаем во Владимир на зону. Старина, Золотые Ворота, соборы, Клязьма, «Нерль» с коктейлем Крымский, грибы, запечённые в сметане, шефы. Получаю путёвку в Омск на финал Спартакиады народов России. В дороге двое суток. Сидя на подножке последнего вагона, любуюсь Поволжьем, красными отрогами и холмами Южного Урала, просторами Сибири.

На аэродроме в Марьяновке мы должны выполнить три прыжка на акробатику, четыре на точность. Лучшие пятнадцать мужчин и двенадцать женщин сформируют три российских команды, которые приступят к подготовке к первенству Союза.

На заключительной тридцатке, уходя после спирали на второе сальто, почувствовал срыв левой руки с потока и боль в плече, схватил руку в охапку, раскрыл парашют и направил его к судейской группе у ТЗК. Сбросил в траву систему, запасной и побежал к судьям, навстречу мне вышел один из них, встретились на середине, объясняю, мол, вывих, пожалуйста, не штрафуйте, если последнее сальто получилось грязным. Судья идёт к коллегам, возвращается, говорит, не беспокойся, все чисто. На старте врач предсказал невесёлое будущее: такая травма не проходит бесследно: меня ждет хронический подвывих с ущемлением нерва. Оставшиеся прыжки на точность выполнял с заморозкой и таблеточками и в одном прыжке допустил досадный промах. По всем упражнениям подтвердил звание «мс», занял четырнадцатое место, но в третью сборную России вошёл кто-то другой. Оспаривать решение не стал – ясно, в этом году был не способен к серьёзной работе.

Дома пытался выполнять тридцатку, результат один: как только даю ввод в левую спираль, рука вылетает, прижимаю её к груди и падаю примерно до двадцать седьмой секунды, чтоб освободить пространство тому, кто после меня будет.

Позади четвёртый курс института. Постановлением Совета Министров нас переводят на новую специальность «АСУ». Выпуск

теперь не в феврале 1973-го, а в декабре 1972-го. Зональные соревнования пропускаю: в конце мая с ребятами нашего потока выезжаем на военные сборы и принятие присяги. Место сборов – радиотехнический батальон в Килп-Явре под Мурманском. Объект стажировки – совмещённый с истребительным полком КП. В Североморске делаем короткую остановку, в клубе нас одевают, что для солдат, доставивших нам форму, редкая забава: обзывают, смеются, подсказывают, учат. Приезжаем на место: суровая тундра, карликовые сосны, ягель на камнях, крупчатый снег на сопках, облака, крадущиеся по распадкам, белые ночи с полотенцем на глазах, уставной режим... гибель наших космонавтов. На обратном пути выходим с Ленинградского вокзала большой толпой, у половины в руках оленьи рога. Отпустил усы, практически, на всю оставшуюся жизнь.

Приступаю к тренировкам в аэроклубе, заменяя затяжные прыжки прыжками на точность. Посещение консилиума травматологов не приносит ожидаемого результата: их мнение – подвывиха нет, операция не показана. На мою удачу в Рязань вернулся хирург Валентин Сусоколов, практиковавший у Елизарова. В 66-м, когда я начинал, Валентин входил в областную сборную и заканчивал мединститут. После возвращения он уже успел нескольким спортсменам ЦСПК успешно провести операцию на плечевом суставе. Мы встретились и договорились, как только вернусь с первенства ВУЗов, он будет ждать меня.

***

Выезжаем с братом на две недели в Алфёрово, на базу авиаспортклуба МАИ, где скоро будет проводиться первенство ВУЗов страны. Руководство АСК разрешает до соревнований попрыгать с их сборной. Здесь мне посчастливилось ещё раз встретиться с круговой радугой. Прыгали с тысячи метров над облаками. Пилот по известным ему признакам сам определял момент отделения. После раскрытия заметил внизу и в стороне на фоне облака радужное кольцо, а в центре свою тенью под куполом. Развернулся, но, к сожалению, войти в кольцо не успел: раньше ушел вниз.

Не обошлось и без неприятных встреч. Однажды мне определили место первым в групповом прыжке девушек МАИ с условием, что раскрою парашют как можно ниже и не буду им мешать. Выскочил, пропал, слежу за девчатами. Их парашюты раскрыты, можно и мне. Запрокидываю голову и наблюдаю за раскрытием своего красно-оранжево-жёлтого УТ-2р. Но он не желает раскрываться, вид купола надо мной такой, каким он бывает после того, как сбросишь его с рук на укладочный стол – ворох цветной ткани и ни одного наполненного воздухом полотнища. Оглядел всё вокруг: как бы зависли надо мной купола девчонок, земля, вроде, далеко, ещё не приближается, на высотомере стрелка почти замерла. Отцеплять основной парашют так не

хочется! Но надо что-то делать. Берусь за левый клевант и вытягиваю стропу управления до конца вниз. Началось вращение влево, отпускаю стропу, хочу прокачать купол, но в жгуте стропу заклинило, вращение продолжается. Ясно, давай тяни вторую, вытянул обе, начал на обеих стропах качаться, трясти. О! Показался кусочек наполненной воздухом ткани, ещё один, ещё... и мне повезло: рывками расправился купол, и нехотя раскрутился жгут. Сразу же разворачиваюсь на круг, убрал хлопанье лобовой кромки и, не изменяя положения, на максимальной скорости пришел в круг, чуть ли не в ноль. На кругу стоял один Валентин, он за всем наблюдал:

– Кажется, никто не видел. А я всё смотрел, гадал, отцепишься ты или нет.

На земле стала понятна причина отказа – купол в чехле шёл за вытяжными медузами с вращением и закрутил в жгут выходящие из сот стропы и рифовку. Рифовка стягивает кромку купола и тормозит его наполнение, что приводит к снижению динамического удара при раскрытии, но сегодня по воле стихии она оказалась в тисках жгута.

Начинаются соревнования. Приехали Дед с Кузьмичом, привезли мой старенький песочного цвета лётный костюм – это своего рода визитка ЦСПК. Первый прыжок на точность приземления. В голове крутится: «Ноль нужен, ноль, ноль!». Захожу на пяточёк. Ноль проходит немного справа и сзади, бросаю в его сторону правую ногу и проваливаюсь на левое колено. Встаю, икру светло. Ко мне подходит седой дедушка в сером пиджачке и вручает яблочко, Белый налив. За что, спрашиваю, в ответ:

– За ноль – первый на этих соревнованиях!

Оказывается, половина отпрыгалась, а нолей не было, даже Моторин пролетел! Уходя с круга, спрашиваю судей, кто он, этот старичок, отвечают – это Белоусов, старейший парашютист Советского Союза. Прихожу на укладку, в начале стола кладу каску с яблочком, потом до него доберусь, сбрасываю купол, прохожу дальше, снимаю всё. Возвращаюсь к началу, закрепляю вершину, вытягиваю, расправляю, начинаю набрасывать. Вдоль столов прогуливается Сафьяненко из команды МАИ, останавливается напротив:

– Послушай, Вить, одолжи свою каску, может и мне повезет, тоже ноль дам.

Я на него не смотрю, занят:

– Бери, пожалуйста.

Он поднимает каску, и следом до меня доносится хруст заветного яблочка... Удаляясь, Сафьяненко, прожевывая, шутит:

– Вы так маскировались с братом эти две недели, что мы и не догадывались, кого пригрели на своей груди.

Среди участников распространился слух: Рязань привезла спортсменов из ЦСПК.

Наступает время акробатики. Уже дома попробовал: не буду отрывать локоть от тела, и ладонь буду держать в кулаке, может быть, потихоньку и откручу.

Погода неустойчивая: мощная кучевая облачность с просветами. Нижняя ровная граница облаков расположилась метрах на восьмистах, верхняя неровная бугристая – выше двух с половиной, а мы должны прыгать с двух тысяч двухсот. Решили: будем работать в промежутках между облаками. Наша очередь. Самолёт блуждает в узких фантастических ущельях. В небе безумно красиво. Только в местах, подобных этим, Рафаэль мог видеть свою Мадонну. Созерцанием этих волшебных заоблачных пейзажей на простых прыжках никто бы нас баловать не стал. Наконец, с земли поступила команда заходить в появившийся в зоне выброски просвет.

Стоишь на обресе двери, высовываешься, по щеке бегут волны, а по вискам – слёзы, смотришь вниз, выбираешь момент... отделяешься, широко раскинув руки и ноги, ветер в лицо, видишь божественное величие не в окно и не в дверь – оно вокруг, кажется, можно дотронуться, восторг ничем не измерить, он рвётся из груди! Впереди отвесная стена, сложенная из гигантских снежных глыб, она, угрожая поглотить, идёт навстречу, но скоро стала вязнуть, а всё, что окружало, двинулось снизу вверх, выполняя команду «Ма-арш-Марш!», переходя на шаг, с шага на рысь, с рыси в галоп, с галопа в карьер. Грохот тысяч копыт нарастает и заполняет пространство под шлемом. Но ты уже сгруппировался, забыл обо всём, видишь только секундомер и крест...

Закрытие соревнований. Вызывают к столу, вручают диплом и медаль за третье место в прыжках на точность приземления на первенстве ВУЗов страны. Общее – четвёртое.

Возвращаюсь в Рязань, ложусь на операцию. Валентин, хирург, рассказал, как она проходила: открыли сустав, убрали оборванные волокна, по Бойчеву-2 взяли с лопатки сухожилие, перенесли на плечо, добились максимальной подвижности, зашили. На всё ушел один час двадцать минут под общим наркозом.

***

Апрель 1972. Мы уже знаем, что нас, первых в стране выпускников по специальности «АСУ», в СА призывать не будут. Впереди нас ждет преддипломная практика, разработка и защита дипломного проекта, а сегодня проводится предварительное распределение. Покупатели приехали со всей страны. Мой средний балл больше четырех, двенадцатый на потоке. Раньше договорились, что остаюсь в КБ при институте в лаборатории у Оляринского. Но в коридоре перед дверью в

аудиторию, где будет проводиться заседание комиссии, узнаю, что наше КБ от меня отказалось: ему спортсмены не нужны. Захожу в аудиторию. Заявляю, что хотел бы остаться в Рязани, но, оказывается, это невозможно: в Рязани остаются только на кафедрах или семейные, у кого супруг либо учится, либо работает в Рязани. Выбираю Жуковский. Через день проводится окончательное распределение. В коридоре – новость: в Жуковский не еду, говорят, вчера сам отказался. Вхожу в аудиторию, слух подтверждается, список закрыт, тогда говорю, никуда не поеду, останусь в Рязани. Комиссия к решению не готова, предлагают здесь же присесть, подождать.

Неожиданно между членами комиссии начинается разговор с претензиями, упреками. Причина – опоздал и в первый день не присутствовал представитель из Киева. Сидит, насупившись, перебирает листочки, возмущается, почему без его согласия в список включили одних троенчиков. В ответе ему слышу то, что нам было известно с первого курса как поговорка:

– Тройка в РРТИ – пятерка в Москве!

Киевлянин поворачивается ко мне и заявляет весомо:

– Я беру вас!

Конечно, я не согласен, настаиваю на Рязани, члены комиссии ещё раз перебирают списки и представитель РКБ «Глобус» соглашается взять меня в качестве дополнения.

Летом начинается практика на «Глобусе». Мы (две девушки и два парня) попадаем в рабочую бригаду программистов или РБ при ВЦ предприятия. В нашей бригаде все чудесно: начальник – трудяга, атмосфера рабочая, доброжелательная. В соседней РБ, занимающейся эксплуатацией и ремонтом ЭВМ, удивил руководитель, которого в течение дня можно и не увидеть: профессионально не компетентен, прячется. Спросил, почему так карта легла, почему не Семёнов. Ответили, что тот строил дачу начальнику отдела. При первой встрече с ним странно было созерцать начальника в сандалиях на босу ногу. Да, лето, ну, и что? Оформляемся техниками-лаборантами с окладом восемьдесят рублей, но денег за всю практику так и не увидели.

В этом году на соревнованиях меня из претендентов на «медаль» откровенно выдавливают: у Калинкина в паспорте отметка о группе крови, значит, он – донор, пусть представит в судейскую коллегию справку, когда последний раз сдавал кровь. Из-за растяжения связок стопы приехал на зону в Серпухов не в составе сборной области, а для участия в личном первенстве. Как мастера спорта не допустили – абсурд! Позже Федерация в ответе на жалобу со мной согласилась: да, допущен

грубый произвол, но что теперь делать, разумеется, мы рассмотрим вопрос о дисциплинарном наказании главного судьи Кольчугиной.

Полоса невезения. Едем в Свердловск на ВУЗы. Самонадеянно свой парашют передаю девчужке из нашей сборной, мол, сработаю на её: в команде нет плохих парашютов. Истина стара: конечно, были! Из Свердловска летим в Горький, где уже на своем парашюте показываю прекрасные результаты, но это квалификационные соревнования без розыгрыша командных и личных мест. Но спортивное звание подтвердил дважды, и чемпионом области в этом году всё-таки стал!

Возвращаемся в Рязань... Нас с братом ожидает страшная новость: в наше отсутствие мама перенесла инсульт. Сколько помню себя, у мамы была тяжелая форма гипертонии. Зашёл в квартиру один, Валентин задержался. Папа предупреждает:

– Тише, держи себя в руках – мама больна.

Присел к маме на кровать, она сидит, покачивается, на меня не смотрит, не понимаю, узнала ли, повторяет только:

– Валя, Валя, Валя...

Мне плохо, выхожу на балкон...

Осень, зима, занимаюсь разработкой дипломного проекта, встречаемся с Людмилой, гуляем с мамой, она понемногу выходит из кризиса. Папа смог выйти на работу. Делим домашние хлопоты пополам. Валентин – на сверхсрочной службе в ЦСПК, часто в командировках, на сборах, параллельно продолжает учиться на вечернем отделении в РРТИ.

Девятнадцатого декабря 72-го года защищаю дипломный проект. В канун Нового Года нам выдают дипломы, в начале января оформляемся инженерами в РКБ «Глобус» и получаем отпуск, а через месяц, в феврале, нас уже ждут на ВЦ.

В январе у мамы стало заметным ухудшение состояния здоровья.

Вышел на работу. Распределение ролей: Татьяна получает задание отдельно, мы троим: Александр, Анна и я получаем равные части одного проекта.

В марте мама сетует: как было бы хорошо, если б Валя женился, тогда объявляю, что мы с Людой подали заявление во Дворец Бракосочетания, и в мае будет свадьба. Мама так рада!

На предприятии профсоюзный шеф в порядке подкупающей инициативы предложил написать заявление на материальную помощь к свадьбе. Спустя неделю подзывает и сочувственно говорит:

– Думаю, не стоит давать ход заявлению. Ну, дадут рублей двадцать пять, что это, стыд, да и только, ты согласен?

Догадываюсь, могут дать гораздо больше, не исключены сотни, и получит тот, кому следует. Сыграли молодежную свадьбу: родители, мама, брат и сестры, подруги и друзья-парашютисты, Граф приехал из Саратова. Свадьба, естественно, перешла в простую пьянку. Вечером меня находят на плоской крыше дома: сижу, прислонившись к трубе, и смотрю на поля, рядом туфли.

После свадьбы сняли частную квартиру. Однажды вечером в начале лета, когда мы уже снимали вторую, частный дом под Кремлем, переходим под дождём с Людмилой улицу Революции у площади Ленина и вдруг на середине среди луж сталкиваемся с Юрой Королевым. Он, как всегда с улыбкой, немного заикаясь: «Ну-ну, ты как?» Рассказываю обо всём и о том, что хотел бы в армию уйти, но по решению Совета Министров нас не будут призывать. Выслушав, Король объявляет, что летает он на Су-15 в Забайкальском Военном округе, сейчас в отпуске, жена из Армавира, а потому на днях они выезжают к её родным на Кубань. Он хорошо знаком с начальником кафедры Парашютной и аварийно-спасательной подготовки Армавирского лётного училища и замолвит перед ним за меня словечко, тем более что кафедру покидает и переводится в Клин специалист по автоматике. На том мы с Юрой и расстались года на три.

В аэроклубе готовимся к очередной зоне. Мы получили новые парашюты УТ-15, нет к нему замечаний, просто сказка: скоростной, мягкий, приятный, более безопасный. Тренирует нас прапорщик из ЦСПК, спортсмен высокого класса Миша Пантелеев. Он – неудачник, постоянно с травмой, что мешает ему показать себя за пределами ВДВ и державы. Каждую неделю проводит контрольные прыжки. Для меня всё складывается прекрасно: первое место в команде за мной. Точность ровная, мизерная, без «пенек», комплекс всегда чист и стал получаться за восемь с копейками – это уровень! Но вот незадача: получил травму колена, но не пугает, к отъезду заживет. Каждое утро занимаемся физподготовкой, а сегодня бежать не могу, прыг, прыг и не вперед, а вверх: колено болит. Останавливаюсь, возвращаюсь, хромая, и выслушиваю эмоциональные и весьма неллицеприятные слова от Миши:

– Вот у нас военные ребята никогда виду не подадут, а вот ты... Одним словом – слабак!

Ну что, собрался и покинул аэроклуб. Понимал, что игра в парашютный спорт неминуемо должна была закончиться. Неожиданно Людмила не поддержала меня, хотя видел, что не по душе ей было моё увлечение. Через два-три дня сажусь на Болошнёвский автобус, еду в Протасово каяться. По пути подсаживается инструктор Виктор:

– О! Привет! А твой парашют уже Акимыч взял.

Мне и сказать нечего. А Виктор все ля-ля-ля, ля-ля-ля. Автобус остановился, мы вышли, Виктор – на аэродром, обернулся ко мне:

– А ты куда?

А я перешёл на другую сторону шоссе...

На предприятии – ЧП: погибла Анна, с которой мы вместе вели один проект. Она – байдарочница, выехала с товарищами на Алтай. На реке байдарка перевернулась, тело прибило к рыбакам, но те не знали, что её ещё можно было спасти. Начальник предложил взять её часть работы.

Скоро вызывают в военкомат – пришёл запрос из Армавирского училища. Старший лейтенант выражает удивление: как смог, место прекрасное – Кубань, кто у меня там и прочее.

– Давай пиши раппорт.

– А как?

– А вот так: Военному комиссару... Прошу призвать в кадры СА... Готов служить в любой точке Советского Союза... Подпись.

– Не помешает?

– Нет, это то, что надо!

Через год я оценил: он оказался прав!

Очередные ВУЗы. Пришёл в гости Кузьмич, наш капитан. Согласно положению после выпуска мне разрешено один год выступать за РРТИ. Не мог отказать. Отпрыгались. Тридцатка в целом неплохо, а по точности у меня опять хорошие результаты, но главный судья Глушков, он уже пенсионер, решил, что данное первенство будет проводиться как открытое, и меня обходит воин-спортсмен из ЦСПК. Анатолий Петрович, говорю, это выступление последнее для меня, организуйте на память хотя бы почётную грамоту за лучшую суммарную точность в одиночных и групповых прыжках: в семи сумма – пятьдесят два сантиметра. Это практикуется. Но нет!

То был не последний прыжок. Удалось 07.07.77-го сделать три прыжка, в одном из них сходить на «свалку», а летом 81-го, находясь в отпуске, попрыгать недельку на сборах и записать на свой счет пятнадцать прыжков на крыле ПО-9 (планирующая оболочка) и испытать этот удивительный парашют в работе. Его площадь в три раза меньше, стропы короче, выйдя из камеры, он раскрывается с грохотом листов жести, при крутых разворотах его «уши» идут по земле гораздо ниже горизонта, а при приземлении, воспользовавшись специальным приемом, можно взлететь над землей. Но горизонтальная скорость высокая, а потому рекомендуется заходить на цель против ветра.

В какой-то день Валентина на прыжках не было, и команда попросила подыграть за него на групповой акробатике. Задача группы – в свободном падении построить «крест». Роль почти та же, что на эстафете:

стою у кабины пилота последним. Ребята вышли первыми втроем шеренгой, я за ними: шаг, другой, ныряю в дверь, выхожу постепенно из вертикального положения и въезжаю им в кольцо, разрываю запасным руки, и сваливаемся все в кучу. Падаю на спине, а в полуметре надо мною Виктор Пропастин закрыл небо, возитесь: кисть его руки застряла в тесном промежутке между моими запасным и грудью. Освободись и раскрывай, не медли, мне-то нельзя: ты мешаешь. На земле Виктор оправдывался, мол, ждал, когда я открою, а куда мне открывать – в него?!

На последний мой прыжок пошли вчетвером: Валентин, Виктор, Акимыч и я. Виктор – с фотоаппаратом. Как задумали, не получилось, и плёнка оказалась старая, осыпалась. В затычном прыжке Виктор не смог к нам подойти, есть мутное фото, где мы падаём врзлёт и далеко. Потом Виктор подошёл и через плечо, находясь спиной ко мне, сделал фотографию на память под куполом на фоне земли, но качество – увы...

На прощанье врач аэроклуба грустно сказала:

– А ты совсем не изменился, только улыбаться стал меньше.

Осень. На берегу Трубежа, на улице Трудовая, что под Кремлём, где позади Успенского собора стоит самая древняя в городе церковь, расположилась наша избушка. По ночам скрипит и дышит. В доме – покаты́й пол, керогаз, проигрыватель и незаслуженно забытая восхитительная коллекция пластинок 40-50-х годов. Сверху, с кремлёвской площадки, наш двор виден, как на ладони: небольшой яблоневый сад, сарай. Сверху спускается лесенка. Ступеньки старые, с наступлением осени скользкие. За водой – наверх к колонке, потом вниз. Вечер, очередное восхождение, за ним – спуск. Беспечно задумался, поскользнулся, ведра закрутились каруселью, ноги подогнулись, сам же, подпрыгивая, съехал по ступеням вниз, не смея помочь себе руками.

Скоро зима, пора дрова запасать или искать другую квартиру. И то, и другое не просто для человека, совершающего первые самостоятельные шаги. Кто-то из знакомых предложил снять комнату в большой коммуналке на втором этаже «пожарки» напротив кинотеатра «Дружба». Вселились. Комнатка метров восемь, в длинном коридоре готовка, постирушки. Людмила беременна, не может мыть общественный туалет, мою сам пол и унитазы. Наша будущая доченька уже стучится.

Приближается срок предъявления работ по проекту. Николай Никитич сам не курит, находит меня в курилке и обращается с предложением взять на себя часть работы, порученную Александру, будущему экстрасенсу и народному целителю. Спустя месяц интересуется, как дела с разработкой, заметив меня на перекуре лишний, так ему кажется, раз. Отвечаю, что работа выполнена. А скоро не просто выполнена, но предъявлена вся целиком и сдана. Выдвинули на Доску Почёта отдела. Николай Никитич доверительно сообщает, что бригада

будет участвовать в аккордной, в два раза больше оплачиваемой работе, где мне планируют центральный участок. В бригаде стало известно, скрыть невозможно, что в работе будут участвовать разные начальники.

Приходит повестка в военкомат. Прибыл в третье отделение, меня встречает тот же старший лейтенант:

– Собирайся, едешь служить на Сахалин.

– Хорошо.

– Ладно, не пугайся, в Таллинн, в морскую авиацию!

– Хорошо.

– Будь спокоен (мне кажется, я и так спокоен), в Армавир! Три дня на сборы, а шестого февраля будь в части. Получи в строевом отделе проездные и предписание. Свободен! И кто же тебе помогает?

Как удачно складывается. Хозяйка нас уже предупредила, чтобы мы искали другую квартиру: она не намерена сдавать свою роскошную комнату с элитными клопами квартирантам с детьми. Прихожу на работу, пишу заявление, предъявляю справку из военкомата. Вызывает начальник отдела, получает информацию из первых рук и звонит в военно-учётный стол: что, мол, вы там творите! Судя по выражению лица, догадываюсь: ему сообщили о состоявшемся приказе МО. В комитете ВЛКСМ на прощание торжественно жмут руку, как будто они вручили мне путевку на подвиг и награду, выражают надежду, что вернусь через два года. Нет, отвечаю, когда нуждался и просил общежитие, ответили, что оно для рабочих, а нас, инженеров, и так много.

Отвозим вещи с Людмилой к её родителям, возвращаемся в Рязань, прощаюсь с мамой, отцом, на вокзале прощаемся с Людмилой, сердце щемит, глядя на её удаляющуюся фигурку. Поезд «Москва-Новороссийск» отпустил тормоза, лягнул на сцепках и повёз меня на Северный Кавказ, на Кубань, в Армавир.

Я сделал свою игру. Через сутки меня ждёт начало неведомой пока третьей игры в жизнь на нашей – в то время ещё никто не знал – летящей в пропасть красной планете... но уже без знакомых, друзей и родных.

9. Долина ветров

Пятое февраля 1974-го года. Пасмурно, около пяти вечера, скоро стемнеет. Под затухающий визг тормозов поезд останавливается, звякнув напоследок пустыми стаканами. Стоянка пять минут. Проводница открывает дверь, вытирает поручни и отходит в сторону. Спускаюсь с подножки. Внизу стоит невысокий старик с закрученными вверх седыми усами, ожидает, опустив глаза, когда ему можно будет подняться в вагон. Отмечаю про себя встречу с казаком как доброе предзнаменование.

Вот они передо мной: врата в Армавир – «долину ветров». После душного вагона живо воспринимаются все новые запахи. Может быть, это для меня вдруг запахло весной? В голых устремлённых вверх ветвях пирамидальных тополей гуляет одинокий ветер, каждую минуту срывается вниз, прижимает к земле тёмные лужи и гонит по их поверхности мелкую рябь. На перроне, на привокзальной площади и у памятника Максиму Горькому лежат остатки грязного мокрого снега. Тоскливо стало, но время не вернуть, да и отступать некуда: решение принимал на трезвую голову, теперь двадцать пять лет – только вперёд и за других в ответе.

На «двадцатке», стареньком низком синем «Икарусе» добираюсь до КПП училища. Отсюда меня любезно направляют в центр города, в штаб. Дежурный майор недоумевает, зачем в училище призывают офицеров запаса – своих, что ли, нет. Узнав, что у прибывшего военная специальность АСУ ПВО и звание «мс», смотрит приветливее, признает, что кафедра сделала хорошее приобретение. Звонит в гостиницу, договаривается и рассказывает мне, как найти виадук, а за ним гостиницу КЭЧ. Покружив по тёмным улицам, нахожу по описанию двухэтажный дом и устраиваюсь в пустом номере, рассчитанном на десять постояльцев. Заставляю себя вернуться в центр. Где-то здесь, вниз на улице Кирова, должна быть баня. На обратном пути захожу в магазин и удивляюсь, что смог вечером свободно купить пиво, что на прилавках лежат нескольких сортов колбаски, копчёности, куры – забытое в центральной России изобилие. На душе стало немного веселее, тем не менее, меня не покидает мысль: я же не смогу по зрению пройти врачебно-лётную комиссию. Значит, кафедра – это только первый шаг, причём, споткнусь на нём больно. А каким будет второй?

Утром возвращаюсь на КПП. Комендант, пригласив к окну дежурной комнаты, охотно показывает, как найти корпус учебного отдела. В учебном отделе у очередного дежурного спрашиваю, где кабинет начальника кафедры Парашютной и аварижно-спасательной подготовки, захожу и представляюсь своему командиру.

Начальник кафедры ПАСП, улыбаясь, поднялся, вышел из-за стола и, не скрывая удовлетворения, важно расправил плечи. Поздоровались, сели, и он низким, приглушённым голосом повёл неспешный монолог, произнося слова с лёгким украинским акцентом:

– Долго мы тебя ждали... С нашими красавицами-казачками будь поосторожней: молодого лейтенанта, это уж точно, захотят отбить у жены... Баки и усы сбрить... Водку с этого дня пить только со мной!

Присутствующий при разговоре курчавый капитан в расчёте на забаву вставил от себя:

– Петр Кириллович, разрешите с молодым лейтенантом провести занятия по строевой подготовке?

Но импровизация не проходит, и рациональное предложение повисает в воздухе. Петр Кириллович вызывает начальника лаборатории, которому буду подчиняться непосредственно, и дает тому задание: молодого офицера познакомить с коллективом, поставить на все виды довольствия, помочь найти жильё и обрести военный облик.

Начлаб – невысокий капитан, передвигается вперевалочку, со смешинкой и хитрецей, которые никак не хотят прятаться за озабоченным выражением лица, старательно поправляет ладошкой сползающий с лысины седой зачёс на лоб. Зовут начлаба Пётр Евтихеевич.

На кафедре три преподавателя. В штате кафедры – лаборатория, обеспечивающая проведение занятий, четыре инструктора практического обучения, все – офицеры, и один прапорщик-механик. К кафедре прикомандирован солдат роты управления. Он мой ровесник, женат, после третьего курса института взял академический отпуск по семейным обстоятельствам и тут же был призван в СА недремлющим тернопольским военкоматом. Из инструкторов мне ближе лейтенант, выпускник этого же училища. В прошлом году на лётных государственных экзаменах в полёте случайно сбросил фонарь, а потому был выпущен без допуска к лётной работе и оставлен в училище на кафедре. Он на два года моложе, зовут Василием, родом с Южного Урала. Крепок, чуть повыше меня, розовощёк, похоже, не бреется, на голове светло-русые мягкие короткие волосы. Вася доброжелателен, весел и всегда готов помочь. В течение дня мы много раз слышим его громкий смех, и часто бывает, что издалека. Живет он с любимой женой, тоже Людмилой, у тещи. Детишек пока нет. Мы оба не против того, что Валера, наш солдат, когда нет рядом посторонних, обращался к нам товарищески.

Снял комнату в частном доме на улице Кропоткина. Пётр Евтихеевич помог привести в готовность форму, он же подсказал, как следует согнуть эмблемы, кокарду, крылышки, подрезать козырек фуражки и укоротить пружину у тульи.

И вот наступило утро, когда с настроением участника костюмированного бала я направился в сторону училища. Готовился к этому, интересовался у товарищей традициями и неписаными законами, и они предупредили, например, что могу не утруждать себя отданием чести офицерам, у которых на погонах один просвет: капитанам и ниже...

У КПИ мне первому, а не я старшему, отдал честь незнакомый прапорщик. Это всерьез: для всех с этой минуты я – офицер!

Мы работаем в мастерской или, как называет её начальник, «преparatorской», в двух классах и в парашютном городке. Пётр Кириллович имеет страсть к автоматизации, поэтому имущество кафедры напичкано бьющими током проводами, концевыми переключателями, шаговыми искателями, моторчиками, реле, лампочками, говорящими стендами и прочее.

Курсанты обучаются тому, что им необходимо знать и уметь после принятия решения на катапультирование или после вынужденной посадки. Для этого кафедра оснащена парашютами, подвесными системами, носимыми аварийными запасами, радиостанциями, лодками, жилетами, костюмами, макетами кабин с катапультными креслами: если в классах, то с пневматической имитацией выстрела, если в городке, то с использованием пиропатронов. Патроны обеспечивают перегрузку «восемь (или двенадцать) жэ в одно жэ», где первое жэ – g, перегрузка, а второе жэ – начало неприличного слова.

Однажды в классе признался, что распутать стропы у данного парашюта мне будет трудно. Эти слова услышал преподаватель и небрежно прилюдно бросил в мою сторону:

– Эх ты, мастер! И звание купил, наверное?

Вышло так, что промолчал... Вася позже успокаивал, шутил, мол, надо было ему ответить, что запутывать не научился.

Для всех я – новое лицо и чем-то располагаю к откровению. Один наш капитан, который ожидает перевода на должность в штабе, не скрывает весь негатив, что он накопил в отношении к начальнику кафедры. В эпизодах он – жертва, а начальник – скотина. Но сейчас мне понятно, что Пётр Кириллович, несмотря на свою косноязычность, человеческие пороки, грубоватость, был неплохим командиром, главное – не был подлым. А в молодые годы бывал даже забавным. Вот, например, одна история. Еще старшим лейтенантом, когда он был для всех просто Петя, крепко, как это делают авиационные техники, выпили с товарищем. За гаражами тому захотелось исполнить малую нужду, долго копается, подпрыгивает, зажмурившись: никак не достать. А у него подмышкой зажат пакет, из которого уже вылезли и свисают сосиски. Петя отрывает одну и подает ему в руки, тот хватается, успокаивается и справляется с нуждой.

Первое посещение общего собрания удивило меня до крайности. После работы на производстве меня повергло в изумление участие в обсуждении странных вопросов. Мне стало казаться, что попал на другую планету! Надо ли отслеживать и как отслеживать неуставное пришествие хлястиков? А кто из двух полковников при встрече должен первым отдавать честь? Они придумали эту жизнь и в течение двух часов с

серьезными и озабоченными лицами играют в неё, взрослые двуличные дети.

На этой неделе в гарнизонной поликлинике мне назначено пройти ВЛК. Немолодой, белёсый подполковник Томилин, глазной врач, оказался неумолим: «К выполнению парашютных прыжков не годен». Петр Кириллович не может скрыть своего огорчения – почему раньше не сказал, уладили бы (но меня не может устраивать временное решение), а теперь – только через ЦНИАГ, центральный научно-исследовательский авиационный госпиталь, которому дано право подобные вопросы рассматривать индивидуально.

Сегодня день рождения отца: двадцать седьмое марта. Зацветает алыча, а в центральной России лежит снег. Работаем на солнышке в парашютном городке. В перерыве снял китель и в одной рубашке раскачиваюсь на лопинге, как на качелях. Настроение и погода прекрасные.

Первого апреля прихожу вечером домой и узнаю, что у нас родилась дочь. На следующий день докладываю командиру и прошу краткосрочный отпуск. Тот самый курчавый капитан выдвигает еще одно рациональное предложение – так как у него самого по плану отпуск в апреле, а ему хочется летом, то поменяем и отправим в отпуск к жене молодого папу. На этот раз предложение проходит. Пишу рапорт, оформляюсь и сажусь в ближайший поезд до Ростова. Выслушиваю в пути укоризненные замечания тётушек, что без золотого перстня встречать жену с ребёнком из роддома не принято, и смотрят на меня с неприязнью. Но им ведь не скажешь, что подъёмные ушли на частичное погашение долга, что плачу за квартиру и отсылаю жене, да и перстень найти в то время было ох как трудно! В середине следующего дня приезжаю в Рязань. Валентин, спасибо ему, вытащил меня из купе, где мы с новыми друзьями из Степанакерта произносили тосты за дружбу между народами и счастливое будущее моей дочки.

Переночевал дома. Маме трудно узнать меня: она где-то далеко, она очень глубоко погружена в свои мысли. На завтра еду в Старожилово к родителям жены и, не заходя к ним, – в роддом. С нарушением правил встречаемся у входа с Людмилой, затем она показывает в окошко доченьку.

В первых числах мая мы, теперь уже троём, заезжаем к моим в Рязань. Мама с нежной улыбкой держит на руках маленькую внучку Наташеньку. Прощаемся и – в обратный путь. В Ростове при изнуряющей жаре делаем пересадку и, наконец, нас встречает неузнаваемый, цветущий

акациями и пышущий зеленью аллей Армавир. Мелькнула мысль и запомнилась навсегда: мы попали в Цветочный город Незнайки.

***

По каким-то делам мы группой (два инструктора и преподаватель) прибыли в штаб. Проходим во внутренний дворик. Над ним – прямоугольник неба, с боков нависают белые стены старинной двухэтажной постройки. Замечаю то, на что раньше не обращал внимания: в стену напротив зарешёченной арки вбиты в ряд влево до угла на уровне пояса металлические кольца казачьих коновязей – наша история... Когда-то здесь клацали подковами подвязанные кони, позвякивали удила и шпоры, мелькали разноцветные черкески с газырями и наброшенными башлыками, папахи, будёновки, брэнчали оружием то добровольцы Дроздовского, белые казаки Врангеля или Шкуро, то красные Одарюка, Кочубея или Подвойского... Спустя столетие нашёл свидетеля:

«...К штабу подводят две подводы с пленными. Красноармейцы очень грязные, заросшие, с длинными патлами волос на головах и одеты во что попало. Видно, что они всё время были в поле, в боях. Вид их отталкивающий. Подводы остановились, и конвоирующий их солдат ждёт распоряжений. На балконе второго этажа быстро появился молодой полковник лет 35 в пенсне, в гимнастерке с расстегнутым воротником от жары, при аксельбантах, с энергичным лицом, без фуражки. В руках у него донесение о пленных.

– На кой чёрт их сюда привезли? – громко вопрошает он в пространство. – Это только обуза! Вахмистр! Убери их!.. – тем же энергичным тоном, не допускаемым слушания, произнес он коротко.

– Кто это? – спрашиваю я какого-то соседа.

– Начальник дивизии полковник Дроздовский, – отвечает он.

Высокий стройный текинец, вахмистр конвоя Дроздовского, завёл подводы во двор и в тёмном сарае по очереди «убрал» их... Мне было страшно...» (С Корниловским конным / Ф. И. Елисеев. ООО «Издательство АСТ», ООО «Издательство Астрель», 2003, с. 261-262)

Следуя за старшим, попадаем на второй этаж и в коридоре в тупике у окна ожидаем нужного офицера. По лестнице поднимается и нас замечает полковник Кобцев, заместитель начальника штаба. Можно не знать начштаба, но не знать Кобцева нельзя. Он вездесущ, его уважают, но все избегают встречи с ним, а кто-то просто боится, потому что Кобцев ничего не пропускает и вникает во всё. Он внешне приятен, имеет облик строгого и требовательного мужчины, невысок, нетороплив, но собран, шаг короткий, скорый, говорит негромко, почти неуловимо окая, изредка переводя внимательный взгляд с собеседника на окружение. В отличие от

офицеров-южан, которые носят фуражку на затылке, у Кобцева глаза смотрят на вас из-под козырька с прищуром, при этом он часто поводит подбородком немного в сторону и вверх, как будто за воротник попала надоедливая колючка.

Кобцев подошел к нам и стал задавать свои вопросы. Преподаватель отвечает, угодливо похихикивая там, где, используя слух, отточенный в общении с начальством, можно угадать крошечный намёк на шутку. Сразу почувствовал, как при очередном обзоре я попал в поле зрения Кобцева, и в первой же паузе слышим:

– А это что за казак?

Кобцев попросил у меня фуражку, проверил козырек, заглянул под тулюю и, обращаясь к преподавателю, закончил разговор:

– Все это исправить и проверить лично.

Редкие встречи с Кобцевым были для меня поучительны и интересны. Он не был самодуром, он был всегда прав. Сегодня жаркий майский денек, мы в парадной форме на взлётной полосе, на рулёмке и в карманах готовимся к параду, что пройдет скоро в центре города в честь Дня Победы, для меня пройдет впервые. Не раз проходим торжественным маршем перед командирами и оркестром. Мне трудно научиться идти в шеренге строевым, руки в положении «по швам», повернув голову и держа равнение. Вася подсказывает:

– Ты слушай барабан: бум – бум – бум, значит, левой – левой – левой. Левым глазом коси на того, кто перед тобой, а правым – на того, кто справа. И локти растопырявай.

В очередной раз приближаемся к импровизированной трибуне. Назначенный в нашей коробочке офицер выкрикнул для нас вначале протяжно: «и-и-и» и сразу же, как отрубил: «раз!» Все прижали руки, исполнили равнение направо и зашевелили локтями в поиске друг друга. Через десяток шагов я зацепил каблук переднего, тот – дальше, а сзади – меня, строй закачался, запрыгал. Прошли мимо командиров, прозвучала команда «Вольно», через полсотни метров выполнили «правое плечо вперед», сошли с бетонки на траву, развернулись лицом к взлётке и встали. От группы командиров отделился Кобцев и направился в нашу сторону, не спеша, походкой эскадронного командира, жаль, ногайки не было. Оглядел строй, выделил меня и обратился негромко, он никогда не тыкал:

– Это из-за вас, товарищ лейтенант. Вы поняли? На сегодня вы свободны.

Я вышел из строя, и было мне очень стыдно одинокому стоять на траве и видеть заключительную часть тренировки без меня. Вот это наказание! В старой Русской армии в какие-то времена тоже так было:

провинившемуся офицеру определяли место на марше не в колонне своей роты, а в хвосте с обозом.

Май не закончился, как пришло новое «испытание» – проверка московской комиссией уровня физподготовки училища. В числе подразделений, выбранных для проверки, наша кафедра. Удовлетворительную оценку смог получить только на брусках. Начальник кафедры спорта на мои успехи отреагировал лаконично: «Эх вы, мастера!» Я тут же отвинтил значок и прикрутил его на место только тогда, когда нормативы стал сдавать на «хорошо» и «отлично», а позже даже появилось желание собрать справки за пять лет, чтоб получить Золотой знак ВСК. Собрал, но не получил – он для курсантов.

Пройдет немного времени и сами парады, и подготовка к ним, также как и строевые смотры, перестанут вызывать трудности и смтение. Будет интересно, находясь относительно свободным в последних шеренгах колонны, уходить в себя и разглядывать в дымке рассыпанные по громадному аэродрому многочисленные синие и зелёные коробочки и колонны, слышать далёкие команды и воображать, что примерно так было под Аустерлицем или Бородино, что я частица этого мощного единого организма. Или, когда мы идём по улице, несём на себе перезвон медалей, а на тротуарах улыбаются нам люди с детьми и цветами, но придет время, будут и слёзы расставания... но это позже, в Прибалтике. А когда мы проходим торжественным маршем по площади под гром оркестра, шаг сливается в один, и слышим знакомый и нужный нам крик: «И-и-и – раз!», и вот она – главная минута!

И всегда хотелось соответствовать.

И на разводах караулов и внутреннего наряда перед застывшим строем чётко пройти с рукой у виска и весь ритуал соблюсти, чтоб не увидеть в строю улыбок у офицеров и солдат.

И при проверке снаряжения и готовности не оставить без внимания уместную шутку и ответить в тон так, чтоб ночью в караульном помещении или на посту и мысли у бойцов или курсантов не было подобной этой: «Не спится ему, притащился, м-дак».

И прибытие генерала утром встретить, команду громко и не петушиным голосом подать, подойти и рапортовать, глядя прямо в глаза без подобострастия и страха.

И никогда приветствие младшего по званию не пропустить и с достоинством ответить.

И никогда без оснований не «тыкать».

И никогда не хихикать, выслушивая речевые упражнения начальства.

***

Результат ВЛК окончательно убедил меня в том, что не следует делать ставку на кафедру: эта служба для меня не перспективна – у меня есть диплом и престижная специальность. Не афишируя, посещаю кабинеты начальника кафедры РЛС, начальника научно-исследовательской лаборатории, по факту – ВЦ. Везде один ответ: вакантных должностей нет. Записываюсь на беседу к начальнику отдела кадров. Его ответ был примерно таков:

– Будешь и дальше проявлять инициативу, отправлю в Аджи-Кабул на РСБН.

Училище имело четыре учебных полка: Армавир, Майкоп, Аджи-Кабул и Сальяны, два последних в Азербайджане, а зловещая аббревиатура образована от слов «радиотехнические средства ближней навигации». Подобное заявление начальника ОК означало ссылку, и забудь тогда о будущем.

В неудобное время, когда стали портиться наши отношения с хозяевами снимаемой квартиры, мне вручают направление на ВЛК в московский госпиталь. Добрался в грозу до Сокольников, зашёл в ЦНИАГ – только о нём мы в Армавире и говорили. Дежурный ознакомился с моим предписанием и заявил с сожалением:

– Эх, парень, тебе не к нам, тебе в обычный авиационный госпиталь на Клязьменской!

Взял трубку, позвонил в АГ, объяснил ситуацию и предложил оставить меня здесь, но не получилось, тогда объяснил, как добраться до места назначения.

Через две недели держу в руках медицинскую карту, где по всем позициям, кроме зрения, признан годным к лётной работе. Начальник глазного отделения искренне сочувствует. Прежде чем утвердить диагноз, он имел беседу со специалистами ЦНИАГ. Объяснил мне, что есть объективное противопоказание: ослабленная мышца хрусталика может явиться причиной потери зрения от перегрузок. Сам же, подполковник медслужбы, добрая душа, вручает адрес: метро Таганская, налево за углом – улица Интернациональная, а в доме № 8 располагается Управление Кадров Войск ПВО. Напутствует:

– Домой успеешь, лейтенант, пока в Москве, не упусти свой шанс!

Нашел это невысокое здание, состоялся вязкий разговор по телефону с полковником Хуторовым, но пропуск выписали... Постучал в кабинет, зашел. В кабинете двое, изучают мое личное дело: «Подождите, вызовем». Вышел, стою, козыряю снующим по коридору старшим офицерам и полковникам. Удивлён и скоро ко всем проникся уважением. У нас не так, а здесь все, если без головного убора, отвечают на моё приветствие, делая руки «по швам» и поворачивая ко мне голову!

Вызывают в кабинет. Объясняю ситуацию, не забываю про РСБН. Хуторов смотрит на меня с подозрением:

– Так ты сам попросился на кафедру?

Как писал свой рапорт в Рязани, что «готов служить в любой точке Советского Союза», не забыл, поэтому отвечаю, не рискуя, что нет, не просился. Хуторов звонит по «дальней» в Армавир, я понял, что начальнику ОК, и просит зачитать мой рапорт – он хранится в том экземпляре дела. В конце разговора слышу на нашей стороне примерно следующее:

– Не пугай его больше так. Скоро, ты знаешь, появится возможность, так помоги ему.

С верой в будущее возвращаюсь домой. Из переписки с Людмилой уже знаю, что Вася, дружище, перевёз моих на новую квартиру на улице Советской Армии. Это между КПП и «толкучкой», где сапоги продавал. А когда вышел на службу, меня вызвал к себе начальник ОК:

– Ну что, жаловаться ездил? Кто у тебя там, признавайся.

Все объяснил, рассказал, вижу, нет, не верит, но улыбается ласково, и это не просто хорошо, это здорово: на зыбком потоке обозначила себя слабенькая, но опора.

***

Пятого августа приходит скорбная весть: ушла из жизни мама. Выхал в Рязань проститься. В Армавире в частной хатке осталась жена с грудничком. Пока лежу на верхней полке, комбайнеры, догоняя в очередной раз смещающуюся на север уборочную, меня немного обворовывают. Нет, не деньги. Впереди тяжёлые проводы. Мама в скорбном убранстве, тонкий шрам на левой щеке, холодные губы. Поминки и встреча с родными помогают прийти в себя. На следующий день спешу назад, т.к. оформить краткосрочный отпуск не успел, отпустили под честное слово. Прошу у папы денег на обратный билет, мне стыдно. Когда вернулся, соболезнование услышал только от Валеры, нашего солдата. Потихоньку все тяжёлое проходит – жизнь продолжается.

Начало октября, по-летнему жаркий день. В училище завершаются государственные экзамены по общей подготовке. В мае прошли «госы» по лётной. С того времени на выпускниках, как привилегия, полевая офицерская форма в стиле старой Русской Армии: приталенный глухой укороченный френчик, галифе с голубым кантом, хромовые сапоги, ремень с португеей, фуражка с зелёной кокардой – гордость повзрослевших выпускников, зависть младших курсов, восхищение девчат! А в эти минуты курсанты сдают последний экзамен. Свободные дежурят у учебных корпусов, на этажах и на лестничных пролётах, чтобы

узнать и быстро донести весть, где будет последним сдавать экзамен их товарищ и кто он. Между учебными корпусами, в скверике – фонтан. В окнах, у парадных и по периметру сквера – зрители.

Сценарий ежегодного праздника таков: на бортик кладётся арбуз, выставляется коньяк, виновника в форме бросят в воду, он будет плавать кругами, пока не выпьет коньяк, затем на руках его отнесут в казарму спать. Вчера фонтан был сух: командование приказало воду слить, но, узнав, что в таком случае ритуал состоится на площади в центре города, где моют ноги цыгане, и под мутной плёнкой лениво виляют хвостиками красные рыбки, пробуя на вкус окурки, смирилось, и за ночь воду набрали.

Курсанты засвистели, загалдели и побежали к новому корпусу, где минуто спустя у выхода в сопровождении друзей появился главный герой. Здесь же на ступеньках его подняли на руки и понесли к фонтану. Арбуз был тут же разбит на куски, а наш герой был брошен в воду, соответственно предписанию поплыл по кругу, несколько раз останавливаясь, запрокидывая бутылку и заглатывая куски арбуза. С шумом и гамом мокрого, красного и счастливого вновь взяли на руки и, как римского цезаря, понесли в казарму спать. Гусарство, его отголоски, невинные забавы, никому не приносящие вреда.

Дружим с Васей семьями. В выходные в Горпарке – пиво, танцы, Наташа всегда рядом. Ходим на армянский пятачок, смотрим, как добрые люди берегут свои традиции, танцуют, отдыхают, веселятся. Часто бываем в гостях у Васиной тещи. Ближе к осени перебираемся с улицы Советской Армии, где мы занимали саманную летнюю кухню, в отдельную комнату в доме на Краснодарской. Здесь условия были куда приличней.

Неожиданно в октябре мне вручают ордер на однокомнатную квартиру в военном городке. Начальник КЭЧ предупреждает: вселишься без претензий, ремонт сам сделаешь. Прихожу к проживающему в ней капитану. Встречает, руку подает, не вылезая из-под одеяла:

– Давай, смотри.

Когда осмотрел, спрашивает:

– Ну, как? Претензии есть?.. Ну, коли нет, три рубля мне верни за глазок на входной двери.

Днями позже встречаю того же начальника КЭЧ. Как только он узнал о моём долге, возмущился:

– Никаких глазков, а я ему, паразиту, покажу!

Взяли ссуду, купили мебель, телевизор, переехали. А в конце декабря у Васи родился первенец Павлик, узнал он об этом на службе. Выскочил в коридор, кричит:

– У меня сын родился! Сы-ы-ын!

Не задумываясь, схватил в охапку проходившего мимо Петра Евтихеевича, перевернул его вверх ногами, а тот уже не ладошкой, а обеими руками стал прихлопывать, прижимать волосы к лысине. А Вася тут же, не глядя, поставил его на ноги и убежал.

Скоро в лаборатории на стол была выставлена водка, приглашён личный состав и командир. Первый тост Петра Кирилловича. Он, сдвинув папаху на затылок, добродушно начал:

– Как думаешь назвать? Предлагаю Петром, что значит кремень!.. А ты – молодец, без брака работаешь! За сына!

Мы с трудом сводим концы с концами. Каждый месяц хронически не хватает трёшки, чтобы дотянуть до полочки: за ссуду отдаём ползарплаты. В начале весны провожаю Людмилу с Наташей до Ростова, мне надо помочь им сделать пересадку до Рязани, а самому к утру вернуться.

***

Где мы раньше были: всего неделя на подготовку кафедры к участию в московской выставке шедевров конструкторской мысли в ВУЗах ПВО! Командир меня вызвал и просто приказал: вот тебе кресло КМ-1 с пневмоподбросом, реанимируй незавершенную разработку «интеллектуального» тренажёра твоего предшественника. А в действительности замысел был реализован только в словах «хочу, чтобы было так». Это труба! Прапорщик Иван, которому предстоит собрать электрическую схему, только одно твердит:

– Витя, давай думай! Думай, Витя, думай! А я всё сделаю.

Элементная база училища в то время была крайне примитивная. И вот в какой-то из вечеров, когда в который раз перелезая через забор, отделявший аэродром от жилой зоны, меня посетила плодотворная дебютная идея. Можно схему построить на двух шаговых искателях: первый – эталон, по дорожкам хранит нормативы, второй, как сейчас говорят, выполняет интерфейсные функции и формирует оценку. Утром докладываю Петру Кирилловичу, что мы готовы сделать новый тренажер, он мне поверил, поставил необходимые службы училища «на уши», и всё закрутилось.

Электрическая часть тренажера был изготовлена нами с Иваном за тридцать шесть часов непрерывной работы. Утром ещё тепленький тренажёр был погружен в самолёт и отправлен в Москву с Иваном, едва успевшим переодеться. Результат – тренажёр рекомендован к заводскому изготовлению!

Всё время рядом был Петр Кириллович, молча сидел, курил, не вмешивался, т.е. не мешал. Угощал бутербродами, что жена приносила.

Иногда выражал беспокойство, но я ему отвечал, что должны успеть. За все время никто не взбесился, не заорал, не выматерился. Во время одного из перекуров Петр Кириллович без обвиняков сказал, что имел разговор с начальником парашютно-десантной подготовки Aviации ПВО о назначении меня на преподавательскую должность, категория – подполковник. На той стороне возражений нет. Предложил теперь уже мне, к тому времени старшему лейтенанту. Конечно, соглашаюсь, вежливо повторяя, что обычно в этих случаях говорят люди, облеченные доверием.

Не проходит и недели, как вызывает к себе начальник научно-исследовательской лаборатории и предлагает вслед за Петром Кирилловичем даже не «журавля в небе», а неуловимого «стрижа»: директивой ГШ ему разрешено в преддверии перехода на новую технику доукомплектовать штат НИЛ, из расчета внутреннего резерва. Иными словами, если соглашусь, то до прихода штатного расписания буду считаться прикомандированным. Прошу таймаут до завтра.

Бреду по аллеям училища, домой идти не хочется, моих нет – сам проводил на родину, а потому и не желаю оставаться один на один с выбором. Вспоминаю о Володе: его уважаю и ему доверяю. Это наш новый солдат, призван с вечернего отделения московского института, ему двадцать семь, в столице остались жена и дочь. Володя похож на Гафта: высок, крепок, обстоятелен, умён, ироничен, на губах лёгкая улыбка, прищуривается, на тёмной крупной голове приличная лысина. Захожу в роту управления, встречаюсь с командиром и прошу отпустить со мной до ужина рядового Павлова. Идём с Володей в парашютный городок, присаживаемся на балку, рассказываю. В ответных словах слышу то же, что беспокойно бродит внутри меня из угла в угол, не занимая до поры до времени верхних этажей.

Утром захожу в крошечный кабинет начальника НИЛ, соглашаюсь и добавляю, что речь идет не об охоте «за двумя зайцами», а об исключении случая остаться мне «при разбитом корыте». Станислав Григорьевич все понял:

– А мы поставим Петра Кирилловича перед фактом – директива Главного штаба!

Так и вышло, и в мае мы почти всем составом НИЛ выехали на два месяца в замечательный Минск на курсы по обучению работе на новой вычислительной технике. После завершения учёбы первые два года занимаюсь эксплуатацией и ремонтом ЭВМ, после прихода штатного расписания становлюсь начальником отделения алгоритмизации и программирования, категория – майор.

Доченька растёт, скоро сама пойдёт. Учю её спускаться с дивана ползком на животике к краю. Умиляют старания, направленные не поперёк дивана, а вдоль. Или учю выбираться и забираться в кровать, перелезая через перильца. А когда уже бегала всюю, Вася, как придёт, так сразу попросит то, что ему доставляло искреннюю радость:

– Наташенька, покажи ласточку!

Девочка наша, держась одной ручкой за кровать, другую отведёт в сторону, на одну ножку, чуть наклонившись, встанет, другую поднимет и отведёт назад – вот вам и ласточка! Гордая и рот до ушей! Благодарные поклонники аплодируют:

– Bravo! Бис! Молодец!

Мчится время. На плечах погони с двумя просветами и дочь – школьница. С приходом нового начальника меня начинают всё больше и больше занимать теперь уже не один вопрос, а два. Во-первых: почему молодому офицеру с младенцем дают двухкомнатную квартиру, а мне заявляют, что в моём случае реальность – уйти на пенсию с однокомнатной? Объяснили, что по закону можно улучшать жилищные условия, выделяя на это не более пяти процентов от сдаваемых площадей. И, наконец, во-вторых: почему профессионально некомпетентные офицеры успешно строят карьеру? Ну, это – вопрос риторический.

Все решает ответ на первый, главный вопрос: квартиру надо сдать, т.е. сменить место службы. Иницирую хлопоты по переводу в Даугавпилское высшее военное авиационное инженерное училище. Из ДВВАИУ приходит запрос, а здесь отпускать не хотят и ничего не предлагают, только мешают. Это и нечестные подставы, мол, сам же отказался, и безуспешные поездки в штаб округа, встречи и посещения кабинета начальника училища. Перевод растягивается на год. Наконец, все решает моё письмо заместителю Главкома по ВУЗам.

Не раз от уважаемых старших товарищей слышал, что зря это затеял, меня здесь все знают, авторитет имею, решения по работе сам принимаю, инициативы не лишают, начальник через пару лет уйдет, займу его место, а там потеряюсь, и придётся начинать всё с нуля. К тому времени появилось ещё одно обстоятельство, которое перевешивало в пользу перевода: я приступил к научной работе, сдал кандидатские экзамены, установил контакты с доктором наук из академии имени Жуковского. Перед глазами зимний вечер того памятного дня, когда мою работу поняли и признали диссертатбельной... спустя два года. Возвращаюсь «зеленой» линией метро из академии. В окне пустого вагона вижу своё отражение. Не могу убрать с лица глупую и счастливую улыбку, видел такую у Юрия Деточкина после его дебюта в «Гамлете». Выходит, правильно, что отказался от предложения перейти в разведку, а оно было.

Ноябрь 1983 года. Навсегда покидаю Армавир, обескровив свои эмоции ёмким и таким тяжёлым понятием «надо». И только когда пройдет более двадцати лет, только тогда он станет мне сниться, и каждый раз почти в одном и том же сне: меня разжаловали, отправили вновь в Армавир, и мне надо вернуть всё то, чего добился, после того, как оставил этот город, а времени в обрез...

10. Латвия – туда и обратно

А сейчас пока одного встретил меня Даугавпилс – наш старый Двинск и его Крепость. На то, чтобы понять, что потерял я всё, потребовалось немного времени. Три года мне предстояло подниматься до прежнего уровня, через пять лет получил квартиру, наколов и спалив пятьдесят кубов дров в голландских печках частных квартир. Но уже тогда приметил в высоком небе: вон он, мой журавль. Надо, надо постараться дотянуться, больше надеяться не на что...

Недели три прошло, даже больше, как занят поисками частной квартиры. В выходные, каждый вечер в будни, иногда днём мотаюсь по городу, читаю объявления, ищу с кем поговорить во дворах, у подъездов. Прихожу утром на службу, если появляется свободное время, начальник напоминает:

– Можешь идти искать жилье – это сейчас главное.

Вот и сегодня иду и, не перебивая, слушаю монолог своей спутницы:

– Приехали мы с мужем в Даугавпилс после войны. Он был офицером НКВД. Умер рано... И все это время я одна, нет никого, так вот осталась и живу в этой квартире, что нам дали.

Рассказ прерывается паузой, а минуты через две переходит на другую тему:

– Вы думаете, они со всем смирились? Нет, они затаились, ждут своего часа.

Тогда эта оценка мне показалась необоснованной: сказывалась память о красных латышских стрелках. Но позже, побывав в окрестностях города на местах массовых казней евреев, привозимых со всей Европы, военнопленных, партизан, советских граждан, к уничтожению около двух сотен тысяч которых здесь приложили угодливую руку айзсарги и прочая местная мразь, стал понимать, что их идеи не могли просто так исчезнуть. А с началом «перестройки» по каналам СМИ стала просачиваться неприязнь к нам, например: «Русским не обязательно знать латышский, им достаточно уметь произносить просьбы об оказании услуги». Или: «Наша беда в том, что Латвию оккупировало отсталое государство». Но это после, а сейчас, не спеша, разговаривая, идем мы с одинокой

немолодой женщиной по улице Вентспилс, я и не заметил, как мы завернули во дворик одноэтажного дома:

– С этой стороны моя квартира, с другой – соседи. Заходите. Комнаты смежные, выбирайте любую. Будем вместе жить, если согласитесь. И мне веселей. Смотрите внимательно, потом жене расскажите.

Первую квартиру сняли в микрорайоне ближе к Стропам, в январе перевёз из Армавира Людмилу с Наташей, вторую сняли в Крепости, третью – на Гриве. Наконец, мы получили двухкомнатную квартиру в новом доме с видом на озеро Шуня, где прожили четыре года, а в 92-м её просто бросили. При всех переездах сяду в трансе, опустив руки: с чего начать? Молодец Людмила, скажет: «Начни с этого, а я тем займусь», у меня постепенно нерешительность проходила, в итоге – собирались.

При переводе в ДВВАИУ был назначен инженером научно-исследовательской лаборатории. Прошло какое-то время – младшим научным сотрудником, через пару лет – старшим научным сотрудником, минули два года – начальником. Тему диссертации по воле руководства пришлось сменить, в 91-м защитился. На то время в багаже было три патента и около сорока научных работ, а к концу службы – соответственно пять и около шестидесяти, плюс три благодарности от МО. И вот в марте 92-го на плацу, на очередном построении, из динамиков слышу, что меня вызывают на трибуну. Многотысячный строй, расстояние приличное, большую его часть, как принято в таких случаях, надо пробежать. Взбегаю на трибуну, представляюсь:

– Товарищ генерал-лейтенант, подполковник Калинин по Вашему приказанию прибыл!

Начальник училища читает выписку из приказа МО о присвоении мне очередного воинского звания и вручает золотые погоны с двумя голубыми просветами и тремя большими звездочками. Это не награда, поэтому говорю: «Спасибо!», делаю поворот кругом, и – в строй.

Да, последняя игра тянулась долго и шла неровно, но заканчиваю её в «больших плюсах»!

В конце марта папе семьдесят лет. Не обещал быть, а потому сюрпризом захожу в его киевскую квартиру в Березняках, только разделся, как входит Валентин. Папа пока ничего не знает. Когда поздравления и волнение встречи остаются позади, он интересуется:

– Когда же, Витя, полковником станешь, это возможно?

Только тогда достаю удостоверение и передаю ему в руки. Он листает, находит нужную страницу, читает, и мы видим в его глазах тихую гордую радость.

Летнее утро года за два до «парада суверенитетов». Мы с Юрой Пресновым, как обычно, выбежали из Крепости через Западные (Константиновские) ворота, свернули в сторону Французского вала, миновали неприметное болотце, где в годы войны в лагере для советских военнопленных томился Мусса Джалиль, повернули на Межциемс и от него лесом справа от рижского шоссе потрусили к озеру Светлое. Там нас ожидает желанная короткая передышка в середине тринадцатикилометрового кросса. Бежим, вдыхая аромат хвои, молчим, думаем каждый о своём, иногда, быстро наклонившись, подхватываем вызывающе алые ягоды земляники. Скоро на бегу снимаем футболки и вытираем пот со лба...

Мелькает в просветах сонная гладь озера в тени окружающих его деревьев. Прыжками, взбивая белый песок, спускаемся из-под сосен к берегу на солнечной стороне, одежду с себя сбрасываем и ныряем сквозь лёгкий туман в тёмные прозрачные воды. Чувствую прикосновение прохладных ласковых струй там, где горячее тело было сжато плавками, глотаю чистую сладковатую воду. Разворачиваюсь и, погружая лицо, расслабившись, плыву к берегу. Остановился, начинаю медленно опускаться, не отрывая глаз от освещённых утренним солнцем берёз, и вот уже смотрю на них из-под воды... красота какая!

На песке Юра, отдышавшись, произносит, глядя на облака:

– Меня не покидает ощущение, что я оккупант... особенно сейчас, когда мне хорошо... Наверное, потому что не наше, чужое всё то, от чего так хорошо... Есть предчувствие – добром это не закончится...

Союза больше нет. Командировки в Москву не запрещены. Возвращаюсь, как правило, ночным Калининградским с Белорусского вокзала. И каждый раз оказываюсь свидетелем печальной картины. Мороз за двадцать. Кучками там и сям расположились, ждут неизвестно чего беженцы из Средней Азии: старцы, женщины и дети. Они ещё не успели одеться в псевдоевропейский ширпотреб: на них пёстрые халаты, тубетейки, часто – тапочки. Они бегут от войн, они приехали за защитой, за спасением к «старшему брату», которого защищали когда-то, проливая свою кровь.

Девятое мая 92-го. Последний парад. Сбор в сквере Славы. Построились, сформировали парадный расчет, двинулись через весь город по Красноармейской улице в район площади Ленина. Иду в первой колонне. На тротуарах наши соотечественники: слёзы, цветы. На площади громко:

– К торжественному маршу... Равнение направо!.. Шагом марш!

Проходим трибуну, и тут же перед нами опускаются флаги независимой Латвии с траурными лентами...

Октябрь 92-го. Из Латвии русских просто выдавливают. «Россия, собирай свое разбросанное серое дерьмо!» – это о нас, военных. Плакат на все случаи: «Чемодан – вокзал – Россия!»

Бросаю квартиру и на КамАЗе перевожу вещи и жену в Россию к новому месту службы. Ночью на шоссе авария: разрушилась цилиндровая группа. Мне надо вернуться. Остановил МАЗ. В кабине два молодых литовца. Посадили и все время в пути даже между собой говорят только по-русски. В городе перед мостом выхожу, протягиваю деньги, а в ответ:

– Что ты, друг, ты же в беде, счастливо!

Ускоряя время, где-то бегом, добрался до части, для которой успел стать чужим. Помочь не могут или не хотят, находят причины для отказа:

– Аварийка сухая. Ну, не заправлена. А заправить – так водитель не обучен. И, вообще, неисправна.

Рад был, что дали машину вернуться в соседний полк. В полку помог прапорщик, так и не увидев под лёгной кожаной курткой мои погоны, взял дежурную машину для заправки самолётов кислородом, и мы до рассвета поставили КамАЗ в Крепости у наших мастерских.

Утром возникают новые проблемы: в автослужбе нет таких запчастей. Подсказывают:

– На дальних чужих складах работает московская комиссия с высокими полномочиями, можешь воспользоваться случаем.

Сделал круг и вернулся с промасленным свертком. Механики-отставники удивились и с юношеским задором: «Витёк!» пообещали к пятнадцати ноль-ноль машину подготовить. В назначенное время, радуя слух бодрым урчанием, из гаража выкатил выздоровевший КамАЗ, мы распрощались с соотечественниками, даже не пытавшимися скрыть в своих глазах грусть и зависть, бросили последний взгляд на нашу русскую Крепость, на наш советский боевой Т-34 и выехали в новую Россию.

11. Почему всё не так

События ГКЧП ушли в прошлое. У мусорных контейнеров бледные лица, залепленные пищевыми отбросами. Страна оделась в камуфляж: торговцы, пенсионеры, дачники, бомжи... И военные, не получавшие в срок ни денежного, ни вещевого довольствия, растворились в этой толпе и стали более походить на строителей-молдаван. Вспоминается анекдот того времени: «Армии НАТО без войны оккупировали Россию. Что

делать с военными? Спросили у замполита, тот предложил отрезать воротники и зашить карманы – сами вымрут».

В «Известиях» обширная статья «Последний диссидент», в ней интервью и, кроме прочего, соучастие:

– Теперь, после освобождения, Вы сможете, наконец, выехать из России?

На что «Последний» отвечает:

– А как тогда я посмотрю в глаза бабушке у колодца?

В известном шоу Вили Токарев с чувством исполняет послевоенную песню «Летят перелетные птицы». Прослушав, судьи дают оценку: заказная, отвратительный марш, лживая, все мечтали выехать за рубеж. Токарев задет за живое, он парирует:

– А вам такой патриотизм и не снился!

Последнее воскресенье сентября 1993-го. С понедельника командировка.

– Пойду, попрошу у Александра Владимировича пулемет. – С этой неудачной шуткой провожаю обеспокоенную жену с Ленинградского вокзала домой.

Спускаюсь в метро, но на станции «Улица 1905-го года» выхожу вслед за двумя бойкими старушкам, догадываясь, куда они меня приведут: они несут одеяла защитникам Белого Дома, одна из них рассказывает другой, какие им вкусные блинчики напекла. Перед входом в парк им. Павлика Морозова шеренга дзержинцев в шинелях, каски у ремней, оружия нет. Справа на баррикаде сухой и сморщенный пожилой мужчина в штатском, на голове стальной шлем, в руках чёрно-желто-белый флаг. Не удержался, поднимаюсь, спрашиваю, почему «это» у него в руках. Говорит, что под этими знаменами Суворов и Кутузов вели полки к победам. Хочу поправить, но, заметив фотовспышки, спускаюсь и свободно прохожу в парк. В парке броуновское движение, но беспокорства нет. Кругами ходит, ссутулившись, мужчина с мегафоном и монотонно повторяет:

– Запись добровольцев производится у восьмого подъезда.

Не успела сложиться картинка, как начинается сутолока, передо мной появляется кольцо парней в чёрной униформе, кто-то произносит:

– Приднестровский ОМОН!

В центре Руцкой с мегафоном, рядом мужчины в штатском. Всё очень близко, запоминаются пышные усы Руцкого цвета светлого хаки, и что курит он непрерывно. Становится тесно, стихийно формируются шеренги, я оказываюсь в центре третьей от кольца, все сцеплены локтями, мне уже не выбраться. Руцкой начинает говорить. Коротко – он русский

генерал, просит солдат не совершать ошибку и пропустить колонну. Начинается марш, я – то в полутора метрах от ОМОН, то в пяти. Впереди меня молодой донской казак, на нём белая пожелтевшая баранья папаха, защитная гимнастерка, синие шаровары, стоптанные сапоги, шашки, ногайки нет. Перед казаком священник в бедном чёрном, ниже мелькают такие же сапоги. Обращения в шеренгах – «братишка», и так бережно, доверительно. Скандируются лозунги: «Банду Ельцина – под суд!», «Руцкой – президент!». Смотрю влево – по тротуару колонну сопровождает в плащ-пальто майор ВВС, с виноватой улыбкой он заглядывает нам в лица. На подходе к американскому посольству колонна загудела, оглянулся – много как нас. По набережной обошли Белый Дом и вернулись в парк, где должны выступить лидеры. Через пять минут ожидания выбрался из толпы и побрёл к метро, сзади донеслось, что запись производится у 8-го подъезда.

Через неделю утром, проходя по коридору, слышу возбужденные голоса, захожу, идёт прямой репортаж CNN: Белый Дом, мэрия, набережная, мост, танки, генералы, штатские. У Белого Дома и мэрии многочисленные толпы сторонников Верховного Совета. Вереница БРДМД проезжает по набережной, дула их скорострельных пушек направлены на Парламент и они начинают стрелять! Начинают стрельбу танки с моста, приседая и покачиваясь после каждого выстрела. Все это сопровождается далеким сплошным «горохом» автоматных очередей. Толпа заметалась... Так же как при обрушении в прямом эфире башен Близнецов, возникает ощущение нереальности, но рассудок подсказывает, что на твоих глазах с чёрным дымом души уходят в небо. В кадре врачи у мэрии, они оказывают первую помощь и нервно, с болью говорят, что поражения, в основном, в шею и в голову, по-видимому, ведется снайперская стрельба, что среди убитых много казаков. Вскоре всё заканчивается. Из Белого Дома выходят люди и среди них тот самый майор ВВС и с той же улыбкой.

В первые дни в прессе можно было увидеть фотографии – свидетельства события того дня: на одной у остановки – тела пяти-шести молодых людей в джинсах, кроссовках, курточках; вот снайпер на чердаке дома напротив, нога поставлена на низкий подоконник, в руках СВД, его цели где-то внизу, за рекой. Можно было прочесть и о жёсткой фильтрации в московских дворах.

Через неделю опять командировка. Когда завершили работу, офицеры предлагают проводить их к Белому Дому. Холодные сумерки, тишина, гарь на стенах, битое стекло, мусор, пустота. Поднимаю девичью туфельку на шпильке, подержав немного и не найдя разумного решения, ставлю на крышу чёрной иномарки.

На стене дома появляется граффити: «Гаманцы – поганцы». В гордом интервью президента ключевая фраза: «С советской властью покончено!..» Невольно вспоминаешь, что за пять лет до этого в «Комсомольской Правде» была напечатана карикатура с картины Перова «Охотники на привале», где бывалый произносит:

– Уверяю Вас, перестройку начала КПСС!

Проходят дни. На совещании командир предлагает всем тем, кто не согласен, подать рапорта на увольнение, но я не в школе, когда легко и свободно реагировал на провокацию классного руководителя: «Кому не нравится, может выйти из класса!»

На Ленинском проспекте на нашем пути останавливается хорошо одетая дама преклонных лет:

– Молодые люди, дайте, пожалуйста, немного денег.

Нам жутко неудобно, мы отводим взгляды: у нас нет свободных денег!

Узнали, что некий агроном разрешил на пройденных комбайнами полях подбирать картофель. Сели на последний катер, приплыли, бегом вверх, набрали и быстро назад: с высокого берега виден идущий к нам от конечной пристани катер. Разместились, отдышались, товарищ толкает меня в плечо:

– Смотрите, а на борту только военные и бомжи!

Босой бегу по набережной за двумя балбесами, ограбившими в зелёной зоне у пляжа женщину. Догоню, а что делать буду, не знаю! Догнал... задержали. Спустился к Волге смыть кровь. Начинаю ощущать появление признаков самоуважения за то, что не смалодушничал, заставил себя всё сделать правильно.

Вернулся. Незнакомая женщина спрашивает супругу:

– Ваш муж, наверное, военный?.. А-а... Ну, тогда понятно. Гражданский, тот бы ещё подумал, а эти все – ненормальные...

Эпилог

«Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...» Если следовать логике этого привлекательного высказывания, мы должны быть благодарны судьбе за то, что она опустила нас на эту красную планету в период расцвета и упадка её цивилизации.

Да, перед нами были открыты двери всех ВУЗов, мы могли заниматься любыми видами спорта, нам были доступны природные богатства нашей земли, мы были равны и никогда более не испытывали таких чувств братства, бескорыстия, пусть ограниченной, но свободы. Мы гордились Историей своей Родины, Армией, мы были патриотами. Мы верили, что всё образуется и состоится... должен состояться Новый Человек!

Но случилось так, что планета потеряла свой цвет и уменьшилась в размерах. Спираль, по которой она вращается, изменила свое направление, сама же планета смиренно удаляется в холодную пустоту... Поверхность её сжимается, покрывается пустынями и кратерами, не оставляя никаких шансов осколкам былой цивилизации. Навстречу ей, к звезде, начала движение новая красная планета невероятного размера. Нет других альтернатив последствиям их неизбежного сближения: либо столкновение остывающего амбициозного карлика с гигантом, либо превращение в его спутника.

*...Шумит волна, плывёт луна от Слободки за Дальние Мельницы.
Пройдут года, но никогда это чувство к тебе не изменится...*

Более сорока лет мамы нет рядом, а память не даёт покоя. Занялся сбором документов для награждения мамы медалями «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя», «За оборону Кавказа», «За освобождение Крыма», «За Победу над Германией», за пролитую кровь. Три года переписки, поисков. Молчание и отказы чередовались с архивными справками, одна, другая, третья... И вот передо мной справка из Военно-медицинского музея:

родилась в Нерчинске;

в РККА с **22.06.1941**;

в действующей Армии до 11.05.45-го.

Все эти годы в паспорте, во всех документах, в наших анкетах местом рождения указано село Жуковцы на Украине. И родных не смогла найти, и не участник. Ответ очевиден – скрывали, берегли себя, нас, боялись преследования за оставление воинской части. Теперь до боли понятны чувства за строками, оставленными её рукой на обороте небольшой фотографии: «Лёнечка! Помни меня. 17/VI-45».

В январе 2013-го пригласили в военкомат и вручили удостоверение к медали «За Победу над Германией», которой от имени Верховного Совета СССР награждена Вознюк Вера Даниловна спустя 67 лет после войны. Не

смог подтвердить участие той симпатичной девчонки в боевых действиях с 22 июня 41-го по 23 августа 43-го.

Центральный Архив МО уведомил, что документы 638-го зенап 15-й бригады ПВО за 41-й не сохранились. От офицера того полка, Ерохина Ивана Васильевича, успел узнать, что за Джанкоем танковыми клиньями Манштейна полк был рассечен. Два дивизиона отступили по выжженной крымской степи в Севастополь, три, а с ними и тот офицер – на Керченский полуостров. Тогда-то и были утрачены полковые документы, и к какой части в Севастополе и на Кавказе был прикреплен мамин дивизион, установить не удалось.

Старая фотография

Папа получил очередной отпуск, и мы приехали в Союз из Германии, где он служил в то время. По пути в его родное село Половское мы задержались на недельку в Москве у дяди Коли на Воздвиженке, тогда улица Калинина, в доме номер семь, рядом с Библиотекой, за углом – Манеж, Исторический Музей и Кремль.

Не зря тому, что мы в эти дни будем в Москве, откровенно позавидовал немец-парикмахер, обслуживший нас перед отъездом в своём крошечном салоне по соседству со школой, куда я этой осенью пойду в первый класс. На работу парикмахер приезжал на велосипеде, он припадал на одну ногу: след тяжелого ранения на Волге под Сталинградом. А позавидовал потому, что в столице в те дни шумно проходил грандиозный праздник: Фестиваль молодёжи и студентов! И мы успели! Успели увидеть танцы и гуляния на Манежной площади (и сам манеж с кавалергардскими шлемами на огромных дверях-воротах), разноцветные толпы иностранцев на улицах, в магазинах, на ВДНХ и в парке Горького и, конечно, салют в вечернем небе. Много нового, необычного, чудного. Например, один из весёлых гостей одет был в ярко-красный трикотажный костюм, на голове шапочка, и вся одежда его увешана значками, пожалуй, кроме того места, на которое он присел на прилавок в магазине на Тверской, где я тоже отдыхал от стояния в очередях..

Наконец, мы в деревне. Утром отправились в гости к родственникам, к Кирюхиным. Между станцией и переездом – небольшой дом под яблонями. Входим, просторная первая комната, у окна напротив – стол, скамья... тишина, прохлада. Маленький худенький старичок поднялся навстречу. Папа нас, т.е. меня с братом, с ним познакомил – это дедушка Проня, он всё время улыбается и покашливает. На столе – фуражка с чистым васильковым околышем. Это уже поинтереснее: недавно смотрели фильм «Пролог», запомнились brave царские солдаты в таких же фуражках, но без козырьков. Спрашиваю дедушку Проню, служил ли он в царской армии. Конечно, нет, и улыбается. Наш-то служил и воевал, а дедушка Проня, на мой взгляд, оказался прост, без загадочности, без намёка на геройство. Досадно стало, но так, чуть-чуть.

Папа попросил посмотреть направо. На стене выделялся одинокий портрет. Обычно в домах с деревенским жизненным укладом, как и в доме нашего дедушки Андрея, на стенах вывешивали фотографии близких, часто – под одной рамкой.

– Это Николай, мой двоюродный брат. Он с 21-го, на год постарше. Мы дружили... Двадцать второго июня мы на Тырнице рыбачили с

ночёвкой ... Как началась война, так с тех пор о нём ничего не известно... лейтенант... пропал без вести... У дедушки Прони три сына, два не вернулись с войны. Старший, Георгий – лётчик. Когда средний – весь в орденах, это наш дядя Володя – вернулся, семья старшего брата стала его семьёй. Это его Зоя и Люда (дочь Георгия), вы ж знаете, они – ваши троюродные сёстры.

На довоенной карточке с затуманенной косою садовой решёткой по краям – шаблон, применяемый в тридцатых многими фотоателье – грудной портрет молодого красного командира в пол-оборота. На нём, как положено, гимнастёрка, португеза, по паре кубиков в каждой петлице, фуражка... Он смотрел мне в глаза... я почувствовал: оттуда, из того времени.

Не так уж и велика беда, если бы в памяти моей эта встреча заняла бы такой уголок, что вспомнил бы и о дедушке Проне, и о Николае, разве только тогда, когда подсказал бы кто, напомнил. Но нет... признаюсь, помню о них с лета того 57-го. Как мало надо, как просто: не пропустить, не опоздать, показать и сказать вовремя, пока душа ребёнка к этому готова, когда отец – твой самый главный авторитет.

Прошло время, учился, работал в КБ, ушёл в Советскую Армию, в запас, в отставку. А мысли часто: «Как он испил свою чашу?.. Залпом?.. А может, по глоточку, долго, мучительно?.. А успел ли?..»

Однажды по чьей-то подсказке оказался на сайте «Мемориал»: много чего должен был узнать о близких. Набрал: Кирюхин Николай Прокофьевич, место рождения. Подождал несколько секунд. Горюясь, нажал ещё одну кнопчку и – вот она: страница донесения о безвозвратных потерях 107-й стрелковой дивизии. Скупое и ответственно – «убит в бою» 01.09.1941-го, место гибели – деревня Садки Ельнинского района Смоленской области. Адрес, куда ушла похоронка, но так и не дошла – село Половское Спасского района Рязанской области. Отец – Кирюхин П.

Начал копаться в Интернете: боевой путь дивизии, характер боев. Дивизия формировалась в Барнауле, но погибли в один день с Николаем бойцы и командиры не только с Алтая, но и из Тамбова, Челябинска, Горького, Новосибирска... да мало ли. Выхожу на сайт дивизии – тишина, но воспоминания ветеранов доступны. Читаю... они все вспоминают бои за Садки?! В конце августа деревню взяли, впереди, недалеко, станция Нежда – рубеж. Садки удержали, пошли на Нежду и в первых числах сентября замкнули кольцо внутреннего фронта и окружили немцев под Ельней. А Николай погиб первого сентября. Но погиб Победителем, как и товарищи его. А до Дня Победы нашим бойцам надо было ещё топтать и топтать целых три с половиной года.

Искренне жаль: ушли из жизни и дедушка Проня, и дядя Володя, племянник нашего деда Андрея, ушёл мой отец... Звоню Зое. Слышу её голос, называю себя, понемногу начинаю раскрывать причину, вдруг:

– Как?! Ты нашёл дядю Колю?!

Вздрыгнул... Вот так, ребята... все эти годы Николай – в той семье...

P.S. Состоялось открытие мемориального военного кладбища в Мытищах. Первым упокоился прах Неизвестного Солдата, воина 107-й стрелковой дивизии. Погиб в боях под Смоленском. Говорят, он с Алтая. Но пали в тех боях – подтверждают это записи о безвозвратных потерях дивизии – воины, представлявшие всю нашу страну, зрелые мужчины и совсем ещё пацаны. Где похоронен Николай, точно неизвестно, но пал он под Смоленском.

Суровые рассказы

Некоторые рассказы о войне я слышал от папы редко, может быть, по разу каждый из них или когда он в День Победы выпивал немного водки, или когда в гостях был кто-то из ветеранов. Оказавшись слушателем этих рассказов, чувствовал, что подобные воспоминания отзывались болью в его сердце. Рассказы не о том, как снаряд пробивает навывлет бойца, и он на глазах чернеет, и не о том, как у раненого командира ищут входное отверстие на груди, затем, перевернув, чтоб перевязать, – выходное и видят, что вся шинель сзади в клочья, а под ними лёгкие шевелятся, дышат.

То были, главным образом, рассказы об отношении к врагу, об излишней и неоправданной жестокости, о загрубевших сердцах.

С сентября 1942-го по февраль 1943-го части 252-й дивизии вели бои с 6-й немецкой полевой армией вначале на северных подступах к городу, затем в самом городе. В день начала наступления, 19-го ноября, жутко было от грохота канонады и рёва реактивных снарядов. Навстречу красноармейцам из-под развалин выходили немцы, и многие из них сошедшие с ума. В полностью разрушенном городе-призраке, спустившись в какой-нибудь подвал, можно было услышать еле-еле произносимое «шпита-а-аль...»), чтоб русские гранатами не закидали, и почувствовать тяжёлый запах гниющих ран.

После завершения Сталинградской битвы по зимним дорогам шли нескончаемые колонны пленных. Они шли и умирали. Если надо было справить нужду и расстегнуть для этого брюки, то потом не каждый мог их застегнуть окоченевшими пальцами – так и шёл немец с брюками на

щиколотках. Груды тел у обочины. На одном перекрестке специально для этого поставленный замёрзший труп немецкого солдата, разведя руки, указывал какое-то направление.

Воины дивизии были уже знакомы с результатами фашистской оккупации. В 1943-м, когда пошли вперед, у многих появилось желание мстить, и оно с прохождением по освобождаемым территориям только усиливалось. В штабе был офицер, у которого семья погибла под Харьковом. Этот офицер имел неординарную внешность: носил кубанку, шашку, шпоры. Обычно он проводил допрос пленных. Вдруг, начиная с какого-то допроса, стал задавать им один и тот же вопрос: был ли тот под Харьковом. Если пленный давал утвердительный ответ, офицер тут же выхватывал шашку и рубил пленного. После повторения этих случаев офицера забрал Особый отдел, и в полк он не вернулся.

Дивизия находилась на Курской дуге в районе Прохоровки. Из расположения полка увидели, как на парашюте спускается немецкий лётчик. Решили взять в плен. Сели в машину человек пять, не больше, отец тоже. Это была крытая полуторка. Подъехали. Пилот отстреливаться не стал, совсем молодой, ранен в руку, прижимает её к себе, без шлема, блондин, в высоких ботинках, поверх которых выпущены белые шерстяные носки. Показали, чтоб он поднялся в кузов, но у него это никак не получалось: раненая рука мешала. Один из офицеров решил помочь ему и поддержал, чтоб посадить. Немец наотмашь ударил офицера по лицу. Стрелять в пилота не стали, столкнули здесь же рядом в открытый кем-то окопчик и закопали.

В 80-х услышал от отца рассказ о «синезупанниках». Молодёжь освобождаемых территорий сразу же призывалась в Красную Армию. Полевым военкоматам разрешено было зачислять их в строй и направлять в действующую часть без обучения, без выдачи обмундирования. Когда наши армии пошли на запад, так поступали везде, так было и на Западной Украине осенью и зимой 1944-го. Родители наскоро собирали парней, те надевали обычные для той местности тёмно-синие зупаны или кафтаны, а в вещмешок укладывали знаменитое украинское сало. Многие в первом же бою погибали, иногда недалеко от родного села, и на полях лежало много тёмно-синих бугорков. Солдаты знали, что там было сало, и этим пользовались. Грустная история. Позже, в 2009-м об этом призыве услышал от украинских СМИ. Представлено это было как спланированное уничтожение молодёжи западных районов Украины. Ведущая украинского ТВ почему-то их называла «чёрнорубашечниками», а о синих зупанах и сале речь, конечно, не шла, потому как журналистов там не было.

Освободили одно село. Небольшой немецкий гарнизон во главе с фельдфебелем сдался без боя. Наши солдаты за околицей обнаружили недогоревший стог, наверху горизонтально лежащую длинную лестницу, а под ней обугленные тела юноши и девушки. То есть те, кто это делал, прижимали края лестницы, пока мучились молодые люди. Солдаты схватили фельдфебеля и бросили головой под гусеницы проходящих танков. Бабушки, тётушки запричитали, мол, сынки, что вы наделали, он нас не обижал, шоколад детишкам давал, а те, кто натворил – они чужие, пришли и ушли, даже по-немецки не говорили.

Поздним вечером или в Румынии, или в Венгрии проходили мимо разрушенной мельницы. Услышали стон, зашли, осветили фонариком. Внутри обвалившийся потолок, кирпичи, металл, балки, брус. Под завалом кто-то стонет. Подошли, видят враг, он в бреду, ниже груди всё раздавлено, слышится запах разложения – помощь уже не нужна. Кажется, отец вытащил пистолет и, собравшись с духом, исполнил трагическую миссию.

Венгрия, январь 1945. Германские войска предприняли контрнаступление в районе озера Балатон. Немецкие танки прорвали боевые порядки дивизии на фланге, обошли и заходят в тыл. Дивизия вынуждена отступать. В распоряжении командования два-три десятка пленных, они в сарае. Принимается решение: противнику его солдат не оставлять. После выполнения приказа из-под порожка выбежали ручейки крови...

Ты можешь быть им

Мне за шестьдесят, тебе всё те же восемнадцать, а узнал я о тебе только в прошлом году. Вот уже более семидесяти лет лежишь ты с девчонками среди лесных просторов между озерами Селигер и Ильмень. Что оборвало твою жизнь: осколок немецкой гранаты, пуля, снаряд, а может быть, штык или выстрел в лицо раненому красноармейцу, как и тем девчатам-дружинницам, на заснеженном поле, оставленном врагу после ночного боя?

Вы рядом: ты, Иван, тебе 18 лет, москвичка Таня, ей 17-18, две Маши из Подмосковья, одной 21-22, другой 19-20 лет. Ты мог быть знаком с Татьяной, вы перед уходом на фронт жили недалеко друг от друга, в одном районе Москвы. Еще вчера, быть может, вы бродили по Лихоборскому переулку (Л-му проезду, набережной Л-го канала), а в это

же время на платформе станции Отдых или в Крюково могла ждать свой пригородный Маша в легком платье... Но война безжалостно вторглась в ваш мир, и вы остались навечно все вместе у деревни Островня и на листке донесения о безвозвратных потерях 371-го стрелкового полка.

В шестой колонке этого скупого документа ни у одного из вас не указано место призыва. Но если полистать, то поймешь, что павшие, занесенные в эти списки, пришли не по повестке, а по зову сердца в коридоры комитетов ВКП(б) Бауманского, Кировского и Красногвардейского районов. Чтобы записаться в свой батальон, теснились в очереди сосредоточенные или, нервно смеясь, соседи, друзья, близкие, коллеги, студенты, школьники – Родина в опасности! Среди них могли быть и Сережка с Малой Бронной, и Витька с Моховой. Потом, зимой 41-го, они, стоя в окопе и разглядывая звезды в морозном небе, выдыхая над собой пар, смешанный с табачным дымом, просто, чтобы посмотреть, откуда ветер, тихо рассмеются, догадавшись, что пересказывают один и тот же концерт, виденный ими в Парке Культуры. Затем начнут шепотом спорить, где наливают пиво повкуснее... Старая русская армия обладала небывалой стойкостью: ее полки состояли из бойцов, крещеных в одной или в соседних церквях, пахавших землю, которую может омыть дождем одна гроза, имеющих общую межу и общих предков. В 41-м страна надеялась, верила, что и ее добровольцы будут также стоять до конца.

Вам, Иван и Татьяна, осенью не было 18-ти, и если вы получили отказ в райкомах, то могли присоединиться к дивизии позже, на марше, в окопах, где было уже не до формальностей. И вы обе, Маша и та Маша, возможно, добились включения в списки полка, когда дивизия уже громила врага недалеко от вашего дома. Потому и пуста 6-я графа. Вы все в 41-м – добровольцы 3-й Московской коммунистической дивизии, вставшей на защиту Москвы, в 42-м – воины 130 стрелковой дивизии, сформированной из 3-й МКД и брошенной на ликвидацию Демянского котла.

Этот листок передо мной потому, что ты, Иван – Вознюк, Данилович, родом из Винницкой области, молод и можешь быть младшим братом моей мамы, ты – единственный с такими данными, найденный на сайте «Мемориал». Как мне тебя называть: дядя Ваня или Иван Данилович. Мама 22-го июня 41-го добровольцем ушла на фронт, была зенитчицей (Одесса, Севастополь, Кавказ), ранена, после войны не нашла родных, и не подскажет: вот уже сорок лет нет её рядом. Нет ответа с её родины. Пришли ответы из Центрального Архива МО, из архивов Москвы, из военкоматов Северного АО Москвы, от райкомов ВКП(б), где проводилась запись добровольцев в три батальона твоего полка, из военкомата Коврова, где в 42-м формировалась 130 СД, но нет

среди них новых, уточняющих данных. И ещё – всматриваясь в список, невольно спрашиваешь: Кто вы, «дружин.», и почему столько девчат?

Месяц назад мне стали известны воспоминания Гарри Горчакова-Баграйс, начавшего войну шестнадцатилетним снайпером. Ссылкой на страничку «Рядовой Родины» (*) поделился со мной его сын, Андрей. Он – внук русского офицера 67-й пехотной дивизии в Первую мировую, а я – внук русского солдата той же дивизии. Но то, что отец Андрея и ты, Иван, тоже воевали в одной дивизии, явилось полной неожиданностью для нас обоих. И эти воспоминания юноши, еще мальчика, добавили боли и горечи. Теперь мне известен путь твой от Москвы к Маревским лесам и к тому белому полю, и я могу видеть и слышать этот последний бой.

Из воспоминаний Гарри

Осенью 41-го районные комитеты ВКП(б), по батальону от каждого, приступили к формированию 3-й Московской коммунистической дивизии. Добровольцев приодели, выдали винтовки и отправили на Волоколамское шоссе. Дивизия заняла оборону за Тушинским аэродромом во втором эшелоне, ополченцы начали рыть окопы, им завезли гранаты, бутылки с зажигательной смесью. Затем последовали бои у Сходни, где в полосе дивизии, на участке фронта в 4 километра наступали 7 пехотных и 4 танковых немецких дивизий. Ополченцы должны были закрыть собою брешь в обороне, если бы она была прорвана. И так было, и не раз. Стоявшую впереди Панфиловскую дивизию, состоявшую из казаков и жителей Средней Азии, немцы «буквально смешали с землей», а прорывавшиеся танки встречали и уничтожали уже ополченцы.

Когда началось наше наступление, 3-я МКД стремительно дошла до Манихино Истринского района. Здесь ополченцев отозвали с передовой, привезли на Савеловский вокзал, погрузили в эшелоны и перебросили на Северо-Западный фронт. В районе станции Бологое дали немного отдохнуть, одели в теплое байковое белье, свитер, телогрейку (поддевку), шинель, маскхалат и валенки. В таком наряде особо не разбежишься, но он спасал от обморожений, когда пришлось позже спать на снегу, подложив под себя лишь еловые лапы.

В феврале 1942 года с полной выкладкой (лыжи на плечах, винтовка, запас патронов, гранаты и продукты на три дня) бойцы дивизии за трое суток прошли двести километров по глубокому снегу, причем лыжи несли на себе, чтобы походные колонны не растянулись на километры. Слабые на марше не выдерживали, падали замертво. Бойцы во время коротких привалов научились

спать стоя: расставят ноги, схватятся за ствол винтовки, обопрутся подбородком и мгновенно засыпают. Если засыпали на ходу, то падали, как подкошенные, а сверху лыжи и винтовка били по голове... Завершив марш-бросок, дивизия вышла в район Новой Руссы. Начались «жуткие» бои с окруженной немецкой 16-й армией... Осталась позади освобожденная Новая Русса, начались бои за Великушу, в километре от которой к югу – та самая Островня.

И вот, 1-го марта, ночью, полку, в котором воевал Гарри, предстояло брать Антаново. Бойцы поползли по бороздам в снегу, оставленным другими, теми, кто уже впереди... Кончился лес, пошло поле, за ним по склону вниз – к деревне. Когда, казалось, оставалось сделать только один бросок, начался сильный обстрел, соседи отступили, «...а мы – нет, пока нас всех не перебили. Лёся тоже тогда погиб. А меня в ногу ранило осколком и контузило. Когда я утром пришел в себя, слышу, как немцы кричат «коммунист, большевик» (у них тоже ведь разведка работает [знают, против них бывшая 3-я МКД]) и стреляют очередями: добивают раненых. Они [немцы] выскочили из ближайших домов, до которых было метров 150... А метрах в семи Зина Алешина лежит, сандружинница, ранена в обе ноги и руку. Чуть дальше – Яна. Зина плачет, зовет на помощь. Вдруг слышу, как рядом немец дышит, кричит «большевик», и – очередь. По моей спине что-то простучало – ну, думаю, пули меня перерезали. Потом чувствую, что живой, а это оказались [отлетевшие] мозги раненого бойца, который, видимо, присел, ничего не осознавая от боли и контузии. Немец дал ему очередь прямо в голову... весь маскхалат у меня был в крови... немец подумал, что я убит. Они потом переключились на девушек, стали их колоть штыками, издеваться. Через какое-то время, когда немцы отдалились, я повернул голову и вижу, что они начали валенки снимать с убитых и опять движутся ко мне. Понял, что снимут с меня и увидят, что я живой. Выхода нет, дай, думаю, поползу. И по той же бороздке, что оставил, пополз к лесу... Только отполз пару метров, слышу, немцы смеются над чем-то. Я замер. Потом пополз дальше. Что-то их опять развеселило. Так было трижды. Как я дополз до леса, до которого было метров триста, не знаю...»

Для тебя не имеет значения, кто ты мне: дядя Ваня или Иван Данилович, не это главное, ты можешь им и не быть. Мне знаком Тушинский аэродром, часто проезжаю Сходню и Бологое, теперь знаю, я должен прийти к тебе. Это только одно прикосновение к прошлому, а сколько их было, помимо меня, и сколько еще будет.

Не удержался, на сайте «Мемориал» сделал запрос на поиск данных на имя «Зинаида Алешина». В итоге получил доступ к документу 528-го стрелкового полка 130 СД, адресованному в Центральное бюро по учету персональных потерь в действующей армии, гриф «Секретно», вх. № 17340с от 25.07.42. Документ содержит сведения о воинах 528-го сп, «ранее числившихся в списках без вести пропавших и выявленных по документам и свидетельским данным как убитые в период боевых действий полка». Здесь на листе № 2 указаны и Зинаида Алешина, санинструктор, 1922 г.р., и Леонид Гриневский (Лёсик), сержант, командир отделения, 1924 г.р. и многие другие павшие в конце зимы 42-го. Почти у каждого в адресе, куда ушла похоронка – Москва.

По другим источникам известно также, что Гарри из всей роты вышел из боя один, что 528 полк вскоре попал в окружение.

Ознакомившись с этими данными, можно сделать выводы:

1. Деревня Антаново так и не была взята. Известно, что операция по ликвидации 16-й армии вермахта в Демянском котле была unsuccessful: торопились и не умели еще. Павшие 1.03.42, очевидно, были захоронены не ранее посевной и, скорее всего, местными жителями.

2. Вопреки расхожему мнению, документ доказывает, что и в военное время государство занималось выяснением судеб без вести пропавших воинов. Найденный окоп со следами боя, скорбные останки, медальон – не всегда «открытие».

3. За атакующей пехотой, не прячась, шли санитары, в основном, девушки. Вечная им память.

(*) «Рядовой Родины» см.: <http://www.ves.lv/article/124920>

Фиолетовый дурман

«Мне все фиолетово» - кредо пофигиста.

Даугавпилс, или Двинск, кем он был в Российской империи. Около часа на катере вверх по Западной Двине или Даугаве – и мы поднимаемся к развалинам Динабургского замка. Проходит время, экскурсия завершена – возвращаемся в город. Когда на правом траверзе оказалось местечко Науены, увидел, что по склону зелёного высокого берега выстроилась волнистая шеренга детдомовских ребятишек в одинаковых белых рубашечках и кофточках. Дети из иного мира усердно машут нам руками,

рады: мы их друзья, добрые дяди и тети. Зацепило сильно: я не заслуживаю их внимания и тепла, никогда не оправдаю их надежд.

В Крепости, в ДВВАИУ, военном инженерном училище, идёт подготовка к последнему для меня выпуску. Утром разговаривал со знакомым дежурным, от него узнал, что ночью в одном из кубриков общежития выпускники разбили купленный вскладчину телевизор: себе оставить не получается, значит, не достанься ж ты никому! Подумалось мне о детишках... И Вы вспомнили?!

Парад выпускников. У каждого молодого лейтенанта в кулаке мелочью отмерен год выпуска. Четыре колонны проходят мимо трибуны, и по сигналу четыре раза ввысь взлетает и звонко падает серебристый дождь... Снова вспомнили детишек?

На протяжении нескольких последних лет в телевизионных программах всей стране показывают красочное зрелище: то в одном городе, то в другом – парад выпускников и знакомый серебристый дождь. Вот мы и откусили от наливного яблочка, скрывающего в себе дурман... Если бы мог сказочный пёс вовремя пролаять: "Не смей!», может, выпускники и не разбили бы телевизор.

У каждого есть свои летние маршруты: а я сегодня утром сошёл на станции Тверца и направился за малиной. Вот уже поле осталось позади, за ним и впереди – лес, иду по дороге, справа небольшая деревня Олбово, вытянувшаяся по моему берегу вдоль Кавы, малой быстрой речки. Немного погода замечаю, чего раньше не было: у обочины поставлен из чёрного гранита невысокий крест и памятная плита со списком павших односельчан. Остановился. Деревенька маленькая, а список большой, и покоятся останки этих героев не у дома родного, а на всём бескрайнем пространстве от Волги до Эльбы и от Заполярья до Кавказа и Балкан. Ещё раз оглядел поле и лес, всматриваюсь в список. Мечтал и он, и он, и они все вернуться, взглядом охватить милые просторы, почувствовать ласковый ветер, жадно втянуть ноздрями дымок, в лесу и на поле поохотиться, пособирать грибы и ягоды, порыбачить одному или с сыновьями позади меня на камушках. Непременно так и должно было быть с ним во снах и наяву между боями, или когда метался он на госпитальной койке в бреду либо на израненной земле, преодолевая боль, пока сознание не покинет его. А сегодня эти лес, поле и речку могу видеть я, случайный прохожий, а он так хотел, ему так нужно было, но он – нет... Вот и подумалось, что самая благодарная, верная и дорогая память ему – наш мир, который нас с ним объединил, к которому прикасались его глаза и руки.

На первый взгляд «Георгиевская Ленточка» – важная патриотическая акция. Только руку протяни – на, получи и пристегивай, привязывай, покажи всем, что ты солидарен со страной и тоже не забыл, помнишь. А можешь на стекле написать: «Спасибо деду за Победу»: машина бегаёт – дань отдал, долг исполнил. Нет, ты ему об этом сам тихо скажи, если он жив, если нет, то у надгробья, у Вечного Огня или, глядя в Небо, скажи только губами и не стесняйся слезы. А лента священна! Место её там, где подвиг и кровь: на планках орденов и медалей, на древках знамен, на эфесах холодного оружия, на груди ветерана. Даже одна она – высокая награда. Теперь же мы видим её на антеннах авто, дворниках, ручках, зеркалах, радиаторах и как итог – жалкую, истерзанную, усыпанную табачным пеплом, а то и на асфальте, в грязи, под колёсами иномарок уничтоженную. Вам не показалось, что мы ещё раз откусили от того яблочка?.. Дальше – сон, забвение.

***

*Ещё закон не отвердел, / Страна шумит, как непогода.
Хлестнула дерзко, за предел / Нас отравившая свобода...*

Всё правильно, всё соответствует сегодняшнему дню, кроме, пожалуй, определения ситуации как «страна шумит». Ближе к нему – «народ безмолвствует...» А впрочем, в милом крае и вечера уже не те: теперь они «упоительные», с «хрустом французской булки», с «лакеями». В СМИ дежурный набор фраз: ...всемирная поддержка; ...просят нас об этом простые люди; ...нельзя лишать россиян права выбора. Умелые руки старательно лепят очередное яблочко. Обывателю приятно: о нём вспомнили. О нём, о простом, на ком Россия держится! Можно успокоиться и поспать ещё немного... Ну, а мы вспомним следующие две строчки:

Россия! Сердцу милый край! / Душа сжимается от боли...

Старина уходящая

Так похоже на солнечное зимнее утро начало этого ноябрьского дня! И кажется мне, что не смогу надыхаться морозной свежестью. Иду, разбрасывая носками ботинок сухой и пушистый снег. Его неожиданно много для этого времени: по щиколотку.

Для нашего отца этот день был особенно памятным: начало ликвидации под Сталинградом 6-й армии фельдмаршала Паулоса. Папа в послевоенной жизни ни разу не пропустил этот день, а мы с братом – его

суровые рассказы о войне... О морской пехоте, по ночам поднимавшейся в вечность по крутому обрыву на правом берегу Волги у переправы, о рёве «катюш» и несомлкаемых запахах орудий ранним утром 19 ноября 1942-го года... О сошедших с ума солдатах вермахта, встречавших наши атакующие цепи, о немецких гниющих госпиталях в разрушенных подвалах, о нескончаемых колоннах обмороженных пленных...

За плечом наградной «Заур» отца, стволы 49-го года из крупповской стали и ремень еще тот, с которым он сам ходил. Позади деревенька Сентюрино, лес уже рядом, и вот погружаюсь в его тень, иду в ста метрах в глубине вдоль опушки. Среди сосен торжественно и тихо, только нет-нет да гулко простучит дятел или выстрелом треснет дерево на морозе. Справа в просветах вижу яркое заснеженное поле. С той стороны длинными полосами проникает солнечный свет. Легкий ветерок, блуждая в вершинах, вдруг потревожит невесомую кухту. И тогда, радужными вспышками играя, протянется седая дорожка бесшумным водопадом и медленно растает, уходя в сторону. А в феврале все будет иначе: он зашумит, съезжая и увлекая нижние слои, так, что услышишь его шуршание метров за пятьдесят, и тяжело бухнет по насту или... за воротник! А вот и «утрешний» заячий след! Но нет, пока не хочу переключаться на него, не хочу так скоро покидать этот храм, который открыл для себя во второй половине жизни.

Пошли небольшие высотки, поросшие ёлочками. Иду то вверх, то вниз от одной к другой, отодвигая от лица припорошенные лапы и затем выгребая из перчаток с запястий снег. Когда спускался с очередного склона, услышал неясный шум. Движение чего-то живого, но не людей, не машин: странный шум, тихо и часто бухающий и шипящий. Остановился в ёлочках, присмотрелся – впереди и ниже изгибается участок дороги, уходя по пологому спуску влево. То, чего я пока не вижу, приближается ко мне справа со стороны Межево и находится за соснами, за поворотом...

Вот это да! Из-за бугра появляются и катят ко мне розвальни! Настоящие крестьянские розвальни – деревенские сани! Бежит рысью, семена, небольшая гнедая лошаденка в клубках пара, а в санях – мужичок. Да не просто мужичок! Он стоит на коленках, на голове ушаночка с клапанами взлет, в руках вожжи, и что-то вполголоса напевает. Они проехали чуть ниже и рядом, меня не заметили, повернули и скрылись за поворотом.

Такая награда мне – и за что! Да-а-а... За этим стоило тащиться ни свет ни заря, и еще как стоило! А когда я в первый раз их увидел? Ну, боярыня Морозова, та не в счет. Вспомнил! Мы приехали в отпуск из Германии в Половское, на родину отца. Валя, мой старший брат, в те дни, что мы провели в деревне, ходил в сельскую школу, а я нет. Значит, то

было под новый 57-й. Папа – он всегда в отпуск приезжал в форме – пока поезд стоял у перрона в Рязани, сходил к паровозу и попросил машиниста притормозить у родного села. Все так и вышло, и мы успели выгрузиться в снег на откосе, где нас поджидал дедушка на розвальнях. Мы погрузили багаж, упали на сено и тулупы, и лошадка, крутя хвостом и теряя по дороге каштаны, повезла нас по сельским улочкам к дому...

Зима в русской деревне... А запах!.. Неповторимый запах из смеси ароматов мороза, березового дыма из трубы, махорки, керосина, валенок, овчин, сена, конского навоза и всего прочего, без чего был немыслим деревенский быт. И именно зимой, потому что летом его заглушают ароматы садов и огородов, теплой земли, луговых и полевых трав, ласковый ветерок с реки. Запах малой родины – пусть не нашей, а отца – помнишь всю жизнь, и он приходит из прошлого, виновато улыбаясь: «а меня-то уж нет, брат...»

Махорочка... Её огонек тлел по углам в сельском клубе, когда мы, затаив дыхание, смотрели, сидя на полу, «Герои Шипки». Или когда, насыпав ее на ладошку, готовились к душевной беседе дед с соседом и не касались темы разговора до той поры, пока «козью ножку» она не заполнит до краев. Прикуривали, затягивались, перебрасываясь взглядами, и... теперь можно и поговорить. Весело потягивали её солдаты в курилке на скамье вокруг вкопанной металлической бочки. Может, от того и запах солдата в те времена был узнаваемый, сейчас-то он никакой. Подростком изредка её покурил и я с пацанами в подъездах, на рыбалке или в походах. А в последний раз вдохнул её аромат в октябре 84-го, когда проводили мы в последний путь нашего деда, унтер-офицера 268-го Пошехонского пехотного полка, Питерского красногвардейца, солдата Ленинградского фронта.

Столы были расставлены в саду под яблонями, которые он прививал и мне, малышу, стоящему у его правого плеча, рассказывал и показывал, как это надо делать...

Примерно через час в сад зашёл высокий, сутуловатый старик. Помянул деда Андрея и встал в сторонке. Старика звали Петром. В ту минуту он готовился сделать самокруточку. Пропустить? Ни в коем случае! Подходим с Валентином. Предлагаю взамен сигареты и прошу позволить нам покурить его табачку. Взял из его запаса бумажку, насыпал щепотками валик махорки, скрутил, склеил по всем правилам, прикурил... Есть в ней что-то родное... Со слов дяди Пети после ухода деда Андрея он стал самым старшим в селе. А еще от него мы узнали, что в Первую мировую он был солдатом Русского экспедиционного корпуса во Франции! С беззубым дядей Петей сдержано улыбнулись некоторым эпизодам из той жизни, и ещё тому, как он произнёс несколько французских слов, из которых мне запомнилось «мамзели».

Прошло сто лет с того времени, когда один русский солдат пылил сапогами по дорогам Белоруссии и проливал кровь в окопах под Сморгонью, а другой глотал немецкий газ в грязи под Верденом и Реймсом. А мне посчастливилось знать обоих: любить своего деда и обменяться рукопожатием с нашим земляком. Встречались наши взгляды, мои руки чувствовали и сохранили, пусть с ничтожной долей вероятности, тепло обоих, но я готов поделиться им. На самом деле мы не так уж далеко отошли во времени, связь есть. А мы сегодня хотим ли, стремимся ли сохранить её?

Как-то натолкнулся в Интернете на рекламу продаваемым участкам в «уютном» месте, в селе Половское, и почувствовал неясную тревогу... Неожиданно в начале лета прошлого года, спустя тридцать лет, смог побывать в нём. Строятся городскими из Москвы и Рязани коттеджи, закатываются в асфальт деревенские улочки, устроены свалки на «поляне» за насыпью. Ока обмелела, весеннего разлива нет, косы одичали, пляжей нет. Родовой дом поделен, ручей Клем высох. Было в селе акушерское отделение, была средняя школа, клуб. Сегодня ничего этого нет. На поляне не пасутся стаи гусей, нет сельского и колхозного стада и табунов, да и колхоза нет. Местные мужики спиваются. Сельская русская община уходит в небытие. Кто так решил? Почему она больше не нужна?

Памятник павшим землякам восстановлен. А иначе никак, иначе стало бы мерзко, стыдно и нестерпимо больно всем нам: и новым, и старым.

Литературно-художественное издание

Виктор Алексеевич Калинин

Ничего лишнего – только проза

Повести и рассказы

Подписано в печать 01.05.2019 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 19,53. Тираж 200 экз. Заказ № 11.

Отпечатано: Издатель Кондратьев А.Н.
170024, г. Тверь, пр. Ленина, 81/1.
Тел./факс: 8(4822) 44-57-08, моб.: 8-903-630-42-50.
Эл. адрес: 445708@mail.ru

Цифровая типография «Принт-Копи»
www.принт-копи.рф

То, что появилось чуть позже

Диплом

<https://kniga-goda.org/results2020.html>

Май 2020

Бабочка

Питер. Белые ночи. О прошедшей грозе напоминали хмурое небо, лужи и далёкие раскаты грома. К остановке подъехала маршрутка, из неё вышел парень, подал руку, показалась девушка в очках и со скрипкой в футляре. Парень подхватил её на руки, девушка нежно посмотрела на него и поцеловала в щёку. Выйдя на сухое, парень осторожно её поставил.

Ему – лет двадцать. Он высок, хорошо сложен, спокоен и надёжен. Ей – лет семнадцать-восемнадцать. Она, как девочка: не высока, стройная, легка, смешлива и доверчива. Девушка сняла очки, теперь они будут висеть на шнурке – с этой минуты у неё есть верный спутник. Молодые осмотрелись и побежали к входу на станцию метро, здесь он купил цветы, передал спутнице, а у неё взял скрипку.

Держась за руки, они вошли в метро, встали на эскалатор, спустились, вышли на платформу. Остановился поезд, следующий до станции «Адмиралтейская». Двери открылись, молодые люди вошли, сели, всё также улыбаясь и держась за руки. Вдруг парень заметил под потолком порхающую Бабочку, показал спутнице.

– Ага-а-а! Прелесть!.. Как она сюда попала?.. Бедняжка, – предсказуемый финал вызвал грусть. Неожиданно Бабочка снизилась и села ей на грудь. – Ой! – девушка опустила голову, любуясь.

Никто из пассажиров, кого мог привлечь разговор, судя по их реакции, Бабочку не видели. Они вслед за молодыми оглядывали потолок, смотрели на их лица, руки – но нет, не видели.

Парень снял бейсболку, установил перед Бабочкой козырёк, та переползла. Сидела она спокойно, чуть шевеля усиками, но вот подняла крылья, и тут же раздались далёкие раскаты грома. Парень прислушался, посмотрел на пассажиров, видно было, что те ничего не слышали. Бабочка опустила крылья, установилась тишина.

– Ты слышала? Но откуда здесь может быть гром?

– Слышала! Этот гром совсем не тот, что на улице.

– Верно.

Они продолжали наблюдать за Бабочкой: поднимет та крылья – слышны далёкие раскаты, опустит – наступает тишина. Молодые люди посмотрели украдкой по сторонам – одни заняты своим делом, другие с любопытством поглядывают на них. Вдруг девушка встрепенулась.

– Послушай!.. Только не смейся!

Парень свёл брови к переносице и кивнул пару раз. Девушка надула губы и сделала вид, что обиделась. Он рассмеялся, обнял, поцеловал в висок, она вздохнула и продолжила вполголоса, как бы по секрету:

– Эти раскаты – Гром Небесный!

– Умница! – ответил он нежно. – Давай никогда не расставаться. – Увлекаясь, продолжил: – Я буду твоим импресарио. Столько

неразгаданных тайн нас ждёт впереди: Бермудский треугольник, чёрная материя... С твоим талантом – это Клондайк!

– Мешаешь сосредоточиться... – она не стала обижаться, ещё раз вздохнула. – Бабочка – это звено в цепочке длиной в миллиарды лет. Цепочка протянулась к нам из бездны веков, от простых одноклеточных. Нигде не оборвалась, ты понимаешь?

– Выходит, у нас с ней может быть общий предок!

Девушка бросила в его сторону строгий взгляд – шутку не оценила, с горечью продолжила:

– Ей суждено оборваться здесь, под землёй, в метро, у нас под ногами!

– Нет, катастрофы мы не допустим, – сказал он решительно. – Возьмём с собой и выпустим в Александровском саду.

Своим дыханием парень направил Бабочку в середину бейсболки и из неё сделал убежище.

Поезд остановился, голос диктора объявил: «Станция Адмиралтейская». Двери открылись, молодые люди поднялись и покинули поезд. Пассажиры в вагоне с подозрением посмотрели им вслед, делясь впечатлениями.

Они вышли из метро. Дождь прекратился, небо – чистое. Парень улыбнулся.

– Погода – это второе чудо! Загадывай желание, одно на двоих, хорошо?

Девушка зажмурилась, перебирая пальцами, будто по клавишам пианино, открыла глаза, увидела немой вопрос, от ответа игриво уклонилась и потянула парня за собой. Разговаривая, они пошли в сад сначала по Малой Морской, затем свернули на Гороховую. Решили выпустить Бабочку на свободу у памятника Пржевальскому. Парень раскрыл бейсболку, девушка осторожно подула на Бабочку, та выползла на козырёк, сделала взмах крылышками и, порхая, исчезла в кронах деревьев.

За Невою затрещало, забухало. Молодые обернулись на звуки, там искрились вспышки и сияние праздничного салюта. Держась за руки, они побежали в сторону Сенатской площади. На полпути девушка высвободила руку, встала на бордюр, прошла несколько шагов, балансируя, как «Девочка на шаре» у Пикассо. Вспомнила о цели, соскочила, схватила спутника за руку, они вновь побежали, а оказавшись на площади, вдруг замерли, парень – в недоумении.

– Ба-а-абочка, – надевая очки, прошептала девушка. Когда в небе угасал очередной взрыв бушующих огней, появлялся и медленно таял искрящийся контур Бабочки размером с «ковш» Большой Медведицы: крылья, усики, и всё это собрано из разноцветных вспышек и огней

фейерверка! Она захлопала в ладоши, парень обнял её, опустил голову, вдохнул запах девичьих волос и сказал тихо-тихо на самое ушко:

– Бабочка – это ты...

Май 2019

Причуды Навигатора

Встречайтесь глазами

Оба крыла в старом здании университета занимают аудитории, исполненные в античном стиле, амфитеатром. Сегодня утром в одной из них не слишком высоко расположился Алексей. Перед ним, как у большинства студентов, лежал смартфон, рядом, на сиденье – куртка, под ней городской рюкзак. Из соседнего сектора, что занимала параллельная группа, на него нежно смотрела, подперев щёчку кулачком, Люба. Среди подруг она малозаметна, но придирчивый взгляд отметит, что девушка мила, опрятна и одета со вкусом.

Люба больна. Эта болезнь: дышать неровно к лицу другого пола, поразила её неделю назад. А началось с банальной чепухи: она немного опоздала на лекцию по философии, хорошо, преподаватель разрешил присутствовать, и она, не выбирая, заняла первое свободное место, попавшееся ей на глаза. До перерыва Люба сидела за Алексеем и, слушая о Канте, разглядывала завитки волос на его шее и макушке, лёгкий пушок на щеках, руки, уши, т.е. всё то, что попадало на глаза. Между тем голос лектора сделал своё дело – Люба прилегла щекой на кисти рук и погрузилась в мечты. В реальность вернул тонкий аромат чистого тела и туалетной воды, и уже скоро Люба его ловила, затеяв игру: она искала в нём мужские нотки и давала им своё описание. В общем так: с этого часа Алексей ей нравился, и не последнюю роль в том сыграли её фантазии.

Прозвенел второй звонок, забежали, засуетились студенты. Бодро вошёл преподаватель, закрыл за собой дверь, оглядел аудиторию, что-то пробормотал и направился к кафедре, кивками обозначая секторам поклонны. Шум стих.

***

На кухне, за столом – бабушка и дедушка. Обед подходил к концу. Бабушка встала и убрала со стола пустые тарелки. В прихожей щёлкнул замок. Спиной вперёд, закрывая за собой наружную дверь, вошёл Алексей. На голове – капюшон, за плечами – рюкзак, перед собой он

держал бликующий смартфон. Развернулся и негромко, не поднимая глаз, заявил о прибытии:

– Привет!

– Без навигатора дорогу домой уже найти не можешь, – с иронией отметил дедушка.

– Ну, что ты, дед, цепляешься! – укорила бабушка и добавила ласково: – Лёшенька, раздевайся, мой руки и быстро за стол, пока не остыло.

– Ща, ба! – ответил Алексей, раздеваясь. – Как смешно, дед! Здесь не только навигация, здесь теле, радио, видео, учебные и познавательные программы, справки, новости. Подари себе на юбилей.

Алексей с рюкзаком прошёл в глубину квартиры. Дед взял пульт, включил телевизор. Бабушка себе и ему поставила чай, внуку – тарелку с горячим. Появился Алексей, показал чистые руки, достал из кармана смартфон и положил на стол, сел.

– Савелий Крамаров отдыхает, – усмехнулся дедушка, откусывая от пирожка.

– Всем приятного аппетита! – шевельнув бровями, пожелал Алексей. – У тебя, дед, все ассоциации только с любимым прошлым.

– Спасибо! И тебе приятного, – пожелала бабушка.

Дедушка, присоединяясь, кивнул и, прожёвывая кусочек, добавил:

– Твой интернет-заказ привезли. Упаковку я снял, а собирать бабушка не разрешает, хочет, чтоб ты сам.

– Конечно! – пояснила бабушка: – Мы так с Лёшей договаривались, пусть учится... Надо будет, позовёт, не переживай.

Дедушка и бабушка перешли в гостиную. Он смотрел ТВ, она вязала, поглядывая на экран поверх очков. После обеда прошло около часа. Из комнаты Алексея периодами доносились постукивание, звуки падения предметов, чей-то голос. Промежутки увеличивались. Дедушка, показывая на часы, поднялся.

– Пойду, посмотрю.

– Будь поласковой.

В комнате, где проводилась «отвёрточная» сборка, на полу лежали детали будущего стола, фурнитура, смартфон, в стороне – монитор и системный блок. На коленях стоял Алексей и слушал смартфон, откуда доносились советы блогера. В дверях появился дедушка, заметил нетронутую схему сборки, вздохнул:

– Даже не разворачивал, Кулибин. – Алексей, поморщился:

– Кому она сегодня нужна. Есть видео, есть мастер-класс.

– Однако вижу, мастер тебе плохо помогает. – Дедушка взял пару, образующую мебельную стяжку. – Смотри: это стяжка. Винт вкручивается в отверстие на одной детали, – дед вкрутил, – а эксцентрик вставляется в большое гнездо на второй детали. На эксцентрике есть стрелка, смотри, – показал дед...

В гостиной бабушка продолжала вязать, ревниво прислушиваясь к голосам мужчин. Зазвонил мобильный, бабушка взяла, нажала кнопку:

– Да! Слушаю Вас. – Пауза. – Здравствуйте. – Пауза. – Да, заказывали. – Пауза. – Ох! Огромное спасибо! И когда можно получить? – Пауза. – До свидания.

Бабушка положила телефон и повернула голову ухом к комнате внука, где дедушка завершал сеанс обучения: – ...которая образует спираль. Эксцентрик захватит ею головку и потянет винт к себе. – Слышно, как дедушка запыхтел. – Вот так! Возьми силовую, эта не годится... Ну, работай! Открой окно. Позовёшь, если что...

Дедушка вернулся в гостиную, бабушка встретила его улыбкой и поделилась новостью:

– Только что звонили из льготной аптеки: лекарство привезли, можно забрать. Ты не сходишь? – Реакция дедушки была предсказуема:

– С удовольствием! Но развивать в себе чувства сострадания к больным и немощным надо, в первую очередь, внуку. Во-вторых, ему полезно двигаться! Он ночью на связи то с Камчаткой, то с Сахалином, а днём мы на цыпочках. Безоговорочно, – вперёд!

– Ох, дед... Но только я сама его попрошу.

Наконец, стол поставлен на место. Алексей навёл порядок, установил компьютер, сел в кресло, осмотрелся довольный, позвал:

– Де-ед!.. Ба-а!..

Зашёл дедушка, следом бабушка, прижимая к груди листок. Внука сразу не заметила:

– Звал, Алёша? – Увидела – Ух, ты! – Алексей встал. – Бабушка подошла, обняла, поцеловала. – Какой ты молодец! – Украдкой показала дедушке листок, тот кивнул. – Лёшенька, полчаса назад звонили из льготной аптеки: привезли лекарство для меня. Будь добр, сходи, получи.

– Нет проблем, Ба!

– Весь в меня, – гордо пошутил дед: – Когда я был маленький... – Но за него завершила бабушка, добавив: – с кудрявой головой, – и коротким жестом отмахнулась.

– Алёша, вот рецепт и адрес.

Дед заторопился: – Погоди, мигом план набросаю.

Алексей поморщился: – Не надо! У меня смартфон.

– Твой лучший друг Навигатор? Всё-то у вас не так! Надо ж уметь и по схеме: мало ли. Хорошо, когда на корочке записан ТриДэ-образ окружающего...

– Ты дай ему ещё компас в дорогу! Иди уж, не мешай!

***

Из подъезда длинной многоэтажки вышла Люба. Услышала, как хлопнула дверь соседнего подъезда, и под козырьком появился Алексей, провёл со смартфоном какие-то манипуляции, поправил наушники и осмотрелся. Люба непроизвольно улыбнулась, но он её не заметил, спустился на тротуар и направился в ту сторону, куда шла Люба. Люба изменилась в лице и, не ускоряя шага, гордая и неприступная, последовала за ним.

Неожиданно Алексей притормозил, посмотрел на очередной подъезд, на смартфон, пожал плечами, вошёл и вызвал лифт. В кабине, следуя инструкции, нажал кнопку в верхнем ряду. Застонала лебёдка, скоро стихла, двери открылись, Алексей вышел на площадку, покрутился и поднялся по лестнице на два этажа. Следуя предписанию, вызвал лифт, спустился и вышел из подъезда. Подумал, убрал смартфон и снял наушники.

К подъезду, не глядя на него, подходила Люба. Он спустился на тротуар и сделал несколько шагов ей навстречу. Оба остановились. У Алексея была небогатая практика общения с незнакомыми людьми, тем более, просить их о чём бы то ни было. Своё стеснение или неловкость он скрывал, делая лишние движения либо разглядывая окружающее пространство, а может делать и то, и другое одновременно.

– Добрый день!.. Помогите, пожалуйста! Смартфон мой глючит. Как пройти к аптеке, где отпускают льготные лекарства? – Алексей достал листок. – Вот адрес.

Нетерпеливо переступая, он смотрел по сторонам. Люба заглянула в листок, подняла глаза и тут же опустила.

– За углом того здания. – Показала. – Слева будет вывеска, над ней – радуга. – Добавила с иронией: – Радуга может сбить с толку – сообщество не там.

– Спасибо! – Алексей убрал листок.

Люба, потупя взор, аккуратно его обошла и продолжила путь. Алексей её обогнал и вышел на указанный маршрут. Что-то заставило его обернуться, затем ещё раз: «Хорошая девочка, всё при ней. Встречал вроде, но где?» Люба шла, по-прежнему, устремив взор в точку перед собой.

Алексей возвращался из аптеки тем же маршрутом. Остановился у того же подъезда. Он сделал несколько кругов, присел на скамейку,

наохлившись, огляделся. Встал, вздохнул и, склонив голову, направился к своему подъезду.

***

Следующее утро в аудитории начиналось, как обычно. С небольшим опозданием вошёл Алексей, в руках смартфон. Люба на том же месте, одета в светлое, нарядней и причёска. Увидев его, вытянулась, в глазах мелькнула искорка: «Я – здесь! Оторвись от смартфона, посмотри на меня!» Алексей остановился у своего ряда, приподнял голову, окинул взглядом товарищей.

– Всем – привет! – прошёл на место и скинул на стол рюкзак.

Люба надула губы, отвернулась и подставила под щёку кулачок. Она так и не увидела, как Алексей неожиданно замер, нахмурил брови и ещё раз оглядел товарищей, в том числе её сектор, расслабился, сел и переложил рюкзак на сиденье рядом. Прозвенел второй звонок.

***

Люба вышла на лоджию, облокотилась на перила, зажмурилась. Но недолго она испытывала покой и умиротворение, вспомнила о делах. Посмотрела вниз, увидела, как из соседнего подъезда вышел Алексей, в руке – смартфон, на голове – наушники, спустился на тротуар и бодро пошёл по направлению к месту их вчерашней встречи. Вдруг остановился, обернулся и несколько секунд всматривался в ту сторону, откуда вчера появилась Люба.

Люба засуетилась, быстро оделась и выбежала из квартиры. Она так спешила, что даже не заметила, как оказалась на улице. Впереди, не очень далеко, шёл Алексей. У приметного подъезда он притормозил, посмотрел на смартфон и вошёл в подъезд. Люба, замедляя шаг, приблизилась и остановилась. Скоро из подъезда вышел Алексей, а Люба тут же продолжила движение. Он её заметил, облегчённо вздохнул, улыбнулся и пошёл навстречу. В двух шагах оба остановились.

– Вы не поверите, а я вас ищу!

– Опять навигатор шалит?

– Да нет... – Чуть-чуть склонил голову: – Здравствуйте!

– Мы уже виделись, Лёша. Конечно, здравствуй.

– Н-не понял... – смутился он и тут же: – Алексеева! Не узнал, счастливой будешь. А как тебя зовут? Ты уж прости, мы ж в разных группах.

– Люба, – тихо ответила она.

– Прикольно! Будущее, как на ладони.

– Моё? – ещё тише спросила Люба.

Алексей спрятал навигатор и положил Любе руки на плечи. Люба сделала полшажка навстречу, но он не заметил.

– Нет, наше! Прикинь, Алексей в тебя, типа, влюбился!

– О чём ты? – Щеки Любы стало заливать пунцовой краской.

– Ты – Алексеева Любовь, т.е. моя любовь. Вот и говорю: «как на ладони».

– Не шути так больше...

Люба прижала ладони к горящим щекам, погладила. Алексей немного подумал и убрал руки с её плеч.

– Ладно, договорились. Но если что, скажи, и мы избавимся от страшного проклятия. – Поискал её взгляд. – Пойдем, погуляем, есть время? – Люба прикрыла глаза и кивнула.

Они прошли немного вместе, Алексей улыбнулся и поделился мыслью:

– Думаю, Навигатор специально уводил меня с маршрута, чтоб я тебя дождался... Чем не игры искусственного разума? – Им стало весело, так они и шли рядом, шли и смеялись.

Декабрь 2019